

ОГПУ ПРОТИВ РОВСС

Тайная война в Париже. 1924 – 1939 гг.

XX военные
тайны
века

А.С. ГАСПАРЯН

Annotation

В этой книге военный историк А.С. Гаспарян рассказывает о совершенно неизвестных широкому читателю страницах истории Белого движения и русского зарубежья. Основное внимание уделено становлению Русского общевоинского союза (РОВС), биографиям его лидеров и активных деятелей. Фактически впервые в отечественной историографии предпринята попытка разобраться, что же представляла собой контрразведка РОВС, таинственная «Внутренняя линия». Автор рассматривает взаимоотношения РОВС с другими военными и политическими организациями русской эмиграции, прослеживает этапы борьбы советских спецслужб против РОВС, включая похищение генералов А.П. Кутепова и Е.К. Миллера, повествует о драматической судьбе легендарной певицы Н.В. Плевицкой и, наконец, делает сенсационный вывод: прославленный белый генерал Н.В. Скоблин никогда не являлся — вопреки устоявшемуся мнению — агентом советской разведки.

- [А.С. Гаспарян](#)
 -
 - [ПРЕДИСЛОВИЕ](#)
 - [ЧАСТЬ I.](#)
 - [ГЛАВА 1.](#)
 - [ГЛАВА 2.](#)
 - [ГЛАВА 3.](#)
 - [ГЛАВА 4.](#)
 - [ГЛАВА 5.](#)
 - [ГЛАВА 6.](#)
 - [ГЛАВА 7.](#)
 - [ГЛАВА 8.](#)
 - [ЧАСТЬ II.](#)
 - [ГЛАВА 1.](#)
 - [ГЛАВА 2.](#)
 - [ГЛАВА 3.](#)
 - [ЧАСТЬ III.](#)
 - [ЧАСТЬ IV.](#)
 - [ГЛАВА 1.](#)
 - [ГЛАВА 2.](#)

- [ГЛАВА 3.](#)
 - [ЧАСТЬ V.](#)
 - [ПОСЛЕСЛОВИЕ](#)
 - [ПРИЛОЖЕНИЕ 1](#)
 - [ПРИЛОЖЕНИЕ 2](#)
 - [БИБЛИОГРАФИЯ](#)
 - [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)
-

А.С. Гаспарян
ОГПУ против РОВС.
Тайная война в Париже. 1924-1939 гг.

XX *военные*
тайны
века

Посвящается В. Ч.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Нас жизнь уносит понемногу,
Но чувство локтя знаем мы,
Сбираясь в вечную дорогу,
Тесней сомкнем свои ряды.
Немного нас, но и не надо,
Мы доживем своей средой
И в день последнего парада
Нас ждет могучий мертвый строй.

Константин Бертье дела Гард

90 лет, отделяющие нас от Гражданской войны, должны были бы расставить все точки над «і». Показать настоящих героев, хотя в смутное время таких не бывает. Обличить негодяев, которые именно в этих условиях и стремятся выбиться в герои. Доблесть должна воспеваться, подлость — осуждаться. Так было всегда. Но Россия снова пошла своим путем. На многие вопросы вразумительных и полностью исчерпывающих ответов до сих пор так и не получено.

О русской эмиграции, покинувшей Родину после Гражданской войны, сегодня известно почти все. Сотни воспоминаний и тысячи статей, опубликованные за последние 16 лет, казалось бы, не оставили «черных» пятен. Но это только на первый взгляд. Существовала организация, о которой даже большинство изгнанников не имело ни малейшего представления. А между тем, «Внутренняя линия» контролировала каждый их шаг. Деятельности тайной контрразведки Русского общевойскового союза не посвящают исследований. Не потому, что тема эта неинтересна. Просто о ней до сих пор ничего толком неизвестно. «Линейцы» унесли большинство своих тайн в могилы. Даже сегодня, спустя 70 лет, автору не удалось получить для публикации групповую фотографию контрразведчиков в Болгарии. «Преждевременно!». Получив такой ответ, я даже не удивился. Что говорить о фотографии, если сегодня мы даже не знаем точно, кто возглавлял эту организацию? В различных документах фигурируют фамилии Шатилова, Абрамова, Фосса, Закржевского, Ларионова, Орехова. Но кто из них? Увы, и это тайна, узнать которую пока

не удалось.

Те, кто пытался узнать подробности работы «Внутренней линии», неожиданно тяжело заболели или трагически умирали. Достаточно вспомнить более чем странную кончину В.Г. Бортневского, о чем открыто говорят немногие живущие сегодня ветераны Белого движения. И все-таки рискну, хотя и слышал мнение, что организация функционирует до сих пор.

Приходилось буквально по крупичкам собирать информацию о таинственных «линейцах», изучить сотни источников, чтобы составить по возможности объективную картину деятельности контрразведки в первые пятнадцать лет ее существования и самое главное — в момент похищения председателя Русского общевойскового союза генерала Миллера. Результат этой долгой и кропотливой работы перед вами.

Прекрасно понимаю, что эта книга заденет многих. Доказывая, что Николай Владимирович Скоблин не был агентом советской разведки, я переступил грань. Никто и никогда не пытался поставить это под сомнение. Но не думайте, что, разрушая очередной миф советской истории, автор испытывал чувство глубокого удовлетворения. Эта книга опустошила меня. До сих пор мозг переполнен документами Русского общевойскового союза 1930-х годов. Я сам словно прожил жизни главных героев. Держать это в себе долго невозможно. Я должен был написать эту книгу.

Это был как раз тот самый случай, столь точно обозначенный Платоном: «Большинство всегда заблуждается». Сегодня, если речь заходит о Скоблине, все единодушны. Какие только обвинения не сыпятся на генерала. Удивительное согласие демонстрируют коммунисты, националисты и демократы. Корниловский генерал, дескать, активный участник похищений двух руководителей РОВСа — Кутепова и Миллера. Именно он предоставил Сталину убийственный компромат на Тухачевского, а значит, он главный виновник кровавой ежовщины. Но, до того как перейти на службу к большевикам, Скоблин лично предал государя императора, изгонял монархистов из рядов белых армий, брал деньги у мировой закулисы...

Об одном из самых прославленных генералов сегодня вообще мало что известно. Никого не интересует его борьба с большевиками. Гораздо значимее работа на НКВД. И таинственное исчезновение из Парижа в сентябре 1937 года. И смерть, как плата за предательство, правда, до сих пор непонятно где произошедшая: то ли в Испании, то ли в Москве.

Опорочен не только Николай Владимирович Скоблин. Опорочена русская доблесть, честь немногочисленных добровольцев, олицетворением которых был корниловский генерал. Вспомним, что писал первопоходник

Критский: «На помощь были направлены три роты, общей численностью 160 человек, под командой Скоблина. Эрдели стал объяснять обстановку. “Ваше высокопревосходительство, все равно ни зги не видно, просто укажите рукой точное направление противника сказал Скоблин. Генерал указал. Раздалась тихая команда: ”Интервал три шага. От середины в цепь! Вперед!” Бесшумно поползли к окопам. “В штыки! Ура!” — крикнул Скоблин. Корниловцы подхватили так неистово, что заглушили стрельбу. Паника захлестнула большевиков. Обезумевшие толпы, в несколько тысяч человек, уже ничего не соображали».

И таких незаслуженно забытых примеров истинного проявления русского воинского духа можно привести десятки.

Скоблин оставил после себя совсем другую память, которая взрастила множество мифов. Прежде всего, это судьба его жены, легендарной певицы Надежды Плевицкой. Дескать, «Курского соловья» вступившие в 1940 году в Париж немцы то ли расстреляли, толи вообще привязали к двум танкам и разорвали ими надвое.

И вот теперь готова взорваться информационная «бомба». Книга, в которой сведены воедино все существующие документы и свидетельства о «Русской войне в Париже». Книга, которая убедительно доказывает — Скоблин пал жертвой несправедливых обвинений. А это значит, что надо пересматривать все многочисленные домыслы, которые вот уже семьдесят лет громоздятся вокруг самой успешной операции советской разведки.

Эта книга первая попытка показать не мифологизированного Скоблина, а такого, каким он запомнился русской эмиграции. Никогда не предпринималось даже попыток сделать что-либо подобное. Категоричность суждений не может считаться истинной. Да и судить о делах, как писал когда-то вице-канцлер Алексей Бестужев, должны не современники, а потомки.

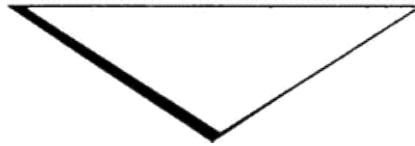
Я отдаю себе отчет, что это не всем понравится. И готов увидеть работы других авторов, которые будут пытаться опровергать, высмеивать или просто ругать мои выводы. Но надеюсь и на тех, кто найдет дополнительные детали, отметит оставшиеся за кадром события, вспомнит забытые факты. И вместе нам удастся ввести в исторический оборот подлинного Николая Владимировича Скоблина. Человека, ставшего в 26 лет генералом. Возглавлявшего старейший полк Добровольческой армии. Познавшего сладостные мгновения триумфа и испившего до дна горькую чашу поражений и потерь, Ушедшего из жизни еще не старым человеком с ужасным клеймом «предатель».

Всё это будет, обязательно будет. И «виной» этому станет книга,

которую Вы, уважаемый читатель, держите сейчас в своих руках.

Когда-то Петр Николаевич Краснов написал рассказ «Венок на могилу неизвестного солдата Императорской Российской армии». Пусть эта книга станет венком на могилы чинов Русского общевойскового союза. Они не заслужили о себе добрых слов на Родине при жизни. Так не пора ли воздать им должное хотя бы после смерти?

Автор выражает огромную признательность И.А. Марченко и Н.В. Вишневному, без чьей поддержки и помощи этой книги никогда бы не было.

ЧАСТЬ I.
ОТ «ДОЛГА РОДИНЕ» ДО
«ВНУТРЕННЕЙ ЛИНИИ»

ГЛАВА 1.

Скоблин и Плевицкая. Русская армия в Галлиполи. Первые гастроли Плевицкой. Отстранение Скоблина от Корниловского ударного полка

Начинать историю контрразведки Русского общевойскового союза, больше известной как «Внутренняя линия», нужно с 1917 года. Переворот, а именно так и называли Троцкий с Лениным свою революцию, вверх страну в пучину Гражданской войны. Первыми поднялись на борьбу с III интернационалом Лавр Георгиевич Корнилов и четырех тысячная Добровольческая армия. Ее основа — Корниловский ударный полк. Одним из его командиров был штабс-капитан Николай Владимирович Скоблин, будущая легенда всего Белого движения и, пожалуй, самый известный чин «Внутренней линии». Скупые строчки биографии — «Участник Первой мировой войны. В 1914 году — прапорщик 126-го пехотного Рыльского полка. В 1917 году — штабс-капитан, вступил в 1-й ударный отряд. Командир роты, командир батальона...» — не способны передать значения Скоблина.

Молодой офицер запомнился многим еще до того, как Добровольческая армия отправилась в свой Ледяной поход. В конце января 1918 года, отступающие от Таганрога красные расстреляли бригаду железнодорожников. Живот одного из них был распорот саблей. В его рот были засунуты окровавленные гениталии. На обнаженной груди лежала фотография, на которой были изображены двое молодых людей в форме с надписью: «Нашему дорогому папе».

Как раз в этот момент прибыл вагон, который привез человек двадцать большевиков, взятых в плен на соседней станции. Вперед вышел один из юнкеров, как потом выяснилось, сын убитого железнодорожника. Прежде чем кто-нибудь успел его остановить, он разрядил свой карабин в толпу. Его разоружили, и он с рыданиями повалился на землю. Скоблин попытался успокоить безутешного юношу, которому едва исполнилось 18 лет: «Мы отомстим за твоего отца, можешь на меня положиться! Даю тебе слово чести!»

С Добровольческой армией Николай Владимирович был в двух

Кубанских походах, наступал на Москву, эвакуировался из Крыма. Боевой офицер, он по приказу Врангеля был произведен в генералы. Бывший доброволец Димитрий Лехович писал спустя годы: *«Небольшого роста, худой, хорошо сложенный, с правильными, даже красивыми чертами лица, с черными, коротко подстриженными усами, он производил бы вполне приятное впечатление, если бы не маленькая, но характерная подробность: Скоблин не смотрел в глаза своему собеседнику, взгляд его всегда скользил по сторонам. Человек большой личной храбрости, Скоблин имел военные заслуги и в то же время значительные недостатки. Он отличался холодной жестокостью в обращении с пленными и населением. «Но в суровые дни и однополчанам, и начальству приходилось прежде всего считаться с воинской смекалкой Скоблина, закрывая глаза на его недостатки».*

Корниловцы, уже в эмиграции, вспоминали такой случай. Однажды их колонну из ста человек обогнал броневик Дроздовской дивизии. Вышедший из него офицер обратился к Скоблину с вопросом: «Где остальные ударники?» «Вот все, что осталось от полка», — печально бросил Николай Владимирович и тут же приказал своим офицерам готовиться к атаке. Уже тогда он пользовался таким непререкаемым авторитетом, что позволял себе выговаривать даже своему непосредственному начальнику, генералу Кутепову. Полковник Левитов в своих воспоминаниях «Корниловский ударный полк» привел весьма показательный пример:

«Полковник Скоблин поехал разыскивать штаб корпуса. По дороге он встретил молодого адъютанта, причисленного к Генеральному штабу. Капитан передал начальнику дивизии в конверте приказание командира Добровольческого корпуса. Скоблин пробежал приказ и весь побледнел. Выпустив трехэтажное ругательство, он набросился на капитана: «Как, приказ об отходе моей дивизии вы доставляете мне только сегодня? Почему вчера не доставили его мне? Из-за вашей трусости у меня убитых только 600 человек! Расстреливать таких офицеров!»

Скоблин помчался к Батайску. Штабной поезд медленно отходил. «Задержать поезд!» — закричал Скоблин. Поезд остановили. Вне себя он вскочил в вагон командира корпуса. «Николай Владимирович, — это ты? Слава Богу! Твоя дивизия цела?» Кутепов обнял Скоблина и поцеловал. Скоблин, возмущаясь, стал рассказывать ему, что перенесли корниловцы. «Ты потерял половину дивизии, а я почти весь свой корпус. Катастрофа. Поезжай — твоя задача защищать Батайск. Когда успокоишься, спокойно обо всем переговорим» Медленно, шагом поехал Скоблин к корниловцам».

Скоблину прощалось все. Офицер отчаянной храбрости, лично водил свой полк в атаку, он был ранен шесть раз. По устоявшейся в Добровольческой армии традиции, офицеры всегда шли впереди, поэтому и потери их превышали все допустимые нормы. К примеру, командир батальона Корниловской ударной дивизии Фукс после каждой атаки оказывался в лазарете. В результате, он был ранен 14 раз и лишился левой руки. Скоблин был одним из первых кавалеров ордена Святого Николая Чудотворца — высшей награды Русской армии генерала Врангеля. Корниловцы своего командира боготворили. Молодого генерала боялись и уважали враги, что говорит о многом. Разгром конного корпуса Жлобы, одна из самых страшных катастроф красных в Гражданской войне, произошел при самом активном участии несгибаемых ударников. Даже в день эвакуации войск Врангеля из Крыма Николай Владимирович был одним из тех, кто повел корниловцев в атаку. В последнюю атаку Белого движения на Юге России. Было в этом что-то символическое. Именно Скоблин вел офицерскую роту в самый первый бой Добровольческой армии в феврале 1918 года. О том, как это происходило, сохранилось свидетельство полковника Левитова: *«Не прошли корниловцы и полторы версты от своих позиций, как услышали сзади себя сильнейшую стрельбу. Полк приостановился. Уже стало рассветать. Перед 3-м батальоном показались густые цепи. Разобрать, кто идет, — свои или красные, — было трудно. Под прикрытием бронепоезда «Георгий Победоносец» корниловцы двинулись навстречу. Только когда цепи сблизились шагов на двадцать, враги узнали друг друга. С той и другой стороны раздались залпы. «Георгий Победоносец» подкатил вплотную к красным и в упор стал их расстреливать из всех своих орудий и пулеметов. Красные побежали, корниловцы за ними. Бронепоезд ускорил ход и разогнал подоспевшие резервы красных».*

В Галлиполи Корниловская ударная дивизия была сведена в полк. Командовал им, как и раньше, Скоблин. В то время все чины Белых армий жили надеждой, что со дня надень генерал Врангель отдаст свой знаменитый приказ: «Орлы, задело! Кубанский поход продолжается!» О капитуляции никто не думал, все были готовы к новым сражениям с большевиками. Вот только Николай Владимирович постепенно отстранялся от борьбы до победы.

Нет, он не разочаровался в идеалах Белого движения. Все очень прозаично — 26-летний генерал влюбился до беспамятства. Собственно, случилось это еще в Крыму, но только на чужбине корниловцы обратили внимание, что теряют своего командира. Все его мысли занимала известная

русская певица Надежда Плевицкая. «Курский соловей», как называл ее Николай II. И поскольку она сыграет в этой истории одну из главных ролей, необходимо рассказать о ней подробнее.

* * *

Надежда Васильевна Винникова родилась в 1884 году в деревне Винниково Курской области. Ее детство ничем не отличалось от детства сотен других деревенских детей. В своих воспоминаниях «Дежкин карагод», изданных в Берлине в 1925 году, она писала: *«Семеро было нас: отец, мать, брат да четыре сестры. Всех детей у родителей было двенадцать, я родилась двенадцатой и последней, а осталось нас пятеро, прочие волей Божьей померли.*

Жили мы дружно, и слово родителей для нас было законом. Если же, не дай Бог, кто «закон» осмелится обойти, то было и наказание: из кучи дров выбиралась отцом-матерью палка, потолще, со словами: «Отваляю по чем ни попало».

А вот и преступления наши: родители не разрешали долго загуливать. «Чтобы засветло дома были», — наказывала мать, отпуская сестер на улицу, потому что «хорошая слава в коробке лежит, а дурная по дорожке бежит».

Вот той славы, «что по дорожке бежит», мать и боялась. У моего отца было семь десятин пахоты. На семью в семь человек — это немного, но родители мои были хозяева крепкие, и при хорошем урожае и у нас были достатки. Бывало, зайдешь в амбар: закрома полные, пшено, крупы, на балках висят копченые гуси, окорока, в бочках солонина и сало. А в погребе — кадки капусты, огурцов, яблок, груш. Спокойна душа хозяйская, все тяжким трудом приобретено, зато благодать: зимой семья благоденствует. Мать усердно гоняла нас в лес: дикие яблоки для сушки возами свозились, мешками таскали орехи, которые припрятывались до Рождества. Было и у нас изобилие.

Отобедали и снова на улицу. Мать дала нам по десятку яиц, на пряники, но сказала, чтобы я погуляла немного да и вернулась; нужно гусей на речку согнать, а то в закутке они искричались. Как не хотелось с улицы идти, а вернулись домой, выпустили гусей из закутка и погнали под гору.

Под горой, не боясь, что нас кто увидит, стали мы с Машуткой плясать, подражая Татьяне и старшим сестрам. Я запела протяжную:

*Дунай-речка, Дунай быстрая,
Бережечки сносит.
Размолоденький солдатик
Полковника просит:
— Отпусти меня, полковник,
Из полку до дому.
— Рад бы я, рад бы отпустить,
Да ты не скоро будешь,
Ты напьешься воды холодной,
Про службу забудешь...*

Пела я и прислушивалась к своему голосу. Мне очень хотелось, чтобы походил он на Татьянин.

А с горы на плотину съезжал в ту пору экипаж, в котором сидели соседнего помещика барыня и барышни. Поравнявшись с нами, они замахали платками, и в нашу сторону полетел большой кулек. Коляска промчалась, а мы с Машуткой стали собирать как с неба упавшие гостинцы: каких только сластей не было в кульке».

После этого и стали говорить ее земляки, что петь Плевицкой было гораздо легче, чем говорить. В возрасте 10 лет она приняла первое самостоятельное решение в своей жизни — ушла в монастырь. Провела там всего два года, а потом сбежала с бродячим цирком. «Я теперь вижу, что лукавая жизнь угораздила меня прыгать необычно: из деревни в монастырь, из монастыря в шантан. Но разве меня тянуло туда дурное? Балаган сверкнул внезапным блеском, и почувяла душа красоту, пусть маленькую, неказистую, убогую, но для меня новую и невиданную», — писала спустя годы Надежда Васильевна.

В цирке она познакомится со своим первым мужем, танцовщиком из Польши Эдмундом Плевицким. В 1903 году состоялась их свадьба. Именно под фамилией Плевицкая Надежда Васильевна скоро стала известна всей России.

На одном из выступлений ее услышал знаменитый певец Леонид Собинов. Едва дождавшись окончания, он пришел к ней за кулисы с букетом роз и был краток: «Вы талант!» С этого момента карьера Плевицкой резко пошла в гору. Ее даже стали звать на благотворительные концерты, где она выступала вместе с такими мастерами сцены, как актер МХАТа Василий Качалов и прима балета Мариинки Матильда Кшесинская. В своих воспоминаниях Плевицкая писала: «В зале обычно

шумели. Но когда на занавес выбрасывали аншлаг с моим именем, зал смолк. Это было странно мне, когда я выходила на сцену: предо мной стояли столы, за которыми вокруг бутылок теснились люди. Бутылок множество, и выпито, вероятно, немало, а в зале такая страшная тишина.

Чего притихли? Ведь только что предо мной талантливая артистка, красавица, пела очень веселые, игривые песни, а в зале было шумно.

А я хочу петь совсем невеселую песню. И они про то знают и ждут. У зеркальных стен, опустив салфетки, стоят, не шевелясь, лакеи, а если кто шевельнется, все посмотрят, зашикают. Такое необычное внимание я не себе приписывала, а русской песне. Я только касалась тех тихих струн, которые у каждого человека так светло звучат, когда их тронешь».

Летом 1911 года Надежда Васильевна отправилась на свои первые гастроли. 40 концертов по всей стране. На гонорар она даже сумела купить себе дом в родной деревне Винниково и начать там большое строительство. Надо сказать, что газеты восторженно приветствовали новую звезду русской эстрады, и кое-кто даже вспомнил, что взлетом своей карьеры Плевицкая обязана, прежде всего Леониду Собинову: «Меня чрезвычайно радует ее успех, и я счастлив, что мне удалось уговорить Надежду Васильевну переменить шантан на концертную эстраду. Москва просто покорена пением молодой певицы, таким простым, как поют деревенские бабы, но пронзительным».

Настоящая слава к Плевицкой пришла после концерта в Царском Селе. В 1912 году ее позвали петь для Государя Императора и его свиты. В своих воспоминаниях она так описывает пик карьеры: «И вот распахнулась дверь, и я оказалась перед Государем. Это была небольшая гостиная, и только стол, прекрасно убранный бледно-розовыми тюльпанами, отделял меня от Государя.

Я поклонилась низко и посмотрела прямо Ему в лицо и встретила тихий свет лучистых глаз. Государь будто догадывался о моем волнении, приветил меня своим взглядом.

Словно чудо случилось, страх мой прошел, и я вдруг успокоилась. По наружности Государь не был величественным, и сидящие генералы и сановники рядом казались гораздо представительнее. А все же, если бы я и никогда не видела раньше Государя, войди я в эту гостиную и спроси меня — «узнай, кто из них Царь?» — я бы, не колеблясь, указала на скромную особу Его Величества. Из глаз Его лучился прекрасный свет царской души. Поэтому я Его и узнала бы.

Он рукоплескал первый и горячо, и последний хлопок всегда был Его.

Я пела много. Государь был слушатель внимательный и чуткий. Он справлялся, может быть, я утомилась. «Нет, не чувствую я усталости, я слишком счастлива», — отвечала я.

Выбор песен был предоставлен мне, и я пела то, что мне по душе. Спела я и песню революционную про мужика-горемыку, который попал в Сибирь за недоимки. Никто замечания мне не сделал.

Теперь, доведись мне петь Царю, я, может быть, умудренная жизнью, схитрила бы и песни такой Царю бы не пела бы, но тогда была простодушна, молода, о политике знать не знала, ведать не ведала, а о партиях разных и в голову не приходило, что такие есть. А как я в политике не таровата, достаточно сказать то, что, когда слышала о партии кадет, улавливала слово «кадет» и была уверена, что идет речь об окончивших кадетский корпус.

А песни-то про горюшко-горькое, про долю мужицкую кому же и петь-рассказывать, как не Царю своему Батюшке?

Он слышал меня, и я видела в царских глазах свет печальный. Пела я и про радости, шутила в песнях, и Царь смеялся. Он шутку понимал простую, крестьянскую, незатейную. Я пела Государю и про московского ямщика:

Вот тройка борзая несется,
Ровно из лука стрела,
И в поле песня раздается, —
Прощай, родимая Москва!

После моего «Ямщика» Государь сказал Мосолову: «От этой песни у меня сдавило горло».

Во время перерыва Комаров сказал, что мне поручают поднести Государю заздравную чару.

Чтобы не повторять заздравную, какую все поют, я наскоро, как умела, тут же набросала слова и под блистающий марш, в который мой аккомпаниатор вложил всю душу, стоя у рояля, запела:

Пропоем заздравную, славные солдаты,
Как певали с чаркою деды наши встарь,
Ура, ура, грянемте, солдаты,
Да здоровствует русский наш сокол Государь!

И во время ретурнеля медленно приблизилась к Царскому столу. Помню, как дрожали мои затянутые в перчатки руки, на которых я несла золотой кубок. Государь встал. Я пела ему:

*Солнышко красное, просим выпить, светлый Царь,
Так певали с чаркою деда наши встарь!
Ура, ура, грянемте, солдаты,
Да здоровствует русский, родимый Государь!*

Государь, приняв чашу, медленно ее осушил, глубоко мне поклонился и сказал: «Я слушал вас сегодня с большим удовольствием. Мне говорили, что вы никогда не учились петь. И не учитесь. Оставайтесь такою, какая вы есть. Я много слышал ученых соловьев, но они пели для уха, а вы поете для сердца. Самая простая песня в вашей передаче становится значительной и проникает вот сюда». Государь слегка улыбнулся и прижал руку к сердцу».

Надо сказать, что именно на том концерте она познакомилась со своим будущим вторым мужем, кирасиром-поручиком Шангиным. Это была любовь с первого взгляда. Через какое-то время последовал ее развод с Плевицким. А ведь в то время браки между офицерами и певичками были для офицеров запрещены. Однако Шангин не был отправлен в отставку. Говорили, что развод лично благословил Николай II.

Надежда Васильевна недолго упивалась семейным счастьем. Грянул 1914 год. Первая мировая война. Ее муж, кирасир-поручик Шангин, оказался в рядах действующей армии. 22 января 1915 года он погиб в Восточной Пруссии. Но, по слухам, Плевицкая не слишком-то переживала эту потерю, потому что увлекалась уже поручиком лейб-гвардии Юрием Левицким. Кстати говоря, война практически не коснулась карьеры певицы. Она по-прежнему выступала, пела для солдат Русской армии. Известно, что Плевицкая дала не меньше сотни таких концертов.

Она продолжала выступать даже тогда, когда Русская армия фактически развалилась. Начала петь уже для отрядов рабочей гвардии, которые через несколько месяцев стали основой рабоче-крестьянской Красной армии. Плевицкая выступала на Северо-Западном и Южном фронтах, и именно на Южном фронте она познакомилась с сотрудником одесской чрезвычайной комиссии Шульгой, с которым у нее завязался еще

один бурный роман. Надежда Васильевна не была особенно щепетильной ни в жизни, ни в творчестве. Она с одинаковым успехом исполняла и «Боже, царя храни», и «Марсельезу».

Как именно оказалась Плевицкая в Белой армии, до сих пор неизвестно. Существует две версии. Согласно первой, певицу взяли в плен чины 2-го Корниловского ударного полка, совершившие внезапный налет на позиции красных во время концерта. Шульгу повесили, а Плевицкую доставили в штаб, на допрос к командиру, полковнику Пашкевичу. Согласно второй, и я склоняюсь именно к ней, ее муж, поручик Левицкий, при первом же удобном случае присоединился к белым. Один из первых добровольцев, участник Ледяного похода, Пашкевич стал новым фаворитом любвеобильной певицы. Доходило до того, что она увлекала его в спальню даже в редкие минуты, отделявшие один бой от другого.

Кто же такой Яков Антонович Пашкевич? В книге «Корниловский ударный полк» полковник Левитов писал: *«Первопоходник, он был начальником пулеметной команды в Корниловском Ударном Полку и отличался знанием боевого и строевого дела. Умение все узнать и все согласовать помогло капитану Пашкевичу, а подобранный им кадр делал свое дело превращения сырого материала в корниловцев.*

Сам капитан Пашкевич и старые корниловцы постоянно вели беседы с солдатами о России, о ее былом величии и теперешнем унижении, о целях и смысле борьбы, начатой генералом Корниловым. Бывшие махновцы вели себя примерно. Не было случая, чтобы кто-либо продал выданную пару белья или другую принадлежность обмундирования, они были всегда трезвы, исполнительны и добросовестно несли службу. По вечерам они собирались и пели песни. С особым подъемом пели «Кудеяра», должно быть, относя к себе слова этой песни, и добровольческие».

Чины второго Корниловского ударного полка Пашкевича боготворили. За глаза ласково называли его Эмблема. Дело в том, что голова Якова Антоновича очень напоминала всем знаменитую корниловскую нашивку — адамова голова над скрещенными мечами. Острословы даже шутили: командир специально позировал художнику, чтобы он уловил и сумел правильно передать мельчайшие детали.

15 июля 1920 года не щадивший ни себя, ни других в бою, храбрый до безумия корниловец Пашкевич был смертельно ранен. Плевицкая рыдала и голосила по-деревенски. Но траур носила недолго. Уже через несколько дней она нашла себе нового фаворита. Очередным избранником сердца стал скромный, застенчивый в жизни и неопытный в любовных романах, 26-летний командир Корниловской ударной дивизии генерал-майор

Николай Владимирович Скоблин.

* * *

Галлиполи. Голгофа Белого движения. Клочок старой России на турецком берегу. Корниловцы окрестили это место «Долиной Роз и смерти». Не было возможности бороться со вшами, люди умирали от тифа и холеры. Ходили во фронтовых обносках или самодельных гимнастерках. Полковник Левитов вспоминал позднее: *«В Марковском полку был зафиксирован серьезный случай. Один из солдат, собирая дрова в горах, «почувствовал» какое-то постороннее влияние на него, стал осматриваться вокруг и, взглянув на дерево, увидел здоровую голову удава с выпущенным жалом, гипнотизирующего его. Солдат был без оружия и поэтому решил спастись бегством. Его душевное потрясение от гипноза было настолько тяжело, что в госпитале его лечили от горячки. В мою землянку заползали иногда очень вредные сколопендры, которые больно кусались. Будучи разрубленными пополам, их половинки разбегались в разные стороны, гремя своей чешуей. Были безобидные вредители — это шакалы, которые подходили к лагерю, рылись в ямах с отбросами, стучали банками и жалобно выли и плакали. Они устраивали нам настоящие концерты, как будто выпрашивая у нас подачку, но, увы, у нас у самих желудки были до предела пусты и зывали о том же. Все это убивало нас морально и физически».*

Постоянное сокращение пайков обрекало белых воинов на полуголодное существование. Кроме чахлого кустарника на холмах, не было топлива, чтобы просушить одежду и обогреться. Лучше одного из марковских офицеров об этом и не скажешь:

О долина пустынная смерти и роз,
Гадов, змей, сколопендр, скорпионов!
Сколько горя я в лоне твоём перенес
Не сочтут и десятки Ньютонов.
Русь православную,
Боже, избави
Ныне от гнета толпы!
Ныне в борьбе святой,
Боже всесильный,
Армию нашу на веки храни!

На правом фланге лагеря первого армейского корпуса расположились чины Корниловского ударного полка. В палатке со Скоблиным жила покорившая его Плевицкая. По соседству — ее бывший муж, Юрий Левицкий, ожидая со дня на день развода.

В середине июня 1921 года, в узком кругу старших офицеров Корниловского ударного полка и командиров Первого армейского корпуса состоялось бракосочетание Николая Скоблина с Надеждой Плевицкой. Посаженым отцом был генерал Кутепов, венчал их главный священник Галлиполийского лагеря, благочинный Дроздовской дивизии, военный протоиерей отец Николай Бутков. Благословляли их иконой Николая Чудотворца, полковой реликвией дроздовцев. Сегодня она хранится в семье Павла Николаевича Буткова, о котором речь еще пойдет в этой книге. Художественной ценности не представляет вовсе никакой, но историческая ценность и значимость ее бесспорны.

От имени чинов Корниловского ударного полка поздравлял новобрачных капитан Копецкий. Галантно поцеловав руку Плевицкой, он под восторженные крики «Ура!» торжественно произнес: «Принимаем мы вас, Надежда Васильевна, в нашу полковую среду».

Плевицкая счастлива. Доволен Скоблин. Гордятся своим командиром корниловцы. Теперь у них есть своя мать-генеральша, которая немедленно взялась за дело. Почти каждую неделю устраивала она концерты для белых воинов, согревая теплом родных и милых русских песен сердца тосковавших по Родине дроздовцев, марковцев, алексеевцев. Один из галлиполийцев, штабс-капитан Дмитрий Мейснер, через несколько лет вспоминал на страницах журнала «Часовой»: *«В счастливые для нас минуты мы заслушивались песнями Надежды Васильевны Плевицкой — щедро раздававшей тогда окружающим ее молодым воинам блески своего несравненного таланта. Ее и буквально, и в переносном смысле носили на руках».*

* * *

Из Галлиполи чинов Русской армии генерала Врангеля перевели в Болгарию. Плевицкая с этим мириться категорически отказывалась. Ее артистической натуре претила захолустная дыра Горно-Паничерово, откуда, как сказал бы классик, «хоть сто лет скачи, а до Парижа не доберешься».

Лучше полковника-корниловца Левитова, пожалуй, об этом и не скажешь: *«Сначала большинство не было довольны размещением полка в такой глуши, хотелось в город и там понемногу встряхнуться. А на какие коврижки можно было это сделать — этого молодежь не учитывала. Однако всем скоро пришлось столкнуться с действительностью жизни. Довольствоваться полк без предварительных закупок было довольно трудно. Ближайшие города представляли собой наши захудалые жидовские местечки западного края, и в них не брались даже печь хлеб на полк. При ограниченном складе и при отсутствии своих средств передвижения довольствие наладить было страшно трудно».*

Плевицкой надоели одни и те же лица на концертах в бараках. Рамки полкового театра она решительно взялась раздвигать, не обращая ровным счетом никакого внимания на службу мужа. Больше того, сам Скоблин стал активно тяготиться своими обязанностями командира корниловцев. Складывалось впечатление, что без Плевицкой он не может прожить ни минуты. Где была она, там и мелькала синяя корниловская нашивка на черной полковой форме генерала. Именно по настоянию жены Скоблин отпросился у командира корпуса Кутепова в заграничный отпуск.

Зимой 1922 года Плевицкая метеором вернулась на эстраду. Русские эмигранты, разбросанные по всему миру, стоя аплодировали ей, вызывая по несколько раз на бис. Многие плакали на ее концертах. Страны менялись, как в калейдоскопе: Польша, Прибалтика, Германия, Чехия. Особенно полюбили ее в Праге. Когда 29 марта на сцене зала имени Бетховена она в конце спела «Занесло тебя снегом, Россия», некоторые зрители упали в обморок от переизбытка чувств. Это был триумф! Скоблин с гордостью стоял за кулисами, ловя на себе завистливые взгляды. Еще бы, молодой генерал, командир легендарного Корниловского полка, становился своим в высшем свете благодаря жене.

Брюссель, Берлин, София, Белград — всюду концерты проходили в лучших залах, при постоянных аншлагах. Но триумф не был бы полным без Парижа. 15 марта Плевицкая впервые выступила в культурной столице Европы. «Занесло тебя снегом, Россия» стала не только ее визиткой карточкой. Эту песню можно смело назвать явлением, на тот момент главным событием в культурной жизни эмиграции. Не случайно раздавались голоса, что когда большевиков скинут, на коронации нового Государя Императора Надежда Васильевна должна будет исполнить «И будет Россия опять».

Однако отпуск Скоблина явно затягивался. Певица с горечью вынуждена была прервать гастроли, чтобы ее Коленька смог приступить

наконец-то к своим прямым обязанностям — командира Корниловского ударного полка. Вернувшись к своим офицерам, Скоблин с горечью для себя узнал, что впервые за все время службы в армии удостоился строгого выговора от командования. И хотя Кутепов считал главного корниловца своим близким другом, даже для него исключения делать не стал.

Но Николая Владимировича богемная жизнь уже засосала.

1 мая 1924 года Скоблин снова оставил полк ради гастролей во Франции. Надо сказать, что эти концерты предоставили генералу возможность быть представленным великой княгине Ксении Александровне, сестре Николая II. Уже через несколько лет, в разговоре с полковником Трошиным, Скоблин с гордостью говорил: *«Представляешь, я стоял перед ней как юнкер, хотя на плечах у меня “зигзаги”»*.

Плевицкая со своим верным мужем, выполнявшим при ней функции секретаря, директора и пресс-агента, отправилась на гастроли в США. Там и произошел первый скандал. В Нью-Йорке она дала благотворительный концерт в пользу советских беспризорников. Эмиграция была в шоке. Как может жена легенды Белого движения помогать большевикам? Однако это была только прелюдия.

Неожиданно для всех в просоветской газете «Русский голос» появился анонс, приглашавший представителей СССР посетить концерт с участием «рабоче-крестьянской певицы» Плевицкой. Разгромная статья «Глупость или измена» оскорбила чету Скоблиных до глубины души. Но сам генерал отвечать не решился. Все же он находился еще на службе. Вместо него выступила Плевицкая, заявившая в начале концерта: *«Я артистка и пою для всех. Я вне политики»*.

Возмущению русской эмиграции не было предела. Скоблина бросились уговаривать, чтобы он повлиял на жену. Пустое. Сам генерал занял весьма странную позицию, заявив, что Надежда Васильевна сама знает, что делает, он не в праве диктовать ей выбор аудитории. С тех самых пор и закрепилось за ним презрительное прозвище «генерал Плевицкий». А некоторые даже отправили гневное письмо генералу Врангелю, суть которого сводилась к следующему: как может такой беспринципный подкаблучник возглавлять один из старейших полков Белой армии?

Главкомандующий был взбешен. Ему уже до смерти надоели неуправляемые галлиполийцы Кутепова, которые делали то, что им в голову взбредет. То устроят дуэли на винтовках, то не подчиняются приказам командования снять форму и ходить по городам Болгарии и Сербии в штатском. А теперь еще и с большевиками начали заигрывать. С ведома великого князя Николая Николаевича, Врангель подписал 9 февраля

1927 года приказ об освобождении Скоблина от командования корниловцами.

Справедливости ради стоит сказать, что Скоблин стал жертвой не только необдуманных поступков собственной жены, но и противостояния Врангеля с Кутеповым. Некогда дружные лидеры Белого движения с каждым днем все больше отдалялись друг от друга. Вопреки большинству мифов, сложенных уже спустя десятилетия, и армия, и русская эмиграция были на стороне Кутепова. Во-первых, галлиполийцы не забыли, кто наводил в их лагере порядок и делил с ними все невзгоды. А во-вторых, Александр Павлович был сторонником активной борьбы с советами, для чего и создал боевую террористическую организацию. Петру Николаевичу Врангелю оставалось лишь грустно наблюдать за этим.

Отстраняя Скоблина, он попытался в последний раз напомнить 1-му армейскому корпусу, кто командует армией. Ни к чему это не привело. Молодые генералы «цветных» полков (а именно так называли корниловцев, марковцев, дроздовцев и алексеевцев) еще больше сплотились вокруг Кутепова. Исключение составил лишь Скоблин, который, обидевшись на всех, уехал во Францию налаживать свой быт.

* * *

Николай Владимирович относился к той категории людей, которые не могут найти себя в обычной жизни. Боевой офицер, привыкший водить полк в «психическую» атаку, никак не мог привыкнуть к новым реалиям. Мало того что Белая армия была вынуждена покинуть Родину, и надежд на возобновление борьбы уже не было, так еще и все эти князья, графы и камергеры с презрением относились к нему. Нет, дело тут не в личных качествах Скоблина. Но для всех он был, прежде всего, командиром Корниловского ударного полка. А всех его чинов считали убежденными республиканцами, которые сделали все, чтобы развалить Российскую империю.

Доходило до того, что «великолепные реки самой благородной крови» не подавали Скоблину руки, называя его правой рукой Корнилова, того самого человека, который арестовал императрицу. Генерал сначала робко возражал, говоря, что Корнилов был убежденным монархистом, а потом вовсе махнул на это рукой. Не должен он, один из старейших добровольцев, отчитываться перед теми, кто всю русскую смуту провел в Париже, оттуда поливая грязью Деникина и Врангеля. Да и хорошо знал

Николай Владимирович слова полкового священника дроздовцев протоиерея Николая Буткова: *«Николай II не имел права отречения от престола ни юридического, ни морального. Юридического, т.к. нарушал Закон «О престолонаследии» Павла I, а морального, ведь не было никаких оснований отречься из-за каких-то малозначительных волнений запасных батальонов в Питере по причине нежелания крови, когда кровь на фронте льётся рекой, когда у тебя в руках вся- армия послушная тебе, чтобы прекратить эти волнения вмиг. Николай нас и предал!»*

До сих пор не смолкают споры о Февральской революции. Что же это было на самом деле? Восьмое чудо света, как называли это в то время русские газеты, или буржуазная революция, как уверял всех Ленин? Демократические преобразования, как называли события февраля 1917 года Гучков с Милюковым, или гибель империи? Склонен думать, что последняя формулировка еще и крайне мягкая. Это был тот самый случай, когда историю творили не политики, а грядущие хамы. Провокационный выкрик из толпы вершил не только судьбы отдельных офицеров, чьи растерзанные тела валялись как мусор на улицах Петрограда. Он вершил судьбу страны. Поэтому наиболее точно отражает те события слово «катастрофа». А ведь Государя Императора о ней предупреждали. Еще 11 ноября 1916 года великий князь Михаил Александрович писал ему: *«Год тому назад, по поводу одного разговора о нашем внутреннем положении, ты разрешил мне высказать тебе откровенно мои мысли, когда я найду это необходимым. Такая минута настала теперь, я и надеюсь, что ты верно поймешь мои побуждения и простишь мне кажущееся вмешательство в то, что до меня, в сущности, не касается. Поверь, что в этом случае мною руководит только чувство брата и долг совести.»*

Я глубоко встревожен и взволнован всем тем, что происходит вокруг нас. Перемена в настроении самых благонамеренных людей — поразительная; решительно со всех сторон я замечаю образ мысли, внушающий мне самые серьезные опасения не только за тебя и за судьбу нашей семьи, но даже за целостность государственного строя.

Всеобщая ненависть к некоторым людям, будто бы стоящим близко к тебе, а также входящим в состав теперешнего правительства, объединила, к моему изумлению, правых и левых с умеренными, и эта ненависть, это требование перемены уже открыто высказывается при всяком случае.

Не думай, прошу тебя, что я пишу под чьим-либо влиянием: эти впечатления я старался проверить в разговорах с людьми разных кругов, уравновешенными, благонамеренность и преданность которых выше

всякого сомнения, и, увы — мои опасения только подтверждаются.

Я пришел к убеждению, что мы стоим на вулкане и что малейшая искра, малейший ошибочный шаг мог бы вызвать катастрофу для тебя, для нас всех и для России.

При моей неопытности, я не смею давать тебе советов, я не хочу никого критиковать. Но мне кажется, что, решив удалить наиболее ненавистных лиц и заменив их людьми чистыми, к которым нет у общества, а теперь это вся Россия, явного недоверия, ты найдешь верный выход из положения, в котором мы находимся, и в таком решении ты, конечно, получишь опору как в Государственном Совете, так и в Думе, которые в этом увидят не уступку, а единственный выход из создавшегося положения во имя общей победы.

Мне кажется, что люди, толкающие тебя на противоположный путь, то есть на конфликт с представительством страны, более заботятся о сохранении собственного положения, чем о судьбе Твоей и России.

Полумеры в данном случае только продлят кризис и этим обострят его.

Я глубоко уверен, что все изложенное подтвердят тебе и все те из наших родственников, кто хоть немного знаком с настроениями страны и общества. Боюсь, что эти настроения не так сильно ощущаются и признаются у тебя в Ставке, что вполне понятно, большинство же приезжающих с докладами, оберегая свои личные интересы, не скажут резкую правду.

Еще раз прости за откровенное слово; но я не могу отделаться от мысли, что всякое потрясение внутри России может отозваться катастрофой на войне. Вот почему, как мне ни тяжело, но любя тебя так, как я тебя люблю, я все же решаюсь высказать тебе без утайки то, что меня волнует».

На мой взгляд, основная причина всей русской смуты — потеря веры подданными в феврале. За всю историю империи народ был несколько раз на грани этого, при этом продолжая верить: царь хороший, он просто не знает о нашем положении, его обманывают. Однако действия Родзянко со товарищи достигли цели. Именно отсюда и берет истоки абсолютно верная позиция монархистов: чрезвычайно слабое монархическое сознание народа привело к гибели России. Самый последний люмпен в стране знал, что царь — помазанник Божий. И вдруг — государь отрекся! Для людей это означало, что Бог отрекся от страны. А раз так — значит все можно. Отсюда вся вакханалия 1917 года. И эта роковая ошибка целиком лежит на

государе. Нельзя было ни при каких обстоятельствах идти на отречение. Но этот роковой просчет Николай II искупил своей мученической смертью.

Безусловно, правы те монархисты, которые уже тогда заявляли, что результатом отречения стало полное угасание государственности в сердце народа. Самодержавие и Царь — две взаимодополняющие составные части. И без самодержавия нет Царя, и без Царя — самодержавия. Вот корень зла: народ узнает, что нет у империи императора. Значит, для этого самого народа нет больше и самодержавия. Больше того, в этот самый момент этот самый народ начал делать странный вывод о неспособности существующего строя править Россией.

Укрепиться в этой мысли народу помогла интеллигенция. Та самая, которую столь точно охарактеризовал лидер большевиков. Ни крестьянство, ни пролетариат сами так и не дозрели до революции, несмотря на активное подстрекательство агитаторов всех мастей с середины 1860-х годов. Эти разночинные ходоки в народ, сея идеи свержения самодержавия, не добились ровным счетом ничего. Зато, это удалось сделать Гучкову и Львову, уверявшим всех, что республика — это свобода, а потому она выше монархии. Трижды прав был Питирим Сорокин, заметивший, что в революционную эпоху в человеке просыпается дурак. Не менее правым оказался и Лев Троцкий, написавший тогда: *«Февральская Россия — обломовско-маниловская»*. Именно эти типажи, одни с ленивого просонья, другие в бурном идиотском восторге, сыграли свою роль, надо заметить, виднейшую, в разрушении страны.

Говорят, что это произошло из-за мягкости Николая II. В этом, дескать, и была его главная слабость. Но отсюда вовсе не вытекает, что, как заявляли большевики, царь был глупым. К примеру, узнав о восстании на броненосце «Потемкин», Государь записал в дневник: *«Надо будет крепко наказать начальников и жестоко мятежников!»* Но из этого не вытекает и утверждение сегодняшних сторонников престола, что Государь был одним из самых великих русских царей. На мой взгляд, уместнее говорить о том, что Николай II верил в то, что Бог не оставит Россию и все его действия несли отпечаток этой веры, о чем весьма подробно писал последний протопресвитер армии Георгий Шавельский:

«Царь веровал смиренно, просто и непосредственно. Становясь на молитву или входя в храм, он совершенно отрешался от своего царского величия — тут он хотел быть как все — только смиренным рабом Божьим. Наблюдавшие царя умилялись, когда он «Слава в вышних Богу» на всенощной, «Верую» и «Отче наш» на литургии обязательно выслушивал, стоя на коленях; как он, подходя к чаше, делал земной поклон, лбом касаясь

пола; как он смиренно, отнюдь не напоказ, после целования креста или Евангелия, лобызал руку священника. Всевозможные удары судьбы, в каких в его царствование не было недостатка, он принимал с удивлявшим наблюдавших его в те минуты спокойствием, фатально веруя, что все совершается по воле Божьей. Его любимым праведником был многострадальный Иов, в день памяти которого он родился, а его излюбленным утешением — евангельское «претерпевый до конца, той спасен будет» (Мф. 10, 22).

Даже совершенно убежденных, что император Николай II горячо любил Россию и для ее блага во всякую минуту готов пожертвовать собственной жизнью, весьма удивляло слишком спокойное, как бы безразличное его отношение к самым тяжким ударам, постигавшим его государство. Он со стоическим спокойствием прочитал телеграмму, извещавшую о Цусимском разгроме флота; великому князю Николаю Николаевичу, потрясенному катастрофой под Сольдау, он телеграфировал на его извещение: «Будь спокоен; претерпевший до конца той спасен будет»; убийство Столыпина в Киеве и неожиданная в разгар войны смерть гениального воссоздателя и души Балтийского флота, адмирала Эссена вызвали минутное огорчение, за которым последовали полное успокоение и забвение. Государь чрезвычайно легко расставался с самыми близкими своими сотрудниками и сразу же легко забывал их. Во всем этом иные видели патологическое явление, отражавшее удар, нанесенный ему в Японии. Другие объясняют это высоким христианским настроением государя, относившегося к несчастьям подобно Иову: «Господь дал, Господь и взял; да будет имя Господне благословенно» (Иов. 1, 21). Вера, несомненно, укрепляла императора Николая II в несении им всех тяжестей царского венца.

Но одною верою всего объяснить нельзя: вера удерживает христианина от безнадежной скорби (Сол. 4, 13), а не от скорби вообще. Понять настроение императора, кажется, поможет нам собственное его чистосердечное признание. Однажды он сказал Министру иностранных дел Сазонову: «Я стараюсь ни над чем серьезно не задумываться, — иначе я давно был бы в гробу». Значит, стоическое спокойствие государя было результатом не одной крепкой веры, но и сознательной, в целях сохранения здоровья, тренировки.

Но государь и всегда оберегал свой покой, стараясь отстранять все, что могло взволновать его, нарушить его душевное равновесие. Стоило понаблюдать его беседы с представлявшимися ему, чтобы совершенно убедиться в этом. Своего собеседника он ставил в строго определенные

рамки. Разговор начинался исключительно аполитичный. Государь проявлял большое внимание и интерес к личности собеседника: к этапам его службы, к подвигам и заслугам, если они были, к его семейному положению и месту его службы; вспоминал личные встречи с ним или с частью, где он служил, с его сослуживцами и т.д. Но стоило собеседнику выйти из этих рамок — коснуться каких-либо недугов текущей жизни, как государь тотчас менял или прямо прекращал разговор».

Следствием отречения Николая II стал развал армии. Безусловно, свою роль сыграл и «Приказ №1». Но именно потеря государя императора стала в глазах фронтовиков крушением монархии. Как писал барон Врангель, «власть государя и ее обязательства не могли быть ничем заменены». Русский солдат с готовностью отдавал жизнь за царя, но из этого не следовало, что он с той же готовностью отдаст ее за Львова. Тем паче что до фронтовиков доходили слухи о том, что у рабочих теперь восьмичасовой рабочий день, а крестьяне готовятся делить землю, дарованную республиканскими завоеваниями. Британский посол в Париже Берти записал тогда в своем дневнике: «Нет больше России. Она распалась, и исчез идол в лице Императора и религии, который связывал разные нации православной верой».

В довершение всего с отречением Николая II русская политика утратила нравственное начало, равно как и верность своему слову, благородство и искренность. То есть весь тот базис, на котором строилось правление не только последнего императора. За стяжательство, лживость и подлость, которые с этого момента стали символом русской политической мысли, несут прямую ответственность те, кто, уничтожив третий Рим, возвел на вершину «тварей дрожащих, право имеющих» из-под пера Достоевского...

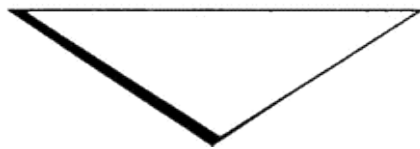
Кровь, пролитая Скоблиным за Родину, была лучшим подтверждением верности им присяге и долгу. Утвердившись в этой мысли, Николай Владимирович взялся обустроить свою жизнь по всем правилам тактики. Он прекрасно понимал, что с наскока Париж не захватить, ведь, как совершенно справедливо заметил полковник Левитов: «Париж — мировой город, кого только в нем нет, и потому жизнь там бьет ключом, все покупается и продается оптом и в розницу, кумиром являлся его величество франк».

Прежде всего, на гонорары от концертов Плевицкой был куплен участок земли во французском департаменте Вар. Вызвав из Болгарии своего закадычного друга, командира первого Корниловского ударного полка полковника Карпа Гордеенко, Скоблин снял ферму.

Однако потомственный горожанин не был морально подготовлен к сельскому хозяйству. Разумеется, блестящая певица Плевицкая, хотя сама и вышла из крестьянской семьи, считала ниже своего достоинства пасти на досуге коров или кормить кур. Всю тяжесть работ взвалили на Гордеенко, который был еще меньше готов к этому. Вот если бы ему поручили взять позиции большевиков или повесить комиссара — результат был бы другой. Атак, полковник изнывал от усталости и еще больше от тоски по настоящему делу.

Гордеенко, выражаясь языком Алексея Толстого, был «отчетливый рубака» и умел произвести неизгладимое впечатление на людей. Известный журналист Раковский запомнил его на всю жизнь: *«Потоки площадной брани, расправы плетьюми, сбрасывание с борта всех, кто не корниловец, — вот атмосфера, в которой происходила погрузка Корниловской дивизии. Недопустимей всех вел себя командир 1-го полка полковник Гордеенко, сбросивший в море трех офицеров и одного лично ударивший прикладом по голове».*

Нет ничего удивительного, что его терпение быстро лопнуло. Он все чаще стал выговаривать Скоблину, что не может работать один за всех. Кончилось все грандиозным скандалом. Гордеенко, выпустив традиционное для него трехэтажное ругательство, в этот раз по адресу певицы, предпочел покинуть «колхоз имени Плевицкой». Свято место пусто не бывает. На его место был немедленно рекрутирован младший брат Скоблина Феодосий и один из офицеров Корниловского полка. Но дела новоявленных фермеров лучше от этого не пошли. Со временем Скоблин с огромным облегчением продал эту землю, предпочтя жить рядом с Парижем, не утруждая себя думами об урожае. Благо, и без этого было о чем размышлять.

ГЛАВА 2.

III отдел РОВС в Болгарии. Капитан Фосс. Контрразведка белых армий на Юге России. Генерал Шатилов. Обязанности чинов «Внутренней линии». Капитан Ларионов

1 сентября 1924 года, согласно приказу генерала Врангеля, армия была преобразована в Русский общевоинский союз (РОВС). Соответственно части, которые находились в Болгарии, перешли в подчинение начальника III отдела РОВС генерала Федора Федоровича Абрамова. В годы Гражданской войны он был начальником Первой Донской конной дивизии, потом инспектором кавалерии Донской армии. Уже в Крыму, на последнем этапе Белой борьбы, принял командование над Донским корпусом. Вместе с ним он и эвакуировался в лагерь Чаталджа, находившийся в Турции. Переехав потом в Болгарию, как и все ожидал возобновление борьбы с большевиками. Вместо этого, получил приказ барона Врангеля возглавить отдел РОВС. Он располагался в просторном доме № 17 на улице Оборище в Софии. Все было хорошо, вот только здание было очень уж старым и жило единственной надеждой на скорый капитальный ремонт. Но средств для этого у чинов Русской армии не было, да и привыкли они в Галлиполи к спартанской обстановке. Поэтому и переносили треснувшую штукатурку на удивление спокойно. Благо, улица была тихая, перед домом сад, пусть и заросший, но напоминающий о русской поляне.

Обстановка в доме вовсе не походила на штаб армии: деревянные столы с видневшимися чернильными пятнами, хромые стулья, простые крестьянские скамейки для посетителей. Посреди этого оазиса аскетизма, как назвал управление РОВС один из марковских офицеров, располагался кабинет начальника канцелярии капитана Клавдия Александровича Фосса. Именно он и войдет в историю всей русской эмиграции как создатель и идеолог «Внутренней линии», вступить в которую можно было добровольно, а вот выйти из нее — невозможно. Только смерть освобождала «линейца» от верности.

* * *

Кто же он был, этот капитан Фосс? В годы Гражданской войны — чин артиллерийской бригады Дроздовской дивизии. Участник похода Яссы — Дон, что было весьма значимым для любого чина Русской армии. Владел пятью языками: русским, болгарским, французским, немецким, английским. Был глубоко верующим человеком. Очень скромный, он никогда не позволял себе повысвить голос. И все же этих качеств было явно недостаточно, чтобы Абрамов назначил именно его начальником канцелярии, если рядом были заслуженные генералы-дроздовцы Манштейн и Туркул. Сказалась любовь Клавдия Александровича к конспирации. Он быстрее многих понял и принял изменившиеся методы борьбы с большевизмом и с огромным энтузиазмом отдался новому делу. Для начала организовал тайную организацию «Долг Родине», куда и взялся вербовать верных Белому движению офицеров. Структура ее в целом повторяла Союз национальных террористов генерала Кутепова: тайные тройки, начальники которых знали лишь своего командира и двух подчиненных. Всем вступавшим гарантировали, что скоро им представится возможность бороться с оружием в руках против коммунистов.

Однако далеко не все стремились вступить в новую организацию. Многих офицеров смущало, что не было приказа генерала Абрамова. Хотя Фосс и говорил постоянно, что действует согласно указаниям Федора Федоровича. Одним из первых откликнулся на призыв капитан Корниловского артиллерийского дивизиона Николай Дмитриевич Закржевский, ставший со временем одним из лидеров «Внутренней линии».

Как раз в этот момент, выполняя распоряжение Врангеля, генерал Шатилов взялся за организацию переселения чинов армии из Болгарии и Сербии во Францию. Разумеется, проводилось это по линии Русского общевоинского союза. Ответственным в Софии был назначен капитан Фосс. Воспользовавшись тем, что паспорта оформлял его близкий друг капитан Арнольди, Клавдий Александрович сделал все от него зависящее, чтобы в Париж в первую очередь попали завербованные им члены «Долга Родине».

Для чего они были нужны во Франции, из которой до России дольше добираться, нежели из Болгарии? Дело в том, что именно в тот момент генерал Кутепов и заговорил о том, что РОВС нужна контрразведка. Ведь члены Национального Союза Террористов были в сущности боевиками-смертниками, и на роль Джеймсов Бондов явно не тянули. Воспользовавшись столь удобным случаем, Фосс доложил Шатилову о проделанной им работе, а тот, в свою очередь, довел эту информацию до

Кутепова.

После получения одобрения от бывшего командира 1-го армейского корпуса, Фосс с утроенной энергией взялся за работу, постепенно превращая «Долг Родине» во «Внутреннюю линию», секретную организацию в РОВС. Генерального штаба генералы Шатилов и Абрамов давали советы и руководящие указания, вырабатывая инструкции и положения, направлявшие деятельность организации. Структура ее окончательно сложилась в 1927 году.

Важнейший момент: она не имела ничего общего со структурой контрразведки белых армий на Юге России, где и служили все лидеры «Внутренней линии». Но, поскольку об этой стороне гражданской войны сегодня знают вообще единицы, позволю себе короткий исторический экскурс.

* * *

В первые месяцы существования Добровольческой армии у нее не было контрразведывательных структур. Да и быть не могло. Численность войска Корнилова едва превышала четыре тысячи человек. В этих условиях было не до жиру. Только после Ледяного похода, когда новый главнокомандующий Деникин взялся реорганизовывать армию, появились и первые чины контрразведки. В их обязанности входило собирать и анализировать информацию о прямых и скрытых противниках власти, раскрывать заговоры и способствовать политической стабилизации региона. В результате военная контрразведка, которая в Русской императорской армии боролась с врагами внешними, приобрела функции государственной полиции, при этом оставаясь, по сути, составной частью армии. Больше того: эти обязанности контрразведки относятся к военному времени и только на территории дислокации того или иного соединения или объединения, где распространялась юрисдикция соответствующего командующего, в мирное же время эти функции исполняла жандармерия

Уже в Кубанском походе был организован Военно-политический отдел Добровольческой Армии. Он был независим от штабами подчинялся непосредственно генералу Алексееву, который и отвечал за все политические, финансовые и гражданские дела. Однако вновь сформированный орган во главе с Генерального штаба полковником Лисовым постоянно вмешивался в работу армейских структур, запрашивая необходимую для своей работы информацию. Лишь после образования

Особого совещания и смерти генерала Алексева Военно-политический отдел был расформирован, а его функции распределены между Штабом главнокомандующего и соответствующими структурами Особого совещания. Тогда же было учреждено и контрразведывательное отделение.

В своей деятельности оно было вынуждено постоянно соприкасаться и с соответствующими учреждениями казачьих правительств, территории которых обладали автономией и не входили в сферу управления главнокомандующего. В секретном рапорте на имя Деникина особо отмечалось: *«По-видимому, каждый администратор, занимающий даже второстепенную должность и имеющий контроль над секретными суммами денег, создает свою собственную контрразведку. Функции этих контрразведок чрезвычайно разнообразны. Мешая друг другу, все эти учреждения препятствуют порядку и процветанию. Они подрывают авторитет как власти, так и военных».*

Деникину было прекрасно известно обо всех недостатках и трудностях работы собственной контрразведки, поэтому необходимость реформирования ее была задачей первой необходимости. В одном из проектов реорганизации отмечалось: *«Институт контрразведки в том виде, в каком он ныне существует в Добровольческой армии, совершенно не достигает своей цели. Он терроризирует тех, на кого Добровольческая армия могла опереться, и недостаточно энергично, если не сказать более, занимается своим прямым делом — преследованием коммунистов».*

Контрразведку принято обвинять в жесточайших репрессиях. Да, органы власти белых подписывали смертные приговоры своим врагам. Но казни носили опять же персональный, а не повальный характер, и смертный приговор в соответствии с законом, подлежал утверждению лицом не ниже командующего армией. Контрразведка белых армий правом казнить или миловать не обладала. Ее функции ограничивались арестом и предварительным дознанием, после чего материалы передавались судебным следственным органам. За эти годы никто из отечественных историков почему-то не задался одним простым вопросом: как можно осуществлять пытки и истязания, не имея собственных тюрем? Все арестованные содержались в общегородских тюрьмах или на гауптвахтах. Вспомните старый советский фильм «Новые приключения неуловимых». Пойманного красного шпиона ведут с допроса через весь город! А как после пыток представить арестованных суду, где работают профессиональные юристы, которые тут же подняли бы шум по поводу явного нарушения законности?

15 сентября 1919 года генерал Лукомский, председатель Особого совещания при главнокомандующем ВСЮР, представил Деникину

пространный доклад о контрразведке. В нем приводились ужасающие факты коррупции, неоправданной жестокости и злоупотребления служебным положением. Так и не предложив каких-то конструктивных мер, Лукомский ограничился лишь настоятельными рекомендациями распустить все незаконные и самовольные контрразведки, запретить вести любую деятельность без санкции Главного командования. Однако только 28 мая 1920 года генерал Врангель, новый главнокомандующий, издал приказ о судебной ответственности за самовольную организацию «наблюдательных органов», как стала называться тогда контрразведка.

Сотрудников контрразведки постоянно в чем-нибудь обвиняли. Социалисты говорили, что они делают все, чтобы вернуть государя императора. Евреи кричали про жуткий антисемитизм. Монархисты громогласно разоблачали масонскую тенденцию деятельности контрразведки. Союзники по Антанте всегда видели в них скрытых германофилов, а казаки люто ненавидели за попытки ограничения свободы. Нормально работать в таких условиях было невозможно.

Идеологи «Внутренней линии» тщательно изучили печальный опыт своих предшественников и сделали все, чтобы не повторить совершенных ошибок в дальнейшем. Помогал им в этом начальник II отдела РОВС генерал фон Лампе. Он был одним из тех немногих, кому удалось наладить нормальную деятельность контрразведки на Юге России. Нет точных данных о том, что фон Лампе входил во «Внутреннюю линию». Однако косвенных доказательств этого хватает. В переписке со Скоблиным, фрагменты которой читатель увидит на страницах этой книги, Алексей Александрович демонстрирует фантастическую осведомленность о неизвестных аспектах деятельности Русского общевоинского союза. Поверить, что это случайность, я не могу.

* * *

Кто же такой генерал Шатилов, сыгравший в этой истории одну из ключевых ролей? В декабре 1918 года он прибыл в Екатеринодар в штаб Добровольческой армии Деникина. Шатилов привез сведения о сохраненной разведывательной сети на Кавказе. Как раз в это время на Северном Кавказе шла ожесточенная борьба Добровольческой армии с 11-й Красной армией, в которой насчитывалось свыше 100 ООО штыков и сабель. Именно тогда и прогремело имя Петра Николаевича Врангеля. Благодаря его исключительной энергии и несокрушимой воли в борьбе за

Северный Кавказ наступил перелом после разгрома красных под Ставрополем.

Деникин отправил Шатилова в распоряжение Врангеля. Приезду старого приятеля по Русско-японской войне и однокашнику по Николаевской академии Генерального штаба Петр Николаевич был очень рад. Он поручил ему командование конной группой из частей двух дивизий. В своих воспоминаниях Шатилов писал:

«Увидев своего друга, я даже не успел его как следует разглядеть. Врангель быстро подошел ко мне. Мы расцеловались, и он мне сказал, что я прибыл более чем своевременно. Тут же немедленно он стал знакомить меня с общей обстановкой на фронте, с данной ему задачей и о распоряжениях, которые он отдавал своим частям. Я погрузился в карту и стал по ней следить за его словами.

Кроме того, мне было как-то странно не обмолвиться с моим другом — теперь моим командующим армией — хотя бы одним словом о всем том прошлом, которое нас разъединило физически на многие годы, столь насыщенные событиями. Видя мой озабоченный вид, Врангель подошел ко мне: «Поверь, ты легко справишься с этим поручением. Обе твои дивизии имеют прекрасные части, а среди подчиненных ты встретишь храбрейших и умелых начальников».

Я ему ответил, что эта сторона меня несколько не волнует, но я опасаясь, что сам не оправдаю вполне оказываемое им мне доверие.

«Я знаю о тебе больше, чем ты думаешь, — заявил мне мой друг, — твоя работа на Кавказе и твоя деятельность во время революции мне хорошо известны от тех лиц, кто непосредственно и видел. Одной нашей дружбы было бы для меня недостаточно, чтобы вызвать тебя к себе и поручить тебе ответственную роль».

Посмотрев на часы, он сказал мне, что мы заболтались и что нужно торопиться, чтобы к утру поспеть к своему штабу. Распрощавшись со своим другом и погрузив свое седло и чемодан на поданную мне подводку, я отправился в путь».

7 января 1919 года Шатилов взял Георгиевск, через несколько дней разгромил Минеральноводскую группу красных и освободил от красных Терскую область и Дагестан.

Весной 1919 года у белых на фронте создалось критическое положение. Крупные силы 10-й армии красных выдвинулись на линию реки Маныч и, охватив правый фланг Донской армии, угрожали ей полным окружением. Большую часть конницы Деникин тогда объединил в руках Врангеля. Под его началом оказалась и 1-я конная дивизия Шатилова.

Маньчжская операция закончилась разгромом 30-тысячной группы красных. В эти дни особенно отличился Шатилов, нанеший решительный удар по красным у Великокняжеской. Деникин лично поздравил его, произвел его в чин генерал-лейтенанта и назначил командиром 4-го конного корпуса.

Когда же осенью 1919 года между Деникиным и Врангелем начался разлад, Шатилов первым поддержал своего друга. Вместе с ним подал в отставку и по желанию главнокомандующего, покинул Россию вместе с Петром Николаевичем. На английском корабле они прибыли в Константинополь.

Существует устойчивый миф, что тогда все чины Вооруженных сил на юге России были в этом конфликте на стороне Врангеля. Это не так. Есть прекрасное свидетельство: письмо генерала Шапрона дю Ларре Петру Николаевичу. Оно неизвестно широкой публике, поэтому я приведу его почти полностью.

«Когда генерал Деникин вступил в должность Главнокомандующего по приказу генерала Алексеева, то наследием ему было около 2500 солдат армии, не выходившей ни на минуту в течение последних пяти суток из кровавого боя, без пищи и питья, совершенно раздетой, имеющей около 60 снарядов и обоз с ранеными в 12 верст длиной. Армия уходила без тыла, без базы, без всякой надежды на чью-либо помощь, без всякой возможности каких-либо сношений с внешним миром, но с твердой верой в дело и своего любимого вождя, генерала Деникина. Он оправдал доверие к нему Армии, правда, тогда в ней не было разлагающих, пошлых честолюбцев.

Переданное Вам генералом Деникиным наследство, о котором вы жаловались всему миру через прессу, было: армия до 40 тысяч бойцов, хотя сравнительно и плохо, но одетая, вооруженная, снаряженная миллионным запасом патронов и громадным количеством снарядов, с аэропланами, танками, с флотом и с миллионным запасом зерна. Повторяю, все это Вами было принято в Крыму, когда море было в вашем распоряжении, а не в руках противника.

Когда, с первых же дней революции, началась трагедия русского офицерства, забрасываемого потоками грязи, восстал всей силой своего мощного духа генерал Деникин, бросивший прямо, честно, публично, на заседании в Ставке обвинение в лицо всесильному тогда Керенскому. Порыв, чуждый всякой мысли о себе. Это было в то время, когда Вы, оставаясь верным себе, послали телеграмму генералу Корнилову, бывшему тогда Главкомом 8-й армии, с просьбой о выдвигении Вас с поста командира бригады на пост начальника дивизии, после неудачных хлопот о том же в Ставке, как видно из телеграммы, которая в данный момент

находится в папках с некоторыми бумагами генерала Корнилова.

Вы, сознавая приближение конца, кричали, что Ваш величайший грех — это Ваше исключительное честолюбие, которому Вы всю свою жизнь приносили в жертву решительно все и вся. Вы клялись, что Вы каетесь с полной искренностью и что, если Вам Господь дарует жизнь, Вы отбросите от себя навсегда Ваше честолюбие и что же после? Ваше письмо генералу Деникину».

«Вы бога обманули, генерал!»

Отставка Антона Ивановича Деникина после кошмара Новороссийской эвакуации в марте 1920 года привела к назначению барона Врангеля на пост главнокомандующего Вооруженными силами Юга России. Петр Николаевич прекрасно понимал, какое тяжелое наследство ему досталось: *«Армия в безвыходном положении. Если выбор моих старых соратников падет на меня, я не имею права от него уклоняться».*

Узнав о решении Врангеля, Шатилов ужаснулся: *«Ты знаешь, что дальнейшая борьба невозможна. Армия или погибнет, или вынуждена будет капитулировать, и ты покроешь себя позором. Ведь у тебя ничего, кроме незапятнанного имени, не осталось. Ехать теперь — это безумие!»*

Уговоры Шатилова не помогли. Утром 22 марта 1920 года предоставленный Врангелю броненосец «Император Индии» бросил якорь на рейде Севастополя. Вместе с Врангелем прибыл и Шатилов, которого никто не приглашал на военный совет. Это, однако, не помешало Петру Николаевичу назначить своего друга начальником штаба. Возрожденная Русская армия, как стали называть Вооруженные силы Юга России, неожиданно для всех начала буквально творить чудеса. Прорвавшись с боями из тесного Крыма на просторы Северной Таврии, белые одерживали одну победу за другой.

Тогда же между Врангелем и Шатиловым состоялся откровенный разговор:

«— Да, мы сами не отдаем себе отчета в том чуде, которого мы свидетели и участники. Ведь всего три месяца тому назад мы прибыли сюда. Ты считал, что твой долг ехать к армии, я — что мой долг не оставлять тебя в эти дни. Не знаю, верил ли ты в возможность успеха. Что касается меня, то я считал дело проигранным окончательно. С тех пор прошло три месяца.

— Огромная работа сделана за это время, и сделана даром. Что бы

ни случилось в дальнейшем, честь национального знамени, поверженного в прах в Новороссийске, восстановлена. И героическая борьба, если ей суждено закончиться, закончится красиво.

— Нет, о конце борьбы речи теперь быть не может. Насколько три месяца тому назад я был уверен, что борьба проиграна, настолько теперь я уверен в успехе. Армия воскресла, она мала числом, но дух ее никогда не был так силен. В исходе кубанской операции я не сомневаюсь, там, на Кубани и Дону, армия возрастет численно».

Однако, блестяще задуманная операция не принесла столь нужного тогда Белому движению успеха. Врангель поручил своему другу общее руководство проведением этого важнейшего стратегического наступления. Казалось бы, обычно инициативный и энергичный, Шатилов должен был вложить всю душу, чтобы достичь победы. Но гладко было на бумаге...

Удачно высадившийся пятитысячный отряд вначале действовал быстро и энергично. К нему постоянно присоединялись казаки-повстанцы, численность его росла, несмотря на потери в непрерывных боях. И вот тут-то и начались странности. Отряд начал топтаться на месте, упустил драгоценное время и дал красным возможность сосредоточить превосходящие силы.

Упустив возможность победы, десант был разбит и вынужден вернуться в Крым. В довершение всех бед, Польша заключила перемирие с правительством Ленина. Армия Врангеля осталась в трагическом одиночестве. Сопrotивляться вчетверо превосходящему в силах противнику долго было невозможно. По приказу Врангеля командующий Черноморским флотом вице-адмирал Кедров, генералы Шатилов и Стогов разработали план эвакуации войск и всех желающих выехать из Крыма за границу. В это время Шатилов, по большому счету, уже был лишь пассивным исполнителем. Но исполнителем блестящим. Не случайно за организацию великого исхода он был произведен в генералы от кавалерии.

Как происходила эвакуация Русской армии из Крыма, можно судить хотя бы по воспоминаниям полковника-марковца Павлова.

«Тяжело на душе. Вблизи на набережной церковь. Несколько офицеров поспешили туда. Где, как не у Бога, найти успокоение! Полумрак, свечи. Всюду коленопреклоненные фигуры жителей. Приходят, ходят, марковцы молились, и из глаз их текли слезы, как и у жителей. «Спаси и сохрани», — слышались слова. «Спаси и сохрани», — просили у Господа марковцы. Вышли. Уже ночь. Направились к пристани. Навстречу — мужчина и женщина.

«Дорогие! Да даст вам Господь благополучия!» — сказал,

остановившись, мужчина. А женщина, широко осенив их крестным знаменем, рыдая, могла только сказать: «Храни вас Всевышний». Так же трогательно желали им счастливого пути и другие. Глубоко растроганные, шли марковцы последнюю сотню-другую шагов по родной земле. Увидят ли они ее? Но оставляли они свою землю, свои храмы с твердым сознанием полной любви к народу, даже к встретившим их красногвардейцам военно-революционной охраны. Русские люди в конце 1920 года уже были не те, какими они были раньше: они поняли, что белые отнюдь не их враги.

Около 12 часов дня со стороны Графской пристани раздались крики «Ура!», постепенно все увеличивающиеся. Оказалось, что это генерал Врангель на моторном катере объезжает пристани. Около каждой он останавливался, держал речь и под громовые крики «Ура!» следовал дальше. Подъехал, наконец, и к нашей пристани.

«Здравствуйте, мои дорогие соратники!» — отчеканивая каждый слог громким голосом, поздоровался с нами генерал Врангель. Никогда ему еще никто не отвечал на приветствие так громко и стройно, как ответила масса людей, в несколько тысяч, в этот раз.

«Куда вы едете? Знаете ли вы, что ждет вас на чужбине? Я вам ничего не обещаю, так как сам ничего не знаю. Обещаю только одно, что как бы плохо ни было — вывезти вас с честью. Обещаю вам, кто решит окончательно за мной следовать, вывезти с родной земли. Распоряжения все даны, и сейчас должны подойти пароходы и забрать вас всех».

Нескончаемое «Ура!» последовало в ответ. И действительно, минут через 20 стали подходить пароходы. К нашей пристани подошел маленький пароходик-угольщик «Бештау», имевший распоряжение в первую очередь погрузить нас и лейб-казаков. Погрузили сначала раненых, затем в полном порядке, без всякой спешки стали грузиться здоровые.

До свидания, Родина! До свидания, русские люди!»

* * *

Сразу стоит оговориться. Документов по «Внутренней линии» доступно исследователям крайне мало. Можно сказать, что таковых почти и нет. Те, что случайно просочились за рамки организации — невероятное исключение. К примеру, «Обязанности линейцев», составленные Шатиловым и Фоссом. Уже по этому катехизису, можно судить о том, насколько все было серьезно:

«... Хранить в абсолютной тайне от друзей, родственников, знакомых, равно как и врагов, самый факт своего пребывания в организации, имена чинов организации, с которыми он связан, задания организации, как выполненные, так и выполняемые, и вообще всё, что имеет хоть малейшее, хотя бы и косвенное отношение к организации и ее работе.

2. Быть точным и аккуратным в соблюдении часов и дней явок, дисциплинированным и исполнительным в работе ему порученной.

3. Не иметь никаких тайн от своего начальника по связи, который для него является представителем центра.

4. Аккуратно и точно давать донесения об исполнении данных ему поручений, избегая тщательно неверного и тенденциозного освещения фактов им сообщаемых. Всё должно соответствовать действительности, хотя бы и неприятной как для организации, так и для него лично.

5. Помнить, что организация и ее работа являются для него главной осью его политической жизни, и его состояние и работа в других политических, экономических, культурных и т.д. организациях должна быть известна центру и подчинена его указаниям.

6. Не пытаться узнавать больше того, что ему сообщается по работе и с чем он знакомится в порядке работы. Избегать всяких вопросов, не имеющих непосредственного отношения к данным ему — поручениям. В этом отношении необходимо подавлять всякое проявление любопытства.

7. Помнить прежде всего, что организация оставляет за собой право проверки каждого чина в видах возможно большей страховки своей работы и излишних потерь и провалов. Каждый удобный случай проверки чина немедленно используется организацией, хотя бы поведение такового ранее не давало поводов к сомнениям. Это необходимо для центра, как средство детально ознакомиться с качествами своих членов.

8. Избегать хранения при себе важных документов. Все распоряжения в письменной форме, получаемые по связи, по миновании надобности аккуратно возвращать обратно тем же путем.

9. Немедленно сообщать в центр о всех упущениях, промахах, предосудительном или подозрительном поведении чинов организации, которых чин знает, давая однако беспристрастное освещение фактов и руководствуясь исключительно пользой дела. Дальнейшие меры принадлежат лишь центру.

10. Взаимоотношения между чинами организации очерчиваются

исключительно работой последней. Этот принцип положен в основу отношения центра к чинам организации.

11. Работа каждого чина протекает под руководством центра-организации. Распоряжения последнего обязательны и не подлежат никакой критике со стороны данного чина или группы таковых.

12. Работа Чина Организации не подлежит абсолютно никакой оплате, ибо она является следствием его бескорыстной готовности включиться в ряды бойцов за освобождение Родины».

Но и это еще не все! Отдельная часть этой инструкции была посвящена вербовке новых членов в организацию. Требовалось тщательно выяснять политические убеждения кандидата, его характер, моральный облик, знания, способности, исполнительность и дисциплинированность. Болтунов и любивших выпить в «Внутреннюю линию» не принимали. Только после того, как изучались все личные качества, вербовщик мог приступать к своей непосредственной работе.

Ставя перед собой главную цель — непримиримая борьба с большевизмом, идеологи тайного ордена уделили особое внимание работе в среде русской эмиграции. Это было впервые. До момента создания «Внутренней линии» лидеры белых армий были уверены, что вся русская эмиграция живет лишь одной ненавистью к коммунизму. «Сменовеховство» заставило Шатилова обратить самое пристальное внимание на возможную пятую колонну: «Организация напряженно следит за существующими политическими организациями, а также за общим настроением широких масс эмиграции, борясь с упадком духа и апатией. Наличие широко раскинутой и скрытой сети чинов организации дает возможность в значительной степени влиять на эти настроения. Все эти условия делают работу организации самой разнообразной по своему характеру и направлению, а обстановка данного момента и его насущного требования неизбежно влияет на вид работы каждого Чина Организации».

Не забыл Шатилов и про боевую работу. Она сводилась к «проведению мер воздействия на отдельных лиц, на группы или учреждения враждебного лагеря, а также в исполнении приговора относительно лиц, вошедших в организацию с целью провокации, разведки или предательства. Чины Организации, берущие на себя этот вид работы, подвергаются тщательной проверке в смысле их способностей, физических и психических, а также специальному курсу подготовки. Боевик должен знать, что боевое задание он получает тогда, когда найдет нужным организация, а отнюдь не в зависимости от его желания или личных обстоятельств».

И наконец, главное — разведывательная работа. Обратите внимание на важнейший нюанс: она удивительным образом похожа на методы ОГПУ. Но из этого вовсе не следует, что Шатилов был завербован Лубянкой. Скорее всего, и чекисты, и идеологи «Внутренней линии» решили не изобретать велосипед, а взять за основу контрразведку Русской императорской армии. Итак, ее цели:

«1. Проникновение в чужие организации с целью внутреннего наблюдения за жизнью и работой таковых. Чины, работающие в чужих организациях, кроме дачи центру вышеупомянутых сведений, проводят линии поведения в них сообразно директивам центра, т. е. или укрепляют своей работой таковые, если работа чуждой организации полезна национальному делу, или, наоборот, разрушают ее в случае вредной работы таковой.

2. В наружном наблюдении за отдельными лицами, организациями или учреждениями, интересующими почему-либо центр — в целях выяснения их работы, связей и мест явок.

3. Во вхождении в связь с отдельными лицами, организациями или учреждениями, интересующими почему-либо центр, с целью их освещения, дачи сведений об их работе, связях и образе жизни.

4. В информировании центра обо всех фактах, имеющих какое-либо отношение к работе организации.

5. Созданию легенд с целью уловления в сферу влияния организации лиц враждебных национальному движению, или же с целью помешать развитию организаций и союзов, деятельность которых и рост вредно отражаются на настроениях эмигрантских масс в смысле отрыва их от активных национальных образований.

6. Исполнение различных задач Центра осведомительно-разведывательного характера».

Венчал этот документ и вовсе удивительный пункт: «Каждый Чин Организации обязан дать подписку в том, что он ознакомился с содержанием этой инструкции». Иначе говоря, подпись под таким документом была равносильно обручению со смертью. Ничего подобного русская эмиграция не видела ни до, ни после. Поэтому, даже после опубликования в 1937 году этого документа, большинство в него не поверило, сочтя происками Лубянки...

Благодаря стараниям Шатилова две тайные организации в составе Русского общевойскового союза, а именно «Внутренняя линия» и Союз национальных террористов фактически слились в одну. Во-первых, большинство боевиков к тому моменту уже погибли во время хождений в СССР. А во-вторых, главным связующим звеном между «кутеповцами» и «шатиловцами» выступил бывший капитан Марковской артиллерийской бригады Виктор Ларионов. И поскольку эта фамилия впервые встречается в нашей истории, о нем стоит рассказать подробно, ведь это один из будущих лидеров «Внутренней линии».

Итак, Виктор Александрович Ларионов. В Добровольческой армии с первых дней, участник Ледяного похода, галлиполиец. В эмиграции — в охране великого князя Николая Николаевича. В 1927 году взорвал партклуб в Ленинграде, моментально став кумиром для всего русского зарубежья. Автор воспоминаний «Боевая вылазка в СССР» и «Последние юнкера». В 1941 году в составе германской армии был в Смоленске (по неподтвержденной пока информации, выполняя задание «Внутренней линии»). После войны жил в Германии, умер в середине 1980-х годов.

Скупые строки, по которым невозможно определить ни характер человека, ни его убеждения. Но все моментально изменится, если привести слова самого Ларионова: *«Ответный террор против коммунистической партии — вот лозунг наиболее действительный в борьбе с палачами. В ночных кошмарах им, убийцам, вора́м, садистам и растлителям духа народного, чудится грядущее возмездие. Хулители имени Бога на земле чувят, что час расплаты не может не прийти. Только действие — твердое, прямое, бьющее прямо в цель — способно положить конец бесчинственной власти маньяков. И только жертва чистая и святая восстановит честь опозоренной и безмерно поруганной Родины. И нет иных путей для тех, кто признает наш общий страшный долг крови, залившей родную землю в бесчисленных подвалах. И нет иного действия, кроме боя, хотя бы для этого пришлось биться одному против всех. Мы должны быть незримыми руководителями, толкающими РОВС к полной победе над коммунизмом».*

Именно капитану пришла в голову идея тайных псевдонимов для всех руководителей «Внутренней линии». Так, Шатилова в переписке называли «115», «Павлов», «Хрущев». Ларионов именовался «Белая идея», а Закржевский — Дмитриев. Генерал Миллер стал Арсеньев. Генерал Эрдели, который был активным противником тайной организации, — «Непосредственным», а Русский общевойсковой союз — «ВР» (по всей видимости, сокращенное от фамилии Врангель).

Именно Ларионов сформировал идеологию «Внутренней линии»:

«Все должны знать, что Организация уже спаяна кровью павших бойцов Добровольцев и замученных и убиенных Чинов Организации. Имена Сокольского, Болмасова, Радковича, Захарченко-Шульц, Коверды, Мономахова, Сусалина, Титова, Трофимова, Никитникова, а также многих и многих, назвать которых еще не пришло время, их святая жертвенная кровь зовут на подвиг и самоотречение.

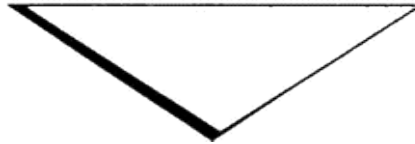
Соответственно обстановке изменилась и форма борьбы, приняв характер революционной работы по расшатыванию устоев власти III интернационала и на нанесение ударов по его работникам и организациям. Неизбежно необходимым явилось и создание нового органа осуществления этой революционной борьбы и создания кадров борцов националистов, приспособленных и опытных в действиях в этой новой обстановке. Этот орган революционной борьбы — есть наша организация, по своей идеологической сущности являющаяся проявлением той национально-волевой идеи, которая лежит в основе Белого Национального Движения, с которой она связана неразрывно историческими и кровными связями.

Она продолжает Белую борьбу, начатую на полях битв в России, она является авангардом армии борцов националистов и реальным претворением в жизнь в современной обстановке зарубежного существования, непримиримости к поработившей Россию власти III Интернационала, активности и жертвенности в борьбе за освобождение Отчизны и торжества Национальных идеалов. Разбросанная по всем частям света, по всем государствам, включая СССР, она представляет собой невидимый, но сильный, организованный аппарат с одним центральным управлением и суровой дисциплиной. По своей структуре организация является конспиративной, т.е. ее работа не должна быть известной как для врага, так и для окружающей эмигрантской массы. Только при соблюдении этих условий возможно бороться с таким умелым и опытным противником, каковым является ОГПУ, с его агентурой и разветвлениями, построенными тоже на принципе максимальной конспиративности. Находясь в состоянии непрерывной борьбы и опасности, организация требует от своих чинов максимального напряжения и жертвенности, и самое пребывание в организации уже говорит о готовности на таковые со стороны каждого чина ее.

Требования организации высоки и меры часто жестоки, но обстановка такова, что сентиментальности нет места. Организация имеет одну главную цель — освобождение Родины во имя этой цели не уступает ни врага, ни себя. Этой же главной целью определено отношение ее

к своим чинам. Поэтому производится тщательный отбор и проверка при принятии новых чинов, последняя повторяется при наличии обстоятельств, позволяющих лишний раз познакомиться с качествами данной группы чинов или одного из таковых. Чинам, состоящим уже в организации, последняя дает все то, что необходимо для умелого выполнения получаемых заданий. С этой целью производятся групповые или одиночные занятия с прохождением теоретического и практического материала, необходимого для чина при практическом выполнении возлагаемых на него заданий».

Ларионов, выражаясь фигурально, выстрелил в десятку. Сам будучи ярким сторонником активной борьбы, он сыграл на надеждах и чаяния молодых поручиков и штабс-капитанов. Причастность к тайному элитному ордену внутри РОВС добавляла адреналин в кровь, принадлежность к избранным и самым проверенным наполняла гордостью сердца. А уж недостатка в офицерах, мечтавших пожертвовать собой ради Родины, тогда не было.

ГЛАВА 3.

Скоблин в Париже. Генерал Миллер. Русская эмиграция во Франции. Операции ГПУ против русской эмиграции

Оставим на время лидеров «Внутренней линии» и вернемся к Николаю Владимировичу Скоблину. Именно в это время он и попадает в орбиту тайной организации внутри Русского общевойскового союза. Но предшествовали этому весьма значимые события, о которых нельзя не рассказать.

На гонорар от успешных концертов в Америке Плевицкая с мужем купили в рассрочку в одном из парижских пригородов Озу- ар-ла-Феррьер двухэтажный дом. Каждый месяц они должны были платить 800 франков — сумма немаленькая для русских эмигрантов. Даже с учетом того, что певица зарабатывала в разы больше любого офицера армии Врангеля, все равно бремя ложилось на семью неподъемным грузом. Скоблин очень мучился в те дни. Позднее, он признавался полковнику Трошину, что ему часто тогда снился Ледяной поход Добровольческой армии. Корниловец Левитов в своих воспоминаниях так описывал первые бои с большевиками: *«Генерал Корнилов дает задачу полку: ударом в левый фланг противника сбить его. Безостановочное движение корниловцев с явным охватом левого фланга настолько потрясли красных, что они стали бежать из своих окопов, не задерживаясь в резервных. Потери в полку: один убит и несколько раненых, но противник хорошо поплатился. Будь здесь у нас кавалерия, вся эта громадная толпа красных была бы уничтожена. На стороне красных были и местные молодые казаки, которые были захвачены нами и которым за их позор в станице старики устроили настоящую порку».*

Скоблин силился найти выход из положения и не мог. Не идти же ему, в самом деле, работать на завод? А даже на минимальную ставку в РОВС рассчитывать не приходилось. Даже учитывая благожелательное отношение к нему Шатилова и Кутепова. Врангель и слышать не хотел фамилию главного корниловца после памятной истории с концертом Плевицкой для советских представителей.

Скоблин с каждым месяцем мрачнел все больше. Не случайно известный певец Александр Вертинский таким запомнил его:

«В русском ресторане пела Надежда Плевицкая. Каждый вечер ее возил и привозил на маленькой машине тоже маленький генерал Скоблин. Ничем особенным он не отличался. Довольно скромный и даже застенчивый, он скорее выглядел забитым мужем у такой энергичной и волевой женщины, как Плевицкая».

Все изменилось со смертью главнокомандующего Русской армией. В доме, который он занимал в пригороде Брюсселя, проживали кроме самого генерала его жена, четверо детей, повар и денщик. В начале марта 1928 года денщик Врангеля Яков Юдихин обратился к генералу с просьбой приютить на несколько дней своего брата, тоже бывшего солдата, приехавшего к нему в гости. Позднее выяснилось, что брат этот, о котором Юдихин никогда раньше не говорил, был матросом советского торгового корабля, стоявшего в это время в Антверпене. Через несколько дней неожиданный гость уехал, а 18 марта Врангель внезапно заболел.

Приехавшему из Парижа знаменитому русскому врачу Алексинскому Петр Николаевич жаловался: *«Мозг против моего желания лихорадочно работает, голова всё время занята расчётами и вычислениями. Я не могу с этим бороться... Картины войны всё время передо мной, и я пишу всё время приказы, приказы, приказы!»* Диагноз, который поставил Алексинский, изумил всех — интенсивный туберкулёз. Ведь за свою жизнь генерал ни разу туберкулёзом не болел. Между тем в самом начале марта Врангель посетил расположенные на севере Бельгии угольные шахты, в которых работали бывшие чины Русской армии. Известно, что среди рабочих свирепствовала эта страшная болезнь. А тогда генерал Врангель не только принимал парад своих сослуживцев, но и неоднократно спускался в шахты. Там-то и мог он заразиться, тем более что Петр Николаевич уже был серьёзно простужен и получил врачебное предостережение о нежелательности такой поездки. Мать генерала, Мария Дмитриевна Врангель, вспоминала: *«Это были 38 суток сплошного мученичества! Его пожирала сорокаградусная температура. Он метался, отдавал приказы, порывался встать. Призывал секретаря и делал распоряжения до мельчайших подробностей».*

25 апреля 1928 года Врангель скончался. Потеря для русской эмиграции была невозполнимей. Петр Николаевич был кумиром армии. Не случайно еще в 1924 году один из самых талантливых писателей русского зарубежья, Иван Савин, писал в своем посвящении барону: *«Этот желтый лист с Вашим лицом я вырезал из журнала немецкого — «Die Woche». Была внизу надпись: «Der Hartknakiger. Feind von Lenin, — General Wrangel», таким кудрявым готическим шрифтом, с завитушками.*

Завитушки я отрезал — разве и так не знаю, что большего врага, чем Вы, у Ленина не было? — потом желтый лист с Вашим портретом, осторожно посмотрев кругом, спрятал в кармане. Осторожно потому, что — простите меня! — портрет ваш я украл в русской библиотеке, порывшись в гряде старых журналов. Нехорошо это очень и стыдно. Но, только что вырвавшись из красного плена, так хотелось увидеть Ваше лицо, а нигде достать не мог. И потом, все равно, через месяц библиотека эта закрылась, книги ее и журналы продавались с пуда на рынке и заворачивали в них сельди.

Вы в кавказской бурке, в папахе. Бледное лицо Ваше слегка затушевано тенью с левой стороны. А глаза строго улыбаются. Мне всегда казалось странным и милым это сочетание: суровость и ласковость. В «Die Woche» особенность Ваших глаз, Ваших губ передана так выпукло. Может быть, потому я и совершил кражу.

Каблуков Ваших сапог не видно, и это жаль. Мне дороги как-то и памятливы эти каблуки. В первые дни крымского наступления, когда могучей радостной лавой мы рвались вперед, Вы, где-то у Днепра, посетили нашу дивизию.

«Господа офицеры, вперед!», — громко крикнули Вы после смотра. Эхо Вашего голоса гулко отдалось в степи. Я не понимаю, почему на Ваш зов ринулась вся дивизия — с офицерскими звездочками, со шинурками вольноопределяющихся, с гладкими погонами рядовых. Всем хотелось быть ближе к Вам, окружить Вас тесным кольцом. Я бежал с другими и думал: это нарушение дисциплины, Главнокомандующий цукнет нас. Но Главнокомандующий понял, что за любовь не наказывают. Главнокомандующий не цукнул. Вы долго говорили с дивизией о задачах наших, о нуждах, об отношении к населению. Я стоял в десяти шагах от Вас. На Вас была та же бурка, та же папаха, те же сапоги, старые, с истертыми каблуками. На одном из них — кажется, левом — виднелась огромная латка из бурой кожи. И вот с той минуты я не переставал думать о ней, о заплате на сапоге главнокомандующего. Когда теперь социалистическая грязь пытается очернить Ваше имя, Вашу честность, равной которой не знаю в наше подлое время, когда Керенские справа гнусавят о «бесконтрольном расходовании казенных сумм в Крыму», мне хочется крикнуть: «Лжете! Сам генерал Врангель носил латанные сапоги!»

При вскрытии в организме было обнаружено большое количество туберкулёзных палочек явно внешнего происхождения. На следующий день парижские газеты писали: «Циркулируют упорные слухи о том, что

генерал Врангель был отравлен». Якобы Петр Николаевич говорил одному из друзей, что ему стоило бы предпринять крайние меры предосторожности в отношении своего питания, так как он опасается отравления. Забегая вперед, отмечу, что через восемь лет Скоблина будут обвинять еще и в этом.

Возглавивший Русский Обще-Воинский союз генерал Кутепов, буквально через несколько дней, восстановил Николая Владимировича в чине командира Корниловского ударного полка. Радости Плевицкой не было предела. Ее любимый Коленка снова вернулся в родную семью. Больше того, Скоблину стали платить, пусть минимальную, но зарплату в РОВС. Когда же, после похищения агентами ГПУ Кутепова, председателем РОВС стал генерал Миллер — Скоблин сыграл на опережение. Он прекрасно понимал, что его могут снова «попросить» из Союза и поэтому пригласил Евгения Карловича на ежегодный полковой праздник корниловцев.

В день святых Флора и Лавра в Галлиполийском собрании в Париже ветераны-ударники и их друзья из «цветных» полков. Служили панихиды по павшим и молебны о здравствующих, вспоминали тяжелые и кровопролитные бои Гражданской войны. Командиры-корниловцы произносили патриотические речи. Тон задавал генерал Скоблин. Когда же начинал звучать знаменитый корниловский марш, все с замиранием сердца слушали, как поет Надежда Плевицкая:

Пусть вокруг одно глумленье,
Клевета и гнет —
Нас, корниловцев, презренье
Черни не убьет.
Русь могучую жалеет,
Нам одна — кумир.
Мы одну мечту лелеем —
Дать России мир
Русь поймет, кто ей изменник,
В нем ее недуг,
И что в Быховке не пленник
Был, а верный друг.
За Россию и свободу,
Если в бой зовут,
То корниловцы и в воду,
И в огонь пойдут.

Верим мы, близка развязка
С нарами врага.
Упадет с очей повязка
У России, да!
Загремит колоколами
Древняя Москва,
И войдут в нее рядами
Русские войска!
Вперед на бой!
Вперед на бой!
На бой, кровавый бой!

6 сентября 1931 года на банкет были приглашены генералы Деникин, Шатилов и Миллер. Именно к новому председателю Русского общевойскового союза и обратился Скоблин: *«Сегодня мне хочется дать доказательство нашей преданности нашему Главе, работающему в столь трудной и морально тяжелой обстановке. По нашей добровольческой традиции, от имени общества офицеров полка, я прошу его превосходительство генерала Миллера зачислить себя в списки нашего полка».*

Под дружное, громогласное «Ура!» до слез тронутому таким вниманием Евгению Карловичу была преподнесена корниловская нашивка. Благодаря Скоблину, новый председатель Русского общевойскового союза становился еще и чином легендарного полка. Для него это было весьма важно. Дело в том, что в Гражданскую войну Миллер воевал на Севере России, а все руководство РОВС — на юге. Поэтому многие ветераны «цветных» полков ни в грош не ставили «архангельского дедушку». Теперь же с ним приходилось считаться.

Ставший последним в истории зачисленным в корниловцы, Миллер, благодаря за оказанную честь, сказал: *«Русский общевойсковой союз одним своим существованием осознается советской властью как наибольшая угроза и опасность. Мы достигли этого десятилетней верностью заветам основателей и вдохновителей борьбы за Россию».* Никто из присутствовавших на празднике и предположить тогда не мог, что пройдет два года, и заветы основателей организации станут разменной монетой в борьбе Евгения Карловича с «Внутренней линией». Борьбы, из которой он не мог бы выйти победителем, при всем своем желании.

Генерал Миллер одно из главных действующих лиц нашей истории, поэтому его необходимо представить особо.

Он происходил из старинного дворянского рода и позже, будучи в эмиграции, писал: *«В доме моих родителей с детских лет я был воспитан как верующий христианин, в правилах уважения к человеческой личности — безразлично, был ли человек в социальном отношении выше или ниже; чувство справедливости во взаимоотношениях с людьми, явное понимание различия между добром и злом, искренностью и обманом, правдой и ложью, человеколюбием и звериной жестокостью — вот те основы, которые внушались мне с детства».*

По окончании Николаевского кадетского корпуса Евгений Карлович поступил в Николаевское кавалерийское училище. Выпущен он был вахмистром эскадрона и был произведен в корнеты Лейб-Гвардии Гусарского Его Величества полка. *«Кадетский корпус, кавалерийское училище и полк, в котором я имел честь и счастье служить, заострили во мне чувство любви к Родине, чувство долга перед Россией и преданности Государю как носителю верховной державной власти, воплощающему в себе высший идеал служения России на благо русского народа»,* — вспоминал он спустя годы.

Именно генерал стал первым врагом революции. В Большой Советской Энциклопедии о Миллере написано: *«Выступал как ярый противник демократизации армии, 7 апреля 1917 года был арестован солдатами и под конвоем отправлен в Петроград».* Лейб-гвардеец на дух не переносил комитетов и депутатов. Совершенно распоясавшиеся чины Русской императорской армии выстрелили в спину генералу и повезли в столицу для дальнейшей расправы. Но там еще не был окончательно потерян контроль над ситуацией, и Миллер остается в живых. С осени 1917 года он становится представителем Ставки Верховного Главнокомандования Русской армии при Итальянском главном командовании. После захвата власти большевиками Миллера заочно предают суду ревтрибунала и приговаривают к смерти.

10 июня 1919 года верховный правитель России адмирал Колчак назначил генерала Миллера главнокомандующим вооруженными силами России, действующими против большевиков на Северном фронте. Евгений Карлович уже поздравлял свои войска, считая это первым шагом к объединению страны под руководством Верховного главнокомандующего.

Но в этот момент началось отступление армий Колчака. И тут же последовал еще один удар — английским командованием было принято решение об уходе из Мурманска. Поступок союзников вызвал всеобщее возмущение, англичане прямо обвинялись в предательстве. Начальник оперативного отдела Генерального штаба полковник Костанди попросил о встрече с представителем союзников, и, отдав честь, положил ему на стол британский орден, которым был награжден. В сопроводительном письме он отметил, что считает ниже достоинства русского офицера носить награду страны, представители которой изменили данному слову и своим союзникам.

Генерал Миллер мужественно встретил плохие новости. Вот как об этом вспоминал английский генерал Айронсайд: *«Ни один мускул не дрогнул на его лице, когда я сообщил ему дурную весть. Лишь по его светло-голубым глазам я мог догадаться, как ужасно он устал. Пару минут он смотрел на меня, не говоря ни слова. Я протянул руку, и он сжал ее мертвой хваткой».*

После краха белой борьбы на севере России в феврале 1920 года Миллер эмигрировал во Францию. Он принял активное участие в формировании Русского общевоинского союза, был доверенным лицом великого князя Николая Николаевича. После похищения агентами НКВД генерала Кутепова в 1930 году 63-летний Евгений Карлович Миллер, бывший его заместителем, возглавил РОВС. Безоружная армия в штатском продолжала жить с верой в грядущий решительный бой с большевиками. Не случайно он заявил тогда: *«Большевики — враги России, советская власть — вражеская власть, бесконечно вредная, губящая Россию морально и материально; с ней не может быть никаких компромиссов; с ней может быть только борьба и не может, а должна быть борьба всегда и всеми силами, всеми способами, не исключая возможности вооруженной борьбы. Вот на чем воспитывалась Добровольческая Армия, влившая в себя все лучшее, спасшееся с других белых фронтов и по праву носящих с 1920 года высокое название Русской Армии, ее же и честь, ее же и ответственность».*

РОВС казался Миллеру твердым монолитом, сплоченным белой идеей. В интервью лондонской газете «Морнинг пост», едва возглавив крупнейшую организацию русского зарубежья, он сказал: *«Эмигранты убеждены, что рано или поздно русский народ сам свергнет советскую власть, а их задача — содействовать контрреволюционному движению, нарастающему в стране».*

Но в то время Русский общевоинский союз стал подтачиваться

многочисленными интригами. Генералы неутомимо спорили, что делать дальше. От Миллера ждали продолжения активной работы в духе Кутепова. Но, во-первых, в секретную деятельность генерала Евгений Карлович посвящен не был, а во-вторых, почти все боевики погибли во время вылазок в СССР. Поэтому, Миллер прежде всего думал о трудоустройстве офицеров и солдат Русской армии, оказавшихся в эмиграции.

Положение многих из них было действительно плачевным. В большинстве стран белые воины считались беженцами, их неохотно принимали на работу, платили всегда меньше и при малейшем проявлении недовольства — увольняли. Один из офицеров вспоминал позднее: *«За исключением 5 часов, уделяемых сну, генерал Миллер был остальное время в делах. Эта самоотверженная работа стяжала ему заслуженную популярность. Он подкупал не пышными речами и игрой на популярность, а своей неустанной заботливостью об улучшении быта и материальных нужд, что больше всего ценит наш народ».*

Да и сам Евгений Карлович едва сводил концы с концами. Один из чинов Русского общевойска союза вспоминал спустя несколько лет: *«Сумрачное утро, струившееся в окно, как-то особенно подчеркивало бедность квартиры и всю ее беженскую скромность, не отвечавшую высокому положению ее хозяина. Да и сам хозяин был одет очень скромно, на его брюках можно было обнаружить следы тщательной штопки».*

Но были и в русской эмиграции те, кто ненавидел председателя РОВС. Как правило, это те, кто всю русскую смуту провел в спокойном Париже. Им доставляло особое удовольствие цитировать эсера Бориса Соколова, который еще 24 апреля 1920 года писал во французской газете «Информасьон»: *«Я был свидетелем последнего периода существования правительства Северной области, а также его падения и бегства генерала Миллера со своим штабом. Я мог наблюдать разные русские правительства, но никогда раньше не видел таких чудовищных и неслыханных деяний. Поскольку правительство Миллера опиралось исключительно на правые элементы, оно постоянно прибегало к жестокостям и систематическому террору, чтобы удержаться наверху. Смертные казни производились сотнями, часто без всякого судопроизводства.*

Миллер основал каторжную тюрьму на Йокангском полуострове на Белом море. Я посетил эту тюрьму и могу удостоверить, что таких ужасов не было видно даже в царское время. В бараках на несколько сот человек размещалось свыше тысячи заключенных. По приказанию Миллера начальник тюрьмы Судаков жестоко порол арестованных,

отказывавшихся идти на каторжные работы. Ежедневно умирали десятки людей, которых кидали в общую могилу и кое-как засыпали землей.

В середине февраля 1920 года, за несколько дней до своего бегства, генерал Миллер посетил фронт и заявил офицерам, что не оставит их. Он дал слово офицера позаботиться об их семьях. Но это не помешало ему закончить приготовления к бегству. 18 февраля он отдал приказ об эвакуации Архангельска 19 февраля к двум часам дня. Сам он и его штаб в ночь на 19 февраля тайно разместились на яхте «Ярославна» и ледоколе «Козьма Минин». Генерал Миллер захватил с собой всю государственную казну, около 400 000 фунтов стерлингов (10 миллионов рублей золотом), которые принадлежали Северной области.

Утром 19 февраля население узнало об измене и бегстве генерала Миллера. Много народу собралось возле места якорной стоянки «Козьмы Минина», в том числе солдаты и офицеры, которых Миллер обманул. Началась перестрелка. С кораблей стреляли из орудий. Было много убитых. Вскоре «Козьма Минин» ушел из Архангельска.

Измена Миллера произвела чудовищное впечатление на офицеров на фронте. Некоторое время они не знали о бегстве штаба и продолжали защищаться. Узнав об измене своих начальников, многие из них покончили самоубийством, а другие перешли на сторону большевиков».

* * *

Но прежде чем переходить непосредственно к истории действий «Внутренней линии», к которому мы и подошли уже, осталось нанести на холст два последних штриха: ситуацию в эмиграции и ход борьбы ОГПУ против РОВС. Начнем с русского зарубежья.

Сегодня, когда разговор заходит о белогвардейцах, все обычно представляют себе офицера в расстегнутом кителе с золотыми погонами, пьющего водку в парижском ресторане, с ностальгией, сквозь слезы поющего «Боже, царя храни». Это в корне неверно, хотя истоки такого образного восприятия легко проследить. Именно такими ИХ и демонстрировали НАМ. Те, кто постарше, наверняка вспомнят нашумевшее в свое время стихотворение Роберта Рождественского:

Я прикасаюсь ладонью к истории.

Я прохожу по Гражданской войне...

Как же хотелось им в Первопрестольную

Въехать однажды на белом коне!..
Не было славы. Не стало и Родины.
Сердца не стало.
А память — была.
Ваши сиятельства, их благородия —
Вместе на Сен-Женевьев-де-Буа.
Плотно лежат они, вдоволь познавши
Муки свои и дороги свои.
Все-таки — русские. Вроде бы — наши.
Только не наши скорей,
А ничьи...

Так вот, ничьими они себя точно не считали. Никогда у них и мысли такой не было, что попрощались они с Родиной навсегда.

Каждую минуту они жили с надеждой на скорое возвращение. Вот только надежды все они с разным связывали. Каких только течений не было в эмиграции. От социалистов и анархо-синдикалистов до союза крошек-фашисток. И все предлагали, как побыстрее спасти Родину. Кто-то считал, что Россию освободит только монарх из интеллигенции, без случайного смешения крови. Кто-то был убежден, что надо всем признать единственно верным методом борьбы с большевизмом «марш на Рим» Бенито Муссолини. Кому-то требовался крестьянский парламент, а кому-то — советы и царь. Особняком держался лишь Русский общевоинский союз.

Да, все его лидеры были убежденными монархистами. Но Петр Николаевич Врангель, как основатель крупнейшей антисоветской организации, сразу заявил: армия вне политики. Ему вторил Кутепов: *«Добровольцы сначала возьмут Москву, а потом под козырек»*. Дело в том, что боевые генералы были шокированы теми дрязгами, которые устраивала вокруг армии монархически настроенная эмиграция. Тон задавал один из лидеров бывшего «Союза русского народа» Марков-второй. В разгар «Галлиполийского сидения» он требовал отстранения Врангеля от руководства армией и назначения на его место себя самого. Притом что «карикатура на Петра Первого», как называли его в эмиграции, в армии не служил и всю Гражданскую войну занимался тем, что только и умел, — без умолку трещал языком на всех углах, что все всё делают неправильно. Предложить какой-нибудь здравый план, не говоря уже о том, чтобы самому воплотить его в жизнь, было выше его сил. Вместо этого, он писал бесконечные воззвания:

«Лозунг «За Веру, Царя и Отечество» никогда и ни при каких обстоятельствах не может оказаться для армии «поспешным» и «преждевременным». Руководствуясь этим основанным на однажды данной всеми нами присяге убеждением, Высший монархический совет уверенно полагает, что содействовать объединению военных чинов под лозунгом «За Веру, Царя и Отечество» есть долг всякого честного русского человека. Встречая, к прискорбию своему, на этом пути препятствия со стороны штаба Главнокомандующего, Высший монархический совет все-таки вменял себе в обязанность всячески успокаивать возникшее среди преданных монархии офицеров недовольство и волнения. Такое стремление Высшего монархического совета в свое время внесло необходимое успокоение в монархическую офицерскую среду. Последовавшее изъяснение вновь вызывает недоразумения и смуту среди преданных монархии военных людей и этим наносит вред делу восстановления России, которое не может произойти иначе, как через монархию. Высший Монархический Совет выражает свое твердое убеждение, что лишь при условии открыто исповедуемого армией священного лозунга «За Веру, Царя и Отечество» и при дружном объединении армии со всеми исповедующими этот лозунг русскими людьми только и возможно избавление нашей Родины от тяжкого и позорного ига Интернационала».

Истоки поведения Маркова-второго следует искать в феврале 1917 года. Тогда стараниями идеологов «Союза русского народа» в тайные и явные масоны попали все: от графа Фредерикса до последнего зеваки у ворот Царского Села. Главным виновником катастрофы был торжественно объявлен «идеолог ложи “Северная звезда”» Лавр Георгиевич Корнилов, сбежавший на деньги мировой закулисы из австрийского плена ради участия в аресте царской семьи.

Конечно, измена была. Имена великолепной пятерки заговорщиков хорошо известны. Но в посылках проклятий на их головы все как-то дружно забыли, что были и роковые ошибки у самого Государя Императора. Разве премьер-министр Штюрмер, министр внутренних дел Протопопов, командующий Петроградским военным округом Хабалов и Петроградский градоначальник Балк, которых назначал Николай II, не являются главными виновниками переворота? Что удивительно — нет, не являются. Так же, как уже не считаются изменниками все великие князья. Между тем это 20 мужчин с зигзагами на погонах, которые не сделали для спасения империи ровным счетом ничего. Зато на их место тут же определили генералов Алексеева и Рузского. Эта рокировка мне очень нравится: основатель

Добровольческой армии, до последнего вздоха боровшийся за Россию, — предатель. А тот, кто носил в феврале красный бант, — апологет верности престолу и монумент веры на костях империи. Да и, сдается мне, мученическая смерть Рузского под шашкой Атарбекова не идет ни в какое сравнение с руладами Маркова-второго, измена которого не менее гнусна. Но об этом почти никто не вспоминает.

В негодяи и предатели записали скопом всех, кто не нравится. Логика блестящая! Только одну незначительную деталь упустили: сделать это можно было бы, если все, кто поддержал февраль, сделали это после того, как появился бы царский манифест, объявляющий Гучкова сотоварищи врагами империи. Иначе говоря, называющий вещи своими именами и дающий возможность выбора: верность или измена. А вместо этого всем было предписано любить Временное правительство и вести войну до победного конца. То есть манифест об отречении возвел любую попытку спасти монархию в стране в разряд измены Родине. Все, следующая остановка в коммуне.

А вину за это возложили на армию. На тех, кто всю жизнь служил престолу верой и правдой, проливал за империю кровь... Шлепком языка одной каналы они превратились в клику циничных шкурников. А ритуальный стон популярен, и несется по просторам Родины, урезанной в границах, униженной и оскорбленной, клич. И не задумываются даже, повторяющие его нынче, что для большинства офицеров Русской императорской армии крушение монархии стало катастрофой всей жизни, крахом всех идеалов, а служба Временному правительству расценивалась как позорная необходимость выполнить последнюю волю монарха. И уж, конечно, не знают они о самом показательном случае тех роковых для страны дней: командующий Черноморским флотом Колчак, задержав свой ответ о признании Временного правительства, послал адъютанта в Батум к наместнику Кавказа великому князю Николаю Николаевичу с предложением восстановить монархию. Однако, тот, кто нынче в предателях не числится, на это пойти не решился и быстренько признал Временное правительство. А Колчак, таким образом, приобрел почетный титул изменника Родины...

А что же монархисты из числа «Союза русского народа»? Присягавшие отдать жизни за царя, они не захотели дать даже денег для его спасения. Бывший идеолог черносотенцев Марков-второй с неприкрытой злобой писал: *«Зубы скрипят от бешенства, когда вспоминаешь эти неизбежные поиски помощи своему Государю, эти просьбы подачек — Царя ради, эти наглые лица недавних царских блюдолизов, всем*

благосостоянием, всем существованием своим исключительно обязанных Царской власти и так подло ей изменивших. Не могу забыть их гнусных сцен, когда титулованные и сановные предатели со смаком лягали ослиными копытами лик поверженного царственного Льва. Целые месяцы уходили, пока удавалось наскрести сколько-нибудь заметную сумму, но и эти небольшие суммы собирались отнюдь не среди богатых, не среди купцов 1-й гильдии, не среди владельцев фабрик, не среди русской аристократии. Иные звездоносные «монархисты» не только ничего не давали на дело спасения своего законного Государя, но даже отказывались меня видеть из боязни общением с подпольным деятелем скомпрометировать свою репутацию. Когда летом и осенью 1918 года я видел на улицах многих из этих черствых и неблагодарных себялюбцев, стадами гонимых в Кресты и Дерябинку, когда я каждый день слышал о расстрелах то того, то другого, когда я читал большевистские декреты о вскрытии и уплотнении богатых квартир, я не ужасался, я не жалел, злорадствовал и говорил: “По делам горе и мука!”».

А ведь были еще и великие князья. Затеяв бурное выяснение отношений на тему «Кто больше скипетра достоин» и втянув в этот процесс все зарубежье, и Кирилл Владимирович, и Николай Николаевич постоянно взывали к армии как к третейскому судье. Масла в огонь подливали и некоторые офицеры, в частности капитан 1-го ранга Георгий Чаплин, писавший великому князю Кириллу Владимировичу 19 марта 1923 года: «Необходимо стремиться, дабы Россия и русский народ признали **ВАШЕ ИМ ПЕРА ТОР- СКОЕ ВЫСОЧЕСТВО** как единственного законного **БЛЮСТИТЕЛЯ ГОСУДАРЕВА ПРЕСТОЛА**, признает же ли **ВАС** за такового русское беженство в лице разных Марковых, Треповых, Скаржинских и им подобным для дела абсолютно неважно, и с русским беженством имеет смысл бороться лишь постольку, поскольку это необходимо, дабы оно не могло препятствовать **ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ** творить начатое **ВАМИ** святое дело».

Врангель был вынужден занять чью-то сторону и, как человек военный, признал бывшего главнокомандующего русской армией. Принципиально легче от этого не стало. Хотя великий русский философ Ильин и написал, что непредрежденчество есть скрытая форма монархизма, в окружении обиженного таким решением Кирилла Владимировича нашлись те, кто считал армию насквозь республиканской, требовал ее роспуска и отдачи под суд лидеров! В этой ситуации любое действие РОВС рассматривалось сквозь призму верности престолу. Именно поэтому

Врангель и был противником работы боевой организации Кутепова. Прежде всего, он понимал, что убийство даже Ленина или Троцкого не свергнет большевизм. Не стоит также забывать, что подобные методы борьбы были характерны для эсеров, которые прославились на ниве цареубийства. Оказываться с ними в одной компании барон не хотел.

А была еще одна сила, с которой приходилось считаться. На деньги Москвы пышным цветом расцвело движение «Смена вех». Суть его сводилась к тому, что надо признать большевизм и вернуться на Родину. Надо сказать, что немало эмигрантов, измученных тяжелыми условиями жизни на чужбине, клюнули на агитацию. Потери понесла и Русская армия. Достаточно назвать начальника штаба 1-го корпуса генерала Доставалова. В этих условиях приходилось постоянно напоминать про воинский долг. Поэтому Врангель и поручил начальникам отделов РОВС как можно чаще собирать офицеров для поддержания у них должного духа. После смерти генерала эта традиция продолжилась, стой лишь разницей, что инициаторами подобных встреч начали выступать чины «Внутренней линии». А это в корне изменило характер мероприятий.

* * *

«Рыбаки» из иностранного отдела ГПУ могли по праву гордиться «уловом» в мутных водах эмиграции. Одна успешная провокация сменяла другую. Даже если бы кроме операции «Трест» чекисты совсем ничего бы не сделали, это уже было бы весомым достижением. Даже подводя краткие итоги, трудно скрыть изумление: заманили в Россию Бориса Савинкова и Сиднея Рейли, выставили наивным юношей генерала Кутепова, развалили всю работу Союза национальных террористов, самых активных боевиков ликвидировали, опорочили Врангеля и всю монархическую идею, одурачили Генштабы минимум шести государств, смогли начать диктовать свои условия Болгарии и Югославии, наконец, похитили председателя Русского общевойскового союза прямо в центре Парижа.

26 января 1930 года, в воскресенье, Александр Павлович вышел из дома и направился пешком в русскую церковь. Потом он планировал зайти в Галлиполийское Собрание. Семья Кутепова ждала его к завтраку, но генерал не пришел. Предположили, что он задержался. В три часа обеспокоенная жена послала денщика узнать о причине задержки генерала. Оказалось, что у галлиполийцев Кутепов в тот день не был. Полиция немедленно начала поиски генерала во всех больницах, моргах,

полицейских участках.

Сразу нашлись и свидетели преступления. Один видел, как бешено сопротивлявшегося Кутепова заталкивали в машину. Другой — как дрался Александр Павлович с похитителями, пока не накинули ему на лицо платок с хлороформом. Судя по всему, это и стало причиной смерти председателя Русского общевойскового союза. У неоднократно раненого в боях генерала была отрицательная реакция на хлороформ, и даже его минимальная доза могла вызвать остановку сердца. Были и те, кто видел, как завернутое тело доставили на советский пароход «Спартак». Корабль немедленно взял курс в сторону Новороссийска.

Согласно данным, обнародованным ФСБ в середине 1990-х годов, Александр Павлович Кутепов умер от сердечного приступа вскоре после того, как теплоход прошел Черноморские проливы, в 100 милях от Новороссийска. Однако существует и еще одна версия, озвученная незадолго до смерти одним из старейших французских коммунистов Онелем. Его родной брат принимал участие в этой операции советской разведки. Именно он убил председателя Русского общевойскового Союза, когда тот попытался оказать сопротивление. Это противоречило замыслу Москвы. Пришлось везти труп генерала в парижский пригород Леваллуа-Перре, где жил Онель. В гараже его дома вырыли яму, которую потом залили раствором цемента. Проверить эту версию сегодня невозможно. Место, где находился этот гараж, застроено современными многоэтажными домами.

Французская полиция, при всем своем желании, не могла освободить Кутепова. По международным законам, корабли являются частью государства, и вторжение на них может расцениваться как начало войны. А воевать с Советским Союзом, тем более из-за бывшего белогвардейского генерала, никто не хотел. Тем более что первое в мире государство рабочих и крестьян достаточно четко выразило свое отношение к происходящему. 3 февраля 1930 года газета «Известия» посвятила половину первой полосы истории с похищением генерала Кутепова:

«Эта нелепая история в излюбленном, бульварном, детективном жанре специально инсценирована с провокационной целью. “Таинственное исчезновение” Кутепова послужило сигналом для неслыханной по разнузданности кампании, направленной против СССР и советского полпредства. «Исчезновение» Кутепова изображается как дело рук Чека, агенты которой якобы “похитили” Кутепова среди бела дня на улицах Парижа.

Есть достоверные сведения, исходящие из кругов, имеющих

отношение к правым элементам, что виновниками исчезновения Кутепова являются сами белогвардейцы, а именно та часть русских белогвардейцев, которая добивалась отстранения Кутепова и замены его своим кандидатом.

Есть и прямые данные, указывающие на то, что Кутепов, отчаявшись в борьбе с этой частью белогвардейцев и не видя другого выхода, решил уйти с политической арены. Он 26 января выехал незаметно в одну из республик Южной Америки, взяв с собой солидную денежную сумму.

Продолжение французским правительством его тактики пассивности и потворства и косвенного поощрения хулиганской кампании науськивания на дипломатическое представительство Советского Союза невольно создает впечатление, что правительство поддается на провокацию русской белогвардейщины и следует ее указке.

Мы вынуждены были со всей серьезностью поставить перед правительством вопрос: предпочитает ли французское правительство сохранению дипломатических отношений с правительством Советского Союза сотрудничество с белогвардейской эмиграцией? Совершенно очевидно, что нормальные дипломатические отношения несовместимы с такими фактами».

Уже потом, спустя многие годы, стали известны подробности: операцию проводили чекисты Янович, Пузицкий и Гельфанд. Им удалось не только на время нейтрализовать РОВС, но и сорвать заброску десанта на Кубань, который генерал намеревался возглавить лично. По некоторым данным, предполагалось участие до 4 тыс. офицеров. После похищения Кутепова обсуждение планов нового похода прекратилось.

Передать чувства, охватившие тогда русскую эмиграцию, я не возьмусь. Лучше Евгения Карловича Миллера об этом все равно не скажешь: «Русская эмиграция закипела негодованием, жаждою мести, желанием принести какие угодно жертвы, лишь бы вырвать генерала Кутепова из рук преступников. Частное расследование в течение многих месяцев работало с полным напряжением сил в помощь официальному французскому следствию, и за все это время широкой рекой текли в Комитет пожертвования со всех концов земли: и бедные, и богатые вносили свою лепту, ибо все поняли, кого они лишились; каждый лелеял надежду, что Кутепов жив, что его найдут, что он вернется к нам; не угасала и вера, что для французского правительства вопрос чести найти и покарать преступников, покусившихся на того, кому Франция оказала гостеприимство.

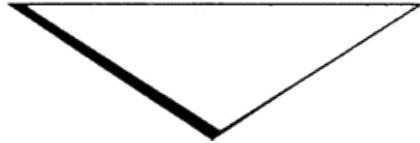
Увы, проходили дни, недели, месяцы... Наше расследование дало много ценных указаний французским властям, но... соображения «дипломатической неприкосновенности» ставили препятствия перед следствием.

Жестоко карает судьба русский народ, соблазненный большевиками. Велики его страдания и муки. Судьба безжалостно вырывает и из наших рядов всех тех, кому эмиграция верила и кому мог поверить русский народ. Не прошло и года со дня безвременной, в расцвете лет и сил кончины Врангеля, как скончался Великий князь Николай Николаевич, а через год большевики похитили Кутепова...»

Я не случайно употребил слово «изумление», оценивая результаты операций ОГПУ против русской эмиграции. Оно как никакое другое подходит для такого случая. Вы сами задумайтесь: Савинков — ас подпольной работы, действовавший на этом фронте больше 20 лет. На его счету убийство Плеве и великого князя, дискредитация «корниловщины», подготовка убийства Ленина, Ярославское восстание, организация походов отрядов Булак-Балаховича... Сидней Рейли на тот момент был шпионом номер один в мире. Генералы Кутепов и Врангель вовсе не были наивными гимназистками и с юношеским идеализмом расстались еще в Русско-японскую войну. Политические лидеры эмиграции не производили впечатления умственно неполноценных, а члены боевой организации — сплошь боевые офицеры. Как же удавалось чекистам выходить постоянными победителями в этих психологических дуэлях?

Однозначно прав был Борис Савинков, написавший в самый разгар операции «Трест» статью с символическим названием «В мире самодельных иллюзий». Умри, а точнее про русскую эмиграцию и не скажешь. Все жили в каком-то своем мире, который не имел ничего общего с реальностью. Достаточно привести лишь один пример: однажды на собрание РОВС, где жарко обсуждался вопрос, что будет после свержения в России большевиков, зашел один из «его сиятельств». Разумеется, поручики и штабс-капитаны попросили и его выступить, всем хотелось услышать авторитетное мнение. Так вот, они были крайне удивлены, услышав: «Эх, молодые люди! Ну что тут вам непонятного. Вот я, положим, был губернатором. Последний мой приказ в 1917 году имел номер, скажем, 428. Так вот, когда я вернусь на Родину, напишу указ № 429 и все вопросы отпадут сами собой». К огромному сожалению, такая оценка была характерной для эмиграции. Поэтому и принимались в штыки крамольные мысли, что в Красной армии вообще-то тоже русские служат, и если они начнут восстание против большевиков — им нужно помочь.

Пожелания пресекать на корню все подобные разговоры исходило из Москвы. Разумеется, не напрямую. Но поскольку эти мысли полностью соответствовали духу зарубежья, их и претворяли в жизнь. Доходило даже до того, что самые горячие головы считали, что в армию обновленной России нельзя будет привлекать генералов из РОВС. Чекисты могли быть довольны. О появившейся тайной организации в Москве в тот момент не знали, и, к своему ужасу, невольно сделали все, чтобы придать ей большой вес.

ГЛАВА 4.

Капитан Закржевский. Интервью Шатилова. Шатилов против Махрова. Идеология «Внутренней линии». Скоблин и Фосс. Отставка Шатилова

Начало активной работы «Внутренней линии» нужно вести с 19 ноября 1929 года, когда в Париж приехал один из лидеров организации капитан Закржевский. У него была идеальная профессия для разведчика — руководитель небольшого оркестра, который выступал на многочисленных русских праздниках. На одном из них он познакомился со Скоблиным, и генерал помог однополчанину — с тех пор Закржевский часто аккомпанировал Плевицкой. А это значило, что он получает доступ во все слои общества и можно начинать вербовать чинов для «Внутренней линии».. В огромном стенном шкафу квартиры Закржевского хранилась картотека на всех видных эмигрантов. Учитывались все антибольшевистские лидеры, особое внимание уделялось всевозможным компрометирующим данным. В картотеке корниловского капитана можно было легко найти адрес любого чина Русского общевойскового союза. И это не говоря уже о сведениях о его работе, принадлежности к той или иной политической или общественной организации. И самое главное — необходим он «Внутренней линии» или нет. База данных не ограничивалась Болгарией и Францией. В ней были сведения и о тех, кто проживал в Бельгии, Люксембурге и Германии. Закржевский гордился своим «архивом» и иной раз, будучи в хорошем настроении, шутил, что вполне может стать миллионером на ниве шантажа.

Сформировав таким образом «начальный капитал» он взялся расширять организацию. Тщательно отбирал самых лучших офицеров для подпольной работы на благо Родины и РОВС. Выполняя инструкции «Внутренней линии», все свои письма подписывал «Дмитриев». Впрочем, иной раз в этом и не было особой необходимости. Работал он всегда под прикрытием. Журналист Левицкий ездил по разным городам Франции, читая доклады о жизни в СССР. С ним всегда был Закржевский. Внимательно следил за реакцией зала, потом встречался со своими доверенными лицами и указывал им, кого можно привлечь в ряды тайного

ордена. Спустя некоторое время он лично встречался с неопитами «Внутренней.линии» и брал с них обязательство хранить тайну организации. После 18 месяцев долгой и плодотворной работы, можно было подвести первый итог: контрразведка получила разветвленную сеть агентуры по всей Франции. Можно было переходить к активным действиям. И тут на счастье «линейцев» в дело очень удачно вклинилась Москва.

* * *

Осенью 1932 года в управление Русского общевойскового союза пришли неожиданные гости. Член редколлегии газеты «Правда» журналист Михаил Кольцов решил взять интервью у самых отпетых врагов Советской власти, от каждого слова которых должна была холодеть кровь у всего пролетариата. Миллер был в отъезде, поэтому отвечать на вопросы пришлось генералу Шатилову. Это было уникальное интервью, не имеющее аналогов в истории. Барону Врангелю такое не могло привидеться и в кошмарном сне: наряду Колизе убежденный коммунист за чашкой кофе беседует с начальником его штаба, самым что ни на есть подлым врагом трудового народа.

21 сентября читатели газеты «Правда» были поражены, увидев огромную статью «В норе у зверя». Разумеется, с комментариями ОГПУ, но эффект от этого меньше не стал. Вылив очередную тонну помоев на всю «буржуазно-монархическую шушеру», Кольцов словно бы нарочно противопоставил двух генералов: Миллера и Шатилова. Почему нарочно, спросите вы? Потому что, сам того не ведая, он и начал ту незримую войну между «Внутренней линии» и председателем РОВС, цель которой была проста — в этом кресле должен быть Шатилов. Разумеется, журналисту об этом не говорили, но по ответам он совершенно верно уловил суть дела.

Та статья поразила всю русскую эмиграцию. Миллер был представлен как самый бесцветный и дипломатичный из генералов РОВС и не шел ни в какое сравнение с «мозгом и руками военной и воинствующей зарубежной контрреволюции». Рядом с Шатиловым находятся и настоящие лидеры, нестигаемые бойцы вроде Абрамова, и наше счастье, дорогие товарищи, что в РОВС такой никудышный председатель. Вот если бы на его месте стоял «активнейший деятель гражданской войны, который командовал большими соединениями, а главное был ближайшим соратником, личным другом и несменяемым начальником штаба Врангеля», то всем бы рабочим

и крестьянам пришлось очень кисло.

Последний абзац той статьи гласил: *«Генерал Шатилов, прекрасно подготовленный, с большим военным опытом, великолепно разбиравшийся в обстановке, отличался к тому же выдающейся храбростью и большой инициативой. А сегодня он должен терзаться бессильными судорогами честолюбия в обществе выживших из ума старичков».*

Если бы «Внутренней линии» удалось когда-нибудь заменить Миллера на Шатилова, то Кольцова следовало бы наградить по- царски. Сам того не желая, он поспособствовал привлечению в организацию неофигов, которые уверовали, что у них теперь настоящий вождь, чей авторитет признают даже большевики. Но это было только начало. «Линейцы» сполна воспользовались неожиданным подарком судьбы.

* * *

Приход Гитлера к власти в Германии в 1933 году и его лютая ненависть к коммунизму дали большинству эмигрантов надежду, что новый Кубанский поход все же состоится. К нему нужно было начинать готовиться. В этих условиях Шатилов с утроенной энергией взялся за дело. Неожиданно для многих его имя стало ассоциироваться со всей военной эмиграцией. Чины Русского общевойскового союза произносили его имя с трепетом. С ним и только с ним связывали они крах ненавистного большевизма. «Внутренняя линия» торжествовала. Еще немного, еще чуть-чуть и «115» станет председателем РОВС и тогда-то можно будет, очистив ряды от всех тайных пособников Москвы, начать готовиться к новым боям на Кубани и Ростове, как и завещал Врангель. Но не тут-то было!

Шатилов перегнул палку. Офицеры, не состоявшие в РОВС, устроили неожиданный демарш. Была в Париже газета «Единый фронт». Издавал ее старший лейтенант Черноморского флота Павлов. Внимательно проанализировав, как сказали бы сегодня, пиар-кампанию «символа всего Белого движения», он в весьма резких выражениях обвинил его в намеренно неправильном руководстве войсками в Крыму. Но и это еще не все. Павлов договорился до того, что Шатилов, дескать, вел сепаратные переговоры с Троцким, мечтая отдать красным Врангеля в обмен на возможность эвакуировать армию, чтобы потом возглавить ее.

Почин Павлова был немедленно подхвачен генералами Махровым и Мельницким, которые в статье «Добровольцы и их вожди» в еще более резких выражениях обвинили идеолога «Внутренней линии» в измене всей

России в целом и Белому движению в частности.

Разразился страшный скандал. Стремясь защитить честь всех руководителей Русского общевойскового союза, генерал Витковский вызвал на дуэль Махрова. Шатилов тоже не остался в стороне и послал секундантов к Мельницкому. Экстренно собравшиеся чины Марковского полка постановили, что если Витковский или Шатилов будут убиты на этих поединках чести, вставать на их место у барьера до полной сатисфакции.

Махров от поединка уклонился под предлогом того, что Витковский тут вообще ни при чем и не стоит ему лезть не в свое дело. Если у Шатилова есть к нему какие-то претензии, то он готов ответить за любое написанное им слово: *«На фронте 8-й армии, где я его знал, он обнаружил свою ловкость в получении наград. Шатилову удалось, отправившись на русско-японскую войну, вместо фронта устроиться в конвойную сотню Главнокомандующего Русской армией в Маньчжурии генерала Линевица, в которой и не участвуя в боях ухитрился получить все боевые награды, в том числе и Георгиевский офицерский крест.*

Возникает вопрос, как начальник штаба 8-й армии в Великую войну мог вторично представить его к награждению Георгиевским офицерским крестом, которым он уже был награжден в русско-японскую войну? Шатилов надеялся, что это представление получит ход и что ему заменят эту награду какой-либо другой по Высшему повелению. Однако начальник штаба 8-й армии генерал Ломновский это представление отклонил, после чего Шатилов перевелся на Кавказский фронт. В Белую армию Шатилов приехал генералом, украшенным двумя Георгиевскими офицерскими крестами, что удивило всех генералов Генерального штаба».

Но Шатилову было в тот момент не до Махрова с его воспоминаниями. Мельницкий вызов принял. 3 июня секунданты Шатилова, одним из которых был генерал Скоблин (он впервые появляется в орбите «Внутренней линии») договорились со своими «коллегами» об условиях поединка чести — дуэльные пистолеты, минимальное расстояние — пятнадцать шагов.

А вот тут-то в дело вмешался офицерский суд чести Русского общевойскового союза, которому активно указывала, что делать «Внутренняя линия». Контрразведчики стали активно обрабатывать Мельницкого, чтобы он отказался от дуэли. Дескать, для всего русского офицерства чудовищно трудно наблюдать за поединком чести между двумя генералами, жизни которых еще будут нужны освобожденной от большевиков России. В результате удалось достичь компромисса: письмо с извинениями, и Шатилов отзывает свой вызов. «Линейцы» прославляли

своего идеолога на каждом углу, доказывая всем, что таким героизмом и щепетильным понятием чести может обладать только истинный лидер всего Белого движения.

Был только один человек, который так и не понял, что происходит в Русском Обще-Воинском Союзе. Им оказался его председатель, генерал Евгений Карлович Миллер.

* * *

У читателя может сложиться превратное впечатление, что вся деятельность «Внут. линии» сводилась исключительно к интригам против Миллера. Это, безусловно, не так. Главная цель организации была власть в Русском общевойсковом союзе. И не стоит так же забывать о недопущении в ряды РОВС агентов ГПУ. И это сполна удалось. С 1932 по 1937 год, советская разведка даже близко не смогла подобраться к главной белой организации.

Конечно, для успешной борьбы с большевиками РОВС должен был возглавить более деятельный генерал, нежели престарелый Миллер. Рискнуть высказать крамольную мысль — его устранение было в первую очередь невыгодно Москве, которая все же пошла на такой шаг в сентябре 1937 года. На Лубянке должны были понимать, что следующим председателем союза станет какой-нибудь из ставленников «Внутренней линии». И все же решились на это.

Объяснение этому лично я нахожу только одно — в конце 1930-х годов в СССР уже перестали бояться Белых Армий. За пятнадцать лет большевикам удалось, путем невиданного в мировой истории насилия, установить свою власть на всей территории бывшей Российской империи. Бывшие добровольцы оказались рассеяны по всему свету. Интриги и скандалы сотрясали эмиграцию. Изменить ситуацию было не под силу даже «линейцам». Может быть, они и сами это понимали в глубине души. И все же продолжали выполнять свой долг. Как говорили древние, потеряно все, кроме чести. И эту честь контрразведчики РОВС сохранили, что бы потом о них ни говорили...

* * *

Шатилов вынес уроки из произошедшего скандала. Уже через

несколько месяцев, все чины «Внутренней линии» получили совершенно секретное предписание, составленное Закржевским. Само название «Идеология организации» однозначно указывало, что отныне контрразведка может расцениваться как тайная политическая структура, которая, если потребуется, дистанцируется от Русского общевойскового союза: *«Идеологически организация является восприемником и носителем идей Белого движения — внеклассовая борьба за Национальную Россию. Отсюда — естественный контакт с РОВСом, как наследником и продолжателем Белого Движения. Особенной чертой идеологической установки организации является ее национально-волевой и активно-борческий характер. Эти два факта составляют одно целое — основу жизни и работы организации, как органа революционной борьбы за Национальные идеалы. Нация и религия составляют наш духовный базис миропонимания, и эти две идеи мы противопоставляем коммунистическому учению с его интернациональной и безбожной идеологией».*

Самое время объяснить значение слова «нация» в документах Русского общевойскового союза, ведь этот важнейший момент совершенно неизвестен в современной России. Да и вообще, сегодня слово «националист» приобрело ярко-выраженный шовинистический оттенок, что к русскому военному зарубежью никакого отношения не имеет.

Великие русские философы Франк и Вышеславцев вывели такую формулу нации: *«Объединение людей связанных вместе в неразрывное целое общностью культуры, государственных и экономических интересов, историческим прошлым и общностью устремлений на будущее».* То есть национальное единство фиксировалось не на этническом, расовом или языковом принципе. Главное — жить на благо России. Не случайно уже тогда в эмиграции появилась весьма точная формулировка: *«Российская нация основывается на духовном родстве всех граждан страны».*

Еще дальше пошел Иван Александрович Ильин. В одной из статей цикла «Наши Задачи», написанных специально для чинов Русского общевойскового союза, он писал: *«Быть русским значит не только говорить по-русски. Но значит — воспринимать Россию сердцем, видеть любовь ее драгоценную самобытность и ее во всей вселенской истории неповторимое своеобразие, понимать, что это своеобразие есть Дар Божий, данный самим русским людям, и в то же время — указание Божие имеющее оградить Россию от посягательства других народов, и требовать для этого дара — свободы и самостоятельности на земле. Быть русским значит созерцать Россию в Божьем луче, в ее вечной ткани,*

ее непреходящей субстанции, и любовью принимать ее, как одну из главных и заветных святынь своей личной жизни. Быть русским значит верить в Россию так, как верили в нее все русские великие люди, все ее гении и ее строители. Только на этой вере мы сможем утвердить нашу борьбу за нее и нашу победу. Может быть и не прав Тютчев, что “в Россию можно только верить”, — ибо ведь и разуму можно многое сказать о России, и сила воображения должна увидеть ее земное величие и ее духовную красоту, и воле надлежит совершить и утвердить в России многое. Но и вера необходима: без веры в Россию нам и самим не прожить, и ее не возродить».

Не сильно разошелся с философами и один из лидеров правых Родзаевский. Он включил все народы российской империи (кроме евреев) в так называемую Российскую нацию. Хотя в рядах белых армий и они сражались, вопреки устойчивым мифам, о чем свидетельствует, к примеру, генерал Туркул: «В 3-й, помнится, роте моего батальона командовал взводом молодой подпоручик, черноволосый, белозубый и веселый храбрец, распорядительный офицер с превосходным самообладанием, за что он и получил командование взводом в офицерской роте, где было много старших его по чину. Он, кажется, учился где-то за границей и казался нам иностранцем.

В Корбины к нему приехала жена. У нас было решительно запрещено пускать жен, матерей или сестер в боевую часть. Ротный командир отправил прибывшую ко мне в штаб за разрешением остаться в селе. Я помню эту невысокую и смуглую молодую женщину с матовыми черными волосами. Она была очень молчалива, но с той же ослепительной и прелестной улыбкой, как и у ее мужа. Впрочем, я ее видел только мельком и разрешил ей остаться в селе на два дня.

Утром после ее отъезда был бой. Красных легко отбили, но тот подпоручик в этом бою был убит. Мы похоронили его с отданием воинских почестей. Наш батюшка прочел над ним заупокойную молитву и хор пропел ему «Вечную память».

Вскоре после того меня вызвали к командиру корпуса в Харьков. Проходя по одной из улиц, я увидел еврейскую похоронную процессию. Шла большая толпа. Я невольно остановился: на крышке черного гроба алела дроздовская фуражка. За черным катафалком в толпе я узнал ту самую молодую женщину, которую видел мельком в батальонном штабе. Мы с адъютантом присоединились к толпе провожающих. Вокруг меня стали шептаться: “Командир, его командир”. Оказалось, что жена подпоручика во время моего отсутствия перевезла его прах в Харьков.

Вместе с провожающими мы вошли в синагогу. По дороге мне удалось вызвать дроздовский оркестр; и теперь уже не на православном, а на еврейском кладбище с отдаением воинских почестей был погребен этот подпоручик нашей 3-й роты. Его молодой жене, окаменевшей от горя, я молча пожал на прощание руку».

Почему же об участии евреев в Белом движении ничего не известно? Причин несколько. Первая, и, пожалуй, главная состоит в том, что большинство евреев не поддерживали лозунга добровольцев «Единая, Великая, Неделимая Россия». Вторая заключается в том, что многие евреи скрывали свою национальность. Им было стыдно, что во главе врагов России стоял именно еврей — Бронштейн-Троцкий. Безусловно, был и страх попасть под волну антисемитских проявлений толпы.

Один из участников Белого движения писал по этому поводу: *«Еврейству открывался, может быть, неповторяемый случай биться так за русскую землю, чтобы раз навсегда исчезло из уст клеветников утверждение, что Россия — для евреев география, а не отчизна. По существу здесь не могло и не может быть выбора: победа противных большевизму сил через страдания ведёт к возрождению всей страны и в том числе еврейского народа».*

Особо подчеркну: не существовало в эмиграции тенденции сваливания всех возможных бед на евреев. Были, безусловно, радикалы, вроде Краснова, который этим пытался прикрыть собственные роковые ошибки, которые сказались на борьбе с большевиками на Юге России. Но серьезного влияния на зарубежье они не имели. Одно дело писательский дар, а совсем другое — политический. Огромной популярностью пользовалась точка зрения, что позорно для национального достоинства валить все на каких-то жидомасонов.

Мне доводилось разговаривать с потомками русских эмигрантов первой волны. Так вот, многие из них не скрывали удивления: почему в сегодняшней России слово «национализм» стало синонимом нацизма?

Виноват в этом прежде всего коммунистический режим, который 74 года уничтожал ту самую национальную общность интересов, подменяя ее советским патриотизмом. Разрушенная христианская основа общества, не говоря уже про государственную доктрину, не могла не дать на выходе всходы в виде радикального языческого нацизма, который априори не способен любить даже собственную нацию, не говоря уже про другие.

Сегодня среди интеллигенции все чаще и чаще раздаются голоса, что в вырождении классического русского национализма в современный российский нацизм виновата... русская эмиграция. Дескать, она не

подготовила почву для преемственности и возрождения страны.

Они были сильны умами. Они могли реагировать на ситуацию в СССР и предлагать разумные и достойные альтернативы, никому в той стране не нужные. Но к моменту краха коммунистической системы большинство виднейших представителей двух волн рассеяния почил в могилах немых. Немногие оставшиеся — были уже в преклонном возрасте и на власть не претендовали. Их дети давно уже стали иностранцами русского происхождения, которых историческая Родина мало волновала. Можно ли их в этом винить?

Русская эмиграция выполнила свой долг перед потомками, создав прекрасную политическую базу, которой до сих пор мы так и не воспользовались. Они были верны России, когда даже слова такого не было на карте мира...

* * *

Выполняя распоряжение генерала Миллера, Николай Владимирович Скоблин посещал группы чинов РОВС в тех странах, где гастролировала его жена. Чаще всего им удавалось бывать в Софии. В столице Болгарии Плевицкую особенно любили, устраивая долгую овацию после каждого концерта. Сам главный корниловец на них не ходил. Пользуясь тем, что большинство эмигрантов со слезами на глазах слушали «Замело тебя снегом, Россия», он проводил долгие переговоры с одним из основателей «Внутренней линии» капитаном Фоссом. Потом они вместе приходили на собрание Корниловского полкового объединения. В среде старых боевых соратников Скоблин преображался. Как говорил полковник Кондратьев, он снова видит своего командира таким, как во времена «Московской директивы». От меланхоличного директора певицы в эти вечера не оставалось и следа. Перед ударниками выступал волевой и властный человек, за которым хотелось идти и которому они верили безоговорочно.

Николай Владимирович энергично внедрял в родном полку идею офицерской элиты, которая обязана быть в первых рядах «Внутренней линии». По большому счету, Скоблин лишь воспроизводил знаменитые указания Закржевского, но делал это с таким энтузиазмом, что многие верили: их генерал — мозговой центр тайной организации. Что же внушал своим однополчанам Николай Владимирович? *«Совершенно необходимым внутри нашего Союза создать вторую высшую ступень для немногих поначалу, которая могла бы быть костяком для ставшего дряблым тела*

Союза. Выражаясь грубо большевистским языком, это ГПУ внутри компартии. Если сравнить членов Русского Обще-Воинского Союза с коммунистами, то мы, члены внутренней организации, являемся в отношении их чем-то вроде чекистов. Не пугайтесь слов, приведенных здесь только для пояснения. Когда мы вырастем и охватим весь Союз, отбросив из него все ненужное и дряблкое, все колеблющееся и не наше, тогда мы будем реальной силой, которая будет играть решающую роль в жизни как самого Союза, так и вне его — и в эмиграции, и в СССР».

К ужасу некоторых корниловцев, «ненужным и дряблым» оказался один из старейших ударников, первопоходник, начальник охраны вдовствующей императрицы полковник Левитов. За отказ вступить во «Внутреннюю линию» он был исключен Скоблиным из полкового объединения. (В 1937 году, после таинственного исчезновения Николая Владимировича, Левитов будет восстановлен в родном полку. Однако о тех событиях он предпочитал никогда не вспоминать. Даже в своих мемуарах, выпущенных в 1976 году в Париже, он ни словом не обмолвился о причинах исключения. Словно и не было такового никогда. А ведь рассказать ему было что. Вместо этого он ограничился пассажем:

«Многочисленная эмиграция все ожидала падения диктатуры большевиков на Родине и позабыла про свои обязанности бдительности за работой противника. Большевики этим воспользовались, и 23 сентября 1937 года ими снова было произведено похищение, жертвой которого стал на этот раз генерал Миллер. Для Объединения корниловцев это было двойным ударом: помимо самого факта похищения генерала Миллера, пало подозрение на возглавляющего Объединение генерала Скоблина, которого старшие офицеры РОВС пригласили дать свои показания в комиссариате полиции, но он уклонился от этого бегством. Его жена, бывшая певица Надежда Васильевна Плевицкая, была по этому делу осуждена французским судом на двадцать лет каторжных работ.

Последствия поступка Скоблина и Надежды Васильевны Плевицкой для Объединения чинов Корниловского ударного полка были очень тяжелы, помимо чисто моральных переживаний, еще и оттого, что возглавляющим Объединение был назначен бывший тогда в Болгарии полковник Кондратьев, прибывший во 2-й Корниловский ударный полк во время окончания боев в Крыму из Египта и был зачислен в полк только в Галлиполи, где был фельдфебелем 5-й роты. Послужного списка его я не видел, но он был, по его словам, Георгиевским кавалером. В войну 1941–1945 годов он боролся с большевиками в Сербии, где, будучи смертельно ранен и умирая, просил передать корниловцам, что он «умирает за полк».

Но, несмотря на это и помимо него кандидатами на пост возглавляющего тогда могли быть из числа старых корниловцев: командир 1-го Корниловского ударного полка полковник Гордеенко, командир 2-го полка полковник Левитов... Но тогда почему-то они этого назначения не заслужили, хотя вины за собой по делу Скоблина не только не имели, но некоторые из них даже предупреждали начальство о его ненормальном поведении, но нам не верили».

Почему же Левитов промолчал? Могу лишь высказать свое предположение. Одним из неписаных законов Русского общевойскового союза было: «Сор из избы не выносим». Кавалер ордена Святого Николая Чудотворца, председатель парижского отделения Общества галлиполийцев не мог поступить иначе. Как бы ни было тяжело у него на душе, какая бы обида ни разрывала сердце, он был человеком чести. Таких нынче уже почти нет. Это вот и есть та Россия, которую мы потеряли...)

Миллер был в восторге от деятельности Скоблина. О том, что генерал использует эти поездки исключительно для вербовки неопитов «Внутренней линии», председатель Русского общевойскового союза даже не догадывался. Больше того, он назначил главного корниловца начальником группы чинов 1-го армейского корпуса в Париже. Контрразведчики могли вздохнуть свободно. Ведь это произошло в тот момент, когда в отставку был отправлен Шатилов.

* * *

Сразу стоит оговориться: не председатель Русского общевойскового союза генерал Миллера был инициатором отставки Шатилова. События развивались сами собой. Начало опалы «115» было положено через несколько месяцев после несостоявшихся дуэлей.

В октябре 1933 года генерал Неволовский подал рапорт о выходе из РОВС. Он с горечью указывал на постоянные интриги Шатилова против «Объединения участников 1-го Кубанского, Степного и Дроздовского походов». Но и этого ему показалось явно мало, и неожиданно для всех он выразил глубочайшие сомнения в законности производства Шатилова в чин генерал-майора и в праве ношения им ордена Святого Георгия 3-й степени. Досталось и самому Миллеру. Неволовский сказал ему: «*Ваш предшественник, генерал Кутепов, считал Шатилова карьеристом, интриганом и негодяем. Почему же Вы слепо верите ему и не доверяете походникам, людям кристальной чистоты?*» Председатель РОВС тогда

промолчал...

Заявление Неводовского произвело эффект разорвавшейся бомбы. Несколько месяцев весь русский Париж только и делал, что обсуждал Шатилова с его погонами и орденами. В полемику были втянуты все, взаимные оскорбления, подаваемые под видом сарказма, стали восприниматься как нечто само собой разумеющееся. В результате умудрились переругаться между собой даже члены «Общества первопоходников», последовали вызовы на дуэль, со всеми вытекающими из этого последствиями.

Масло в огонь подлил председатель Союза кавалеров ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия генерал от кавалерии фон Кауфман-Туркестанский, который привел 25-ю статью статута как бесспорное доказательство: *«Удостоенный Думою к получению ордена Святого Георгия 3-й степени награждается оным не иначе, как с Высочайшего утверждения».*

Однако с этим не все было так просто, как хотелось бы недоброжелателям Шатилова. Генерал был представлен к ордену за отличие в боях у Битлиса. В тот момент Государя Императора уже не было, равно как и не было какой-либо верховной власти в стране. Поэтому совершенно естественно, что орден не был утвержден. Однако из этого вовсе не следовало, что Шатилов сам подделал представление к награждению.

Не остались в стороне от очередного громкого скандала в эмиграции и советские газеты. В одном из своих фельетонов Ильф и Петров писали:

«Идейные позиции подняты на неслыханную принципиальную высоту. кипит борьба, печатаются сенсационные разоблачения. И потрясенные белые шоферы в волнении давят на парижских улицах ни в чем не повинных французских рантье.

А спор вот из-за чего.

«Последние новости» заявили, что генерал Шатилов никакой не генерал, а полковник и генеральский чин возложил на себя сам, без посторонней помощи.

«Возрождение» заволновалось. Это что же такое? Большевистская самокритика?

Нет, генерал! И не сам на себя возложил, а на него возложили. И есть документы и свидетели. Но документов «Возрождение» почему-то не предъявило и свидетелей не показало.

В дело впутался Деникин: «Милостивый государь, господин редактор. Позвольте через посредство вашей уважаемой газеты...»

Одним словом, конечно, не генерал. Вылитый полковник.

Но «Возрождение» притащило какого-то своего бородача. Он весь был в лампасах, эполетах и ломбардных квитанциях на заложенные ордена. Глаза его светились голодным блеском. «Милостивый государь, господин редактор. Позвольте через посредство вашей уважаемой газеты...»

Лампасы утверждали, что своими глазами видели, как Шатилова производили в генералы. И они клялись, что это было волнующее зрелище. Даже солдатики, эти серые герои, якобы плакали и якобы говорили, что за таким генералом пойдут куда угодно, хоть в огонь, хоть в воду, хоть в медные музыкантские трубы.

Драка на кухне разгоралась.

— Не генерал, а полковник!

— Нет, не полковник, а генерал!

— Не только не генерал, но и георгиевский крест сам на себя возложил.

— Ничего подобного! Генерал — и с крестом!

— Нет! Без креста — и полковник!

— Сам полковник!

— От полковника слышу!

Приводили статуты, постановления георгиевской думы, приносили какие-то справки от воинских начальников, дышали гневом и божились.

И об одном только забыли. Никаких статутов нет, и о георгиевской думе никто на свете не помнит, и чертовых воинских начальников не существует, и все вместе с клоунскими лампасами и эполетами — давно забытая и никому не нужная труха, дичь, многолетний сон.

Как ни различны идеалы борющихся сторон (Полковник! Нет, генерал!), тон у них совершенно одинаковый — жалобный и болезненно обидчивый. Ничто им на земле не мило, все им не нравится».

Миллер с грустью наблюдал за всеми этими событиями. Разумеется, как председатель Русского общевоинского союза, был обязан встать на защиту Шатилова. Это он сделал. Но все чаще стал задумываться вечерами: что же происходит в РОВСе? Что значат все эти шушуканья и перешептыванья про ближайшего помощника Врангеля, который вынужден бездействовать, пока «плешивый архангельский дед» занимает не свое место? Что это за «Внутренняя линия»? Ясно, что это очередное тяжелое наследие кутеповских авантюр. Но как ее контролировать, если о ней ничего не известно? Шатилов и Кусонский заняли круговую оборону, не подступишься. А Скоблин, похоже, и сам толком ничего не знает. Что же

делать?

Евгений Карлович все больше склонялся к тому, чтобы подать в отставку, ибо разобраться в ситуации он не мог. Для большинства чинов Русского общевойскового союза он так и оставался чужим среди своих и мог опираться только на адмирала Кедрова и генерала Эрдели. Остальные или явно поддерживали Шатилова или в душе мечтали, чтобы Миллер освободил место председателя для «115».

По крайней мере, нужно было отдохнуть от этого сумасшедшего дома, как и советовал ему знаменитый профессор Алексинский. Миллер еще долго колебался, но в результате принял решение: он устал и на несколько месяцев просит освободить его от обязанностей председателя Русского общевойскового союза. На время своего лечения от переутомления возлагает исполнение обязанностей на своего первого заместителя — генерала Абрамова.

Летом 1934 года РОВС вошел в финансовый кризис. Пустая казна требовала предельно сократить раздутый штат. Пусть маленькую, но зарплату получали многие. Постоянные совещания с Абрамовым и Кедровым говорили лишь о том, что Миллер готовится передать дела. «Внутренняя линия» торжествовала. Еще буквально несколько дней и председателем станет один из тех, кто стоял у истоков контрразведки. И вот тут-то и был допущен страшный просчет.

Некоторые генералы белых армий предложили упразднить должность председателя, а создать совещание высших руководителей, которые коллегиально решали бы все вопросы. Эта идея встретила восторженную поддержку у «линейцев», которые бы получали власть, не прикладывая для этого особых сил. Журнал «Часовой», устами своего редактора Орехова, с радостью писал: *«Возникшая недавно мысль о военном совещании была встречена с большим удовлетворением значительной частью русского офицерства. Основание для этого — заявления ряда видных генералов и полученные нами письма от руководителей воинских организаций и отдельных воинских чинов».*

Однако Миллер, похоже, начал о чем-то догадываться. Он внезапно решил остаться на своем посту и даже перешел в наступление. Журналу «Часовой» он настоятельно посоветовал очистить помещение в здании, занимаемом управлением Русского общевойскового союза. На очереди был удар по Шатилову.

В своем письме генералу фон Лампе «115» сетовал: *«Большинство старых генералов, так или иначе, действительно настроены против меня. Недоволен и Миллер. Хотя он этого и не высказывал мне прямо. Старых*

добрых отношений как не бывало. Ясно, что моя персона для Миллера стала поперек тому решению, которое он принял для передачи должности Абрамову. Совершенно ясно для меня, что Евгений Карлович сильно устал и хотел бы отойти. Сложившаяся обстановка и изменение ко мне отношения вынудили меня написать ему письмо, в котором я предлагал освободить меня от обязанностей начальника отдела. Вчера Мишьер мне сказал, что он переговорил по поводу моего письма с Абрамовым, который ему заявил, что он не считает возможным принять временное председательствование Русским Обще-Воинским Союзом, при условии моего ухода. На этом разговор был окончен, и, по желанию Абрамова, я пока что остаюсь».

При всей своей наивности, Миллер наконец-то начал хоть что-то понимать. Отказ Абрамова однозначно указывал, что Шатилов имеет непосредственное отношение к этой таинственной «Внутренней линии». Значит, отстранить его от должности просто так не получится. Придется подождать. Знал бы Миллер, что в конце того письма заметил Шатилов: *«Хочу теперь упомянуть, как я расцениваю сложившуюся для нас обстановку. Прежде всего, для меня ясно, что в ней совершенно не участвуют те наши силы, которые вполне лояльны к возглавлению. Они ждут, прежде всего, распоряжений и ясного осведомления».*

То есть Шатилов показывал, что «линейцы» готовы к действию и ждут лишь сигнала. Это означает, что «115» просчитывал ситуацию на несколько ходов вперед. Что могли бы сделать контрразведчики, если бы ситуация стала развиваться не по их сценариям? Провокации и вброс компромата? Убежден, что не только. Инструкции «Внутренней линии» однозначно указывали на то, что может быть и физическое устранение. Не думаю, что пошли бы на убийство председателя Русского Обще-Воинского Союза, хотя и исключать такого тоже нельзя. А вот то, что его сторонников в случае чего, убрали бы за час — убежден. Ни о каких сантиментах тут речь бы не шла. Все «линейцы» подписывали обязательства, которое рассматривали как присягу. А ей, что они доказали на фронтах Гражданской войны, русские офицеры были верны до смерти.

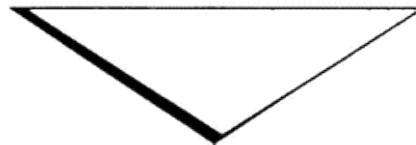
Абрамов, кстати, успел развить в Париже бурную деятельность. Едва Миллер уехал лечиться, он распустил контрразведывательный отдел бывшего жандармского генерала Глобачева, основанный в 1930 году после похищения Кутепова. Этот отдел, находившийся под общим руководством генерала Драгомирова, обошелся РОВСу в сотни тысяч франков. Организовав широкую и разветвленную сеть собственной агентуры, он начал вмешиваться в работу «Внутренней линии». Действуя тем самым на

нервы Шатилову и Абрамову.

Миллер, узнав о случившемся одним из последних, был взбешен. В письме фон Лампе он с горечью отмечал: *«Я знал, что Шатилов не пользуется симпатиями в наших эмигрантских организациях, но никогда не ожидал, что произойдет такой Бум. Кругом все закричали о развале Русского Обще-Воинского Союза, если только за старшего в Париже останется Шатилов, ибо невольно все руководство перейдет к нему. С меня было этого достаточно».*

На помощь Евгению Карловичу неожиданно пришло Министерство иностранных дел Франции. Очень Парижу не нравилась та активность, которую развил в кратчайшие сроки Абрамов. Его вежливо попросили покинуть государство, и чем быстрее он это сделает — тем лучше. А чтобы ему было не скучно одному возвращаться в Софию, г-н Абрамов может захватить с собой Шатилова. Он уже давно в горле сидел у французов, благодаря постоянным скандалам, связанным с его именем. Разумеется, Евгений Карлович, прервав свой отпуск, вернулся в Париж и взялся защищать генералов. Абрамова отстоять не удалось, а вот Шатилову милостиво разрешили остаться во Франции. Однако Миллер уже принял решение: он отправляет Шатилова в отставку.

Зачисляя официально Павла Николаевича в свое распоряжение, Евгений Карлович лишь подсластил преподносимую пилюлю. В приказе по Русскому общевойсковому союзу он принес Шатилову «глубокую благодарность» и выражал надежду, что и впредь он будет трудиться на пользу Белого движения. В целом «115» так и поступит. Только при этом он не путал больше интересы борьбы против большевизма с личностью «архангельского деда».

ГЛАВА 5.

Генерал Туркул. Скоблин против Федосеенко. «Бунт маршалов». Скоблин во главе «Внутренней линии»

Между тем, «Внутренняя линия» продолжала наращивать мощь. По предложению Скоблина, в орбиту тайной организации был вовлечен бывший командир Дроздовской дивизии генерал Туркул. Разумеется, ему сначала ничего не говорили о контрразведке, надеясь использовать его «вслепую» на первом этапе, а потом, играя на безграничных амбициях главного «малинового» офицера, предложить ему достойную должность в обновленном Русском общевойском Союзе.

Антон Васильевич Туркул был значимой фигурой для всего русского зарубежья. И поскольку он теперь будет постоянно появляться на страницах этой книги, стоит рассказать о нем подробнее.

В советской литературе его имя обычно сопровождалось эпитетами «каратель», «палач» и «сволочь». А в русском зарубежье один из самых молодых генералов Белой армии Антон Васильевич Туркул описывался как рыцарь, всю свою жизнь посвятивший борьбе с большевизмом. Во время Первой мировой войны он был трижды ранен, награжден орденом Святого Георгия IV степени и золотым георгиевским оружием, получил звание штабс-капитана. В его личном деле есть, к примеру, такой документ: *«Я, командир итурмовой роты 653-го пехотного Перемышлянского полка поручик Будняк, даю настоящие показания в том, что при прорыве неприятельской позиции 25 июня 1917 года под Станиславовым, я лично видел, как командир итурмового батальона штабс-капитан Туркул примером беззаветной храбрости увлекал всех подчиненных, идя впереди цепи, вливая дух бодрости и храбрости в солдат то одной, то другой роты. При этом батальоном было взято 5 орудий, 5 пулеметов и пленных 1142 солдата и 14 офицеров. 12 августа 1917 года».*

В конце февраля 1918 года отряд под командованием генерала Дроздовского выступил из Румынии на Дон на помощь Добровольческой армии. Антон Туркул был в нем фельдфебелем второй офицерской роты. В своих воспоминаниях «Дроздовцы в огне» он писал: *«Мать, которой пришлось жить в Одессе под большевиками, читала в советских сводках о белогвардейце Туркуле с его «бандами», которых, по-видимому, порядком*

страшились товарищи. Мать тогда и думать не могла, что этот страшный белогвардеец Туркул был ее сыном, по-домашнему Тосей, молодым и, в общем, скромным штабс-капитаном». Действительно, для большевиков дроздовский офицер был чуть ли не главным врагом всего трудового народа. Алексей Толстой в своем романе «Хождение по мукам» даже повысил Туркула в должности, чтобы показать его значимость в Белой армии: «Под артиллерийским обстрелом противника, занавешенные огнем единственного своего орудия, стрелявшего на картечь, дроздовцы бросились вплавь. В передней цепи барахтался в воде, как шар, захлебываясь и ругаясь, командир полка штабс-капитан Туркул. Красные отчаянно защищались, но неумело позволили опытному противнику окружить себя».

Дроздовцы своего командира любили, за глаза называли его «сам». Часто в атакующих цепях слышалось: «Сам прибыл. Ну, сейчас дадим красным жизни». Туркул действительно был несгибаемый боец. За годы Гражданской войны он потерял трех братьев. Одного подняли на штыки революционные матросы, которые ворвались в госпиталь, где он лечился. Второго сожгли живьем за обнаруженные в его карманах при обыске новенькие малиновые погоны Дроздовской дивизии. Как погиб третий брат — точно неизвестно. Известный в русском зарубежье писатель Иван Лукаш, бывший участник Добровольческой армии, так написал о Туркуле: «Он самый страшный солдат самой страшной гражданской войны. Он — дикое безумие атак без единого выстрела, подбородок, раскрытый вороненой рукоятью нагана, гарь яростных пожаров, вихрь безумия, смерти и побед».

В середине 1920 года эпицентром белой борьбы стал Крым. Дроздовская дивизия прибыла на полуостров после эвакуации из Новороссийска. Первые же минуты в Севастополе потрясли боевых израненных офицеров абсолютным равнодушием населения перед наступавшими красными. Для 19-летних юношей, которые составляли основу дроздовского полка, было немыслимо видеть, как по набережным вальяжно прогуливались офицеры с дамами под руку. Долго терпеть такое Туркул не мог. Офицерская рота получила приказ перекрыть в самый разгар гуляний все выходы из Морского парка и провести поголовную и беспощадную мобилизацию всех гуляющих господ офицеров. На утро местная газета вышла с гневной статьей о самоуправстве Туркула. В своих воспоминаниях «Дроздовцы в огне» Антон Васильевич так описал дальнейшее: «Несколько офицеров заняли все входы и выходы редакции одного местного радикального листка. Они вежливо предложили

господину редактору назвать имя того сотрудника, который травил в листке старейшие добровольческие части. Обнаружив автора, его тут же подвергли экзекуции в виде публичной порки».

Но и нарушения дисциплины среди самих дроздовцев Туркул подавлял беспощадно. Одной поркой дело не ограничивалось. Однажды он приказал казнить двух солдат своей дивизии за грабеж. Уже в эмиграции он писал: *«Хорошие солдаты, сперли у одной дамы, надо думать на выпивку, золотые часики с цепочкой и медальон. Я помню, как рыдала седая дама, как рвала в клочья свою черную вуаль, умоляя простить “солдатиков”. Поздно. Военный суд есть суд, а солдатский долг выше самой смерти. Бойцов расстреляли».*

Популярное в то время в Крыму выражение: *«По России стоит дым, то Слащев спасает Крым»*, скорее, больше подходило под описание действий начальника Дроздовской дивизии Антона Туркула в Севастополе. Только если генерал Слащев предпочитал вешать врагов, дезертиров и мародеров на березах, то Туркул просто расстреливал. Очевидцы так описывали это: *«О главном “дроздовце” в армии ходила слава, как о человеке, который с одного взгляда может узнать среди пленных комиссара. Обычно это происходило так. Стоя перед шеренгой, Туркул внимательно рассматривал красноармейцев, потом подходил к одному и говорил, обращаясь к своим офицерам: «Смотрите господа, явный комиссар. Такая тщательно скрываемая ненависть царит в его глазах. Кто из вас, господа красноармейцы, может подтвердить, что это не немецкий шпион? Никто? Конвой, отведите его к тем кустам!»*

Туркул относился к той редкой категории людей, которыми восхищались даже враги. Однажды перебежавший к большевикам дроздовец Барабаш написал письмо своему бывшему командиру. По поручению красного командования, он был готов дать любые гарантии не только в том, что жизнь Туркула была бы сохранена, но и что командир дроздовцев немедленно получил бы должность не ниже командира советского армейского корпуса. Антон Васильевич был оскорблен до глубины души. В своих воспоминаниях он с нескрываемой болью на сердце написал: *«Зачем он, верный дроздовец, променял все будущее русского народа, свободное, сильное, честное, на рабство коммунизма? Он ведь все это понимал и знал, за что мы деремся против кошмарной советской тьмы со всеми потемками — чтобы незапятнанным, чистым защитит для будущего образ России; ведь он сам четыре раза был с нами ранен в огне».* Туркул немедленно взялся писать ответ, что позорны и жалки ссылки на невесту, оставленную у большевиков. Заканчивалось

письмо так: *«Это не оправдание, когда почти у всех дроздовцев были замучены жены, невесты, матери, отцы, сестры, когда Россия затерзана. Я не верю в ваше счастье с невестой, и каким скотским будет это счастье, когда вы будете знать, что добивают ваших боевых товарищей, что добивают Россию, а вы добивать помогали. Не оправдание и то, что Вы не верите в успех белого дела. В успех не особенно верю и я, но лучше смерть, чем рабская жизнь в советской тьме, чем помощь советским палачам».*

Летом 1920 года бои дошли до крайней степени ожесточения. Против дивизии Туркула были брошены части красных курсантов, которые перед атакой пели переделанную белогвардейскую песню «Смело мы в бой пойдем». В новом варианте она заканчивалась словами «И всех дроздов уьем, сволочь такую». Пленные расстреливались и белыми и красными немедленно и одинаково беспощадно. Уже находясь в эмиграции, Туркул вспоминал об одном случае. Когда взятых в плен курсантов вывели на расстрел, один из них, к удивлению генерала, попросил разрешить им спеть «Интернационал». Туркул смотрел в глаза пленного и думал: как могла эта песня стать для человека главным в жизни, заменить ему Бога, Россию? «Отпевайте себя интернационалом», — только и сказал тогда командир Дроздовской дивизии.

Агония Белой армии была страшной, даже в эмиграции бывшие офицеры старались не вспоминать об этом. Начался переход на сторону противника, но даже при этом соблюдались понятия чести, которыми так гордились дроздовцы. Второй батальон дивизии перед последней атакой на красных вынес из-под огня всех раненых офицеров и только после этого сдался в плен. Армия готовилась к эвакуации из Крыма. Часть офицеров застрелились на севастопольской набережной. Раненые, волоча куски сползших бинтов, набрякших от крови, ползли на корабли по канатам. Личный шофер Туркула попросил разрешения остаться в Крыму, признавшись, что он большевик. В своих воспоминаниях главный дроздовец напишет: чему удивляться, когда все смешалось в России, когда большевик просит у белогвардейца, разрешения остаться у красных. *«А за верную службу спасибо, кто бы ты ни был, спасибо». За солдатскую верность, спасибо. И не поминай нас, белогвардейцев, лихом. Шофер заплакал без стеснения, утирая крепкой рукой лицо. Ну и дивизия, — бормотал он с восхищением. — Сейчас выгружайтесь, опять с вами куда хотите пойду...»*

Наряду со Скоблиным, Туркул считался любимцем командира 1-го армейского корпуса генерала Кутепова. Однажды Александр Павлович,

увлекшись, рассказывал о подвигах Туркула войсковому атаману Войска Донского Африкану Петровичу Богаевскому, который и сохранил эти слова для истории в своем дневнике: *«Что за удивительный человек! Необыкновенной храбрости и смелости, не знающий чувства страха: в каре окруженном пулеметами, с оркестром посреди, который играет вальсы, он спокойно отбивает бешеные атаки красной конницы, подпуская ее на 200 шагов. Горсть храбрецов тает, но он сам ведет ее в атаку на ту же конницу. В коляске на паре серых коней он, раненный, едет впереди цепи, заходит в тыл противнику, с пехотой делает мамонтовские рейды по тылам красных. И всегда весел, в отличном расположении духа».*

В эмиграции Туркул продолжал руководить своими дроздовцами. Но столь маленькая должность, да еще и в провинциальной Болгарии, тяготила генерала. Поэтому к предложению своего друга Скоблина он отнесся с огромным энтузиазмом. Смущала его лишь материальная сторона дела. Но «Внутренняя линия» все предусмотрела.

Закржевский предложил Скоблину, чтобы он открыл на паях с Туркулом бензоколонку, или, как ее тогда называли во Франции, бензиновую лавку. Потом можно будет попросить всех таксистов из галлиполийцев, чтобы они заправлялись только там. Они не откажут двум боевым генералам, последним командирам доблестных Корниловских и Дроздовских полков. Все вышло именно так, как и задумали «линейцы».

Скоблин обратился с просьбой о помощи для переезда Туркула в Париж к руководству Русского общевойскового союза. Николай Владимирович был уверен, что Миллер не сможет ему отказать. Евгений Карлович был двумя руками «за». Ему очень хотелось иметь рядом с собой такого активного человека, как дроздовский генерал. Вот только денег он, увы, дать не мог. А и надобности в них не было. Шатилов заранее подготовил 1200 франков на переезд Туркула. Разумеется, ближайший год Антон Васильевич, знавший, кто именно его благодетель, неустанно пел осанну верному сподвижнику Врангеля, настоящему лидеру Белого движения. Большого от него пока и не требовалось. Своими заявлениями он способствовал тому, что в орбиту «Внутренней линии» попали неопиты из числа дроздовцев.

* * *

К этому же времени относится и первая попытка объявить генерала Скоблина агентом Кремля. Все началось с того, что ГПУ, не переставшее

искать выходы на Русский общевоинский союз, вздумало завербовать известного своим пьянством непостоянными дебошами полковника-корниловца Федосеенко. Зачем Москве понадобился такой никчемный осведомитель — не понятно до сих пор. Как бы там ни было, таксист, едва сводивший концы с концами, сначала согласился работать на Москву, а потом, испугавшись, доложил обо всем Миллеру. В разбирательство непонятно зачем втянули Скоблина. И уже через пару недель Федосеенко начал рассказывать каждому встречному, что командир корниловцев тоже работает на Лубянку.

Такие слухи не были чем-то необычным в эмигрантской среде. Мало кому удалось избежать таких подозрений, если даже генерала Шатилова в этом обвиняли. Но на беду Русского общевоинского союза, этот скандал мало того, что стал поводом для шумной кампании в прессе, так еще и вытащил из небытия легендарного «выводителя на чистую воду всех и вся» журналиста Бурцева.

Владимир Львович был уникальным человеком. Сегодня о нем почти не вспоминают, но для интеллигенции начала XX века он был знаковой фигурой. В русском зарубежье его с пафосом называли «странствующим рыцарем печального образа» и «Геркулесом, взявшимся очистить Авгиевы конюшни».

Бурцев никогда не являлся членом какой-либо партии, чем очень гордился. Именно его можно считать первым независимым политический борцом в России. Подростком был склонен к религиозной экзальтации, мечтал о монашестве, но очень быстро разуверился в Боге. В 1897 году он начал издавать журнал «Народоволец», в котором пропагандировал народовольческие методы политической борьбы, делая акцент на революционном терроре. Делал он это в Англии. Так спокойнее призывать к бунту. Бурцев обвинял эсеров в том, что они сосредотачивают силы на казнях сановников, вместо того чтобы готовить убийство царя. При этом сам Владимир Львович испытывал особую ненависть к Николаю II. Он считал его источником всех зол и везде, где мог, проповедовал цареубийство. Однако после выхода статьи «Долой царя!» под давлением русского правительства Бурцев был арестован и обвинен английским судом присяжных в подстрекательстве к убийству. Полтора года он пробыл в лондонской каторжной тюрьме.

После Февральской революции Бурцев одним из первых начал кампанию против большевиков и всех, кого он подозревал в пораженчестве. Германскими шпионами ему казались тогда почти все. В июле 1917 года в газете «Русская воля» он опубликовал список тех, кого

считал «агентами Вильгельма II». Список из 12 имен, который торжественно открывали Ленин и Троцкий, венчался Горьким. Иванов-Разумник тогда назвал этот поступок Бурцева выходкой, вызывающей омерзение, а Горький в сердцах воскликнул: «Жалкий вы человек!»

Издаваемая Бурцевым «Наша Общая газета» была единственной из небольшевистских вечерних изданий, которая вышла в Петрограде в день большевистского переворота. За передовицу «Граждане! Спасайте Россию!» он был арестован по личному распоряжению Троцкого, став первым политическим заключенным советской власти. В Петропавловской крепости он провел пять месяцев, пока за него не вступился Горький. В газете «Новая жизнь» он писал: «Держать в тюрьме старика-революционера только за то, что он увлекается своей ролью ассенизатора политических партий, — это позор для демократии».

Эмигрировав в Париж, Бурцев продолжил свою борьбу с ненавистными ему большевиками. В 1927 году он выпустил на шумевшую книгу «Юбилей предателей и убийц». Одно только ее начало говорит о многом:

«По поводу октябрьского юбилея я хочу напомнить о том, что всегда лежало в основе деятельности большевиков, с чего начались их успехи и без чего они никогда не совершили бы своего октябрьского переворота.

Я говорю о том, что в основе всей деятельности большевиков всегда лежало совершенно откровенное и сознательное предательство России.

Свое предательство России большевики начали еще за границей — до войны. Предать Россию они продолжали и во время войны — сначала за границей, а потом в Петрограде — после революции — все время, до своего октябрьского переворота. Предателями России они были — и, быть может, больше, чем когда-нибудь раньше — и потом, когда захватили власть в свои руки. Да, они никогда не были непредателями.

Россия живет в условиях политического рабства, небывалого даже в аракчеевских военных поселениях. В грязь втоптаны все самые элементарные понятия свободы и права. Не существует ничего, даже отдаленно напоминающего и ту степень свободы печати, какая была при царской цензуре. Россия накануне дальнейшего разложения и разорения. Она потеряла свое бывшее международное значение.

Перед торжествующими юбилеями не могут не всплывать и воспоминания о последнем кровавом 10-летию с его небывалыми в России массовыми смертными казнями, убийствами, повсеместным народным голодом. Все это у всех на глазах. Никто об этом забыть не может.

Таким образом, ожидаемый юбилей не может не быть, прежде всего,

юбилеем слез, страданий, позора, — и как бы торжествующая большевицкая партийность не мешала пострадавшему населению демонстративно выявить свои истинные чувства, большевики не создадут в стране никакого праздничного настроения.

Да, они и сами не смогут не сознавать, что им собственно нечего праздновать в этот роковой день русской истории, и они не смогут отделаться от сознания того, что впереди у них нет и не может быть никакой надежды, чтобы, пока они существуют, страна смогла залечить нанесенные ей в продолжении последнего 10-летия раны.

Впереди у большевиков по-прежнему остается одна только надежда: ценою дальнейшего разложения страны насколько возможно дольше продолжить существование своей партии».

Доставалось от Бурцева и антисемитам. Он принял самое деятельное участие в Бернском процессе 1930-х годов, утверждая, что знаменитые «Протоколы Сионских мудрецов» — откровенная фальшивка. Свои мысли по этому поводу он изложил в книге «Доказанный подлог»:

«В них все построено на слепой, безграничной злобе против евреев. Это — яростный антисемитский памфлет. Но это, оказывается, вовсе не оригинальное произведение. Это — явный плагиат. В «Протоколах» имеются какие-то выжимки из обширной, десятилетиями — столетиями создававшейся, антисемитской литературы на разных языках. В них циничным образом использованы также и некоторые произведения, не имевшие никакого отношения к еврейскому вопросу.

«Протоколы» самими их авторами, очевидно, и не предназначались для агитации среди широкой публики. Да они, вообще, по-видимому, вовсе и не предназначались для печати. Если бы их предназначали для печати, то они, по всей вероятности, были бы сфабрикованы более осторожно.

«Протоколы» впоследствии (по-видимому, безучастия — а, может быть, даже вопреки желанию их авторов) были не раз напечатаны в России вскоре после их фабрикации и пришлось по душе русским реакционерам антисемитам, — их распространение в России вначале все-таки было сравнительно незначительное, а за границей о них очень долго — до 1918 г. — совсем ничего не знали.

Многие годы, — первые лет двадцать — в широкой публике, если и говорили о «Протоколах», то по большей части только, как о ничтожном пасквиле. Они долго не имели никакого влияния на политическую жизнь страны. Только впоследствии неожиданные роковые события в русской жизни в 1917–18 гг. дали, им широкое распространение!»

В эмиграции Бурцев жил в крайней бедности. Всему русскому Парижу

было известно, что у Владимира Львовича не было одеяла, и он укрывался старыми газетами. Никто не стремился помочь материально живой легенде. Возможно, потому что знали: Бурцев откажется. Его бескорыстие и неприкаянность давно уже были притчей во языцех. Еще в 1912 году Амфитеатров, который высоко ценил Владимира Львовича, писал: *«Из Бурцева вышел бы отвратительный директор банка, невозможный кассир, а в качестве министра финансов он в полгода разорил бы любую Голконду. Если мне скажут, что вчера у Бурцева был миллион, но протек сквозь пальцы, обогатив лишь кучку разных эксплуататоров и приживальщиков, — я нисколько не удивлюсь: это в характере Владимира Львовича».*

Прославившийся своим разоблачением легендарного эсеровского террориста Азефа, Бурцев видел смысл своей жизни в поисках в Париже агентов ГПУ. Таковые, к его глубокому огорчению, после похищения генерала Кутепова, затаились. Но он был свято убежден, что от его всевидящего ока им не скрыться. В одной из своих многочисленных статей по этому поводу он писал: «Меня поражает нежелание французов искать советский след в похищении генерала Кутепова. Ясно же, что генерал был похищен большевиками! Начали следствие, были многочисленные допросы, исписали груды бумаги. Но никто из большевиков не был привлечен к делу. Не только никого не арестовали или обыскали, но никого даже не осмелились допросить в качестве свидетеля! Что же удивляться, что большевики могут и похищать людей, и убивать их, и сухими выходить из воды».

В разгар скандала вокруг Скоблина к Бурцеву зашел в гости генерал Дьяконов, который попытался выяснить, что легендарный охотник за сенсациями имеет против корниловского командира. Бурцев разразился на эту тему долгим монологом, который через несколько недель появился в парижских газетах в виде отдельной статьи:

«Честно говоря, сам факт проникновения агента большевиков в Русский Обще-Воинский Союз меня не удивляет. Это естественно, что они пытаются заполучить там своего человека. Эта история меня очень заинтересовала, и я решил подробно в ней разобраться. Видите ли, считаю виновными, прежде всего, генералов Миллера и Шатилова, которые провоцируют своих подчиненных на ведение двойной игры с большевиками, полагая, будто в этой игре они выиграют. У меня на этот счет иное мнение.

В данном случае, люди, завербованные Советами, меня не интересуют. Я хочу доказать, что игра с агентами ГПУ в принципе недопустима и преступна, потому что лица, вступающие в отношения с

большевиками, не могут не сообщать им весьма важные сведения. А что они получают взамен? Ничего, кроме денег.

Я, прежде всего, разыскал полковника Федосеенко. По-моему, он искренен, хотя в его рассказе есть неточности и преувеличения. Но последнее не так важно для меня. Я не сомневаюсь, что Федосеенко в своей игре с большевиками зашел слишком далеко и сам испугался. Теперь он бросился разоблачать Скоблина, который тоже явно ведет такую же игру. И я уверен — с ведома и согласия Миллера.

Вообще же, я считаю главным действующим лицом во всей этой истории не самого генерала Скоблина, а его жену. В 1918 году Надежда Плевицкая находилась на территории красных, разъезжала по всему фронту с концертами, чтобы приободрить красноармейцев и вдохновить их на борьбу с Добровольческой армией. О чем это говорит?

Во время таких фронтовых гастролей Плевицкая вместе с отрядом красных попала в плен и немедленно перекрестилась в антибольшевичку. У белых она познакомилась со Скоблиным, сошлась с ним, а потом и вышла замуж.

Мне известно, что в Константинополе, когда генерал Слащев перешел к красным, Плевицкая упорно уговаривала Скоблина последовать примеру Слащева, которого определили преподавать в Высшую тактическую стрелковую школу РККА. Плевицкая убеждала мужа, что как русская народная певица она легко сможет устроиться и у красных и еще продвинуть своего мужа. Однако Скоблин не согласился».

Обратите внимание на важнейший нюанс. В деле впервые стала фигурировать Плевицкая. Через несколько лет эта статья Бурцева станет краеугольным камнем обвинения на процессе «Франция против агентов ГПУ Скоблина и Плевицкой». Впрочем, я забегаю вперед.

Эффект от этой статьи не оправдал ожидания Бурцева. Через несколько дней было созвано экстренное заседание офицеров Марковского полка. На нем зачитали специальное обращение генерала Миллера с призывом не верить «темным силам», которые стремятся сеять раздоры среди руководителей РОВС, и осудить провокатора, чернящего легендарного командира корниловцев. Евгений Карлович знал, к каким чувствам нужно апеллировать. Марковцев неофициально называли «те, кто умирает красиво». Такой характеристикой они чрезвычайно гордились. И честь своего полка, одного из старейших в Добровольческой армии, свято берегли. Не случайно еще в 1919 году одна из газет писала про офицеров в черно-белой форме:

«Замедленные тихие движения. Точно эти люди знают какую-то

тайну. Точно обряд какой-то совершают, точно сквозь жизнь в обеих руках проносят они чашу с драгоценным напитком и боятся расплескать её.

Сдержанность — вот отличительная черта этих людей, которых провинциальные барышни давно очертили “тонные марковцы” У них есть свой тон, который делает музыку, но этот тон — похоронный перезвон колоколов, и эта музыка — «De profundis». Ибо они действительно совершают обряд служения неведомой прекрасной Даме — той, чей поцелуй неизбежен, чьи тонкие пальцы рано или поздно коснутся бьющегося сердца, чьё имя — смерть. Недаром у многих из них четки на руке: как пилигримы, скитающиеся в сарацинских песках, мыслью уносящиеся к далекому гробу Господню, так и они, проходя крестный путь жертвенного служения Родине, жаждут коснуться устами холодной воды источника, утоляющего всех. Смерть не страшна. Смерть не безобразна. Она — прекрасная Дама, которой посвящено служение и которой должен быть достоин рыцарь.

Будет время, под благовест кремлевских колоколов преклонят перед Добровольческими полками — Дроздовским, Корниловским и Марковским — свои венчальные головы двуглавые орлы старинных знамен. И поблекнут старые девизы, и на скрижали истории будут вписаны новые».

Большинство собравшихся поддержало призыв председателя РОВС. Лишь один из марковцев начал горячо уверять друзей, что эта интрига — дело рук Деникина, надеющегося такими подлыми путями захватить руководство в Русском общевойсковом союзе. После собрания он начал было организовывать группу офицеров, чтобы пойти и избить Федосеенко, прямо на пляс Пигаль, где тот и работал по ночам. Пикантности ситуации добавляло то, что эта площадь — излюбленное место сбора французских проституток. Согласитесь, не самое удачное место для поединков чести. Услышав столь разумное объяснение, марковский офицер отказался от своего плана.

Бурцеву объявили «бумажную» войну. Первый залп нанесли корниловцы. Полковник Трошин от имени всех офицеров старейшего полка Добровольческой армии, в открытом письме в газету «Возрождение» указывал: «Мы, все, как один, встаем на защиту доброго имени того, кто в течение всего боевого периода гражданской войны вел нас к выполнению нашего долга. Пусть все знают, что генерал Скоблин — не один, он — это все корниловцы. Мы также горячо возражаем против всякого расследования, какое рекомендует Али-Баба в отношении генерала. Наш начальник вне подозрений».

Я долго не мог понять, почему Трошин так назвал Федосеенко. Ничего общего у полковника с героем арабской сказки вроде бы не было. А потом догадался. «Али-Баба очень хотелось посмотреть поближе на волшебную дверь, но он так боялся разбойников, что не осмелился слезть с дерева». Федосеенко никогда не осмеливался повторить свои обвинения в лицо хоть одному чину Корниловского ударного полка, стараясь выступать перед более дружелюбной аудиторией.

Журнал «Часовой», открыто поддерживавший «Внутреннюю линию» пошел еще дальше: *«Отметим то полное доверие, которое единодушно выражено генералу Скоблину на очередном собрании командиров частей и начальников групп 1-го армейского корпуса в Париже. К выражению этого доверия, уважения и симпатии присоединяется и «Часовой» и просит Николая Владимировича полностью располагать нашей скромной помощью, если бы она потребовалась в деле защиты его доброго имени».*

Скоблин подал Миллеру рапорт с требованием созвать суд чести для рассмотрения выдвинутого против него обвинения. Евгений Карлович об этом и слышать не хотел. Он считал генерала человеком кристальной честности и посоветовал ему не обращать никакого внимания на «писанину» Бурцева. Ответом Миллера Скоблин был польщен. Но всё же подал новый рапорт. Председатель Русского общевойскового союза был вынужден согласиться.

Суд чести под председательством генерала Стогова рассмотрел представленные материалы и допросил свидетелей полковника Федосеенко. Сам Скоблин на разбирательство даже не явился, предоставив письменные показания. Вердикт «присяжных» никого не удивил: *«Признать возведенные Федосеенко обвинения против генерала Скоблина необоснованными и ничем не подтвержденными».*

Генерал Кусонский писал в тот же день генералу фон Лампе: *«Кампания против Русского Обще-Воинского Союза складывается и строится также на многогранном основании. Тут и слабость главы, и обсуждение заместителя (хотя Евгений Карлович охотно передал бы власть, если бы таковой нашелся), тут и нападки на Шатилова, тут и денкиинцы, тут и происки честолюбия Кедрова. И безработица играет роль — людям нечего делать, поневоле всякая чушь лезет в голову и занимаются пересудами. О более глубоких и постоянно действующих причинах (долголетнее пребывание, деклассирование, озлобленность и др.) я уже не говорю».*

Точку в этом деле поставил, как и положено ему было по должности, председатель Русского общевойскового союза: «Примите от меня сердечные

приветствия по случаю окончания этого неприятного для Вас, Надежды Васильевны и всех нас дела».

И снова немного забегу вперед. Запомните, пожалуйста, слова Миллера. В этой истории мы к ним еще несколько раз обратимся.

* * *

Дотошный читатель наверняка мучается вопросом: откуда же автор взял все эти данные и свидетельства, если сам на первых же страницах сказал, что документов по «Внутренней линии» практически не существует. Нет, я не взялся домысливать и дописывать историю Русского общевойскового союза, как делают немало сегодняшних «историков», особенно в Интернете.

Часть документов по этой теме была приведена в известной книге Бориса Прянишникова «Незримая паутина». Один из самых первых членов Народно-Трудового Союза, сам бывший недолгое время в контрразведке РОВС, начал публиковать их с середины 1930-х годов. Но тут есть важнейший нюанс: я считаю большинство выводов Бориса Витальевича неверными. Прежде всего, что «Внутренняя линия» работала исключительно во вред всему русскому зарубежью.

Впервые я познакомился с этой книгой еще в начале 1990-х годов. Помню, что тогда она произвела просто неизгладимое впечатление. Рушилось множество мифов о единстве русской эмиграции, о несокрушимой спайке сердец в борьбе с большевизмом. Тема заинтересовала, я стал собирать материалы. С каждым годом их становилось все больше. Постепенно я пришел к убеждению, что Прянишников, как лицо заинтересованное, исказил картину, выставив факты в том свете, как ему было выгодно.

Я всегда подозревал в себе сумасшедшего. «Незримую паутину» читали сотни тысяч людей во всем мире, в том числе и те, кто застал события, о которых в ней идет речь. И никто не начал задавать автору простых вопросов. Никто не заметил очевидных нестыковок, когда описывается процесс над Скоблиным и Плевицкой.

Отчаявшись дождаться ответа этой книге, я вынужден был взяться за дело сам. Перечитал заново десятки воспоминаний и сотни статей по этой теме, отрывки из которых и привожу на этих страницах.

Один из тех, кому довелось читать рукопись, сказал: «Тебя назовут Суворовым Белого движения». Пусть так. Ничего не имею против. Если

моя книга заставит людей задуматься и проанализировать те события — буду только рад. Если у кого-то появятся вопросы — с огромным удовольствием на них отвечу.

В мои планы не входит кого-то и в чем-то убеждать. Я лишь предлагаю взглянуть на, казалось бы, незыблемые факты с другой стороны. Черт, как известно, кроется в мелочах. А в этой истории более чем странных мелочей хватает с избытком. И на них я буду заострять ваше внимание, прежде чем начну высказывать свое мнение о «предательстве» Скоблина.

* * *

Едва оправившись от одного скандала, руководство Русского Обще-Воинского Союза оказалось втянутым в гораздо более страшную дрязгу. Ее нельзя было избежать. Более того, эту мину замедленного действия заложил под себя сам Евгений Карлович Миллер. Являясь категорическим противником авантюризма из серии Союза национальных террористов, он фактически свернул всю боевую работу против СССР. Своим оппонентам он постоянно твердил, что даже десять сверхудачных выстрелов не способны, к нашему сожалению, свергнуть большевизм. Вот Ларионов взорвал партклуб в Ленинграде. И что изменилось?

Проблема была в том, что Миллера никто слушать не хотел. Молодые «цветные» генералы Пешня, Туркул, Скоблин жаждали активных действий. Их буйным нравам претила статика, в которую их погрузил «архангельский дед». Однако первые двое не знали, что являются лишь слепым оружием в руках «Внутренней линии». Шатилов, находящийся временно в резерве, не сидел сложа руки и активно подогревал недовольство Туркула, который был известен своим склочным и неуживчивым характером. В свою очередь, главный дроздовец постоянно агитировал командира марковцев Пешню взяться за дело. Скоблин, наблюдая за их ежедневными призывами начать действовать, а не дожидаться окончательного превращения РОВС в сборище выживших из ума стариков, им время от времени поддакивал, а сам, выполняя распоряжение Шатилова, доносил обо всем Миллеру.

23 февраля 1935 года в Париже произошло событие, вошедшее в историю эмиграции как «бунт маршалов». Тринадцать лидеров Русского общевойскового союза во главе с генералами Скоблиным, Туркулом, Пешней и Фоком предъявили Миллеру ультиматум. Да-да, надо называть вещи своими именами. Тот самый легендарный меморандум был именно «черной меткой», выражаясь пиратским языком. Что же хотели от

председателя РОВС молодые и активные Туркул и Пешня? (Фока назвать молодым — язык не поворачивается. Бывшему инспектору артиллерии Галлиполийского лагеря было уже 57 лет.) Прежде всего — превращения Русского общевойскового союза в политический центр всего национально настроенного зарубежья. И возобновление вооруженной борьбы с большевиками. В противном случае генералы выходят из организации, которая уже перестала быть передовым отрядом Белой России, а все больше превращается в ветеранский союз:

«1. Авторитет главного командования РОВСа совершенно утрачен в глазах 1-го армейского корпуса, многие или совсем отходят от Союза или переходят во вновь создающиеся организации — младороссов, имперцев и др.

2. Авторитет борьбы, ведущейся РОВСом, уже более не существует: голос везде один — с трагического дня 26 января 1930 года активная борьба с коммунизмом прекратилась.

3. Денежные средства РОВСа расходуются совершенно безотчетно и бесконтрольно.

4. Особый удар престижу РОВСа нанесен деятельностью Комитета по розыскам генерала Кутепова. Работа лиц, ведавших розыском, поистине была преступной.

5. Политика РОВСа не имеет никакой определенной линии.

6. Внутреннее положение РОВСа представляет совершенно хаотическое соединение частей Армии, объединений и союзов с разными правами и обязанностями и с разной юридической ответственностью.

7. На основе повсеместного недоверия к главному командованию родятся и ширятся слухи о Вашем уходе с поста Председателя, отсутствие единой воли и твердого руководства.

8. Вы как председатель РОВСа не отражаете идей, настроений и стремлений возглавляемой Вами национальной добровольной военной организации. Командование не может проводить только свои мысли, свои представления об активной работе, а обязано, по примеру погибших вождей Белого движения, вести РОВС по стопам действительно активной борьбы с большевиками.

9. В случае невыполнения наших условий мы, предвидя неизбежный конец РОВС, вынуждены будем выйти из его состава для того, чтобы организовавшись продолжать дело, начатое нашими вождями»

Подписи Шатилова под документом не было, но общий стиль меморандума однозначно указывал — «115» его, как минимум, редактировал.

Миллер с негодованием отверг требования «маршалов», но было уже поздно. Его престижу нанесли последний, сокрушительный удар. Лучшее, что мог бы сделать в тот момент Евгений Карлович, — подать в отставку. Однако он решил продолжать борьбу. Уже не за должность председателя РОВС. Евгений Карлович решил начать борьбу с «Внутренней линией». Поводом для объявления «войны» послужило письмо Шатилова. В нем он ждал, что уже около года не получал никаких сведений о жизни РОВС.

Конечно, никакой нужды он в этом не испытывал. Больше того, сам мог бы предоставить Миллеру любые данные о любой сфере деятельности Русского общевойскового союза. Мало того, что Скоблин и Закржевский оперативно сообщали ему все подробности, так и агенты с мест докладывали в Париж, что им до смерти надоело просто отбывать номер. Об этом и писал Шатилов Миллеру: «Было еще одно дело, которое осталось на моих руках, и которое простым решением Эрдели пожелал ликвидировать. Я говорю об организации Закржевского, связанного с Фоссом. Я принял меры к тому, чтобы, получив незаслуженные моральные удары, он не пошел бы по неправильному пути, и чтобы не повторились те ошибки, которые сделал Закржевский вскоре после моего отчисления».

То есть председателю Русского общевойскового союза дали ненавязчиво понять, что «Внутренняя линия» существует, руководит ей по-прежнему Шатилов, и соваться в ее работу Миллеру не нужно. Так ему будет лучше.

Однако Евгений Карлович почему-то не захотел, чтобы ему было лучше. Вместо этого он взялся разбираться, что это за неуловимая организация, которую даже закрыть нельзя? Адмирал Кедров был столь любезен, что поделился с председателем РОВС теми немногими данными, которыми он располагал о тайном ордене. Внимательно изучив все имеющиеся документы по этому поводу, Миллер в глубоком раздумье сидел над «шапкой» инструкций «линейцам». Фраза «Центр. 1 октября 1933 года» ставила его в тупик. Он поднял архив РОВС и удостоверился, что в те дни никаких приказов или распоряжений не издавал.

Генерал Русской императорской армии не привык чувствовать себя дураком. Вызвав самых преданных себе людей, он поделился с ними мучившим его вопросом: что делать с «Внутренней линией»? Большинство склонялись к тому, что это организация вредная и ее надо распустить. Однако с мнением своих помощников Миллер не согласился. Он посчитал вредным как раз роспуск набранной агентуры. Совершенно справедливо рассудив, что если он прикажет закрыть контрразведку, то она уйдет в еще

большее подполье и продолжит действовать бесконтрольно. И Бог его знает, что там в голову придет этому Закржевскому. В результате Евгений Карлович принял решение назначить начальником «Внутренней линии»... генерала Скоблина.

* * *

Я не возьмусь судить, что испытал Николай Владимирович Скоблин, когда ему сообщили о решении генерала Миллера. Но, думаю, что Павел Николаевич Шатилов в тот момент смеялся до слез. Поступок председателя Русского общевойскового союза лучше всего подтверждал данное ему Туркулом определение: «выживший из ума старик».

За всю историю русской военной эмиграции более глупого решения трудно найти. Оно свидетельствует прежде всего о том, что Миллер совершенно не понимал, что происходит в РОВС. Это в лучшем случае. В худшем, как это было принято в Советском Союзе, его можно было бы обвинить в планомерном вредительстве. Только не организации, а самому себе. Что, согласитесь, об умственных способностях если и говорит, то вовсе не в превосходной степени.

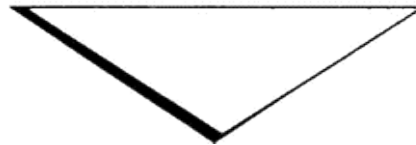
Да простят меня все те, кто трепетно относится к Евгению Карловичу Миллеру. Своей смертью он искупил все многочисленные ошибки и просчеты, сделанные им на посту председателя Русского общевойскового союза. Это словно о нем говорил великий философ Иван Александрович Ильин: *«Белое движение отнюдь не надо идеализировать: с одной стороны, всегда и всюду могут оказаться люди слабые, неустойчивые и даже порочные и наделать неподобающее; особенно после перенапряжений такой войны, которая велась недовооружённой армией; особенно когда вся страна болела смутю; особенно при поднятии такого исключительного по размерам и напряжению подвига. С другой стороны, самые лучшие люди могут совершать ошибки, недосмотры — да ещё при таких потрясениях, сдвигах и во всеобщем замешательстве и пересложнении».*

Необходимо признать: среди всех руководителей крупнейшей белой организации, от Врангеля до Харжевского, Миллер был самым слабым. Больше того: период его лидерства в Русском общевойсковом союзе совпал с полным развалом какой-бы то ни было работы и окончательного списания всего антикоммунистического сопротивления первой волны на свалку истории. Результаты тотальной бездеятельности Миллера и неспособности

его разобраться, что же именно от него хочет «Внутренняя линия», сказались уже через четыре года — 22 июня 1941 года.

Нападение Германии на Советский Союз русская эмиграция встретила разобщенной, не имеющей какой-нибудь твердо сформулированной позиции. Все только и делали, что продолжали грызться друг с другом. Трудно было ожидать чего-то другого, если учитывать, что за 7 лет председательства в РОВС Миллера, только этим и занимались. «Внутренняя линия» потратила уйму сил на попытки заставить Евгения Карловича думать, но все было впустую.

Я твердо убежден: если бы Миллера не похитили в сентябре 1937 года, то никакого бы Русского корпуса спустя 4 года Скородумов и Штейфон не организовали бы. Все время у них ушло бы на составление пространных меморандумов, в попытках объяснить генералу, что нынче не 1919 год, а новое время требует новых решений. Да, оба лидера «шюцкора» в РОВС не состояли. Но ведь подавляющее большинство чинов Русского корпуса были из РОВС и соответственно им нужно было получить разрешение председателя. Миллер колебался бы до последнего, что доказывает и участие русских добровольцев в гражданской войне в Испании.

ГЛАВА 6.

Миллер и «Внутренняя линия». Активность Туркула. Миллер против Скоблина. Выход Туркула из РОВС

Декабрь 1935 года ознаменовался тем, что Миллер издал собственные ценные указания чинам «Внут.линии». Что называется, доброе утро, страна! И что же хотел от контрразведчиков Евгений Карлович? Вы не поверите: им предписывалось вести наблюдение за большевистской агентурой, не допуская ее проникновения в среду РОВС. Кроме этого — наблюдать за враждебными организациями. То есть даже прочитав основные документы, составленные Шатиловым, Миллер так и не смог понять, что делает «Внутренняя линия». К огромному сожалению, умственный коэффициент окружения был еще меньше, чем у председателя РОВС, поэтому ему пришлось обратиться за дополнительными разъяснениями к Абрамову. Письмо, полное горечи и непонимания, содержало в принципе только один вопрос: почему ему никак не могут объяснить (!!!) что это за организация и чего она хочет достичь?

Я не берусь судить, что испытал генерал Федор Федорович, вскрыв конверте пометкой «срочно». Склонен предполагать, что он почувствовал жалость к «архангельскому деду», которому невозможно что-то объяснить. Как человек воспитанный, он не стал отвечать на это письмо развернутой версией вопроса «Сколько раз мы еще должны будем повторить Вашему Превосходительству, что такое «Внутренняя линия»? Вместо этого Абрамов посоветовал еще раз внимательно перечитать два документа: инструкцию чинам и идеологию организации.

Миллер, получив такой ответ, был оскорблен в лучших чувствах. Проникнуть в тайны «Внутренней линии» у него почему-то не получалось. Однако он нашел выход из положения. Вызвав генерала Скоблина, он снова (!!!) попросил объяснить ему, чем занимается контрразведка! А чтобы Скоблин сразу не посоветовал ему читать инструкции чинам и идеологию, начал беседу с простого вопроса: «Сколько человек состоит в организации»?

Николай Владимирович уже давно понял, что тут объясняй — не объясняй — лучше не станет. Поэтому он молча положил на стол председателю РОВС список из 26 фамилий. Сказать, что Миллер был

удивлен — это не сказать ничего. Он уже в глубине души смирился с тем, что ему никогда не постичь секретов этой организации, а тут главный корниловец протягивает руку помощи.

Однако Скоблин уже знал от Шатилова, что к нему обратятся за разъяснениями по поводу тайного ордена. Поэтому он заранее подготовился к беседе. Дело в том, что высланный из Франции Закржевский весь свой архив оставил именно Николаю Владимировичу. Выбрав из огромного списка 26 самых безобидных фамилий, которые ничего не говорили бы Миллеру, он как бы показывал: поводов для волнений нет никаких, господин генерал.

Вы же сами видите, что тут нет Шатилова, Закржевского, Абрамова, Фосса... Все, согласно вашему приказу, отошли отдел. Все под моим контролем.

Миллер на время успокоился. Освободившись от уже давно бесившего всех вопроса «Что такое «Внутренняя линия»?», Скоблин и Шатилов начали готовить ответный удар. Ничего не понимающий Миллер должен сойтись в бою с Туркулом, который рвал и метал, что ему, боевому генералу, никак не могут поручить нормального дела. Своими жалобами он изводил всех. Доходило до того, что люди старались не попадаться ему на глаза. Скоблин тогда ехидно сказал: «Дед его успокоит своим неторопливым бормотанием, что необходимо сначала составить меморандум». Шатилов засмеялся в ответ...

* * *

Постоянно появляющиеся сообщения о небывалой активности Туркула, о его желании свергнуть нынешнее руководство РОВС и взять власть в свои руки начинали действовать на нервы руководителям «Внутренней линии». Неуправляемого дроздовского командира становилось все труднее и труднее контролировать. А тут еще по каналам контрразведки прошла информация, что Туркул собрал своих самых доверенных однополчан, чтобы сформировать боевой отряд для вооруженной борьбы против большевиков. Других подробностей не сообщалось, кроме слуха, что, якобы на эти цели он где-то раздобыл 200 тысяч франков и завербовал четырех македонцев.

Встревоженный Шатилов немедленно вызвал Скоблина. Предстояло решить, насколько эта информация соответствует действительности. Все знали привычку Туркула выдавать желаемое за действительное, но чем

черт не шутит? Может, он действительно нашел такого же сумасшедшего, который взялся финансировать авантюру, которая только навредит «Внутренней линии»? Ведь в тот самый момент как раз пришло очередное донесение Фосса, что еще немного и для активизации борьбы против СССР все будет готово. Не случайно Шатилов писал фон Лампе: *«Для Вашего сведения сообщаю, что наша активная работа в России за последнее время сделала большой успех. Нам открываются большие возможности. К сожалению, недостаток средств не позволяет развить нашу деятельность в нужном размере. Однако лицо, хорошо осведомленное с результатами работы непосредственно, заявляет, что мы могли бы перейти теперь прямо к работе по свержению власти в России».*

Скоблин, побывавший недавно на полковом празднике дроздовцев, сразу успокоил Шатилова. Все это чепуха, никаких программных заявлений Туркул не произносил. Да и не умеет он. Каждый доброволец знает, что Антон Васильевич двух слов связать не может. В принципе мнению главного корниловца можно было смело доверять. Весь русский Париж знал, что, когда Туркул приезжал во Францию, он останавливался у Скоблина. Больше того, без него не делал ни шагу. Они даже к Миллеру ездили вдвоем. Острословы называли их двумя Аяксами. Однако Шатилов поручил еще раз все проверить. Скоблин сразу же написал письмо Туркулу. Ответ не заставил себя ждать. И поскольку этот документ является весьма важным в этой истории, стоит привести его целиком:

«Дорогой Николай Владимирович!

Вообще ничего не знаю о новой организации активной работы. Никто и ничего о ней нам в Болгарию не сообщает. Когда я говорил в Париже об активной работе, я ни одной минуты не желал становиться во главе новой организации. Я считал и считаю, что активная работа должна быть основой существования нашего союза здесь, за рубежом...

Активная работа — вот душа и сердце нашего союза. Прекратив работу, союз будет подобен живому трупу. Ни курсами, ни школами его оживить нельзя.

Ты пишешь, что активная работа должна быть передана нам. Принципиально я согласен, но считаю, что если нас не хотят, то не следует поднимать из-за этого шума. Нам важно, чтобы работа была, и работа большая и видная, важно, чтобы глава организации был смел и решителен. Опытов в этой области достаточно.

Неуспех новой организации будет большим скандалом. Мне кажется, что тебе выдвигать нас в штабе не совсем удобно. Если хотят нас видеть во главе, то пускай нас выдвигают другие. Если же придется работать, я

уверен, что мы не осрамим нашего оружия и сделаем все возможное для скорейшего низвержения власти товарищей в СССР».

* * *

В этот самый момент снова напомнил о себе председатель Русского общевойскового союза. Размышляя две недели над списком Скоблина, он пришел к выводу, что всей правды ему почему-то не сказали. Снова вызывать главного корниловца на доклад он не стал. Вместо этого поручил начальнику канцелярии РОВС генералу Кусонскому тщательно отслеживать все письма, которые приходят в управление из Болгарии, от Абрамова или Фосса. Докладывать незамедлительно.

Узнав об этом, Скоблин сказал Шатилову: «Старик делает все, чтобы прекратить само существование «Внутренней линии». Этому надо было помешать». На тот момент контрразведка и так была единственной структурой РОВС, которая работала не на бумаге. Закрывание тайного ордена означало окончательный крах всего Белого движения. Это была бы своего рода капитуляция. Единственный человек, который отказывался это понимать, — сам Миллер. Впрочем, справедливости ради стоит сказать, что Евгений Карлович не хотел полной ликвидации «Внутренней линии». Он решил, что коли Скоблин его обманывает, то надо его сменить на более покладистого человека.

Надо сказать, что сам Николай Владимирович спал и видел, как бы побыстрее отвязаться от должности начальника контрразведки. У Шатилова были далеко идущие планы, как лучше использовать опыт и авторитет генерала, и Скоблин знал о них. Больше того, они полностью отвечали его чаяниям. Поэтому он с радостью сложил с себя полномочия главного «линейца» де-юре, оставаясь де-факто одним из таковых.

28 декабря 1936 года генерал Миллер написал письмо подполковнику Мишутушкину, что с этого дня он возглавляет «Внутреннюю линию». Текст письма крайне интересен: *«В будущем я прошу Вас обращаться ко мне непосредственно по всем вопросам, относящимся к этой работе. Я категорически запрещаю личному составу исполнять приказания других лиц, даже и тех, кто в прошлом руководили Внутренней линией».*

Этот документ можно трактовать двояко. С одной стороны — классический акт отчаяния: «Ну, сделайте хоть что-нибудь с этой проклятой организацией!!!» А с другой — это начало активных действий против прежде всего Шатилова и Скоблина. Ведь именно они сделали все, чтобы

все лидеры тайного ордена могли спокойно руководить организацией.

Главная деталь письма Миллера долгие годы оставалась незамеченной, хотя это важнейший момент в деле о предательстве Скоблина. На суде все свидетели будут единодушно утверждать, что вражда началась в 1933 году. Это чепуха. На письме проставлена дата. Еще раз повторяю ее — 28 декабря 1936 года. До этого дня отношения между двумя генералами были больше чем дружеские. Евгений Карлович постоянно гостил в загородном доме Скоблина, заслушивался пением Плевицкой и вообще при каждом удобном случае подчеркивал, что главный корниловец для него не просто рядовой соратник по Русскому общевойсковому союзу. Однако на процессе по делу Скоблина почти все свидетели об этом забудут. Почти, потому что нашлось два честных человека: Савин и Трошин. Впрочем, я забегаю вперед.

Как мне кажется, письмо Миллера свидетельствует прежде всего о полном отсутствии у него чувства реальности. Несколько раз перечитывая устав «Внутренней линии», он так и не смог уяснить для себя простую вещь. Это был не просто лист бумаги, а нечто подобное присяге, которая для каждого честного офицера свята и незыблема. Миллер сам с гордостью говорил, что присяге, данной им Государю Императору, он не изменил. Интересно, почему же тогда Евгений Карлович решил, что самые проверенные белые воины вот так, запросто, забудут про свои обязательство перед тайным орденом внутри РОВС? Почему он так и не понял, что измена во «Внутренней линией» каралась смертью? И главное: не понял или не хотел понять?

Но и это еще не все. Каким образом Миллер собирался, сидя в Париже, контролировать исполнение своих приказаний в Софии? Если он рассчитывал, что Абрамов или Фосс подчинятся ему — значит, он был наивным ребенком, который не имел права возглавлять РОВС. Если не рассчитывал — значит, был глупцом. Генерал Русской императорской армии должен был хоть к старости освоить древнюю заповедь: «Угрожает всегда слабый.

Сильный действует». Тут же происходило с точностью до наоборот. Но Миллер упорно не хотел отдавать себе отчета в том, что он делает. Больше того, он «закусил удила» и принялся сводить счеты со Скоблиным.

Это еще один важнейший момент в этой истории. Запомните, чтобы потом не возвращаться на эти страницы: именно Миллер начал то, что потом назовут «русская война в Париже», а вовсе не Скоблин!

В январе 1937 года Миллер решил назначить капитана Киселева начальником группы корниловцев в Финляндии вместо преданного

Скоблину капитана Батуева. Николай Владимирович был в бешенстве. Добившись приема у председателя Русского общевойскового союза, он открыто ему заявил, что прикажет всем группам Корниловского полкового объединения не подчиняться Миллеру.

Это был уже не бунт. Это открытое состояние войны. Войны, в которой Евгений Карлович не имел ни единого шанса на победу. Авторитет Скоблина среди не только корниловцев, но и всех полковых объединений Юга России был настолько высок, что они все могли в одночасье перестать подчиняться Миллеру. Кем бы он тогда руководил? Сам собой? Или одним лишь начальником канцелярии Русского общевойскового союза генералом Кусонским, который сам жил надеждой, что недалек тот день, когда вместо Миллера РОВС возглавит Шатилов?

В отместку «архангельскому деду» Скоблин и Шатилов устроили новый виток «бунта маршалов». Командир марковцев Пешня всю Гражданскую войну служил в Корниловском полку. И, разумеется, Скоблин для него значил много больше, чем какой-то там Миллер. Но особо разошелся Туркул. Весь русский Париж содрогался от исторгаемых им ругательств в адрес «бездарной старческой головки», которая развалила Русский общевойсковой союз. В главном дроздовце неожиданно для всех проснулся Цицерон, и он с жаром взялся агитировать своих офицеров в необходимости перемен в РОВС. Прежде все, речь шла о необходимости боевой работы и четкой политической программы, дать которые мог только Шатилов, а не этот «трухлявый гриб».

Озлобленный до предела Туркул, подстрекаемый Скоблиным, перешел от слов к делу. Он организовал политическую партию Русский национальный союз участников войны. Выражая бешеное недовольство полным крахом РОВС, Туркул и его соратники, среди которых первую скрипку играл старейший чин «Внутренней линии» (а как же иначе-то!!!) капитан Ларионов, зывали всех начинать активно бороться за Россию. Программное выступление Антона Васильевича настолько показательно, что его имеет смысл привести почти полностью. Склонен думать, что его подлинный автор генерал Шатилов:

«Полтора года назад у меня и моих единомышленников возникла идея национального отбора — идея сплотить всех тех, кто в тяжёлой эмигрантской ночи во всех трудностях борьбы за кусок хлеба на чужбине не оторвался от своего Отечества и Народа, кто не смотрит на себя как на простого беженца, в лучшем случае, живущего интересами своей профессии. Такое ядро было создано. К нему стали примыкать все те, кто, как мы, сражался и стоял в боевом огне за Отечество, был Белым Воином

России и таковым Воином остался, и те, кто участвовал в Национальном Освободительном движении.

Раньше мы ждали слова приказа, но потому, что с нами были наши боевые Вожди. Такого слова, с тех дней, когда от нас вырвали генерала Кутепова, мы уже не услышим.

Нельзя же до бесконечности ждать, что кто-то или что-то спасёт Россию и самим ничего не делать. Нам пора начать верить в собственные силы, пора организовываться, работать.

Мы верим в Россию и Русский народ и не боимся наступающих событий, как бы грозны они ни были. Мы знаем, что Россия, какую мы, её верные солдаты, всегда защищали и создавали, Россия свободы, справедливости, Россия Бога Живого — выйдет из этих событий Воскресшей!»

* * *

В демарше Туркула Миллер усмотрел нарушение воинской дисциплины. Евгений Карлович так и не смог понять, что своими поступками отбил у своих подчиненных всякое желание видеть в нем вождя. Разговор в управлении Русского общевойскового союза был тяжелым для генерала. С болью на сердце он слушал заявление Туркула, что он выходит из РОВС. На следующий день Миллер подписал приказ №16: «Ввиду выхода генерала Туркула из состава Русского Обще-Воинского Союза впредь до назначения нового командира полка или возвращения Туркула в РОВС и к занимаемой должности — группы Дроздовцев должны непосредственно или через начальство групп I армейского корпуса подчиняться во всех отношениях начальникам соответствующих отделов РОВС».

Организация теряла еще только первую из своих живых легенд. Но не последнюю. Начальник канцелярии Русского общевойскового союза Кусонский писал генералу Абрамову:

«Я хочу поделиться с тобой своими впечатлениями от вчерашней беседы Евгения Карловича с двумя членами правления Туркуловского союза, явившейся результатом новой попытки «ликвидации» инцидента, инициатором которой, как я тебе писал, является (что для меня непонятно) Скоблин.

Для этого доклада о программе, уставе и деятельности союза явился полковник Чернощеков и А.А. Лодыженский. Он никогда в армии не

служил, но принимал участие в борьбе на юге России чуть не с самого начала и в Крымский период был симферопольский губернатор. При АПК (генерал Кутепов. — А. Г.) он как будто помогал чем-то в конспиративной работе, но Миллер говорил мне, что деятельность его была серьезной.

Союз преследует цель укреплять непримиримость, пробудить в военных кругах, а затем и во всей эмиграции, стержень которой он должен составлять, волю к борьбе и ко всякого рода активности; союз составляет военно-политическую партию, он также имеет целью бороться со всеми упадочными настроениями и подготовить эмиграцию к грядущим событиям.

Выработанная, но еще не отпечатанная программа, как я понял, носит обычный фашистский характер, но с различными деталями по вопросам рабочему, земельному и пр. и пр.

Когда Миллер задал вопрос, о какой же активности идет речь, и что они будут делать, чтобы показать эту активность, то оба собеседника очень затруднились ответить, указав лишь на пример, что будут бороться с «Последними Новостями», с союзом младороссов, а далее будут расширять свои действия. На мой вопрос, как же, например, они будут бороться с «Посл. Нов.», я получил ответ, что не останутся и перед тем, чтобы «убрать» Милюкова.

Как я понял из всего разговора, «делегатам» очень хотелось бы получить от Миллера разрешение чинам РОВС вступить в ряды Туркуловского союза — только это их, по моему мнению, и интересовало. ЕК ответил, что от них он желает получить лишь информацию о союзе, а о всем прочем может говорить лишь с самим Туркулом.

На основании вынесенных мною впечатлений я, не претендуя на безошибочность, могу вынести следующие заключения: намерения у них клонятся к тому, чтобы вытянуть из РОВС все, что в нем, по их мнению, еще осталось пригодного, получить, так сказать, самое ценное из имущества организации, обреченной на смерть, обратить эти остатки в политическую партию с лозунгами, завоевывающими все более сторонников во всем мире, и тогда стать и господами положения, к которым придет и иностранная моральная и материальная помощь, не говоря уже о том, что они станут «стержнем» (слово из их устава) русской эмиграции. Иллюзий и фантазий хоть отбавляй, но пока ничего не сделано, чуть ли не потому, что мешает генерал Миллер своим запрещением».

Генерал Витковский, будучи одним из старейших чинов Дроздовской дивизии, попытался примирить Миллера с Туркулом. Ничего из этого не

вышло, кроме того, что Антон Васильевич затаил лютую злобу еще и на своего бывшего командира. Кстати, кандидатура Витковского в тот момент рассматривалась многими как идеальная для начальника Дроздовского полкового объединения. Против выступил лишь генерал Кусонский. В письме фон Лампе он отмечал: *«Назначить Витковского было бы равносильно накласть себе самому 2... (прости за выражение), ибо такое назначение никем бы или почти никем бы не было признано и, следовательно, мы сами поставили бы себя в смешное и недостойное положение»*. Каким-то образом ему удалось отговорить председателя Русского общевойскового союза от этого решения.

Через несколько дней, в Галлиполийском собрании состоялась экстренная встреча дроздовцев. В адрес Миллера было брошено множество упреков, и справедливости ради надо сказать, что далеко не беспочвенных. В результате, «малиновые» постановили выйти из состава РОВС. Чтобы понять, насколько это было серьезное заявление для ветеранов Белого движения, достаточно привести короткий отрывок из журнала «Вестник Галлиполийцев»: *«Годы изгнания, тяжелые условия жизни на чужбине, это — тоже настоящее. Пусть горшее своей однообразной серостью, так непохожее на взлеты доблести в боях. Но что ж из этого; разве оно может зачеркнуть славное прошлое, убить веру в грядущее? У нас жив и никогда не умрет тот дух, который претворяет самую мрачную действительность в светлое служение Родине»*.

Демарш дроздовцев были готовы поддержать марковцы, которых активно агитировал Пешня, выполняя пожелания Шатилова и Скоблина. И уж само собой, готовились выйти из РОВСа корниловцы. Миллер, конечно, не признал постановления дроздовцев и по-прежнему считал их составной частью Союза, но кого он хотел обмануть этим? Авторитет председателя был на тот момент между нулем и ничем.

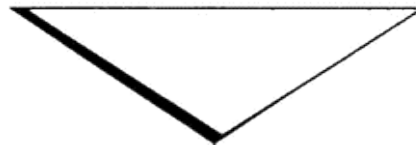
Тем более что Туркул не останавливался на достигнутом. Он словно взялся в кратчайшие сроки выместить на Миллере все обиды, накопленные за время его председательства в РОВСе. Главный дроздовец договорился в результате до того, что обвинил Евгения Карловича в нежелании исправлять преступные приказы Врангеля. Речь шла о знаменитом приказе № 89, запрещавшем чинам Русской армии вступать в политические партии. Туркул заявил, что, начиная с 1930 года, призывал Миллера отменить эту «ошибку», а он его все не слушал:

«Человек «вне политики» — это человек «вне жизни». Армия «вне политики» — это организм без души, который может оказаться не только бесполезным, но временами и прямо опасным для своего

государства, т.к. армия без души может оказаться беспомощной жертвой политиканов, играющих на шкурных и низменных чувствах солдатской массы.

Так было у нас 20 лет тому назад, в 1917. Поэтому мы категорически восстаем против парализующей волю и разум формулы «Армия вне политики», ибо каждый режим имеет свою армию, которая служит именно ему. Мы знаем также, что русского национального режима сейчас нет. Он, как и вся русская государственность, должен быть еще создан. И мы верим, что в создании его — именно мы, зарубежные кадры Российской армии, сыграем значительную роль. Процесс может оказаться обратным. Не армия воспримет политику случайно создавшегося режима, но режим будет таким, каким создаст его армия. Поэтому мы считаем политическую подготовку Российского офицерства совершенно и настоятельно необходимой».

Справедливости ради стоит сказать, что Туркул лукавил. Никогда до этого он не делал подобных заявлений. О необходимости активно бороться с большевиками — говорил, в необходимости назначения председателем РОВС Абрамова или Шатилова — уверял, а вот о партиях разговор никогда не заходил. Больше того: если бы Миллер поручил Туркулу возглавить, скажем, боевую группу, то у главного дроздовца еще лет десять не появлялось бы таких мыслей...

ГЛАВА 7.

Русская эмиграция и нацистская Германия. Гражданская война в Испании. Миллер и Шатилов. Русские добровольцы в армии Франко. «Внутренняя линия» против Миллера

В 1933 году в Германии к власти пришел Гитлер, прославившийся непримиримой позицией по отношению к коммунизму. Она пришлась по вкусу большинству русских эмигрантов. В то время большинство искренне считало, что только национал-социализм способен не допустить экспансии ленинских идей в Европу.

Беда в том, что большинство русских в той же Франции не читали откровений бесноватого ефрейтора в «Майн камф» или немецких газетах. Вряд ли идеи истребления «унтерменшей» и заселения благородной арийской расой огромного «жизненного пространства» в завоеванной России нашли бы столь уж горячую поддержку в русском зарубежье. Гитлер не был заинтересован в каком бы то ни было сотрудничестве с русскими. Все многочисленные попытки эмигрантов пробиться сквозь расовую догматику лидеров Третьего рейха терпели сокрушительные поражения. И при всем этом находились и неисправимые оптимисты, безотчетно верившие в «освободительную» миссию Гитлера.

И что самое удивительное, такие находятся и сейчас! Теперь они называют себя православными национал-социалистами и утверждают, что берут свои истоки у русской эмиграции. А поскольку эта книга как раз об эмигрантах, не мешает развеять этот миф.

Итак: православный русский национал-социалист. Во-первых, сам Адольф Алоизович неустанно подчеркивал, что его партийная идеология не является товаром для экспорта. Он же столь же постоянно заявлял, что религия в рейхе должна быть сведена к минимуму. Вот что писал об этом идеолог НСДАП, бывший студент Московского университета Альфред Розенберг: *«Пусть все эти святоши сами роют себе могилы. Они предадут своего драгоценного Бога ради нас. Вместо крови своего Спасителя они будут благословлять священную кровь нашего народа. Они поменяют свой крест на нашу свастику. Они возьмут плод германской земли и причастятся им как символом вечного единства нашего народа,*

точно так же как когда-то причащались облатками, символизирующими плоть их Бога».

Во-вторых, само определение содержит в себе уже непримиримое противоречие, ибо основы идеологии национал-социализма были взяты из германского эпоса, который, однако, не находится в родстве с православной традицией, хотя это и пытались доказать десятки «мыслителей» разных мастей. В-третьих, национал-социализме есть не что иное, как одна из ответвленных форм марксизма. Надеюсь, не надо напоминать, что знаменитые пункты Гитлера включали в себя откровенно коммунистические цели: запрет частной собственности на землю, рабочий контроль над администрацией заводов и фабрик, национализация крупных предприятий? Вся разница исключительно в том, что Ленин считал, что ради всеобщего счастья принес в жертву народ своей собственной страны, а Гитлер — принести в жертву другие народы.

Кстати, большинство сегодняшних коммунистов и не знают, что некоторые мысли Гитлера по поводу неполноценности славян есть не что иное, как переработанное и дополненное наследие Карла Маркса. Еще в 1856 году он писал:

«Русский медведь наверняка будет на все способен, пока ему известно, что другие звери, с которыми он общается, ни на что не способны.

В России у этого деспотического правительства, у этой варварской расы имеется налицо такая энергия и активность, которых тщетно было бы искать у монархий более старых государств.

Европа была неоднократно захвачена врасплох сокрушительной силой влияния России, внушавшего страх западным народам. Ему покорялись, как нему-то роковому; ему оказывали сопротивление лишь разобщенными, единичными и случайными усилиями.

Но это магическое действие, производимое Россией, сопровождается постоянно возобновляющимся скептицизмом; этот скептицизм следует за ней, как тень, растет вместе с ней, примешивая острые нотки иронии к стонам агонизирующих народов и высмеивая ее действительное могущество, как зловещий фарс, разыгранный с целью ошеломления и надувательства.

Создание более достойных и более уравновешенных социальных отношений, упразднение каст и привилегий, введение свободных государственных конституций, установление свободного хозяйства и обеспечение свободы мысли, — все это приведет к тому, что западные народы обретут снова единство и способность к волевым решениям, в то время как прогрессивное развитие масс и взрывчатая сила идей вдребезги

разобьют русский колосс.

Построив свою столицу у морских берегов, он бросил открытый вызов инстинктивному отвращению этой расы к морю, сведя ее значение к роли простого колесика в его политическом механизме».

Попытка доказать арийское происхождение славян по стандартам Третьего рейха ничего, кроме ироничной улыбки вызвать не может. Тот же Розенберг указал достаточно четко их место в расовой таблице. И он еще был предельно ласков. Основные специалисты по расовой теории рейха Ганс Гюнтер, Эрих Ристов и Людвиг Фердинанд Клаус написали в своих работах гораздо жестче. Разумеется, читать эти «научные изыскания» не каждый захочет или сможет. Гораздо легче уверовать в то, что книга «Недочеловек» была трагическим исключением из правил. Так вот, она не только не была таковым, а еще и являлась крайне мягкой формой той самой «Расовой биологии». Да что так далеко ходить-то, если можно вспомнить одно из откровений самого Гитлера: *«Славяне не годятся для того, чтобы быть носителями новой культуры. Они не творческий народ: стадные животные, а не личности! Ими можно и нужно управлять только с помощью кнута!»*

Сегодняшние гитлерофилы уверяют, что фюрер относился к славянам хорошо, а вот некоторые его сподвижники, будучи убежденными русофобами, осквернили сердечные чаяния фюрера о братском союзе двух народов. Во-первых, сам Адольф Алоизович славян ненавидел еще до вступления в НСДАП и даже бывший подданный Российской империи, прибалтийский немец Шебнер-Рихтер, имевший на него огромное влияние, ничего с этим сделать не смог. Даже если предположить, что он не погиб бы во время пивного путча, ничего бы от этого не изменилось. Гитлер по этому вопросу занимал сторону Геббельса, который много раз заявлял: *«Русские — типичные азиаты, кто бы ими ни правил. Они не способны ни на что, кроме паразитирования на теле Германии. Необходимо сдержать распространение этой заразы в Западную Европу».*

Во-вторых, это является гнусной клеветой на фюрера. Никто пока не смог привести доказательств того, что ефрейтор пылал страстными чувствами к русским. Напротив, ненавистью к ним проникнуто почти любое его выступление в «эпоху борьбы». В-третьих, в «Майн кампф» четко обозначен вектор развития германской внешней политики. Да, фюрер всегда мыслил масштабно и там не сказано, что славян надо извести под корень в ближайшие годы. Однако, про «земли на Востоке» забывать не рекомендую, тем более что в примечаниях плана «Барбаросса» все сказано достаточно четко:

«В этих областях мы должны сознательно проводить политику сокращения населения. Средствами пропаганды, особенно через прессу, радио, кино, листовки, краткие брошюры, доклады и т.п., мы должны постоянно внушать населению мысль, что вредно иметь много детей. Нужно показывать, каких больших средств стоит воспитание детей и что можно было бы приобрести на эти средства. Нужно говорить о большой опасности для здоровья женщины, которой она подвергается, рожая детей. Развернуть широчайшую пропаганду противозачаточных средств. Наладить их широкое производство. Распространение этих средств и абортны ни в коей мере не должны ограничиваться. Всячески способствовать расширению сети абортариев. Организовать специальную переподготовку акушерок и фельдшерниц и обучать их производству абортны. Врачи также должны иметь разрешение производить абортны, и это не должно считаться нарушением врачебной этики.

Лучше всего для нас было бы, если бы они вообще объяснялись на пальцах. Но, к сожалению, это невозможно. Поэтому — все максимально ограничить! Никаких печатных изданий. Самые простые радиопередачи. Надо отучить их мыслить. Никакого обязательного школьного образования. Надо понимать, что от грамотности русских, украинцев и всяких прочих только вред. Всегда найдется пара светлых голов, которые изыщут пути к изучению своей истории, потом придут к политическим выводам, которые в конце концов будут направлены против нас. Поэтому, господа, не вздумайте в оккупированных районах организовывать какие-либо передачи по радио на исторические темы. Нет! В каждой деревне на площади — столб с громкоговорителем, чтобы сообщать новости и развлекать слушателей. Да, развлекать и отвлекать от попыток обретения политических, научных и вообще каких-либо знаний. По радио должно передаваться как можно больше простой, ритмичной и веселой музыки. Она бодрит и повышает трудоспособность».

Сегодня, среди доморощенных поклонников бесноватого фюрера, принято утверждать, что сам Иван Александрович Ильин положительно оценивал национал-социализм. Все это чепуха. Говорить так могут исключительно те, кто никогда не читал «Наши задачи». Там черным по белому написано:

«Фашизм совершил целый ряд глубоких и серьезных ошибок, которые определили его политическую и историческую физиономию и придали самому названию его ту одиозную окраску, которую не устанут подчеркивать его враги. Поэтому для будущих социальных и политических

движений подобного рода надо избирать другое наименование. А если кто-нибудь назовет свое движение прежним именем («фашизм» или «национал-социализм»), то это будет истолковано как намерение возродить все пробелы и фатальные ошибки прошлого.

Эти пробелы и ошибки состояли в следующем:

1. Безрелигиозность. Враждебное отношение к христианству, к религиям, исповеданиям и церквам вообще.

2. Создание правого тоталитаризма как постоянного и якобы «идеального» строя.

3. Установление партийной монополии и вырастающей из нее коррупции и деморализации.

4. Уход в крайности национализма и воинственного шовинизма (национальная «мания грандиоза»).

5. Смешение социальных реформ с социализмом и соскальзывание через тоталитаризм в огосударствление хозяйства.

6. Впадение в идолопоклоннический цезаризм с его демагогией, раболепством и деспотией.

Русские «фашисты» этого не поняли. Если им удастся водвориться в России (чего не дай Бог), то они скомпрометируют все государственные и здоровые идеи и провалятся с позором».

В Русском общевойсковом союзе отношение к Гитлеру и его политике колебалось от сдержанного до выжидательного. Евгений Карлович Миллер, как и большинство генералов-участников Первой мировой войны, тяготел к Франции, с которой у России были союзнические обязательства. Но Париж, подписавший в 1935 году договор о взаимопомощи с СССР, уже не мог рассматриваться белым движением как партнер в битве с большевиками. Впрочем, эта самая битва была столь отдаленной перспективой, что всерьез уже в нее мало кто верил. Скорее эмиграция рассчитывала на окончательный термидор коммунизма. Но и этого ведь в конечном итоге не случилось.

Но выход из тупика надо было искать. Поэтому Миллер (немецкая фамилия тут абсолютно ни при чем) начал склоняться к союзу с Третьим рейхом. Большинство руководителей Русского общевойскового союза поддержали Евгения Карловича. Однако немцам это было вовсе не нужно. Во-первых, никакая «Единая, Великая и Неделимая Россия» их в принципе не интересовала. А во-вторых, в самой Германии нашлись сразу несколько русских эмигрантов, объявивших себя убежденными националистами и полностью поддержавшими гитлеровский шовинизм. Разумеется, с ними в первую очередь и сотрудились немцы.

В отчаянии Миллер писал генералу Добровольскому: *«Уменя имеются основания считать, что их связи и даже их деньги направляются типам вроде Туркула с тем, чтобы в результате было разложение Русского Обще-Воинского Союза. Кажется, в Берлине симпатизируют Масальскому, Меллер-Закомельскому и прочим мерзавцам. К несчастью, из всего происходящего можно заключить, что там не хотят пожать протянутую нами руку и что там берут верх сторонники захвата Украины или, по меньшей мере, украинские самостийники».*

Справедливости ради стоит сказать, что в отношении Туркула Евгений Карлович глубоко заблуждался. Безусловно, у главного дроздовца был какой-то могучий источник финансирования, позволявший издавать в Париже боевую газету «Сигнал» и вести независимую от Русского общевойска союза политику. Постоянные поездки Туркула в Берлин, его выступления на собраниях местной группы своей партии и хвалебные высказывания по адресу Гитлера словно бы указывали на его связь с немцами. Французов это откровенно раздражало, и они не сомневались, что Туркул — тайный агент гестапо. Но никаких доказательств не было. Уже после войны выяснится, что он сотрудничал с генералом Осима, японским военным атташе в Берлине. Возможно, именно поэтому главный дроздовец занял непонятную большинству чинов РОВС позицию в отношении отправки добровольцев в армию Франко.

* * *

В июле 1936 года в Испании вспыхнула гражданская война, расколовшая русскую эмиграцию. «Союз возвращения на Родину», существовавший на деньги Москвы, тут же организовал отправку добровольцев в интернациональные бригады, защищавшие красное правительство Пиреней. За это всем участникам боевых действий была обещана амнистия от советского народа, предоставление гражданства и возможность вернуться в страну. Их даже не смущало то, что они готовили Испании колхозное рабство, ужасы ГУЛАГов и уничтожение религии. После одного из заявлений лидеров «Союза возвращения на Родину», что Ленин был величайшим гуманистом, которого некоторые русские так и не оценили, не выдержал и ответил им ветеран полковник-корниловец Левитов: *«Когда мне говорят о «бескровной нашей революции», я всегда отвечаю — пусть эти господа спросят, сколько я видел пролитой крови во славу ее, хотя бы при подавлении первого восстания большевиков в*

Петрограде. С приходом на Русскую землю царства интернационала Ленина, которого в наши дни ученые мужи собираются провозгласить «величайшим гуманистом нашего века», эта карающая мера приняла широкий размах, где по желанию Ленина истреблялись люди не по персональной их верности России, но по принадлежности к сословию, которое было намечено к уничтожению».

Все чины Русского общевойскового союза в эти дни воспряли духом. Им предоставлялась долгожданная возможность продолжить борьбу с коммунизмом. О ней они мечтали бессонными ночами, когда перед глазами, сменяясь, словно в калейдоскопе, проносились русские поля, луга и леса. О ней они молились ежедневно, ведь жажда мести за поруганную Родину становилась единственным смыслом их жизни. Огорчало лишь то, что воевать придется не в России, а в Испании. Но, то, что против коммунистов, — компенсировало неудовлетворенность от превращения себя в ландскнехтов. Капитан Орехов писал в те дни: *«Наш долг — долг русской эмиграции — принять посильное участие в борьбе с большевизмом, всегда, везде и при всяких обстоятельствах. Не надо преувеличивать свои силы: никаких армий и никаких корпусов мы выставить не можем, единственно, что можно сделать — это создать значительный русский отряд под нашим флагом, который привлечет к себе русских людей, ненавидящих советскую власть».*

Журнал «Часовой», которые все воспринимали как неофициальный вестник РОВС, поместил в сентябре 1936 года письмо одного из первых русских добровольцев в армии Франко:

«Вот уже четырнадцатый день, как я сражаюсь за наше общее дело на стороне Белой Гвардии.

Я уже писал перед отъездом, что при первых же известиях о восстании испанского офицерства против агентов III Интернационала, я твердо решил вместе с моими товарищами бросить здесь все и идти сражаться. Хотя это грозило мне очень многими неприятностями, я это выполнил...

Перешло нас четверо человек границу Испанского Марокко. С первого же момента — то же, что было в Добровольческой Армии, когда к нам переходили с красной стороны. При первом же разговоре с пограничной охраной, когда выяснилось, что мы — русские, к нам отнеслись весьма недружелюбно. Надо вам сказать, что мы едва избежали больших неприятностей. Однако же, пройдя неизбежные опросы сержанта и лейтенанта из нижних чинов, мы добрались до командовавшего постом капитана, который оказался исключительно в курсе событий в России,

знал о существовании русской эмиграции и очень сердечно отнесся к нам. Я никогда не забуду этот вечер на пограничном посту, где мы — гости испанского офицера — впервые увидели со стороны иностранца понимание опасности большевизма и необходимости борьбы с ним до конца.

Мы, как могли, в первый же день нашего пребывания в Белой Испании выполнили свой долг и поведали ему, как горек опыт нашей Гражданской войны — той же, что они ведут сейчас; той, что мы начали много лет тому назад.

Затем нас отправили в штаб района, где мы встретили уже прямо дружеское отношение. Мы изъявили — все четверо — желание отправиться немедленно на фронт. Жили два дня в казармах. К счастью, все наши документы оказались в полном порядке и вполне удовлетворили штаб. На третий день мы были зачислены в N-скую офицерскую резервную роту и отправлены в порт Сеута, откуда на пассажирском аэроплане нас перевезли на полуостров.

Вдумайтесь в это понятие: «офицерская рота», в которой я нахожусь четырнадцатый день. Это то же самое, до странного, то же самое, что было у нас в первые месяцы Добровольческой Армии. Под знамена сейчас стеклись все; и стар, и млад. Рядом со мной в строю отставные штаб-офицеры, в то время как ротой командует капитан. Мы «числимся» в резерве, но уже участвовали в одном бою и трех стычках. Люди сейчас очень нужны. И, хотя нет названий «ударный» полк, наша часть с честью его заслужила.

Здесь, на испанском юге, все население против большевиков, Надо только видеть, как встречают Белых. Красные зверствуют, как и у нас. Мы, вот, прошли уже десятка два селений, и я лично видел разрушенные, сожженные и загаженные храмы, трупы священников, трупы детей и женщин. Я лично видел и присутствовал при составлении протокола: жену ушедшего к Белым жандарма, мать четверых детей, изнасиловала при детях банда красногвардейцев, потом при ней же увела двоих ее мальчиков. Страшные сцены, которые, естественно, ожесточают и белых. «Белые» — так они и называют себя.

Как солдат, я не могу писать многого, но скажу, что в испанской Белой Армии я почувствовал себя, как и мои товарищи, наконец, исполняющим свой долг. Наш поступок, то, что мы отказались от положенного нам маленького содержания, имея свои деньги, произвел огромное впечатление в нашей роте, где, кстати сказать, все довольствие и содержание идет на счет (личный) организатора роты — нашего

капитана — когда-то богатого человека (теперь его имени конфискованы правительством, и он сам приговорен к расстрелу).

Я, бывший русский офицер, горд и счастлив тем, что выполняю свой долг. Здесь борьба с большевиками не словами, а оружием. А что это большевики и не кто иной, надо посмотреть образцы пропаганды красных, действительно, талантливой. В городке С-о мы с налета захватили весь их пропагандный запас. Там мы захватили саженные портреты Сталина и Ленина, образцовые красные уголки, воззвания против религии, отвратительные антирелигиозные плакаты и пр. Испанские офицеры определенно говорят, что все это делается по приказанию резидента Сталина, живущего в Мадриде. В трагическое положение попали те офицеры (и даже генералы), которые пошли служить красным. Их держат, как спецов, при них комиссары, и их расстреливают при первой же боевой неудаче. Мы же здесь, в Белом лагере — все, от генерала и до последнего солдата — испанцы и немногие иностранцы — выполняем свой долг защиты веры, культуры и всей Европы от нового натиска красного зверя.

Если останемся живы, напишем. Если нет, запишите где-нибудь наши имена, чтобы их помянула Будущая Россия.

Искренне ваш, преданный б. поручик артиллерии Н.».

Разумеется, столь пламенный призыв не мог не найти пути к сердцам русских офицеров. Они немедленно стали осаждать управление РОВС с требованиями поскорее отправить их на помощь братскому народу Испании, которому коммунисты уготовили такую же участь, как и их Родине. Однако не все было так просто. Много раз генерал Миллер проводил совещания с высшими начальниками Русского общевойскового союза. На повестке стоял только один вопрос: как организовать отправку добровольцев, если штаб Франко относится к русским с недоверием? Была и другая весьма существенная проблема: Франция официально стояла в стороне от конфликта в Испании, поэтому переброску русских офицеров-эмигрантов следовало проводить скрытно. На это нужны были средства, которых не было. Больше того, не предвиделось.

Но такая мелочь, как отсутствие средств, не могла остановить ветеранов борьбы с коммунизмом. Генералы Скоблин и Пешня сразу заявили: Лавр Георгиевич Корнилов вел армию в бой, почти не располагая финансами и ничего, показали большевикам, что такое русский офицер. А мы чем хуже? От слов они моментально перешли к делу, предоставив Русскому обществу вой некому союзу всех чинов полковых объединений корниловцев и марковцев, готовых по первому зову бросить все и ринуться

в атаку на ненавистный им уже 20 лет красный интернационал.

А вот генерал Туркул, в принципе согласный с тем, что с коммунистами надо бороться везде, где только можно, неожиданно заупрямился. Своего благословления дроздовским чинам не дал, заявив, что тут каждый решает сам за себя. Судя по всему, Антон Васильевич поступил так не из чувства мести к Миллеру, который долгие годы был самым активным противником вооруженной борьбы с большевиками, а после настоятельных рекомендаций японцев не лезть не в свое дело. Дескать, скоро будет война с Советами, так что на ваш век коммунистов хватит.

Почин Туркула неожиданно поддержал возглавлявший группу чинов Алексеевского полка полковник Мацылев. Нет, он, так же как и Антон Васильевич, не был толстовцем. В основе его отказа лежало исключительно отрицательное отношение к Скобли- ну и Шатилову, поэтому он под разными благовидными предложениями уклонился от предоставления своих однополчан на нужды испанцев.

Больше всех выражал несогласие с отправкой русских добровольцев в Испанию Антон Иванович Деникин. Генерал указывал, что совершенно недопустимо так расточительно относиться к драгоценным жизням, пока большевизм не свергнут: *«Конечно, все наши симпатии и пожелания успеха должны быть на стороне Испании Франко. Мы не можем не относиться с добрым чувством к тем русским людям — мятущимся душам — которые пошли туда воевать; такие порывы были всегда у нас, даже в дни Англо-бурской войны. Мы испытываем моральное удовлетворение, когда слышим, что они поддержали там честь русского воина. Но массовое движение в этом направлении не составляет задачи русской эмиграции. Мы не можем позволить себе расточительности — реагировать так на всех полях противокоммунистической борьбы, покуда Россия во власти большевиков. Ибо кровь и жизнь русских нужна для ее освобождения и строительства».*

Наконец, Франко соизволил ответить на многочисленные запросы Русского обще воинского союза. 25 декабря 1936 года генерал Миллер издал циркуляр о порядке приема в армию кауди- льо. Русских брали в Иностраный легион с понижением в чинах. Они должны были сами добираться до территории Франко, иметь подписанные генералом Миллером удостоверения о благонадежности и переходить границу Испании по указаниям председателя РОВС.

Разумеется, все происходило под контролем «Внутренней линии». Человеком, который должен был организовывать переброску, стал капитан

Петр Пантелеймонович Савин, активный помощник Скоблина в контрразведке. После долгих переговоров с посольством франкистской Испании в Риме удалось получить визы на въезд в страну для обоих «линейцев». Однако Николай Владимирович под предлогом болезни супруги от поездки отказался. На самом деле ему рекомендовал остаться Шатилов, которому Скоблин был крайне необходим в Париже для очередного удара по генералу Миллеру.

* * *

Евгений Карлович был уникальным в своей наивности человеком. Это если говорить мягко. На самом деле можно и нужно говорить о фантастическом нежелании думать и выносить уроки из совершенных в прошлом ошибок. Казалось бы, генерал, долгие годы служивший в дипломатическом ведомстве, должен был разбираться в правилах политических игр. Он обязан был проанализировать катастрофу Белого движения на Севере России, с тем, чтобы не повторить просчеты на посту председателя РОВС. Вместо этого, он с упорством продолжал совершать те же самые ошибки. Генерал Шатилов побеждал в каждом раунде этой психологической дуэли за явным преимуществом.

Когда Скоблин предложил вместо себя отправить в Испанию Шатилова, это был уже даже не нокаут. Евгения Карловича, фигурально выражаясь, подключали к аппарату искусственного дыхания. Дескать, давай, старик, заканчивай эти игрища и иди на почетную пенсию. Хватит уже того, что ты за семь лет развалил весь РОВС. А мы так и быть назначим тебя почетным председателем. Но Миллер и этого не осознал.

Скоблин, уже давно понял, что на председателя Русского общевойскового союза можно вообще не обращать внимания. Поэтому он даже не удосужился предупредить Миллера о том, что сам в Испанию поехать не сможет. Вместо этого, он сообщил Савину, что компанию ему составит идеолог «Внутренней линии».

Разумеется, тот не возражал. Больше того, это давало ему возможность обсудить непосредственно с Шатиловым дальнейшие пути развития контрразведки.

Рабочую визу переписать удалось достаточно быстро. Оставался последний нюанс — поставить Миллера перед фактом. Шатилова на эту встречу решено было не приглашать, поэтому Скоблин и Савин вдвоем доложили председателю РОВС, что его приказание выполнено, и

представители крупнейшей военной организации русской эмиграции завтра отправляются на переговоры с Франко.

Евгений Карлович был в бешенстве. Понимая, что участие Шатилова в деле явно не спроста, он, не выбирая выражений, выговаривал Скоблину за неуместную и даже вредную инициативу. Речь шла уже о том, кто лучше проведет переговоры. На повестке дня стоял вопрос, доколе председателя Русского общевойскового союза будут держать за свадебного генерала. Скоблин ничего не говорил в ответ. Он лишь печально смотрел на Миллера, в глубине души проклиная его за упорное нежелание думать. Тем более, что весь праведный гнев Евгения Карловича ничего изменить не мог в принципе. Визы уже были получены, надо отправляться в дорогу. Миллер скрепя сердце был вынужден поручить Шатилову ведение переговоров и даже выдал ему три тысячи франков на представительские расходы.

Благодаря авторитету и известности Шатилова со штабом Франко удалось быстро договориться. Чтобы совсем уже не обижать председателя РОВС, лидер «Внутренней линии» даже выполнил его пожелание и два раза просил испанцев повысить жалованье для русских добровольцев: *«Состояние финансовых возможностей у наших добровольцев чрезвычайно ограничено. Если еще добровольцы, находящиеся во Франции, частично смогут иметь небольшие деньги для проезда через Биариц и даже через Геную, то добровольцы, находящиеся в Югославии или Болгарии, только в самых исключительных случаях смогут найти средства для оплаты всего пути до Испании».*

На обратном пути в Париж, по ненавязчивому предложению Шатилова, они заехали в Озуар-ля-Феррьер, где жил Скоблин, чтобы поделиться с главным корниловцем новостями. А доклад Миллеру мог и подождать.

Чтобы еще раз указать председателю Русского общевойскового союза его реальный авторитет в организации, Шатилов выставил ему дополнительный счет на 700 франков. Сказать, что Евгений Карлович был возмущен этим до глубины души, — это не сказать ничего. В письме генералу Абрамову (нашел кому жаловаться!!!) он писал:

«Шатилов заявил мне, что не будет безвозмездно заниматься этими делами. Тем не менее, продолжает интересоваться этим вопросом и старается добыть под него деньги. Все эти проекты, по крайней мере, сейчас, я отношу к области фантазии. Ибо весь его план зависит от субсидии, которая должна быть получена от лиц, которые, по его словам, готовы дать из принципа на противокommунистическую работу. Во всей этой комбинации меня беспокоит та тайна, которою окружаются лица,

желающие дать 15 тысяч франков в месяц, и желание Шатилова оставить за собою право распоряжаться этими деньгами. Он неисправим во всём, что касается денег. Он мне представил такой счет своих расходов! Тогда как от его спутника знаю, что они всё это путешествие сделали за счет лиц, которые их пригласили туда. У меня не хватило мужества устроить очную ставку между Шатиловым и его спутником. Я не могу, да и не хочу заниматься вопросом, как он будет давать отчет в своих расходах тем, которые ему дадут деньги... Но поскольку этот вопрос своей финансовой стороной связан с Шатиловым, моя душа не может быть спокойной».

Бывшего начальника штаба Врангеля постоянно обвиняли в том, что он любит деньги. Не знаю, как кто, а я пока не встречал человека, который деньги не любил. Да, Шатилов обладал комфортабельной квартирой, которой завидовали многие генералы. Но в этом нет ничего преступного. Как писал Фридрих Великий, умение обустроить уют на войне есть признак хорошего солдата. Поэтому, сдается мне, что Евгений Карлович лукавил. Если кого и следовало обвинять в сибаритстве, так это Скоблина, обладавшего загородным домом и собственной машиной.

Адресат письма говорит о многом. Даже наивный Миллер должен был понимать, что Абрамов, бывший ближайшим другом Шатилова, немедленно передаст ему содержание письма. Значит, была надежда, что тот обидется и перестанет вмешиваться в работу Русского общевойскового союза. А его председателю только это и нужно было. Тем более он уже принял решение: в дальнейшем заменить Шатилова командиров марковцев генералом Пешней, о чем и сообщил представителям Франко и Савину.

Это решение лично я расцениваю как феерическую глупость. То есть Миллер решил заменить одного «линейца» на другого. Или он рассчитывал, что Пешня настолько возгордится оказанным ему высоким доверием, что забудет о своей многолетней дружбе с тем же Скоблиным?

* * *

Пешня и Савин энергично взялись за дело, не забывая информировать обо всех деталях своих соратников по «Внутренней линии». В этом деле им активно помогал адъютант Скоблина капитан Григуль, который лично и формировал группы добровольцев по восемь человек для отправки на битву с испанскими коммунистами.

Первыми уезжали корниловцы. Провожая их на вокзале, Николай

Владимирович тщательно инструктировал старшего группы капитана Белина: отдельного купе не занимать, сидеть порознь, поддерживать между собой зрительную связь и ничем не привлекать внимания полиции. У Скоблина были серьезные основания для опасений. Накануне полиция задержала группу молодых французов, которые отправлялись на помощь Франко.

Проводив корниловцев, их начальник немедленно отправил телеграмму французу Барреру, который выступал посредником в переправке русских добровольцев. Поскольку он был владельцем консервной фабрики, текст донесения был вполне безобидным: «Восемь ящичков консервов получены».

Баррер тут же заказал номера в скромном отеле, где приехавшие корниловцы могли пообедать и переночевать. Хозяйка пансиона, настроенная яро антикоммунистически, встретила ветеранов борьбы с ними, как своих близких друзей. К вечеру пришла и «консервная душа», как назвал кто-то из добровольцев Баррера. Познакомившись со всеми, он рассказал им дальнейший маршрут: нелегальный переход границы в условленном месте, где их встретит представитель Франко и поможет со скорейшей отправкой на фронт.

Таким образом, удалось пополнить испанскую армию 32 опытными бойцами. Все испортили русские газеты в Париже, в которых стали частенько появляться письма добровольцев из Испании. Превзошел всех журнал «Часовой», начавший публиковать статьи некоего Белгородского, который в одиночку добрался до частей Франко. Однако такого человека никто в русской эмиграции не знал. Но и сохранить инкогнито ему не долго удавалось. Кто-то очень быстро определил: Белгородский — это генерал Шинкаренко, прославившийся стихами памяти барона Врангеля. Обсуждение его рассказов из жизни испанских борцов с коммунизмом привлекло внимание французских властей к проблеме нелегальных переходов границы. Было усилено наблюдение, и пятая группа, возглавляемая капитаном Максимовичем, была задержана полицией. После провала, отправки добровольцев из чинов Русского общевойскового союза были прекращены.

Таким образом, последним русским в рядах армии Франко можно считать генерала Фока, одного из участников легендарного «дела маршалов». В бою под Кинто, влюбленный в свою профессию, он командовал артиллерией в одном из отрядов. Красные одержали верх, франкисты дрогнули и побежали. В качестве трофея победителям достался чемодан Фока, в котором были письма и документы, свидетельствовавшие

о полном разрыве с генералом Миллером. Доставленные в Москву, эти бумаги были использованы советской печатью для пропаганды против «оголтелой белогвардейщины»: *«При генерале Кутепове Русский Обще-Воинский Союз представлял собой крупнейшую в эмиграции военную, национальную организацию, сильную духом, непримиримую к большевикам и богатую денежными средствами. Теперь же нет действительной помощи больным, увечным, нетрудоспособным и старикам, что же касается профессиональных военных знаний, то эта широкая работа проводится помимо Вас, и началась она инициативой Великого Князя Николая Николаевича и генерала Головина, под общим руководством которого и ведется.*

Что Вы — человек, по своей психологии чуждый борьбе, учитывал и генерал Кутепов, который, считая Вас своим заместителем, как старшего из чинов, на время своих отлучек, приказ о Вашем заместительстве по Русскому Обще-Воинскому Союзу на случай оставления им поста Председателя Союза не отдавал. Мне, как и Вам, достоверно известно лицо, предназначавшееся генералом Кутеповым в его заместители, но которое упорно отказывалось (речь, вероятно, идет о генерале Абрамове. — А.Г.). Вступив в исполнение обязанностей председателя РОВС по чисто формальным основаниям, в трагические минуты исчезновения генерала Кутепова, Вы не могли не чувствовать своего несоответствия занимаемому посту председателя активно-боевой организации — наследницы белой борьбы.

Я считаю, дабы сохранить Русский Обще-Воинский Союз от окончательного развала и вернуть его к исполнению основной задачи — к активной борьбе с большевиками, что Вам надо уйти от занимаемого Вами поста и найти способ передать его в более сильные руки лица волевого, твердого, правильно понимающего обстановку и широкие национальные задачи в борьбе с большевиками».

Спустя несколько недель, в своем последнем бою, генерал Фок, израсходовав все боеприпасы, застрелился. Каудильо Франко не забыл подвига лейтенанта «Терсио Донна Мария де Молина», наградив его посмертно высшей испанской боевой наградой.

* * *

А в Русском общевойском союзе продолжали происходить странные вещи. Казалось бы, начальник II отдела генерал фон Лампе,

подчиняющийся непосредственно Евгению Карловичу Миллеру, должен был бы у него узнавать обо всех новостях жизни организации. Однако нужды в этом никакой не испытывал. «Актер», как называли его за глаза, памятуя о съемках в немецких фильмах, все узнавал от своих соратников из «Внутренней линии». Больше того, узнавал и понимал суть проблемы раньше, чем о ней успевали задуматься в Париже. К примеру, в письме к начальнику канцелярии РОВС генералу Кусонскому он осведомлялся 14 февраля 1937 года: *«Я узнал о «моральном разрыве» между Миллером и Скоблиным. В чем дело и что верно в этом? Если бы не было дела Туркула, то это не имело бы значения».*

Кусонскому даже не было нужды справляться у Евгения Карловича, что послужило причиной охлаждения отношений с корниловским генералом. Он прекрасно был осведомлен обо всем благодаря хорошим отношениям с Шатиловым. Догадываясь, что фон Лампе задает ему вопросы явно не из праздного любопытства, он почти честно отвечает спустя четыре дня: *«“Морального разрыва” еще нет, но уже можно заметить некоторый отрыв, и Скоблин не доволен Миллером потому, что последний не продвигает его вперед, на что он рассчитывал, зная о неспособности Витковского. Скоблин готов войти в блок с Туркулом, хотя в свое время был резко враждебен к действиям последнего и отлично видел, что из авантюры Туркула ничего не выйдет».*

Я не случайно указал, что это почти честный ответ. Кусонский не написал самой малости: все шаги Скоблина осуществлялись только после консультаций и одобрений Шатилова. Но об этом он мог фон Лампе и не говорить. Генерал и сам прекрасно знал цели «Внутренней линии»: нейтрализовать Витковского и Эрдели, чтобы, наконец-то уже, отправить в давно заслуженную им отставку Миллера. Что касается Туркула, то он фигурирует в этой переписке во многом условно. Во-первых, выход главного дроздовца из Русского общевойскового союза был неприятным, но не фатальным. Его всегда можно было уговорить вернуться, как только Шатилов возглавит организацию. А во-вторых, Туркул все еще сохранял дружеские отношения со Скоблиным. Их частенько видели вместе, ведь выполняя задание «Внутренней линии», Николаю Владимировичу было необходимо узнать, что происходило в организации Туркула. Ведь внедренный туда капитан Ларионов все больше статьи писал в газеты и о реальных планах генерала ничего сказать не мог. А пускать на самотек организацию главного дроздовца было нельзя.

Летом 1937 года для Миллера наступил момент истины, который он предпочел не замечать. Скоблин и Плевицкая, выполняя распоряжение

Шатилова, активизировали травлю «старческих голов». Собственно, все это было не ново. Певица еще задолго до этого не отказывала себе в удовольствии оскорбить того же Эрдели. Участники Ледяного похода при этом просили ее уговориться, но Плевицкая, прикрываясь авторитетом Скоблина, всем заявляла: *«А вот Коленька думает так же. А если вам нравится смотреть на превращение РОВСа в пансион — не жалуйтесь потом»*.

Но одно дело Эрдели, а совсем другое — Миллер. Переступить грань она долгое время не решалась. И все же, выступая в обществе галлиполийцев, перед исполнением песни «Занесло тебя снегом, Россия» торжественно произнесла: *«Нужно сменить Миллера. Главнокомандующим должен быть Шатилов»*. В зале наступила тишина. Лишь несколько офицеров робко просили Плевицкую одуматься.

В тот же самый день Скоблин писал своему ближайшему помощнику по Корниловскому полковому объединению полковнику Трошину: *«Что ни говори, но Шатилов думает нашими думами, тем более его возраст есть гарантия, и он не потерял надежды на возвращение домой. Полагаю, что нам удастся поставить Шатилова вместо Витковского, но это трудно, не обойтись без энергичного нажима, тем более что мы, старшие начальники, будем каждый тянуть в свою сторону. Тем не менее, не всё потеряно, и мы еще сможем добиться возвращения Шатилова. Ясно, что он не останется бездеятельным, он кое-что делает. Я немного в курсе его дел и по моем возвращении расскажу тебе то, что знаю. Всё же пока что могу сказать тебе, что он ведет свою работу в Испании»*.

Последним аккордом прелюдии к решительным действиям отзвучало письмо начальника объединения чинов Алексеевского полка генерала Зинкевича все тому же Скоблину, 20 августа 1937 года: *«Нужно употребить все усилия к тому, чтобы привлечь генерала Шатилова к сотрудничеству в нашей работе. Все мы ощущаем двусмысленность ситуации, заключающейся в том, что от нашей деятельности отведен самый способный из наших генералов. В близком будущем, благодаря изменениям, вносимым в устав РОВС, у генерала Шатилова не будет никаких причин к тому, чтобы не вступить в него опять. Может быть, позже удастся поставить его на пост председателя Высшего Совета, место, подходящее ему по праву. Прошу тебя не разглашать никому моих планов, ибо, если они провалятся, то отвечать за это будешь ты»*.

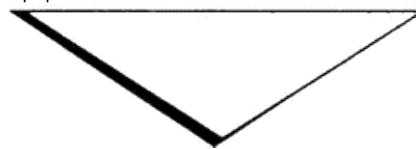
Но прежде чем приступить к последней фазе операции по устранению с поста председателя Русского общевойскового союза, необходимо было вывести из игры его немногочисленных сторонников. Прежде всего,

начальника алексеевцев во Франции полковника Мацылева. Он развил бурную деятельность, пытаясь доказать всем, что Скоблин и Шатилов действуют во вред организации и их нужно как минимум отстранить полностью от дел. А лучше всего — предать офицерскому суду чести. В письме Зинкевичу он указывал: *«Генерал Скоблин — человек скользкий, он всячески хочет играть роль. Он очень близок к генералу Миллеру, который, под его влиянием, наделал много глупостей»*.

Добившись приема у председателя Русского общевойскового союза, он выложил ему все как на духу. Миллер не выглядел особо удивленным. Поведение Скоблина ему самому очень не нравилось. Пытаясь поставить под свой контроль «Внутреннюю линию», Евгений Карлович всё больше и больше убеждался в своей бессилии. Контрразведчики его приказов демонстративно не исполняли. Больше того, активно продолжали выполнять распоряжения Шатилова по подрывы престижа Миллера и по возможности сеяли среди чинов РОВС ненависть к нему.

В довершение всего он никак не мог разобраться, откуда у Скоблина и Туркула вдруг появилось столько денег. Это не была зависть бедного к богатому. Как председатель Русского общевойскового союза он обязан был знать, чем это занимаются его подчиненные, пусть один из них уже и ставший бывшим к тому моменту. Удалось выяснить, что Туркул устраивает благотворительные обеды, где и стремится пополнить казну своей организации на выпуск газет и организацию поездок по Европе для привлечения неопитов. Что касается Скоблина, то с ним было вроде все просто — жил на доходы от концертов своей жены. Однако, подсчитав количество концертов Плевицкой за последнее время, Миллер пришел к выводу, что тут что-то не так.

Разобраться в этом деле Евгений Карлович не успел. Ровно через два дня началась «Русская война в Париже», которую провели сотрудники иностранного отдела НКВД.

ГЛАВА 8.

Что же такое «Внутренняя линия»?

Я прекрасно понимаю, что тема «Внут. линии» достаточно сложна даже для профессионалов-историков. Не случайно абсолютное большинство авторов вовсе не упоминают про контрразведку Русского общевойскового союза. Словно и не было ее вовсе! Поэтому и попытаюсь все же дать некое определение (безусловно, не научное), что же это такое — «Внутренняя линия»?

Когда капитан Фосс начал создавать контрразведку РОВС, у абсолютного большинства уже было четкое понимание, что приказ Петра Николаевича Врангеля «Армия вне политики» был ошибочным. Это если говорить мягко. Вся история Белого движения с позицией непредрежденчества была попыткой отстранения боевых офицеров от влияния на судьбу России. Легендарные слова генерала Кутепова, что армия возьмет Москву, а потом возьмет под козырек, в начале 1920-х годов уже не устраивали молодых поручиков и штабс-капитанов. Больше того: вызывали у них, которые пожертвовали всем, неприятные вопросы, на которые они никогда не получали ответов. В этой связи чины Русской армии, которые лично наблюдали, к чему привели эксперименты «Особого совещания» и правительства Врангеля, не могли не заострить внимания на главном: цели и методы борьбы должны быть кардинальным образом пересмотрены, чтобы не повторять в дальнейшем тех же роковых ошибок. А это значит, что на повестку дня был вынесен вопрос о руководстве Русского общевойскового союза.

Безусловно, сознание необходимости глубоких перемен в руководстве РОВС было присуще высшему командному составу Русской армии. А оно всегда руководствовалось прежде всего своими убеждениями. Младшее и среднее офицерство такими масштабными проблемами не озадачивалось, прекрасно понимая, что их мнение мало кого интересует. Почему же штабс-капитаны не могли просто выйти из Русского общевойскового союза и пойти своим путем? Причина банальна — деньги. Вернее, полное их отсутствие. А вот у РОВС они были.

Не спешите издавать торжествующий крик и укорять автора в безграмотности. Дескать, все знают, что Врангель побирался по всему миру, а тут вот пытаются доказать, что он мог бы этого и не делать. Вопреки многочисленным слухам, что борьба Русской армии в Крыму и

Галлиполийское сидение были возможны только при огромной финансовой поддержке правительства Франции, это не совсем так. В основном деньги на вооруженное противостояние большевикам выделялись из фондов последнего посольства Российской империи в США — так называемые фонды Бахметьева. Не торопитесь задавать ехидный вопрос, откуда же у посла могут быть такие огромные суммы. Дело в том, что всю Первую мировую войну правительство России размещало военные заказы именно в США. В результате антигосударственного переворота, совершенного Лениным и Троцким, огромные суммы не были секвестированы. Ведь изначально правительство США не признавало Советскую Россию. Когда же это произошло, возникли нюансы, которые необходимо учитывать. Во-первых, первое в мире государство рабочих и крестьян никто не собирался называть правопреемником Императорской России. Больше того, тут удивительным образом совпали позиции Ленина и лидеров бывших союзников по Антанте. А во-вторых, все средства были переведены и диверсифицированы в учреждённые вновь благотворительные фонды, которые не подлежат секвестру по законодательству США. Распорядителем кредитов был назначен всё тот же бывший посол России Бахметьев.

На проценты от этих огромных средств до сих пор финансируется тот самый Бахметьевский фонд и архив исторических и литературных раритетов в Колумбийском университете. Именно на эти деньги был построен город Сен-Клиф для русских эмигрантов, где вырос хорошо известный жителям России по эпопее с телеканалом НТВ господин Йордан. Именно на эти средства до сих пор вольготно существуют всякие атаманы Всевеликого Войска Донского, Кубанского Казачьего Войска, осколки Русской православной церкви за рубежом... Еще раз повторяю: суммы были огромными!

У меня на руках есть документы, показывающее, как уже в 2000 году разгорелась нешуточная война за эти самые средства. Ради денег два весьма видных человека (фамилии которых пока не называю) в русском зарубежье пошли на открытый бунт, призывая немногочисленных чинов Русского общевойскового союза сместить председателя — поручика В.А.Вишневого. К этой теме я обязательно вернусь в одной из следующих книг. Впрочем, мы забежали вперед...

Получая власть в РОВС, поручики и штабс-капитаны автоматически получали бы доступ к финансам. Это позволило бы немедленно приступить к подготовке нового победоносного Кубанского похода, что, собственно, и требовало подавляющее большинство чинов армии. Поэтому, вопрос о председателе Русского общевойскового союза нужно рассматривать в другой

плоскости — в доступе к средствам фондов Бахметьева.

Хотел бы еще раз заострить внимание на первых гастролях Надежды Плевицкой в США. Главной причиной поездки за океан были не концерты, которые организовывались для прикрытия основной деятельности Скоблина. У него было поручение выйти на Бахметьевский комитет и его фонды в обход руководителей Русского общевойскового Союза.

Встреча Скоблина с Бахметьевым была организована лично Рахманиновым — главным организатором и аккомпаниатором Плевицкой в США. Бахметьев пошел на переговоры, так как к тому времени и он, и его соратники уже начали разочаровываться в деятельности РОВС. Налицо было полное отсутствие практики и выполнения жизненно необходимых задач. Его фонд был не прочь найти достойную альтернативу, а зарождающемуся движению штабс-капитанов был нужен надежный и стабильный источник финансирования.

Для Бахметьева конфиденциальность встреч была на тот момент не актуальна, чего нельзя сказать про Скоблина. Он хорошо понимал, что будет, если кто-нибудь из руководителей Русского общевойскового союза узнает о его миссии. Поэтому и был спровоцирован «скандал» с заявлением Плевицкой. Он должен был послужить отвлекающим маневром. Однако руководство РОВС каким-то образом узнало о попытках молодежи добраться до источников финансирования и приняло соответствующие меры.

Именно с этого момента и начинается противостояние руководства Русского общевойскового союза и молодежи, которая и инициировала создание «Внутренней линии». Только через эту призму можно и нужно рассматривать все события, предшествовавшие «русской войне в Париже». Именно этим и можно объяснить, почему, например, генерал фон Лампе влиял на выпуск воспоминаний Врангеля...

Сила позиций Евгения Карловича Миллера состояла в праве подписи кредитных линий этих фондов, заверенных не только самим Бахметьевым, но и банковскими структурами США. Именно отсюда и вытекает вся эта семилетняя возня вокруг «архангельского деда» и вынужденное уважение к председателю Русского общевойскового союза. Другого варианта просто не существовало. Никак иначе нельзя было, не вызывая подозрений Миллера, организовать структуру, готовую взять в свои руки власть в крупнейшей организации русского зарубежья. Больше того, структуру, готовую в любой момент подменить собой почти полностью разваленный РОВС и настроенную на бескомпромиссную борьбу с большевиками. Именно отсюда и появляется название «контрразведка». «Внутренняя линия» была

организацией тайной.

Но была ли «Внутренняя линия» контрразведкой в классическом понимании? Безусловно, нет! Ведь контрразведка — это организация, которая в первую очередь занимается противодействием разведке противника. Но в нашем случае вопрос стоял прежде всего о власти в Русском общевойсковом союзе. Иначе говоря, «Внутренняя линия» была организацией политической. Толковый словарь русского языка дает такое определение политики: «система мероприятий, направленных на захват, удержание и использование власти в определенных целях». Значит, в нашем случае, мы можем четко сформулировать основные задачи «Внутренней линии»: завоевание, удержание и использование власти. Но, не только в Русском общевойсковом союзе. Речь шла о России.

Согласитесь, что это не под силу ни одной разведке или контрразведке их четко ограниченными целями и ресурсами. Не стоит также забывать, что «Внутренняя линия» собиралась реализовывать свои далеко идущие планы с помощью военной методики и организации. Подобную структуру можно было вырастить незаметно только под вывеской контрразведки.

Сегодня мы можем с полным основанием называть тайный орден внутри Русского общевойскового союза военно-политической организацией. Вернее даже, политико-военной, основная цель которой сводилась к свержению большевизма и восстановлению Единой, Великой и Неделимой России.

Политической организацией «Внутренняя линия» была по своим целям. А военной — по организационно-методическому обеспечению. В этом и состоит ее кардинальное отличие от любой контрразведки. При этом, прикрываясь этой вывеской, «Внутренняя линия» могла спокойно функционировать в рамках Русского общевойскового союза.

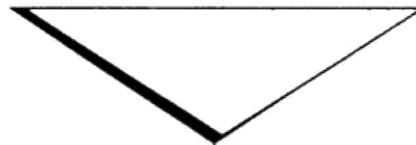
Обратите внимания на удивительную идентичность основных документов карающего меча большевистской партии ОГПУ и «Внутренней линии». Это ведь был вообще единственный случай в мировой истории, когда политический орган государственного управления назывался своим собственным именем, соответствующим выполняемым задачам, — Государственное ПОЛИТИЧЕСКОЕ (ни много ни мало!) Управление. То есть рабоче-крестьянское государство признавало, что в структуре управления страной существует орган, который и занимается напрямую удержанием и использованием власти над государством. Иначе говоря, государство само охраняет существующую вертикаль власти, карая даже за критику, не говоря уже про действия. С точки зрения демократических традиций это рассматривать нельзя. В данном случае можно и нужно

говорить лишь о диктатуре.

Пожалуй, первым из вождей Белого движения понял и принял сущность подобной методологии управления генерал Алексеев. Не случайно он дал название контрразведке «Военно-политический отдел Добровольческой армии». Михаил Васильевич смотрел далеко вперед и понимал, что нужно делать в условиях русской смуты.

Прекрасно понимал значение подобной структуры и Антон Иванович Деникин. Не случайно при первом же удобном случае он расформировал этот самый Военно-политический отдел. У него уже было государство в виде Вооруженных сил Юга России, которое и занималось вопросами власти в освобожденных от большевиков областях. А иметь государство в государстве Деникину было совсем не нужно. И без этого забот хватало.

«Внутренняя линия» была уникальной организацией. Менее чем за десять лет им удавалось создать структуры политических (а не военных) резидентур на Юге России, которые активно функционировали в годы Второй мировой войны. Был создан прообраз МВД будущей государственности на Юге России в виде Русского корпуса на Балканах, многие чины которого имели непосредственное отношение к «Внутренней линии». Нисколько не сомневаюсь, что эти люди, прошедшие Первую мировую и Гражданские войны наводили бы порядок со знанием дела. Больше того, вкладывая в эту душу, понимая, что отступать дальше уже некуда. А ведь была еще и РОА, в деятельности которой приняли участие видные представители «Внутренней.линии»...

ЧАСТЬ II. **«РУССКАЯ ВОЙНА В ПАРИЖЕ»**

*И в каждом доме, в каждой комнате,
Где люди русские живут,
Пусть звучит печально: помните,
Погибших подвиг, жизнь и труд.
Уйти от омута нелепого,
От этой будничной тоски, —
Погибнуть гибелью Кутепова
От злобной вражеской руки.*

Марианна Колосова

ГЛАВА 1.

Юбилей Корниловского полка. Похищение Миллера. Исчезновение Скоблина

19 сентября 1937 года корниловцы торжественно праздновали 20-летие своего полка. После молебна в соборе Александра Невского на рю Дарю, с выносом полковых знамен, в Обществе гал-липолийцев состоялся юбилейный банкет. Весь цвет русского Парижа пришел поздравить тех, кто первыми поднялись на борьбу с коммунистами. И вот тут необходимо сделать короткое отступление.

Сегодня всех чинов Корниловского ударного полка незаслуженно обливают грязью, называя бандой изменников-февралистов, которым никто руки в эмиграции не подавал. Говорят так лишь те, кто считает возможным трактовать историю в угоду своим политическим убеждениям. Своим офицерам Лавр Георгиевич Корнилов незадолго до смерти объяснял: *«После ареста Государыни я сказал своим близким, что в случае восстановления монархии мне, Корнилову, в России не жить. Это я сказал, учитывая, что придворная камарилья, бросившая Государя, соберется вновь. Но сейчас, как слышно, многие из них уже расстреляны, другие стали предателями. Я никогда не был против монархии, так как Россия слишком велика, чтобы быть республикой. Кроме того, я — казак. Казак настоящий не может не быть монархистом».*

Можно было бы задать всем тем, кто обвиняет Корнилова в измене, простой вопрос: а что стало бы с Царской Семьей, преданной всеми, если бы в Александровский дворец ворвались «революционные солдаты», остановленные «генералом с красным бантом в петлице»?

В современной России получил огромную популярность миф, во время великого исхода из Крыма все республиканцы покинули Русскую армию генерала Врангеля, и она стала целиком монархической. Это строго не так. Капитан Раевский в своем «Дневнике Галлиполийца» отмечал: *«Галлиполийцев объединяет кроме ненависти к большевизму убеждение в невозможности ликвидировать его иначе, как вооруженной рукой, но вопреки довольно распространенному мнению, в Галлиполи от начала до конца можно было встретить в одной и той же палатке людей самых различных политических взглядов — от умеренных социалистов до сторонников самодержавия. Утверждение о том, что республиканцы*

ушли, а монархисты остались, является (поскольку оно неумышленно) грубой ошибкой».

Но такие мелочи сегодня никого и ни в чем не убеждают. Один из таких вот идейных сторонников престола не так давно написал мне: «Корниловцы обстреляли в Галлиполи палатку, в которой офицеры запели «Боже, Царя храни».

На счастье чинов полка тогда не было изобретено ядерной бомбы, иначе бы спустя 80 лет два комка грязи, брошенные в шутку в сторону марковской палатки, непременно бы превратились в смертоносное оружие. Но ведь стрельба действительно была. Свидетельство об этом есть в «Дневнике Галлиполийца» капитана Раевского. Но, о, ужас для всех наших ура-патриотов это злодейство совершили не корниловцы, а дроздовцы: «*Это может показаться парадоксом, но я лично уверен в том, что монархическая агитация в армии может разложить ее гораздо скорее, чем работа Керенского, Милюкова и других левых. Стоит вспомнить историю, бывшую 19 января, когда несколько офицеров Дроздовского полка (правда, подвыпивши) начали стрелять по палаткам штаба лагерного сбора из-за того, что оркестр во время ужина заиграл там «Боже, Царя храни!».* Солдаты (даже многие из вольноопределяющихся) нашей батареи были тогда настолько возмущены, что приходилось резко обрывать чересчур несдержанные разговоры».

Уже работая над этой книгой, получил письмо от одного из ведущих специалистов по Белому движению, доктора исторических наук Василия Жановича Цветкова: «*Если говорить о конкретно стрелявших, то это действительно были, увы, «малиновые фуражки».* Я не думаю, что это были «замаскированные корниловцы» или, паче чаяния, всеми любимые жидомасоны.

Иное дело, что в Галлиполи в течение первых двух месяцев после Крыма был такой кошмар. Спирт можно было достать свободно (греки и турки старались). Части 1-го корпуса были в таком жутком состоянии, что Макаренко «отдыхает» (хотя у него брат — Марковец). Чести никто не отдает, погоны не носят, мат через каждое слово, полное неповиновение начальникам, картежная игра, пьянство, чуть ли не подготовка убийства самого Кутепова. И держит только сознание того, что кругом чужая земля и идти некуда. Все. Конец. Приплыли... Так, что даже если бы в штабной палатке пели «вдоль по Питерской», ее бы все равно обстреляли, потому что там «начальство песни орет», а мы, «типа в законе», под холодным дождем мокнем и кашляем. И дело не в цвете фуражек и уж, тем более, не в политике.

«Железной рукой» смогли навести порядок только к весне. Пару «деятелей» при этом расстреляли, не взирая на чины и заслуги. «Губа» работала с перевыполнением плана...»

Сегодняшние ура-патриоты с пеной у рта протестуют против упоминания Корнилова среди основоположников Белого дела. Вот так, ни больше ни меньше. Ссылаются они при этом на храм-памятник в Брюсселе, где действительно нет мемориальной таблички Лавру Георгиевичу и чинам Корниловского ударного полка. Всем есть, а вот человеку, который вел армию в Ледяной поход, — нет.

Однако ничего удивительного в этом нет. Сегодняшние монархисты свято чтят заветы графа Келлера, который в письме генералу Алексееву отмечал: *«Объединение России великое дело, но такой лозунг слишком неопределенный, и каждый даже Ваш доброволец чувствует в нем что-то недосказанное, так как каждый человек понимает, что собрать и объединить рассыпавшихся можно только к одному определенному месту или лицу. Вы же об этом лице, который может быть только прирожденный, законный Государь, умалчиваете. Объявите, что Вы идете за законного Государя, если Его действительно уже нет на свете, то за законного же Наследника Его, и за Вами пойдет без колебаний все лучшее, что осталось в России, и весь народ, истосковавшийся по твердой власти.*

Корнилов — революционный генерал, ему и карты в руки, пускай пытается спасти российскую демократию. Теперь, быть может, время для этого. Я же могу повести армию только с Богом в сердце и Царем в душе. Только вера в Бога и в мощь Царя могут спасти нас, только старая армия и всенародное раскаяние могут спасти Россию, а не демократическая армия и «свободный» народ. Мы видим, к чему нас привела свобода: к позору и невиданному унижению. Из корниловского предприятия ровно ничего не выйдет, помяните мое слово. Кончится гибелью. Погибнут невинные жизни...»

Что до храма-памятника в Брюсселе, то лучше всего об этом скажет послужной список людей, которые и не допустили установки в нем памятной таблички погибшим за Россию тысячам офицеров и ударников Корниловского полка. Всю русскую смуту они провели в тихом и уютном Париже, поливая оттуда грязью немногочисленных добровольцев.

Офицеры и ударники Корнилова боготворили. Сохранилось безупречное свидетельство полковника Левитова: *«Все мы были проникнуты к своему шефу чувством глубокой преданности и восторга, доходившими до самозабвения и понятными только в отношении вождей «Божьей милостью», каковым и был для нас генерал Корнилов. Подобного*

рода чувство истинного восторга я испытал при встрече Государя Императора Николая Александровича в Вильно, в 1914 году, во время боев в Восточной Пруссии, и потом к генералу Корнилову. Свежесть этого чувства сохраняется у меня и до сего дня».

А вот как относился к корниловцам сам Лавр Георгиевич: *«С твердой уверенностью в непоколебимой верности полка заветам, на основе которых он зародился, я шлю ему образ, которым епископ благословил меня, как старшего из корниловцев. Шлю полку мое благословение на новые ратные подвиги за честь России и ее армии».*

И все же: был или не был Лавр Георгиевич Корнилов монархистом? Если брать монархию в качестве той неизменно-застывшей системы, как она сложилась в представлении главным образом высшего света, части придворных и генералов Свиты Его Императорского Величества, — то нет. Тут можно вспомнить и семью самого Корнилова, и его конфликт по поводу коррупции в погранстраже на КВЖД (где вскрылись «выходы» на «высшие сферы» в лице самого премьера), и его фактическую почетную ссылку во Владивосток на остров Русский, и конфликты по линии его работы в Туркестане. Если это монархия Штюрмера, Горемыкина, Хабалова, Балка, Протопопова, — то нет.

Но если рассматривать монархию в качестве системы политического устройства, то, несомненно — Корнилов убежденный монархист. Лавр Георгиевич всегда был сторонником сильной власти, но при этом прекрасно понимавший, что для России, в том состоянии, в каком она была летом 1917 года, возвращение монархии — это буквально авантюра.

Русская эмиграция чтит корниловцев и гордилась подвигом красно-черных воинов. В день 20-летия полка поздравительные телеграммы на имя генерала Скоблина буквально завалили управление Русского общевойскового союза. Прийти и лично поздравить «меч белого сопротивления» было делом чести каждого русского патриота. Поэтому в тот день в Галлиполийском собрании был аншлаг, что бы ни говорили годы спустя потомки.

О том, как происходило празднование, сохранилось безупречное свидетельство одного из чинов полка: *«Нами были торжественно вынесены черно-красное Ударное знамя, Георгиевское знамя, Николаевское знамя 1-го полка и флаг штаба Корниловской ударной дивизии, сопровождавший нас в боях. Особую торжественность создало внимание к нам наших соратников (дроздовцев, марковцев и алексеевцев. — А. Г.) и потом целовавших наши знамена».*

Генералы Миллер и Деникин произнесли приветственные речи,

прославлявшие подвиги доблестных корниловцев. Подчеркивая свое уважение к вождям Белого движения, им, не менее торжественно, отвечал Скоблин. Пела патриотические песни Плевицкая. Банкет удался на славу. Гости и хозяева расходились в приподнятом настроении. Никто из них и представить не мог, что тот, кто сидел слева от Скоблина, будет на следующий день похищен. А сам Николай Владимирович станет самым проклинаемым участником Белого движения в русской эмиграции.

* * *

Ровно в 9.00 22 сентября председатель Русского общевойскового союза вышел из своего дома. Он был само спокойствие. Жена Евгения Карловича не заметила на лице мужа никаких признаков озабоченности. Он должен был заехать на Восточный вокзал, чтобы купить билеты до Белграда для невестки и внучки. Никто и никогда в семье Миллера не знал распорядок его рабочего дня. 22 сентября не стало исключением из правила.

Согласно показаниям Кусонского в суде, почти в 11.00 Евгений Карлович вошел в управление РОВС. Он сразу же зашел в кабинет начальника канцелярии и сказал, что хотел бы с ним переговорить. Спустя час Кусонский услышал от него: *«У меня сегодня много беготни. Сейчас я должен ехать на свидание и на завтрак. Может быть, после этого я вернусь в управление. Не считайте меня, Павел Алексеевич, за сумасшедшего. Но я оставлю на всякий случай записку, которую прошу не вскрывать»*.

Кусонский удивился. За все годы знакомства с Миллером он никогда не слышал от него таких речей. Поэтому он просто ответил: *«За сумасшедшего вас не считаю. Записку, конечно, не вскрою и завтра утром верну вам ее нераспечатанной»*.

В четверть первого Миллер вышел из управления Русского общевойскового союза. Он не оставил на столе бумаг, как обычно делал, когда рассчитывал вернуться. Однако и не взял с собой портфеля и бумажника, в котором были железнодорожные плацкарты и немного денег. Осталось в кабинете и пальто.

К странной просьбе Евгения Карловича Кусонский отнесся на редкость равнодушно. Вернувшись в свой кабинет, он положил записку в ящик стола, никому о ней не сказав. В 14.45 он ушел домой завтракать. Генерал даже не подумал позвонить в РОВС и узнать, вернулся ли Миллер.

В 20.00 должна была состояться традиционная встреча Общества

Северян, возглавлял которое председатель РОВС. Странное отсутствие Евгения Карловича заставило сотрудника управления поручика Асмолова позвонить ему домой. Супруга генерала, едва скрывая охватившее ее тут же беспокойство, ответила, что к обеду генерал не приехал и вообще не сообщил семье, что сегодня задержится по делам.

Спустя час жена Миллера сама перезвонила в управление РОВС и попросила известить полицию. Асмолов немедленно отправил курьера с запиской к Кусонскому, прося его как можно быстрее приехать на работу. Вскоре выяснилось, что в тот день Миллера никто нигде не видел. Тут же перезвонил взволнованный адмирал Кедров, которому о таинственном исчезновении Евгения Карловича сообщила его жена. Узнав, что Кусонский уже в дороге, первый заместитель председателя РОВС заявил, что вскоре приедет.

В 23.00 Кусонский приехал в управление. Пройдя в свой кабинет, он достал записку Миллера. Аккуратно вскрыл конверт, достал лист бумаги и прочитал: *«У меня сегодня в 12.30 нас дня randevu с генералом Скоблиным на углу рю Жасмен и рю Раффе, и он должен везти меня на свидание с немецким офицером, военным агентом в Прибалтийских странах — полковником Штрдманом и Вернером, состоящим здесь при посольстве. Оба хорошо говорят по-русски. Свидание устроено по инициативе Скоблина. Может быть, это ловушка, на всякий случай оставляю эту записку. Генерал Миллер»*. Закончив читать, Кусонский, согласно армейской привычке, пометил на конверте: вскрыт в 23 часа.

Спустя пять минут в кабинет быстрым шагом вошел адмирал Кедров. Кусонский не стал дожидаться вопросов и предпочел не вдаваться в долгие объяснения. Он молча протянул записку Миллера. Кедров погрузился в чтение. С каждым прочитанным словом на его лице отражалась все большая степень удивления, которое граничило с растерянностью. Однако оба эти чувства достаточно быстро уступили место негодованию. Возмущенный до глубины души нерадивостью Кусонского, адмирал высказал ему все, что он думает по поводу такой непростительной оплошности, не особенно выбирая выражения.

Руководители Русского общевойскового союза решили известить полицию об исчезновении генерала Миллера. Но буквально тут же передумали. Кедров задумчиво сказал: *«А что если генерал Евгений Карлович лежит где-нибудь за городом раненый в автомобильной катастрофе и не имеет возможности дать знать? Ведь Скоблин должен знать об этом свидании и может дать нам необходимые указания»*.

У этого решения было вполне логичное объяснение. Отнеся эту

записку в полицию, лидеры РОВС сразу бы подтвердили утверждения некоторых французских газет об их тесных связях с Третьим рейхом. Этому ни Кедрову, ни Кусонскому не хотелось. Поэтому они решили так: прошло уже и так почти полдня, поэтому еще один потерянный час принципиально ситуацию не изменит. Пока же — пошлем за Скоблиным. Знать бы, правда, где он сейчас.

Между тем поднятый среди ночи адъютант Корниловского ударного полка штабс-капитан Григуль сообщил, что Скоблин и Плевицкая сегодня решили остановиться в отеле «Паке». Будить генерала вызвался полковник Мацылев. О записке Миллера он ничего в тот момент еще не знал. Сев в первое же попавшееся такси, он помчался в гостиницу. Постучал в дверь номера. Услышав недовольный голос Скоблина, он сообщил ему, что пропал генерал Миллер и Николая Владимировича срочно просят приехать в управление Русского общевойскового союза. Спустя пять минут начальник корниловцев, в коричневом костюме, без шляпы, с черным, переброшенным на руку пальто, уже ловил такси. По дороге Мацылев рассказал ему немного, что сам знал о таинственном исчезновении председателя РОВС. Скоблин спокойно слушал, иногда перебивая, чтобы осведомиться о некоторых подробностях.

Приехали в управление. Поднялись по темной лестнице и вошли: первым Скоблин, за ним Мацылев. Пройдя в кабинет Кусонского, генерал закрыл за собой дверь. Полковник остался в приемной. Все дальнейшие диалоги участников событий приводятся по их собственным (за исключением, разумеется, Скоблина) показаниям следствию:

«— Что случилось?»

— Видите ли, Николай Владимирович, мы обеспокоены отсутствием известий о генерале Миллере. Он исчез бесследно. Но, прежде чем идти в полицию, мы хотели бы выяснить, что вы знаете о нем. Когда вы сегодня видели Евгения Карловича?

— Сегодня не видел. Видел его вчера, когда заходил в управление.

— Но нам известно, что сегодня у вас было с ним свидание.

— Ничего подобного.

— Но нам известно даже время и место свидания, половина первого, угол Жасмен и Раффе.

— Не знаю таких улиц. В половине первого? В это время мы с женой завтракали в ресторане Сердечного. Потом, в 4 часа, с Трошиным поехали благодарить генерала Деникина за внимание к корниловцам. В 5 часов заехали к генералу Миллеру.

— Подумайте хорошенько!

— Нечего мне думать! Говорю же Вам, что с ним сегодня мы не встречались.

— Тогда поедem в полицию и известим ее об исчезновении Евгения Карловича».

Скоблин не имел ничего против этого. Вместе с Кедровым он вышел из кабинета Кусонского. За ними, надевая на ходу пальто, последовал сам начальник канцелярии Русского общевоеинского союза. И тут случилась очередная неожиданная промашка Кусонского. Вместо того чтобы немедленно ехать в полицию, он обратился к адмиралу Кедрову: «Михаил Александрович, можно вас на минуточку?» С этими словами он увлек его обратно в кабинет, словно желая обсудить подробности разговора со Скоблиным. Начальник корниловцев не стал их ждать и спокойно вышел на улицу. Когда же из здания управления РОВС вышли, наконец, Кедров, Кусонский и Мацылев, они с удивлением увидели и, что Скоблина нигде нет. «Святой Боже, он сбежал!» — только и смог вымолвить адмирал. Двое его попутчиков не смогли сказать даже этого, настолько были ошарашены всем происходящим.

Все это не может не удивлять. На суде Мацылев и Кедров дружно утверждали, что поведение Скоблина внушало им опасения много лет. Почему же в тот роковой день они вели себя как влюбленные гимназисты на ночной прогулке в парке, которые часов не наблюдают и на окружающих внимания не обращают?

* * *

Первым пришел в себя Мацылев. Он совершенно справедливо заметил, что, видимо, не все знает, и выразил сожаление, что от него скрыли важные детали. Кусонский, переглянувшись с Кедровым, молча протянул ему записку Миллера. При свете уличного фонаря полковник начал внимательно читать. С каждым предложением в его памяти всплывали все многочисленные подозрения, вызванные странным поведением Скоблина в последние годы. Дочитав до конца, он был уже убежден в виновности главного корниловца. Оставалось решить главный вопрос: куда он мог деться? В этот момент Кусонский высказал предположение, что Скоблин отправился предупредить жену о таинственном исчезновении Евгения Карловича Миллера. Офицеры решили немедленно ехать в гостиницу.

Через двадцать минут Мацылев, настойчиво постучав в дверь,

распахнул ее. В номере тускло светила электрическая лампочка, на кровати лежала полуодетая, взволнованная Плевицкая.

«— Что случилось? Где Коля? Где Евгений Карлович? Вы должны мне все сказать! Вы увезли моего мужа? Что вы с ним сделали? Вы его в чем-то подозреваете? Скажите мне, ведь он человек самолюбивый, он может застрелиться.

— Надежда Васильевна, я приехал к вам потому, что надеялся застать его здесь. Неожиданно для нас он выбежал из управления и куда-то исчез. Ничего больше сказать не могу, не знаю. Я спешу. Внизу в такси меня ожидают Кедров и Кусонский. Мы едем в полицию, чтобы заявить об исчезновении генерала Милера».

Окончательно убедившись, что помимо председателя Русского общевойскового союза теперь куда-то пропал еще и начальник корниловцев, трое офицеров отправились в полицию. Полусонные полицейские вообще долго не могли понять, чего от них хотят эти странные русские. На часах было 3 часа 15 минут.

Кусонский вспомнил, что у Скоблина был личный автомобиль, объект гордости хозяина и жгучей зависти большинства эмигрантов, едва сводящих концы с концами. Закончив дела в полиции, все трое отправились в гараж. К их огромному удивлению, машина с номером «1988 ОУ5» оказалась на месте. Охранник сказал, что владелец сегодня не появлялся.

* * *

А что же Скоблин? Выйдя из управления Русского общевойскового союза, он отправился в гараж, где работал полковник Воробьев, женатый на его сестре. Однако в ту ночь у него был выходной, и он мирно спал дома, в нескольких десятках километров отсюда. Узнав об этом, Николай Владимирович растерялся. Ведь торопясь в РОВС, он уехал из гостиницы без бумажника. Неожиданно он вспомнил, что буквально в нескольких кварталах отсюда находится книжный магазин, принадлежавший полковнику-корниловцу Кривошееву. Тому самому офицеру, который был автором текста полкового марша, а потом, уже в Галлиполи, написал новый гимн ударников:

Пусть наши ряды поредели,
Пусть многие в битвах легли,
Враги отходную спели, —

Мы знамя свое сберегли.
Цело наше Русское Знамя, —
Ему наше сердце верно...
Надежды горячи, как пламя,
И жизненно наше зерно.
Начав с Ледяного похода,
Чем русскому сердцу больней, —
Тем выше нам благо народа,
Тем русское любим сильней.
Пролитая кровь и страданья,
Потеря Родимой Земли,
Оставшихся за год изгнанья
Сковали нас крепче семьи.
Как волны бы нас ни носили,
Пусть только туман впереди, —
В Вождя, в Воскресенье России
Сильна у нас вера в груди!
Мы честно боролись три года.
В изгнании год — ничего.
Нам Родина, Честь и Свобода —
И выше, и прежде всего!
«Безумцы!» нам крикнут, быть может,
Но искренно мы говорим:
«Мы верим, что Бог нам поможет,
Что правое дело творим».

Скоблин немедленно отправился домой к Кривошееву. Постучав в окно, он разбудил жену полковника. Не зажигая света, она вышла на улицу:

— Это вы, Николай Владимирович?

— Да. Где ваш муж?

— Он работает в городе. А который час?

— Около трех.

— Он продает газеты у метро.

— Можно попросить у вас стакан воды?

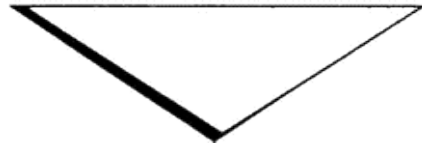
— Пожалуйста, прошу вас.

— У меня большая неприятность. Потерял бумажник. Хотел бы попросить у вашего мужа сто франков.

— Может быть, вам нужно больше?

— Если можете — лучше двести, верну вам завтра вечером.

Галантно поцеловав на прощание руку Кривошеевой, он вышел из магазина. Глядя, как он уходит в ночь, она даже представить себе не могла, что стала последней, кто видел бывшего начальника Корниловской ударной дивизии, кавалера ордена Святого Николая Чудотворца, генерал-майора Николая Владимировича Скоблина живым. По крайней мере, из русских эмигрантов.

ГЛАВА 2.

Следствие по делу похищения генерала Миллера. НТС и Туркул против РОВС. «Внут. линия» защищается. Расследование журналистов. Генерал Абрамов и следственная комиссия РОВС. Допросы Плевицко

В 5 часов 15 минут утра 23 сентября два полицейских инспектора произвели первый допрос Надежды Васильевны Плевицкой. Французским языком она не владела, поэтому в качестве переводчика был приглашен полковник Мацылев. Удалось буквально по минутам воспроизвести, что делала певица накануне и чем был занят в это время ее муж.

Согласно ее показаниям, в тот момент, когда неизвестные похищали председателя Русского общевойскового союза, они завтракали в русском ресторане. После этого Скоблин отвез Плевицкую в магазин модной одежды «Каролина», где она заказала новые платья. Пока шла примерка, Николай Владимирович сидел в машине, ведь он терпеть не мог магазинов. Закончив с покупками, они отправились на вокзал провожать в Брюссель приезжавшую на юбилей полка дочь генерала Корнилова.

Полицейских ее показания вроде бы удовлетворили, однако они решили на всякий случай отвезти ее к следователю, которому и было поручено расследование таинственного исчезновения лидера русской военной эмиграции. На новом допросе Плевицкая с еще большей тщательностью описала весь предыдущий день. Таким образом, в дело генерала Миллера был вложен первый документ, который гласил: Плевицкая и Скоблин вышли из отеля ровно в 12 часов. Через 20 минут он пришел в гараж и взял свой автомобиль. В 12 часов 25 минут они приехали в ресторан, вышли из него в 12 часов 50 минут. В магазине «Каролина» они были в 12 часов 55 минут. Провели в нем 40 минут и уже в 14.00 приехали на вокзал.

Следователь немедленно взялся проверять показания Плевицкой. И сразу же стали выявляться нестыковки с версией певицы. Хозяин гостиницы показал, что Скоблин с супругой вышли из номера в 11 часов. Служащий гаража уверял, что машину забирали в 11.20. Официант, посудомойка и лакей ресторана, не сговариваясь, заявили, что генерал с

певицей появились в 11 часов 25 минут. Запомнили они это лишь потому, что обычно Скоблин и Плевицкая занимали свой любимый столик. А в тот день почему-то присели к бару и заказали два бутерброда с икрой. Объясняя столь необычное для них поведение, генерал сказал, что они очень торопятся.

Владелец магазина модной одежды «Каролина» Эпштейн показал, что Плевицкая пришла к нему одна в 11 часов 55 минут. Примеряя платье, она говорила, что муж ждет ее на улице в машине. Эпштейн предложил ей пригласить Скоблина, но Плевицкая ответила, что это не нужно, зашла она всего на несколько минут. Однако несколько минут превратились в 1 час 35 минут, проведенные ею в магазине. Оформив заказ на платье за 2700 франков, она оставила задаток, пообещав уже в ближайшие дни приехать и расплатиться полностью. Пять минут спустя после ее ухода из магазина в «Каролину» вошел Скоблин.

Следователь тут же пришел к выводу, что коли так, значит, и на вокзал Скоблин и Плевицкая приехали отдельно друг от друга. До сих пор непонятно, на основании чего был сделан вывод, что Плевицкая приехала туда на такси ровно на пять минут раньше Скоблина.

В результате у него получилось, что в промежутке между 11 часами 55 минутами и 13 часами 35 минутами генерала никто не видел и создать ему алиби не может. А это означает, что он вполне мог бы участвовать в похищении председателя Русского общевойскового союза Евгения Карловича Миллера. В ту же минуту следователь решил, что Скоблин явно передал своего «пленника» в руки немецкой разведки.

Тщательно сравнив показания Плевицкой и свидетелей, полиция окончательно убедилась: ей было что скрывать. Судя по всему, она заранее подготовилась и именно поэтому так четко отвечала на вопросы и не путалась во времени и деталях. Это вывод позволил следователю утверждать, что Скоблин специально уговорил дочь генерала Корнилова возвратиться в Брюссель именно 22 сентября, поездом, который отходил в 14 часов 15 минут. Его присутствие на вокзале должно было бы лучше доказать: в момент похищения председателя Русского общевойскового союза Евгения Карловича Миллера Николай Владимирович Скоблин был совершенно в другом месте.

После допроса Плевицкая отправилась в Общество галлиполийцев. Ей надо было поговорить обо всем с адъютантом Скоблина капитаном Григулем. Подробности их беседы неизвестны, но, по всей видимости, ничего особенно значимого сказано не было. Судить об этом позволяют показания корниловца в суде, где он честно и откровенно рассказал обо

всем, что знал. Тем более он и так оказал следствию неоценимую помощь.

Дело в том, что именно Григуль был тем человеком, который сопровождал Плевицкую на допрос. Это его дочери певица передала в полиции на хранение некоторые вещи, в числе которых оказалась и записная книжка Скоблина. Девочка совсем забыла об этом и лишь через три дня рассказала отцу. Разумеется, Григуль узнал много раз виденный им блокнот генерала. Он решил немедленно сдать его в полицию.

Следствие было счастливо получить в свои руки такую весомую улику. Тем более что на одном из листов обнаружили весьма подозрительную надпись: *«Особо секретным денежным письмом. Шифр: пользоваться Евангелием от Иоанна, глава XI. Числитель означает стих, знаменатель — букву. При химическом способе: двухпроцентный раствор серной кислоты. Писать между строк белым пером. Проявлять утюгом. Письмо зашифровывается: милостивый государь без многоуважаемый».*

Следователь немедленно решил, что все это явно неспроста. В своем рапорте он, в частности, написал: *«Если бы часы, указанные мадам Скоблиной, были проверены не сразу же на следующий день, а спустя несколько недель после похищения, то свидетели не смогли бы показать столь точно. Не будь письма, оставленного генералом Миллером, представленное алиби оказалось бы неоспоримым, и в отношении Скоблиных нельзя было бы высказать какое бы то ни было подозрение».*

В результате было принято решение арестовать певицу. Своим адвокатом она решила взять Филоненко, чем, мягко говоря, шокировала всю русскую эмиграцию. Дело в том, что сей служитель Фемиды прославился в 1917 году, когда принял участие в Корниловском мятеже. Выступая потом в суде, он заявил: *«Я очень уважаю Лавра Георгиевича, но его нужно расстрелять. И я буду первым, кто отнесет цветы на его могилу».* Надо ли говорить, что все чины легендарного ударного полка питали после этого к Филоненко *«особо трепетные чувства».* И Скоблин не был исключением...

* * *

В день похищения председателя Русского общевойскаского союза, Скоблин буквально вихрем носился по всему Парижу. В 16.00 в сопровождение полковника Трошина и капитана Григуля он приехал к генералу Деникину и сказал ему:

«— Ваше превосходительство, позвольте мне от имени всех

корниловцев покорнейше поблагодарить Вас за то, что вы приняли наше приглашение и приехали на юбилей. Все мы были рады, а ваши слова о беспримерной доблести полка растрогали всех корниловцев до глубины души.

— Встречи со славными корниловцами я всегда рад!

— Ваше превосходительство, покорнейше прошу Вас принять участие и в праздновании юбилея чинов полка в Брюсселе. Присутствие генерала-первопоходника будет приятно всем корниловцам».

Однако Антон Иванович от предложения отказался. Мотивировал он это тем, что у него сейчас есть срочные дела, а Скоблин мог бы и заранее об этом предупредить. Все уговоры генерала успехом не увенчались. Деникина не зря называли непреклонным...

(Через 60 лет после этих событий дочь генерала так опишет эти события: «Скоблин приехал в своем автомобиле. Наши окна выходили во двор. И папа видел, что там два человека вокруг автомобиля гуляют. А Скоблин стал благодарить папу за то, что он приехал на Корниловские празднества, а потом начал его уговаривать поехать с ним в Брюссель, где будут новые торжества. Папа отказывался. А когда тот стал его упрашивать поехать на автомобиле, папа совсем рассердился. И вдруг открылась дверь в соседнюю комнату, а там натирал пол наш друг — казак, он услышал, что папа сердится, и вошел. Скоблин, увидев казака огромного роста, явно испугался, тут же простился и ушел. На следующее утро все газеты написали о похищении генерала Миллера и о том, что генерала Деникина тоже едва не похитили».

Странно, что Антон Иванович не узнал Григуля и Трошина. Еще более странно, что Марина Деникина-Грей, автор книги о похищении Кутепова и Миллера, так и не узнала, кто же были эти два человека, которые прогуливались около автомобиля. Хотя они стояли навтыяжку перед генералом в тот момент, когда Скоблин уговаривал его ехать в Брюссель. Хотя они оба проходили свидетелями по этому делу и выступали в суде...)

Спустя час трое корниловцев вошли в квартиру Евгения Карловича Миллера. Узнав о том, что председателя РОВС нет дома, они крайне огорчились. Выразив жене сердечную благодарность от лица всех чинов полка за те добрые слова, которые генерал высказал им на юбилее, Скоблин, Трошин и Григуль откланялись. Лишь Николай Владимирович на секунду задержался в дверях, смотря на кресло, в котором любил сидеть вечерами хозяин дома.

1 октября 1937 года в парижском дворце правосудия Надежду Плевицкую подвергли первому, по-настоящему серьезному допросу. Следователь, выражаясь фигурально, решил сразу зайти с козырных карт: пригласил присутствовать при этом жену и сына похищенного генерала Миллера. Их встреча с Плевицкой была весьма драматичной, о чем можно судить даже по беспристрастной стенограмме:

«Миллер: Вы же знаете, что случилось. Вы обязаны помочь найти наших мужей.

Плевицкая: Но я ничего не знаю, я ни в чем не виновата.

Миллер: Умоляю Вас, скажите всю правду, все, что вы знаете.

Плевицкая: Но я, в самом деле, ничего не знаю! Как Вы могли поверить этим подлым слухам?

Следователь: Скажите, а почему Вы не пришли к мадам Миллер, узнав о постигшем ее горе? Ведь эта семья была Вам не чужой.

Плевицкая: Не знаю. Об этом совсем не думала».

В этот момент следователь вытащил из ящика стола записную книжку Скоблина. Это был сильнейший психологический удар. Плевицкая немигающим взглядом смотрела на нее несколько показавшихся ей целой вечностью секунд. Она с тревогой ждала вопроса. И он последовал, но вовсе не тот, к которому она морально успела подготовиться: *«Скажите, что означает эта запись в блокноте вашего мужа: «Передать Е.К. о свидании в 12 ч. 30 м. 3 П 67 гри?»*

Даже Плевицкая, будучи совершенно не подкованной в юриспруденции, сразу поняла: оправдаться будет почти невозможно. Но и молчать было нельзя. Молчание могло быть расценено как признание вины. А этого допускать нельзя. Поэтому, едва отдышавшись, певица смогла выговорить лишь: *«Ничего не знаю, ничего не понимаю».*

Следователь, казалось, только этого и ждал. Пристально глядя в глаза Плевицкой, он чеканил слова, как шаг на параде: *«Все ясно. Ваш муж заманил генерала Миллера на свидание. Он главный виновник похищения. А Вы — его сообщница».*

Оставшиеся вопросы, самым главным из которых был финансовый, сути уже не меняли. Плевицкая вдруг отчетливо поняла, что выбраться из этого капкана будет очень сложно, если вообще возможно. Ни одному ее слову следователь не верил. Вдова Миллера всем своим видом показывала, что считает именно Скоблина главным виновником похищения

председателя РОВС. Друзья мужа заняли странную выжидательную позицию. Она осталась одна против всех. Русская эмиграция словно мстила ей за годы триумфа. Она еще не знала, что главный удар по ней наносится как раз в эту минуту...

* * *

Несмотря на всю закрытость «Внутренней линии», избежать утечки информации не удалось. Некоторые документы попали в руки членов Народно-трудового союза нового поколения, что и позволяет их сегодня привести в этой книге. Каким же образом смогли так проколоться опытные контрразведчики? Дело в том, что согласно приказу генерала Врангеля чинам Русского общевойскового союза воспрещалось вступать в политические партии. То есть политикой они могли интересоваться и заниматься, но исключительно на общественных началах. Сделано это было для того, чтобы сохранить армию единой в момент особо активных нападков со стороны Высшего Монархического Совета.

Годы шли. Уже умер при загадочных обстоятельствах Врангель, похищен в центре Парижа Кутепов. А приказ все еще действовал. Поскольку ожидать отмены его от Миллера было верхом наивности, Шатилову пришла в голову простая идея. Коли нельзя вступать в политические партии, надо получить контроль над какой-нибудь организацией, наводнить ее «линейцами», которые и будут диктовать условия. Самым подходящим объектом для этого и представлялся НТС.

Во-первых, там действовал строгий возрастной ценз, а поскольку основу Белого движения составляли молодые поручики и штабс-капитаны, то проблем не возникало. Во-вторых, «нацмальчики» входили в жестокую конфронтацию со всякими младороссами, национал-социалистами, монархистами из плеяды Маркова-второго, что находило горячий отклик в сердцах руководителей РОВС. В-третьих, сами лидеры Народно-трудового союза всегда подчеркнуто уважительно относились к Русскому общевойсковому союзу, всячески превознося их заслуги в борьбе с большевизмом.

Разумеется, пройти мимо такого лакомого кусочка Шатилов не мог. Он отдал немедленный приказ по «Внутренней линии» приступать к действиям. Результаты не заставили себя ждать. Буквально в одночасье отделения НТС появились во всех городах Франции, где были чины РОВС. Разумеется, в большинстве случаев заправляли всеми делами «линейцы».

Больше того, они тут же начали вербовку неофитов. Отказать им было невозможно. Всем было еще памятно похищение Кутепова, и национально ориентированная молодежь жаждала сделать все, чтобы эта трагедия никогда не повторилась.

Все шло по накатанной, пока Закржевский не завербовал капитана Дроздовского Артиллерийского дивизиона Ростислава Рончевского. Галлиполиец, а это служило лучшей рекомендацией, немедленно согласился на предложение стать чином тайной контрразведки Русского общевойскового союза. Однако через несколько месяцев он почувствовал неладное. Ему очень не нравились интриги вокруг генерала Миллера да и вообще, по его мнению «Внутренняя линия» делала что-то не так. Получив инструкцию и идеологию членов организации, он, вопреки строжайшему запрету, не вернул их. Более того, тщательно берег до поры до времени.

Сразу после Рончевского был завербован член НТС Борис Прянишников. Повторилась та же история, с той лишь разницей, что он не был чином РОВС и сразу решил, что «Внутренняя линия» ведет деструктивную для русской эмиграции работу. После этого он начал собирать и анализировать известные ему шаги контрразведки, встречался с Миллером, пытаясь доказать ему вредность организации. Именно он и был тем самым человеком, который устроил встречу одного из лидеров НТС, Владимира По-ремского, с председателем РОВС, на которой ему пытались доказать предательство Скоблина. Миллер не поверил. Известны его слова: *«Вы еще очень молоды. А Николай Владимирович боевой, заслуженный генерал!»*

Постепенно отношения между двумя организациями обострились до предела. Начало было положено на втором съезде национальных группировок, который прошел с 31 марта по 3 апреля 1934 года в просторном зале Общества галлиполийцев на рю де ля Фезандери. В нем приняли участие представители 84 организаций из Болгарии, Югославии, Чехословакии, Бельгии и Франции. Всего — 49 делегатов, среди которых было немало чинов «Внутренней линии». Они и правили бал на съезде. Достаточно сказать, что председателем был избран капитан Браунер, генеральным секретарем — ротмистр Кемеровский (начальник «Внутренней линии» в Югославии), а председателем организационной комиссии — журналист Левитский.

Первым приветствовал съезд генерал Миллер, призывавший «преодолеть разлады и изжить сомнения в наших силах». Но не председатель Русского общевойскового союза был в центре внимания в те дни. Съезд был детищем Шатилова. Ближайший помощник Врангеля

готовился насладиться триумфом.

Речи выступавших были необычайно торжественны. Ораторы один за другим патетически призывали к бескомпромиссной борьбе с коммунизмом, ради которой вся эмиграция должна объединиться. Но главное было скрыто не в пламенных речах. Чины «Внутренней линии» призывали всех создать руководящий центр всех национальных организаций под фактическим управлением Шатилова.

Членам НТС это все не нравилось. Поэтому они приняли решение не допустить создание такого центра. Воспользовавшись докладом капитана Ларионова на тему «Боевая антикоммунистическая платформа», члены НТСНП выдвинули его кандидатуру в лидеры. Подавляющим большинством съезд избрал Ларионова. Левитский был вне себя. Хотя Ларионов и был одним из старейших чинов «Внутренней линии», Шатилова такой расклад не устраивал.

В довершение всего длившиеся несколько часов переговоры о названии центра утомили его участников. И когда Прянишников предложил назвать центр «Постоянным Совещанием национальных организаций и групп», все неожиданно согласилось.

Это была пиррова победа «Внутренней линии». Ни одна из целей, ради которых и устраивался съезд, достигнута не была. Во-первых, «Постоянное Совещание» было изначально мертворожденным. Нет ничего удивительного, что о нем забыли сразу же и навсегда. А во-вторых, капитан Ларионов был явно не той фигурой, которая могла бы стать организующим стержнем. Да, прекрасный оратор. Да, смелый человек. Но тут требовалось не умение взорвать партклуб и написать об этом воспоминания.

После этого ни о каких нормальных взаимоотношениях между Русским общевоинским союзом и Народно-Трудовым союзом речь уже не шла. НТС во всех провалах заброски своей агентуры в СССР винило РОВС. Досталось даже генералу Харжевскому, который возглавлял в свое время Пражское отделение Боевой организации Кутепова. Главная претензия сводилась к постоянному желанию «Внутренней линии» подчинить своему влиянию Народно-Трудовой союз. «Линейцев» исключали из его рядов, постоянно печатались статьи в газетах с разоблачениями их преступной для эмиграции деятельности, но ничего не помогало. Тайная контрразведка не сдавалась, стоически выслушивая многочисленные обвинения в том, что они отравили одного из лидеров НТС Георгиевского, который только чудом выжил. Однако было понятно, что рано или поздно мина замедленного действия должна будет взорваться. Это и случилось после того, как «нацмальчики» узнали про похищение

Миллера.

Члены Народно-трудового союза понимали, что с устранением Миллера их надежды на избавление от диктата. «Внутренней линии» сводились к нулю. Было очевидно, что Эрдели или Витковский ничего не смогут противопоставить Шатилову и Абрамову. В этой ситуации надо было сделать решительный шаг — обвинить в похищении контрразведку РОВС. Это и было сделано.

9 октября 1937 года был обнародован доклад парижского отделения Народно-трудового союза. В зале Социального музея яблоку негде было упасть. В гробовой тишине люди слушали ужасающие подробности:

«Вся русская эмиграция взволнована сейчас исчезновением генерала Миллера. Наш Союз в лице Председателя РОВСа потерял доброго друга, лично относившегося к нам с неизменной и глубокой симпатией. Этот удар, нанесенный большевиками РОВСу, фактически нанесен всей национальной эмиграции, ибо основным мотивом преступления несомненно являлось желание большевиков провести на руководящие посты РОВСа людей, тесно связанных с конспиративной организацией, именуемой «Внутренняя линия». На пути осуществления этого плана стоял генерал Миллер, которого надо было заменить своим человеком.

Цель же «Внутренней линии» заключалась:

1) в насыщении своими агентами всех национальных русских организаций в эмиграции.

2) в объединении этих организаций под единым руководством и контролем «Внутренней линии», которая к этому времени должна была занять все командные посты в РОВСе и использовать его доблестный флаг.

3) в полной изоляции и дискредитировании НТС как организации, ускользнувшей от ее контроля и ведущей самостоятельную непримиримую и решительную борьбу с поработителями России.

До сего времени мы не вскрывали публично эту организацию, считая, что такое вскрытие может быть принято как интрига и клевета против самого РОВСа. Но о существовании и подрывной и подозрительной работе «Внутренней линии» мы своевременно сообщали ответственным руководителям РОВСа и других организаций. Предавая гласности часть имеющихся у нас данных, мы настойчиво подчеркиваем, что большинство рядовых сотрудников в этой «Внутренней линии» — честные и порядочные люди, поверившие своим руководителям — людям с именами и боевыми заслугами в прошлом...»

Когда же один из докладчиков напрямую обвинил во всем генерала

Шатилова, по залу пробежало заметное волнение. Тут же вскочили сидевшие в зале «линейцы». Однако их крики «Ложь!» не нашли отклика в аудитории. Пришедшие на это собрание ждали сенсации. И получили ее, услышав: «Внутреннюю линию» надо выжигать каленым железом!»

В своих воспоминаниях «Новопоколенцы» Борис Прянишников приводит финальную часть своего выступления:

«Для нас нет никакого сомнения в том, что похищение генерала Миллера организовано большевиками.

В расчеты большевиков не входила записка генерала Миллера.

Допустим на несколько минут, что генерал Миллер записки не оставил. Посмотрим, какие положительные результаты получили бы большевики:

1. Факт второго похищения Председателя РОВС должен был показать всем, что именно Русский Обще-Воинский Союз почитается большевиками врагом №1.

2. По всем данным, нужный «свой человек», Н. Скоблин, становится в легальном порядке начальником I Отдела РОВС. Такое положение, как одного из руководителей организации «враг № 1», придает ему исключительный авторитет.

3. Этот искусственный, раздутый авторитет безусловно обеспечивал ему решающее влияние в проектируемом и весьма вероятно инспирированном «Внутренней линией» центре объединенных организаций.

4. Наконец, устранился с пути неудобный для «Внутренней линии» генерал Миллер, знавший много о ее деятельности.

Национально-Трудовой Союз Нового Поколения принужден был бы выбирать между вступлением под контроль «Руководящего Центра» или травлей со стороны линейца Скоблина и руководимых им через агентуру «Внутренней линии» эмигрантских организаций, входящих в этот центр, за срыв «святого» дела объединения.

Таким образом, через «Внутреннюю линию» большевистский агент направлял бы деятельность объединенной русской эмиграции, а НТСНП, как не поддавшийся на провокацию, стал бы изолированным в эмигрантской среде, травимый и гонимый своими же.

Такое положение могло быть желательным только большевикам. Весь этот план сорван запиской генерала Миллера».

Доклады произвели впечатление разорвавшийся бомбы, эффект которой усилила газета Туркула, перепечатавшая их почти целиком. Многие потом гадали: что заставило так поступить главного дроздовца. Склонен считать, что борцом за правду он не был. В основе его поступка

элементарное сведение счетов с лидерами «Внутренней линии». Нанеся им удар из-за угла, Туркул навсегда отрезал себе возможность возвращения в Русский общевоинский союз. Больше того, от него отвернулись даже многие его офицеры. С того дня неофициальным лидером «малиновых» стал генерал Харжевский, на которого Туркул затаил смертельную обиду. В своей книге «Дроздовцы в огне» он всего два раза назвал фамилию одной из легенд дивизии. Поступок, который прекрасно говорит о человеческих качествах Антона Васильевича. Да, он был легендой Белого движения. Да, был человеком отчаянной храбрости. Да, нестигаемый боец. Но подлость иной раз перевешивает все возможные достоинства.

Все, кто читал воспоминания Туркула «Дроздовцы в огне», много раз издававшиеся в современной России, знают, что в них странным образом не упоминается вовсе начальник дивизии генерал-майор Кельнер. Ну забыли о нем и что с того? Признаюсь честно, я и сам не обращал внимания на такой незначительный нюанс. Но уже в процессе работы над этой книгой получил письмо из США от внука Кельнера. Отрывок из него и привожу: *«Почему Туркул не упоминал о дедушке в своей книге? У них были очень серьезные разногласия во время Гражданской войны. И из-за этого Антон Васильевич и решил фактически вычеркнуть генерала Кельнера из славных Дроздовских частей. На мой взгляд, это своего рода фальсификация истории, сродни большевистской практике стирания некоторых партийных лидеров на фотографиях. Справедливости ради надо сказать, что Туркул не утверждал, что его книга — история борьбы «малиновых» частей. Но это подло игнорировать человека, кто сыграл важнейшую роль при формировании Дроздовских частей и был непосредственным начальником самого Туркула...»*

* * *

Не стоит думать, что Русский общевоинский союз молча стерпел такую пощечину. Все-таки имена Шатилова, Абрамова, Скоблина не были пустым звуком для русской военной эмиграции. Проблема была в другом. Своих газет или журналов у РОВС никогда не было. Ни «Часовой», ни «Вестник Галлиполийцев» таковыми считать нельзя. Да, они выходили под эгидой Союза и при поддержке его чинов, но трибуной не являлись. Даже не так: трибуной являлись. Но не РОВС, а «Внутренней линии». А это, согласитесь, не одно и то же.

Начало ответного удара в информационной войне положил «Вестник

галлиполийцев» в статье о похищении генерала Миллера, написавший «Роль Скоблина в этом деле не ясна». Дальше в ход пошла «тяжелая артиллерия» в лице Ивана Лукьяновича Солоневича. Обстоятельно побеседовав с генералом Абрамовым, он вынес твердое убеждение, что Скоблин предателем быть не может, потому что этого не может быть никогда. В своей газете «Голос России» он опубликовал огромную статью в поддержку главного корниловца.

Следующий номер «Вестника галлиполийцев» содержал уже две статьи на заданную тему. Тон задал капитан Ларионов: *«Я не хочу разбирать всю нагроможденную чепуху, всё хрупкое, подтасованное здание фантастических преувеличений большого воображения и просто клеветы».* Еще дальше пошел капитан Полянский: «РОВС пережил еще один удар, и этот удар только закалил в борьбе, научил и сплотил то основное ядро, которое составляет его силу».

Но это была только прелюдия. Все ждали, что же скажет Шатилов. И он не мог долго стоять в стороне, наблюдая, как втаптывают в грязь его имя. 16 октября в парижской газете «Последние новости» вышло интервью с генералом, где он постарался расставить все точки над «i» в истории «Внутренней линии».

«Организация возникла в 1926–27 годах по личной инициативе генерала Кутепова, который подобрал несколько надежных офицеров и поручил им наблюдать за тем, чтобы в нашу среду не проникали большевистские агенты. На этих офицерах лежала задача укреплять авторитет начальников, сохранять связь с Софией и одновременно обслуживать Кутепова, привлеченного Великим князем Николаем Николаевичем для специальной деятельности.

Цели «Внут.линии» имели исключительно местное — зарубежное значение и такими оставались всё время. Свою работу генерал Кутепов вел по другим каналам.

Месяца два спустя после моего ухода я узнал от генерала Миллера, что он приказал деятельность «Внутренней линии» прекратить. А спустя примерно год я узнал от некоторых начальников 1-го армейского корпуса, с которыми встречался, что организация возобновила работу и что во главе ее поставлен генерал Скоблин.

Миллер, как и я, никогда во главе «линии» не стоял и ею не управлял. Он имел к ней отношение только как начальник РОВС. «Внутренняя линия», по моему убеждению, давно умерла. Но я не хочу отмежеваться от тех, кто бескорыстно и с полным сознанием долга принимал участие в этой работе.

Я членом организации не состоял, но по внутренней переписке организации, руководство которой в значительной части было возложено на меня (я принимал доклады, давал задания и указания), мое имя также обозначалось псевдонимом. Поскольку существовал какой-то, я его не соблюдал и обещания не приносил. Однако и устава никакого не было».

Не успела русская эмиграция вдуматься в содержание этого интервью, как заговорил «великий немой» капитан Закржевский: «Мы оберегали РОВС и помогли его возглавлению. И обратите внимание: за указанный период, с осени 1930 по осень 1935, у нас не было ни крупных потрясений, ни похищений. Значит, мы свою роль выполняли честно и в достаточной мере бдительно. Генерал Миллер не только знал о работе «Внутренней линии», но знал всех ее чинов, доверял ей и неоднократно пользовался ее услугами».

Разумеется, оба послания не остались без внимания членов НТС. Они разобрали интервью Шатилова буквально по предложениям, указав минимум пятнадцать пунктов, в которых ближайший помощник Врангеля обманывал русскую эмиграцию. Еще больше досталось Закржевскому, который, дав интервью, снова принял «обет молчания». А отвечать все же надо было, слишком серьезные были пункты обвинения. Вот лишь некоторые из них: Похищение генерала Кутепова не было предотвращено. Генерал Миллер был похищен видным деятелем «Внутренней линии» Скоблиным. Именно «линейцы» и провоцировали конфликты между РОВС и НТС.

И все же Шатилов больше не проронил ни слова. Дескать, я все сказал, а там — думайте, что хотите. Вместо него выступил капитан Ларионов. «Целью выступления НТС было не разоблачение, а сведение личных счетов. Не очистка рядов от провокаторов, а внесение розни в ряды национальных организаций. Не служение идее Национальной Революции, а самореклама. Не борьба с большевиками, а борьба с РОВС. Полагая, что союз тяжело болен, решили «придушить дядюшку», чтобы воспользоваться на правах родственника кое-каким добришком. Но Русский Обще-Воинский Союз еще не развалился и найдет внутренние силы, чтобы перенести очередной большевистский удар». В довершение он обвинил Прянишникову во лжи и пригрозил подать в суд. «Борец за правду» немедленно успокоился и продолжил свои разоблачения лишь спустя 20 лет.

Похищение Миллера и таинственное исчезновение Скоблина дало журналистам всего мира прекрасный шанс проявить себя. Каждый уважающий себя автор считал своим долгом выдвинуть версию, обставив ее умопомрачительными деталями, каждая из которых словно выходила из-под пера минимум Эдгара По. Начало было положено французскими газетами. Организатором похищения председателя Русского общевойсковых союза четко называли НКВД, пусть даже авторы и не могли расшифровать эту странную аббревиатуру. Прокоммунистические издания, напротив, уверяли всех, что это дело рук гестапо. Эмигрантская печать ежедневно выдавала одно разоблачение за другим, благо многочисленные выступления членов НТС и примкнувшего к ним Туркула давали прекрасную пищу для размышлений.

Не остались в стороне и советские журналисты. К примеру, газета «Известия» в своей передовице писала: *«Фашистские газеты объявили: «генерал Миллер похищен представителем Советского Союза Скоблиным. Его погрузили на советский пароход и повезли в Ленинград». Действительно, как могут обойтись жители Ленинграда без генерала Миллера? Второе, удешевленное, издание дела Кутепова состряпано».*

Корреспондент «ТАСС» передавал из Парижа: *«Всё отчетливее выясняются связи Скоблина с гитлеровским гестапо и звериная злоба и ненависть, которую питал Скоблин к Советскому Союзу. Ряд газет приводит заявление директора одного из парижских банков, который сообщил, что Скоблин располагал крупными средствами и часто менял в банке иностранную валюту. Из заявления банкира вытекает, что источником средств Скоблина являлась гитлеровская Германия».*

Вести следствие в такой ситуации сложно. Каждый твой шаг будет рассматриваться сотнями глаз, каждый из которых мнит себя гением сыска и норовит лезть с советами. Но работа есть работа. В первые же дни после похищения председателя Русского общевойсковых союза полиция потрудилась на славу. Были произведены обыски в квартире Миллера, управлении РОВС, Обществе галлиполийцев, в помещении Русского национального союза участников войны и Русского исторического союза. С особой тщательностью изымались документы из квартир Трошина, Савина, Григуля. И разумеется, Скоблина. В результате в деле скопилась груда бумаг на непонятном для французов языке. Пришлось нанять целую группу переводчиков, которая с утра до вечера несколько месяцев подряд только и делала, что готовила материалы для следствия. А поскольку никто не мог сказать точно, что именно надо искать, пришлось переводить все.

Пока переводчики трудились; не покладая рук, полиция начала

внимательно изучать показания свидетелей и уже готовые документы на французском. Их разочарованию не было предела. Достаточно быстро выяснилось, что толку от этого никакого нет. Единственным достижением можно было считать то, что в похищение Миллера не обвинили весь Русский общевоинский союз. Эта версия была выдвинута с самого начала, но в процессе следователи пришли к мнению, что подобный маккиавелизм несчастным эмигрантам не под силу. Что называется, спасибо хоть на этом.

Следом за ней была отброшена в сторону теория, что Миллера похитили фашисты. Сначала долго выясняли, какие именно: португальские, испанские, германские или итальянские. Потом пришли к выводу, что единственная ниточка, которая связывала это дело с какой-либо фашистской партией, это Туркул, запятнавший себя постоянными поездками в Берлин. И сидеть бы главному дроздовцу на скамье подсудимых, если бы в дело не вмешалась газета «Правда». Ее передовица убедила следствие, что они пошли по ложному следу:

«Исчезновение генерала Миллера было проведено с целью поставить во главе белой эмиграции более подходящего для Гитлера человека, что, несомненно, в интересах той части белой эмиграции, которая связана с фашистской Германией. Пополюер передает далее небезынтересные сведения о положении внутри Российского общевоинского союза. Миллер, по словам газеты, не проявлял того рвения и горячности в отношении службы Гитлеру и генералу Франко, которых хотели бы от него некоторые из главарей РОВС. Миллер будто бы отказался обратиться с воззванием к чинам РОВС, вступить в войска испанских мятежников. Некий генерал, которого газета обозначает буквой «Г», недавно тайно отправился в Германию. В Германии «Г» тесно связан с белогвардейским генералом Глазенапом. По возвращении из Германии «Г» имел встречу с Миллером. После этой встречи Миллер говорил некоторым из своих друзей, что он испытывает тревогу за свою дальнейшую судьбу».

Разумеется, аббревиатуру «Г» все расшифровали правильно — Туркул. Но это была суцкая чепуха. Во-первых, после их предыдущего свидания, закончившегося выходом Антона Васильевича из РОВС, никаких предпосылок для новых радостных встреч не было. Во-вторых, если Миллер кому и высказывал свою тревогу, так это Кусонскому. Было это всего один раз, в тот роковой день. И фамилия Туркул нигде не фигурировала. В-третьих, широкую известность получила одна из статей генерала в партийной газете «Сигнал»: *«Мы приветствуем добровольцев, борющихся в армии Франко, но ни один член Союза не имеет права выезжать туда без моего ведома и разрешения».* Поэтому следствие, еще

раз внимательно изучив все имеющиеся в деле данные, пришло к выводу, что главного дроздовца им подставляют. Таким образом, он навсегда был вычеркнут из списка подозреваемых.

Но еще до оглашения этого решения Туркул сам взялся энергично устраивать собственную защиту. Начал он с того, что рассказал заинтересованной публике совершенно фантастическую историю. Дескать, однажды за чашкой кофе Скоблин предложил Туркулу и его жене съездить летом 1937 года в его автомобиле в Финляндию, чтобы посетить Валаамский монастырь. Однако близость советских пограничников отбила у Антона Васильевича тягу к любованию архитектурным ансамблем, поэтому он вежливо отказался.

Закончив взывать к общественности, Туркул взялся объясняться с лидерами Русского общевоинского союза. Вот что он писал генералу Абрамову: «У меня нет больше сомнений в том, что Скоблин сыграл роль провокатора в моем выходе из РОВСа, восстанавливая Миллера против меня рассказами о моих высказываниях по его адресу. Цель его состояла в подготовке к занятию высокого поста в РОВСе для того, чтобы руководить деятельностью РОВСа в направлении, указанном ему большевиками».

В результате следствие окончательно остановилось на той единственно верной версии, о которой с самого начала говорило большинство чинов РОВС: Евгений Карлович Миллер похищен агентами Лубянки. В дело был подшит первый существенный документ: *«Действительно, большевики всегда недобрым оком взирали на белые русские организации, представлявшие собой антикоммунистические ядра, которые, в особом случае, могли бы образовать отряды для сотрудничества с националистами всех стран, где могли бы вспыхнуть революционные волнения, вызванные коммунистической пропагандой. Также они всегда пытались разваливать или уничтожать такие группировки, в частности РОВС, как наиболее мощную, к тому же по своей структуре военизированную.»*

Не подлежит отрицанию то, что около генерала Миллера должны были находиться крупные агенты ГПУ. Действительно, ничто не доказывает того, что Скоблин был единственным и даже самым важным. Генерал Миллер находился в сети, расставленной большевиками. Очевидно, что его похищение бесспорно является делом рук ГПУ, которое благодаря количеству своих агентов, введенных в Русский Обще-Воинский Союз и в ближайшее окружение его председателя, не имело особых трудностей для завлечения его в ловушку».

Получив все возможные сведения о жизни русской эмиграции в целом и Николае Владимировиче Скоблине в частности, следствие неожиданно обнаружило, что совершенно не располагает данными о финансовой сфере потенциального виновника похищения председателя РОВС. Поэтому было принято решение провести еще один обыск в доме генерала. Он принес богатейший улов. Судите сами: список соединений Красной Армии, донесения о деятельности русских эмигрантских организаций и политических деятелей, списки чинов РОВС с адресами по округам Парижа, записка о гарнизоне Варшавы и вооружении польской армии, отчет о работе большевистских агентов в среде эмиграции во Франции за июнь-сентябрь 1934 года, графики агентурной сети, донесения о деятельности управительных органов РОВС, список начальников групп 1-го армейского корпуса в районе Парижа, переписка с генералом Добровольским, смета расходов по отправке в СССР белого эмиссара...

Венчал это «зеркало мира» совершенно уникальный документ: секретный доклад о намерениях Германии после освобождения от пут Версальского договора, на котором рукой Скоблина было написано: «Старцу Миллеру не показывать». И это не говоря уже о том, что в архиве обнаружилось совершенно секретное письмо Евгения Карловича. В нем он просил главного корниловца назвать имена трех генералов, способных, в случае нужды, принять на себя обязанности председателя РОВС.

Некоторые документы писались условным языком, действующие лица проходили под псевдонимами. Часть бумаг была зашифрованной. Скоблин пользовался тремя шифрами: цифровым, буквенным и смешанным. Из того, что удалось в конечном итоге расшифровать, особый интерес вызывает переписка генерала с Абрамовым и Фоссом.

О лучшем следствие и мечтать не могло. Даже переписка с генералом Добровольским не вызвала у них столь бурного восторга, а ведь в ней содержались весьма важные детали. В который уже раз на страницах этой книги прошу вас обратить на них внимание: *«Нельзя переделывать людей, особенно тогда, когда они достигли почтенного возраста. Обо всем мы переговорим при встрече. Мой бывший начальник должен понять, что я буду вынужден бросить его дела. Кстати, мне кажется, что он ограничивается лишь приветами, не желая оказать мне малейшую помощь».*

И все же полиции крупно не повезло. Нет, данные о финансах семьи

Скоблина они получили полные. Но они не знали, что буквально накануне из дома Скоблина был увезен весь архив «Внутренней линии». Дело вот в чем: уезжая в 1935 году из Парижа в Софию, Закржевский взял с собой лишь малую толику своего огромного архива. Оставшиеся документы были тщательно упакованы в чемоданы и доставлены домой к Скоблицу.

Генерал почему-то не нашел им лучшего места, чем забросить в самый дальний угол чердака. Потом выяснилось, что это была только часть архива «линейцев». Несколько ящиков оказались у Савина. Лишь прочитав в газете о таинственном исчезновении Миллера, он понял, насколько сейчас важны эти документы. Тем более что за ними уже приходили посланцы Шатилова. Сославшись на то, что они были изъяты у него во время обыска, он отправил визитеров восвояси. А сам немедленно поехал домой к Скоблину и забрал те самые пресловутые чемоданы.

Через несколько лет он откроет их и начнет тщательно знакомиться с историей «Внутренней линии». Выбрав самые интересные, на его взгляд, документы, он составит легендарную книгу «Гибель генерала Миллера». Почему легендарную? Дело в том, что тираж ее был всего 100 экземпляров, и она стала библиографической редкостью еще до того, как вышла из типографии. Даже у самых знаменитых коллекционеров изданий русской эмиграции нет этой книги. На сегодня известна судьба лишь одного экземпляра. Его автор послал генералу Шатилову. Ведь именно его он обвинял в похищении председателя Русского общевоинского союза. Больше того: он считал Скоблина невиновным и писал, что и тут проявились интриги Шатилова.

Где сейчас находятся эти самые документы «Внутренней линии» никто не знает. Нив одном из архивов их нет, в частных коллекциях даже отдельных бумаг пока не замечалось. Савин чуть ли не в буквальном смысле унес с собой на тот свет важнейшие данные о контрразведке РОВС.

* * *

24 сентября 1937 года генерал Абрамов издал приказ №1 о вступлении в должность председателя Русского общевоинского союза, с сохранением за собой должности начальника III отдела и переносе центра из Парижа в Софию. Адмирал Кедров назначался начальником отдела во Франции.

Первое, что он сделал на этой должности, — назначил следственную комиссию РОВС по делу Скоблина. Во главе ее он поставил генерала Эрдели, известного своей нелюбовью к главному корниловцу. 20 октября

комиссия начала работу.

Возможности ее были невелики. Все основные документы находились в руках французской полиции. Поэтому было принято решение ограничиться лишь допросами чинов Русского общевойскового союза и изучением тех немногочисленных документов, которые были под рукой. Нетрудно догадаться, что среди них почетное место занимали «Инструкция» и «Идеология чинов “Внутренней линии”».

Все с удивительным единодушием проклинали Скоблина и Плевицкую. Но вот ведь интересный момент. Тон всеобщим выступлениям задал Шатилов. Именно его допрашивали первым. Суть показаний генерала свелась к тому, что Николай Владимирович — коварный интриган, стравливал генералов друг с другом. А все потому, что его активно науськивала Плевицкая. А «Внут. линия» тут вовсе ни при чем.

Эту позицию активнее всех отстаивал главный редактор журнала «Часовой» Орехов, еще недавно считавшийся самым горячим апологетом главного корниловца: *«К Скоблину я лично никогда не питал ни малейшего доверия. Он всегда подчеркивал хорошие отношения с генералом Шатиловым. Но за глаза его всегда ругал».*

И это было еще только началом. В ближайшем же номере «Часового» появилась статья Орехова о предателе, который чуть было не уничтожил весь Русский общевойсковой союз:

«В военной среде есть много достоинств, но и, надо признать, есть недостатки. Один из них — неправильное понимание слова «товарищество». Из-за нежелания подорвать «товарищеские» отношения делаются непоправимые ошибки.

Блестящее прошлое генерал-майора Скоблина в Добровольческой, а потом Русской армии несомненно и достаточно известно. В период Галлиполи генерал Скоблин реорганизовал Корниловский ударный полк и во главе его прибыл в Болгарию.

В 1923 году генерал Врангель отрешил генерала Скоблина от командования полком без объяснения причин. Ходили, однако, слухи, что история отрешения была крайне неблагоприятна для генерала Скоблина.

В 1929 году генерал Кутепов восстановил генерала Скоблина в должности командира Корниловского ударного полка. Последний период командования полком генерала Скоблина был ознаменован, с одной стороны, исключительно ценной консолидацией сил полка и налаживанием связи между его чинами, а с другой стороны, непонятным никому разгоном старшего офицерского состава полка. Целый ряд штаб-офицеров, из которых многие (как, например, полковник Левитов)

создавали боевую славу полка, вынуждены были оставить полк из-за разногласий с его командиром.

Последние два-два с половиной года генерал Скоблин не внушал к себе ни доверия, ни симпатии со стороны старшего командного состава 1-го армейского корпуса. Генерала Скоблина обвиняли в двоедушии и подпольной деятельности.

Особенно были поражены его странным поведением начальники частей и групп 1-го корпуса, собиравшиеся в 1935 году для представления генералу Миллеру доклада о необходимости реформ в РОВСе. Генерал Скоблин играл тогда двойную игру. С одной стороны, он умышленно разжигал недовольство генералом Миллером и всячески против него интриговал, с другой — оставался с генералом Миллером в самых лучших отношениях и, как потом выяснилось, неправильно, «с черного хода» доносил генералу Миллеру о заседаниях командиров частей, облыжно оговаривая совершенно неповинных людей.

Располагая средствами, генерал Скоблин хитро привлекал на свою сторону молодежь, всегда противопоставляя себя генералу Миллеру, и в то же время старался войти в доверие к последнему. Правда, о двойной роли генерала Скоблина некоторые начальники предупреждали генерала Миллера, но недостаточно единодушно и энергично. Пусть жуткое предательство Скоблина послужит нам всем предостережением.

Нельзя из-за неправильно понимаемого чувства «товарищества» не обнаруживать истинной физиономии людей, пусть находящихся в самых высоких чинах.

Надо не ограничиваться каскадами громких фраз и мастерским устройством церемоний, на что генерал Скоблин, кстати, был мастером, а претворять наши чувства, нашу веру в Россию, нашу жертвенность в дело. Сейчас есть пути. Это поняли уже некоторые. Пример генералов Шинкаренко, Фока и других говорит сам за себя. Надо, наконец, установить такой порядок вещей, чтобы чувство ответственности в наших рядах — от высших до низших — понималось так, как это было в Российской Императорской армии».

Наряду со Скоблиным главным виновником похищения генерала Миллера считался начальник канцелярии Кусонский. Его открыто называли старым ротозеем. Слышать это выпускнику Николаевской Академии Генерального штаба было очень огорчительно. В результате он сделал заявление для следственной комиссии РОВС:

«Наиболее близким мне человеком, с которым я часто делился своими мыслями и сомнениями и мнение которого я всегда высоко ценил, является

полковник Станиславский. Так как после всего случившегося многие находили, что мне следовало вскрыть записку тотчас же по выходе генерала Миллера из дверей управления, то я заявляю, что, если бы я даже поделился на этот раз с полковником Станиславским секретом и он самым настоящим образом стал бы доказывать необходимость вскрыть записку, то я всё равно ее не вскрыл бы.

Хочу заверить, что хотя и убежден, что более раннее вскрытие мною записки генерала Миллера и, следовательно, более ранняя тревога ничуть не изменили бы трагической развязки, но считаю себя виновным в позднем вскрытии упомянутой записки, почему откровенно доложил начальнику Русского Обще-Воинского Союза о недопустимости дальнейшего занятия мною каких-либо ответственных должностей в РОВСе».

Вердикт членов комиссии был единодушный: «Записка, оставленная генералом Миллером в полдень 22 сентября, — единственный ключ к раскрытию тайны его исчезновения. Более раннее вскрытие этой записки, вероятно, не могло бы уже воспрепятствовать похищению генерала Миллера, но оно могло и должно было помешать бегству Скоблина. Поэтому комиссия ничего не имеет добавить к следующему заявлению, сделанному ей генералом Кусонским.

Бесследное исчезновение генерала Миллера среди бела дня в Париже было тщательно, до мелочей, подготовлено могущественной организацией, располагающей громадными денежными, техническими и политическими возможностями, недоступными никакой частной группе и с очевидностью обличающими «руку Москвы». Так называемая «Внутренняя линия» к похищению генерала Миллера не причастна. Решительно осуждаем Белградский центр Национально-Трудового Союза Нового поколения, подавший сигнал к необоснованным и вредным для всего русского дела обвинениям «Внутренней линии» в службе большевикам».

Комиссия генерала Эрдели закончила свою работу 28 февраля 1938 года и представила свой доклад начальнику I отдела РОВС. Результаты их работы никогда не публиковались и что там выяснили Эрдели сотоварищи, неизвестно. Известны только отдельные пункты:

«Для осуществления преступного замысла Скоблину не было никакой надобности иметь сообщников в среде Русского Зарубежного Офицерства. Это предоставило бы только ряд излишних опасностей как лично для него, так и для руководивших им агентов советской власти. По тщательно проверенному Комиссией дознанию, ни в частях 1-го Армейского корпуса, ни вообще в РОВСе сообщников у Скоблина в деле похищения генерала Миллера не было.

В воинскую среду вносились чуждые ей начала, интриги, слежки и разложения. Вокруг главы РОВСа генерала Мишера искусственно создавалась атмосфера пустоты и общего недоброжелательства, невольно толкнувшая ближе к Скоблину искавшим войти в его доверие.

Комиссия не может, с другой стороны, не осудить заправил «Внутренней линии»: Генерала Шатилова, капитана Фосса и капитана Закржевского. Комиссия сожалеет и о том покровительстве, которое оказывало их деятельности командование.

Организация «Внутренней линии» внедрилась в РОВС, т.е. в военное объединение, построенное по принципам воинского подчинения, вопреки первоначальному замыслу, в виде некоей тайной силы. Сила эта образовала у себя независимую от местных начальников РОВСа линию подчиненности, во главе с особым центром, ускользавшим от влияния возглавителя РОВСа.

Во-вторых, при таком ее устройстве она являлась орудием неких личных честолюбивых целей к ущербу для самого возглавителя РОВСа и для общего направления жизни Воинского Союза.

В-третьих, работа в этой организации своими формами тайнодействия отравляющим образом повлияла на некоторых ее участников.

Наконец, она возбудила к себе недоверие соприкасавшихся с РОВСом национальных организаций молодежи, следствием чего явился публичный скандал «разоблачений», вредный для всей эмиграции в целом.

Полезь же, которая ожидалась при первоначальном возникновении «Внутренней линии», была невелика.

По единодушному выводу Комиссии, «Внутренняя линия» должна быть упразднена».

Но и этого хватило, чтобы вызвать недовольство нового председателя Русского общевойскового союза. Хорошо зная нелюбовь Эрдели к «Внутренней линии» в целом и к Скоблину в частности, Абрамов требовал назначить кого-нибудь другого главой комиссии. Кедров категорически отказывался. В довершение всего Абрамов узнал, к какому выводу пришло следствие относительно его самого: «Вы в течение тринадцати лет были непрерывно и умышленно вводимы капитаном Фоссом в заблуждение, совершенно этого не заметив, и что в такое же заблуждение вы были введены и генералом Шатиловым во время вашего приезда в Париж, когда вы у него жили».

Абрамов тут же сформировал новую комиссию, которая должна была расследовать деятельность «Внутренней линии». Возглавил ее полковник

Петриченко. Результаты работы и этой комиссии никогда не публиковались. Известно лишь то, что ничего преступного в деятельности контрразведки Русского общевойскового союза обнаружено не было. Больше того, комиссия пришла к удивительному выводу — дело сфабриковано, Николай Владимирович Скоблин невиновен. Интересно, что это заявление совпало со статьей капитана Орехова в журнале «Часовой»:

«Генерал Миллер принял пост председателя РОВСа как тяжкий крест. Он часто говорил об этом своим ближайшим друзьям и сотрудникам.

Ему было очень тяжело. Он не был и не стремился быть тем, что сейчас модно называть «вождем». Глубоко порядочный, кристально честный человек, истинный патриот, генерал в лучшем смысле этого слова, он добросовестно и честно нес свои тяжелые обязанности.

Очень тяжелые. Международная обстановка крайне осложнилась за эти годы, во Франции произошли перемены, которые, естественно, затрудняли работу РОВСа, внутри Союза произошел ряд прискорбных событий, осложнивших и без того трудную работу его председателя. Но Евгений Карлович с истинно христианским смирением продолжал свое дело. Его работоспособность была изумительной, он занимался делами с 8 часов утра до позднего вечера. Не было почти ни одного собрания — военного, общественного, национально-политического, на котором бы не появлялся Евгений Карлович.

Наряду с трудными обязанностями председателя РОВСа он находил время заниматься еще дорогими ему делами объединений Николаевского кавалерийского училища, Лейб-Гвардии Гусарского Его Величества полка и 7-го Белорусского полка, командиром которого он в свое время был.

Исключительно благородный и благожелательный человек, генерал Миллер относился с доверием ко всем людям. Он не мог допустить фактов обмана, измены и интриги. Вся его натура была вне этого. Увы, жертвой такого идеального отношения к людям он и пал. Пал на посту, как честный воин, как патриот, отдающий Родине и Идее все, вплоть до своей жизни.

Редакция «Часового» всегда с чувством глубочайшего негодования относилась к бессовестным обвинениям и выступлениям некоторых господ, травивших нашего безукоризненно честного и благородного начальника. Свою честность, безупречную и жертвенную, он сохранил до последнего дня своей жизни. Ясно, что предатель просил Евгения Карловича дать слово о сохранении «свидания» в секрете, негодяй знал, что слово генерала Миллера свято. И оказался прав. Генерал Миллер свое

последнее честное слово сдержал, но какой ценой!

Но он оказал и последнюю великую услугу нашему общему делу. По воле Божьей, по чудесному наитию он оставил записку «на случай»... Эта записка открыла убийцу, который без этого, вероятно, добил бы Обще-Воинский Союз в ближайшее же время страшнейшей провокацией.

Расчет большевиков был ясен: убрать благородного, неподкупного возглавителя, и тем или иным путем посадить на его место своего агента. Тогда вся военная эмиграция оказалась бы в руках большевиков. Генерал Миллер не дал этому свершиться. Генерал Миллер спас не только Русский Обще-Воинский Союз, но и всю эмиграцию, а, может быть, в конце концов и все русское дело. Этого не можем мы забыть. Мы обязаны позаботиться о том, чтобы выполнить недосказанную последнюю волю нашего незабвенного генерала и всеми средствами сохранить Русский Обще-Воинский Союз и наше воинское единство. Это зависит только от нас.

Наши же чувства глубокого почитания, преданности и благодарности всегда будут обращены к памяти павшего за Россию рыцаря без страха и упрека, благороднейшего честнейшего Евгения Карловича Миллера».

* * *

Следствие медленно, но верно двигалось к завершению. Были по несколько раз допрошены жена и сын генерала Миллера. Шатилов, Кедров, Кусонский, Мацылев, Трошин, Григуль, Туркул, Павлов, Семенов и многие другие были единодушны: о деятельности Скоблина Плевицкая знала все.

Плевица все отрицала. После первоначального шока к ней вернулась уверенность. Внешне она была самым спокойствием, стойчески отбиваясь от обвинений и четко придерживаясь своей линии поведения: она ни в чем не виновата. О деятельности мужа ничего не знает. В его причастность к похищению председателя Русского общевойскового союза не верит. Где он сейчас — не знает. Лишь 1 марта 1938 года она неожиданно для всех ответила следователю: «Пока я была в модном доме “Каролина”, возможно, мой муж мог отлучиться. Но если он уезжал, то не знаю куда».

«— Если ваш муж нагнал вас тотчас по выходе из модного дома, то вы были должны перейти улицу; чтобы сесть в автомобиль?», — немедленно схватился за ниточку следователь.

— Когда я вышла, мужа не было. На Северный вокзал я поехала в такси одна. Минут через десять на своей машине приехал мой муж.

— Однако раньше вы почему-то говорили, что в моторе вашей машине была какая-то неисправность, и именно это послужило задержкой отъезда от магазина. Когда же вы говорите правду: тогда или сейчас? Я отвечу за вас. Вы снова лжете! Вы знали, где был ваш муж: и что он делал! Вы ему помогли, вы — соучастница преступления!

— Нет, клянусь! Я ничего не знаю, ничего!»

В кабинете наступила тягостная тишина, которую нарушал лишь плач Плевицкой. Наконец она взяла себя в руки и заявила, что хотела бы переговорить с глазу на глаз с женой генерала Миллера. Следователь не возражал, представив им 10 минут.

«— Наталия Николаевна, неужели вы думаете, что я способна на предательство? Ведь я так любила Евгения Карловича, он такой милый, хороший. Помогите мне выйти из тюрьмы. На свободе я разыщу Колю и узнаю, что случилось с Евгением Карловичем.

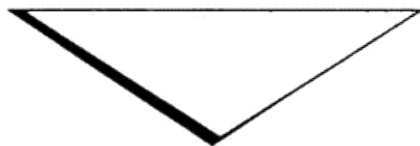
— А как вы можете это сделать?

— Я поеду в Россию, куда, как говорят, бежал мой муж.

— Да и я думаю, что он там.

— Я разыщу его. У него остались два брата. Они у большевиков. Я узнаю, где ваш муж. Вы не верите мне! Я не пала так низко, как вы думаете! Пусть меня накажет Бог, если я лгу вам. Знаете, что я готова ехать в Россию в сопровождении французского инспектора. Я тоже несчастна, ничего не знаю о муже. Я его ненавижу! Он меня обманул и предал, как предал других. Я в тюрьме, а он счастлив в России. Вы такая чистая и благородная, я вас всегда любила, вами восхищалась. Помогите мне уехать. Клянусь, я разыщу наших мужей...»

Поняв, что Миллер перетащить на свою сторону не удастся, Плевицкая потеряла к ней всякий интерес. Воспользовавшись тем, что в кабинет вошел следователь, она снова изобразила на лице высшую степень безразличия и приготовилась и дальше играть свою роль. Не дожидаясь новых вопросов, она глубоко вздохнула и произнесла: «Никакого алиби для мужа я не подготовляла. Ничего не знаю...»

ГЛАВА 3.

Суд над Плевицкой. Показания свидетелей.

Оглашение приговора. Исповедь Плевицкой.

Скандал с сыном генерала Абрамова. Агент НКВД

Третьяков. Страсти по «Внутренней линии» 25

лет спустя

9 сентября 1938 года дело было передано в суд. Спустя почти три месяца, 5 декабря, состоялось первое заседание. Плевицкая, в черном шелковом платье, с гладко зачесанными и стянутыми черным шелком волосами, в черных лайковых перчатках и в туфлях черной замши, с переброшенной на левую руку котиковой шубкой, совершенно спокойно смотрела на собравшихся. Она словно бы вышла на столь привычную ей, эстраду, и казалось, если бы не декорации, она сейчас исполнит «И будет Россия опять».

Ровно в 13.00 раздался гонг: встать, суд идет! Началось чтение обвинительного акта: «26 января 1930 года генерал Кутепов, председатель Русского Обще-Воинского Союза исчез при таинственных обстоятельствах. Бывший русский офицер стал жертвой похищения, все поиски обнаружить его след остались безрезультатными; виновники не были раскрыты. 22 сентября 1937 года, в свою очередь, исчез его преемник, председатель РОВСа генерал Миллер.

Полное согласие проявлялось между обоими обвиняемыми как в повседневной совместной жизни, так и в действиях, которыми были отмечены подготовка и проведение покушения, жертвой которого стал генерал Миллер».

Допрос Плевицкой:

«— Ваше имя?

— Надежда.

— Профессия?

— Певца. Замужем, детей нет. Под судом не состояла. До эвакуации с Белой армией всю жизнь провела в России, за границу не выезжала.

— Если вы были с Белыми армиями, как вы объясните афиши концертов в Курске «Наша красная матушка»?

— Это ложь. Я красной матерью никогда не была. Это могла быть

жена Ленина или Троцкого. Я тогда была молодой женщиной, и никто не смел меня так называть. Я была при красных, как многие русские женщины, которые остались.

— Вы ничего не знали о подготовке покушения на генерала Миллера?

— Клянусь, ничего не знала!

— Вам известны обстоятельства исчезновения генерала Миллера. Ради его жены, сына и брата, скажите, где он. Поймите, еще есть время. А после допроса будет поздно. Я уверен, что вы знаете, где Миллер и Скоблин.

— Суду французскому я могу смотреть в глаза с чистой совестью. Господь Бог — мой свидетель. Он видит, что я невиновна.

— Эксперты установили, что вы и ваш муж жили не по средствам. Значит, деньги поступали к вам из тайных источников?

— Я никогда счетами не занималась. Считать я не умела. Все хозяйственные дела вел муж.

— Вы получали деньги от господина Эйтингтона. Кто он такой?

— Очень хороший друг, ученый-психиатр. А его жена — бывшая артистка Московского Художественного театра.

— Вы были в интимных отношениях с Эйтингтоном?

— Я никогда не продавалась. Подарки получала. А если муж одалживал деньги, то этого я не знаю.

— Как же так? Ведь вы сами говорили на допросах, что Эйтингтон одевал вас с головы до ног?

— Нет. Так я сказала случайно. Подарки от мадам Эйтингтон получали и другие, например Жаров с женой.

— Русских нравов я не знаю, но всё-таки странно, что жену генерала одевал человек со стороны.

— Своей женской чести я не марала и никогда не получала дары ни за какие интимные дела. Кто знает Эйтингтона, никогда не поверит, что тут были какие-то пикантные происшествия.

— Когда полковник Мацьлев вернулся без вашего мужа, почему у вас возникла мысль, что его в чем-то заподозрили? Разве вы не говорили того, что, заподозренный, ваш муж мог не снести оскорбления, покончить с собой?

— Нет, я этого не говорила! Я не думала, что моего мужа могли в чем-то подозревать.

— Когда вы узнали об исчезновении генерала Миллера?

— Узнала от полковника Мацьлева тогда, когда он приехал ночью спрашивать, не вернулся ли Николай Владимирович.

— Вспомните точно, что вы тогда сказали. Какими были ваши первые слова?

— Ну, как я могу вспомнить? Я страшно испугалась, начала спрашивать: «Где мой муж? Что вы сделали с ним?» Потом, когда полковник Мацьлев сказал, что с ним приехали адмирал Кедров и генерал Кусонский и они ждут на улице, я высунулась в окно и крикнула, что Николай Владимирович, может быть, у Миллера или в Галлиполийском собрании. А они мне сказали: «Когда Николай Владимирович вернется, пришлите его в полицейский комиссариат. Мы все сейчас туда едем».

— Считаете ли вы вашего мужа виновным в похищении генерала Миллера?

— Не знаю. Раз он мог бросить меня, значит, правда, случилось что-то невероятное. Я не могу допустить, что он виноват, считала его порядочным, честным человеком. Нет, невозможно допустить. Но записка генерала Миллера и то, что он меня бросил, — против него.

— Умоляем вас, скажите правду!

— Не знаю. Я правду говорю. Я ничего, ровно ничего не знала».

Допрос Кусонского:

«— Как боевой русский генерал вы совершили ряд стратегических ошибок! Ваш начальник ушел на тайное свидание. Неужели записка, переданная с такими словами, не встревожила вас? Но есть другая ошибка, более серьезная; записка Миллера раскрыла вам Скоблина. Доказательство его лжи было в ваших руках. Если бы вы проявили больше сообразительности и проворства, то Скоблин сидел бы тут, рядом с женой! Ошибка, непростительная для доблестного генерала! Зачем вы задержали адмирала Кедрова? Не для того ли, чтобы дать Скоблину возможность бежать?»

— Прошло четырнадцать месяцев, и всех подробностей припомнить не могу».

Допрос Шатилова:

«— Считаете ли вы чету Скоблиных виновными?»

— В этом нет никаких сомнений. Плевицкая знала всё, что делал ее муж. Она была его злым гением. Ее влияние сказывалось решительно во всём: и в политике, и в полковых делах. Скоблин был прирожденным интриганом, он разжигал недовольство против генерала Миллера, обвиняя его в бездеятельности. Несомненно, он и в этом деле выполнял волю жены. Они оба — агенты ГПУ.

— Как относился генерал Миллер к Франции?

— Он люби/1 Францию как вторую родину. В 1934 году он хотел уйти

на покой с поста председателя РОВСа, но генералы убедили его остаться.

— После похищения генерала Кутепова Плевицкая ежедневно посещала мадам Кутепову и была в курсе расследования этого дела. Что вы можете сказать по этому поводу?

— Да, она не покидала мадам Кутепову.

— Бывала она одна у мадам Кутеповой?

— Нет, не одна. Бывали и другие дамы. А Плевицкую я заставлял там каждый раз, когда приходил к генеральше».

Антон Иванович Деникина вызвали в суд для свидетельских показаний. Его допрос был подробно описан 10 декабря 1938 года в парижской газете «Последние новости», выходящей под редакцией профессора Милюкова:

«Появление генерала Деникина вызывает сенсацию. С любопытством поднимаются головы, чтобы разглядеть бывшего Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России. Генерал медленной поступью проходит через зал и занимает свидетельское место. Свое показание он дает по-русски, через переводчика, короткими и точными фразами. Достоинство, с которым он держится, прямота и ясность ответов производят большое впечатление на суд. На обычный вопрос о том, состоит ли свидетель в родстве или свойстве с обвиняемой, генерал отвечает: “Бог спас!”»

— Знали ли вы Скоблина?

— Знал его по Добровольческой армии, которой я командовал.

— Знали ли вы его в Париже?

— Изредка встречался с ним на собраниях воинских организаций.

— Знали ли вы Плевицкую?

— Нет. Даже не бывал на ее концертах. Незадолго до похищения генерала Миллера Скоблин познакомил меня с нею на банкете корниловцев.

— Был ли у вас с визитом Скоблин 22 сентября?

— Скоблин, полковник Трошин и капитан Григуль приезжали благодарить меня за участие в банкете корниловцев. В это время генерал Миллер был уже похищен.

— Не предлагал ли вам Скоблин съездить в его автомобиле в Брюссель на праздник корниловцев?

— Он предлагал поездку автомобилем два раза и раньше. А это было его третье предложение.

— Почему вы отказались?

— Я всегда, вернее, с 1927 года подозревал его в большевизанстве.

— Вы опасались его или ее?

— Не доверял обоим.

— Вы убеждены, что Скоблин был советским агентом, но доказательств не имеете?

— Да.

— Знаете ли точно, что Плевицкая была сообщницей в похищении генерала Миллера?

— Нет.

— Думаете ли, что она знала заранее о преступлении?

— Убежден».

Показания Савина:

«— Почему бежал Скоблин?

— Скоблин не бежал, а «его бежали». Я не верю в бегство Скоблина. До моего отъезда в Испанию генерал Миллер и генерал Скоблин продолжали сотрудничать в секретной работе. Мне показали записку генерала Миллера. Я не узнаю его подписи. У меня есть много писем Евгения Карловича. Миллер не мог оставить такой записки».

Савин стал, фактически, последним допрошенным свидетелем. Надобности в новых показаниях судьи уже не испытывали. Все было понятно. Сохранилось безупречное свидетельство известного литератора русского зарубежья Нины Берберовой, которой удалось весьма точно описать атмосферу в стенах суда:

«Левецкая одета монашкой, она подпирает щеку кулаком и объясняет переводчику, что “охти мне, трудненько нонче да заприпомнить, что-то говорили об этом деле, только где уж мне, бабе, было понять-то их, образованных грамотеев”».

На самом деле она вполне сносно говорит по-французски, но играет роль. А где же сам Скоблин? Говорят, он давно расстрелян в России. И от этого ужас и скука, как два камня, ложатся на меня.

В перерыве бегу вниз, в кафе. Репортер коммунистической газеты уверяет двух молодых адвокаток, что генерала Миллера вообще никто не похищал, что он просто сбежал от старой жены с молодой любовницей. Старый Русский журналист повторяет в десятый раз: «Во что она превратилась, Боже мой! Я помню ее в кокошнике, в сарафане, с бусами. Чаровница!.. “Как полосыньку я жала, золоты снопы вязала...”»

Собравшиеся в зале эмигранты увидели похудевшую, бледную, с выступающими скулами, с запавшими щеками всю в черном женщину. Поникая поза, размеренные жесты. Участники процесса с чувством презрения и сочувствия одновременно смотрели на то умоляющую, то кидющуюся из стороны в сторону, растрепанную, кричащую, рыдающую,

обезумевшую от страха женщину:

Сидевшие в зале считали, что Плевицкая избегает или не смеет смотреть на толпу русских людей, потому что чувствует их враждебность — и свое одиночество. Все против одной. Одна — против всех».

Выступление обвинителя:

«Плевицкая была подстрекательницей своего мужа. Это как раз то, о чем говорили нам свидетели. И я хочу собрать, словно в букет, те выражения, которые они высказали у барьера. Один из них сказал: она — двигательная сила своего мужа. Другой — она носила генеральские лампасы. Третий: Скоблина звали — генерал Плевицкий. И последнее: она была его злым гением. Вышедшая из рядов Красной Армии, она вернулась в ГПУ, чьим двойным агентом была.

Вот, господа присяжные, моральный портрет этой женщины с глазами, временами полными слез, сознающей ужасную ответственность, играющей комедию простодушной наивности и старающейся отвечать с непонимающим видом на все неприятные вопросы: «Я ничего не знаю!»

Сегодня нужно уже платить! Есть еще время сказать правду. Что вы сделали с генералом Миллером? Не видите ли вы его живым в ваших снах? Говорите! Как тягостно это молчание!

Будем уважать страдания русских эмигрантов, восхищаться их верой, их идеалами. И все это предала эта женщина! Над всем этим она надсмехалась! И если мы должны сдерживать наш гнев, мы можем выразить ей все наше презрение, ибо это предательство, платное предательство. Соучастница преступления, предавшая дружбу. Судите ее, господа присяжные, без ненависти, конечно, но и без пощады. Да совершится французское правосудие!»

Зал находился под сильным впечатлением этого выступления. Жена генерала Миллера украдкой вытирала слезы. Закрыв лицо руками, на скамье застыла Плевицкая. Все ждали, какой будет вынесен приговор.

«Какую роль сыграл генерал Кусонский в этом деле? Не был ли он сообщником? И не выдал ли он Скоблина на расправу, удержав Кедрова? В таком деле возможны все догадки. А в материалах следствия нет ни одного документа, обвиняющего в том, что они были советскими агентами.

Чьим агентом был Скоблин? По жене — советским, или по Туркулу — немецким? Генерал Миллер не найден ни живым, ни мертвым. В его смерти сомнений нет. Нет и доказательств. Вот почему можно привлечь Скоблина к суду только по обвинению в насильственном лишении свободы,

а Плевацкую — в сообщничестве. Кто руководил Скоблиным, советы, или гестапо, или личные цели, всё это не имеет значения. Важно, что против обвиняемых собраны достаточные улики. Плевацкая помогала Скоблину в похищении генерала Миллера, ее соучастие предельно ясно и доказано. В ее деле нет смягчающих вину обстоятельств. Поэтому не поддавайтесь чувству сострадания, в данном случае неуместному. Я требую для обвиняемой бессрочной каторги!

Приговор должен быть примерным! Пусть те, кто толкнул эту женщину на преступление, знают, что рука французского правосудия умеет карать беспощадно!»

Суд поставил перед присяжными семь вопросов:

«Был ли 22 сентября 1937 года на французской территории похищен и лишен свободы человек?

Длилось ли лишение свободы больше одного месяца?

Была ли Плевацкая сообщницей в этом преступлении?

Было ли совершено 22 сентября 1937 года на французской территории насилие над генералом Миллером?

Если было, то не с обдуманым ли заранее намерением?

Если было, то не с завлечением ли в западню?

Была ли Плевацкая сообщницей преступников?»

Когда присяжные закончили совещание, старшина, положив руку на сердце, ответил «да» на все вопросы, поставленные судом. Смягчающих обстоятельств найдено не было.

Приговор был оглашен в тот же день: 20 лет каторжных работ, еще 10 лет после этого осужденной запрещается ступать на землю Франции.

Плевацкая вздрогнула. В зале изумление. Такого вердикта не ожидал никто.

Прокурор, закрывая суд, торжественно произнес: «Суд предостерегает этим приговором иностранцев, совершающих преступление на французской земле».

Никаких шансов смягчить приговор не было априори. Адвокат Филоненко сразу сказал: тут не помогут ни письма в газеты, ни обращение к президенту республики. Безусловно, оставался маленький повод для кассационной жалобы — один из присяжных не назвал своей профессией. Но надеяться на пересмотр приговора было верхом наивности.

Журнал «Русские записки» писал в те дни:

«Судоговорение в процессе Плевацкой и закончивший его неожиданно суровый приговор выросли в большое событие в жизни русской эмиграции. Обозревателю приходится на нем остановиться — не только в связи с

судьбой, постигшей подсудимую, и со степенью ее ответственности, сколько в связи с тем, что было названо “климатом” зала суда.

Впечатление присутствовавших на процессе — о личности подсудимой по временам как бы вовсе забывали. Находишься на скамье подсудимых сам Скоблин, его жена могла бы сойти паролем свидетельницы — или, в худшем случае, соучастницы; самая возможность предания ее суду — а на суде возможность ее обвинения — подвергалась сомнению и была предметом оживленных споров.

Судили, в сущности, тех, кто стоял за Плевацкой, — и шансы осуждения довольно равномерно распределились между двумя противоположными направлениями. Выбор был поставлен резко обеими сторонами: советская власть или русская эмиграция? Роль парижских агентов советской власти, особенно после буквального повторения трагедии с генералом Кутеповым, представлялась как бы априори — бесспорной не только для русской эмиграции в целом, у которой нет другого мнения.

Но в пользу этого предположения говорили объективные факты, представшие в ярком освещении перед присяжными. Во-первых, бегство Скоблина в связи с запиской, оставленной генералом Мингером, подлинность которой так неудачно оспаривала противная сторона. Не менее трудно было оспаривать искусственность алиби, которое пыталась отстоять для своего мужа Плевацкая: тут на нее легла главная тень.

Плевацкая платила тут за тех, кто, по тем или иным причинам, остался вне пределов досягаемости суда. И защита Плевацкой оказалась делом чрезвычайно трудным. Принуждены же были ведь и защитники признать допустимость гипотезы о советской причастности к делу, лишив себя тем самым возможности защищать сколько-нибудь ясно и убедительно противоположную позицию.

Но Плевацкая пострадала и за другое обстоятельство — к удивлению, особенно подчеркнутое той же защитой. Она была “иностранка”, на нее пала ответственность за преступление, совершенное при участии эмигранта во Франции — и преступление не первое. “Надо положить этому конец!”, — внушал присяжным прокурор. Для него это было яснее, чем всякие другие гипотезы относительно виновников преступления. Надо показать пример!

Надо, к сожалению, признать, что и неудачная позиция, выбранная защитой, и самый состав вызванных свидетелей давали присяжным обильные иллюстрации этого тезиса. Достоинство эмиграции было

поддержано частью этих свидетелей, но, увы, далеко не всеми».

** * **

В мае 1940 года в управление полиции пришел священник. Он был лапидарен: Плевицкая умирает, и хотела бы исповедаться в присутствии полицейского. Отказать ей в этом было невозможно. Ее исповедь, если это, конечно, можно так назвать, была аккуратно записана и подшита к делу о похищении председателя Русского общевойскового союза генерала Миллера:

«Я люблю генерала Скоблина. Он моя самая большая любовь. Жизнь мою отдала бы за него. Три года не вижу его, умираю от тоски по нему. Его нет, нет, нет, ничего не знаю о нем, и это убивает меня. Я скоро умру. Не знаю, где он находится, как, поклявшись, сказала вашим судьям. Но вам одному, миленький мой, хочу открыться, чтоб вы знали, что я утаивала от суда до сих пор.

Мой дорогой муж генерал Скоблин был очень честолобив. Вы знаете, был он властным человеком. Его власть на себе знаю. Чуть что спрашивала о его делах, так он сразу начинал орать на меня. И была я ему покорна, никогда не перечила.

Верьте мне, крест святой, верно служил он генералу Кутепову. Несколько лет верен он был и генералу Миллеру. А потом, как пришел Гитлер к власти в 1933 году, так с Колей приключились перемены. Стал он тогда насмехаться над Миллером и захотел занять его место, возглавив РОВС. А врагом Миллера стал он в 1936 году. Тогда правительство Народного Фронта захотело подружиться с СССР. Наперекор Миллеру, Коля мой ратовал за союз белых русских с немецкими вождями, он-то надеялся, что силой восстановят царский строй в России.

Тогда же он рассказывал о встречах и разговорах с советскими деятелями. И идеям СССР стал сочувствовать. Ну, тут и я поняла, что Коля изменил генералу Миллеру. А Коля жил на деньги от моих концертов. Я купила ему автомобиль и дом в Озуар-ля-Феррьер. Когда исчез генерал Миллер, в тот страшный день 22 сентября 1937 года, были мы вместе в Париже. Чудилось мне, что муж мой в опасности. Не спалось ему сперва, едва забылся к 11 часам. А потом вздрогнув, словно душил его кошмар, весь в поту, он пробудился. Я нежно обняла его, приласкала. Он плакал, говоря: “Прости меня, Надюша, я несчастный человек. Я — предатель “. И стал мне рассказывать: “Я обманул Миллера, сказав, что везу его на

политическое свидание. Я отвез его в Сен-Клу, в указанный мне дом, а там он попал в руки врагов. Миллер спокойно сидел в моей машине. Мы вошли в указанную мне виллу. Нас приняли трое мужчин, хорошо говоривших по-русски и по-немецки. Генерала Миллера провели в соседнюю комнату, а я остался в передней. Прошло минут десять, мне предложили уйти. Я спросил: Могу ли повидать генерала Миллера? Меня ввели в небольшой салон. Миллер лежал на диване. Он не шевелился. Что вы с ним сделали? — спросил я. Он спит, ваше превосходительство, мы сделали ему укол, — ответил по-французски один из этой тройки“».

Я рассказала вам всю правду. И больше ничего не знаю».

5 октября 1940 года Надежда Плевицкая тихо скончалась в Центральной тюрьме города Ренн. Французские газеты сухо и коротко известили о конце «певицы на службе ГПУ». В бурных событиях Второй мировой войны ее смерть не привлекла к себе равным счетом никакого внимания. О ней все забыли. Или предпочли забыть, вспоминая только ее песню «Занесло тебя снегом, Россия» без указания автора. Одна из русских газет, публикуя некролог, предпочла вовсе не вспоминать про похищение председателя Русского общевойскового союза: *«Душа народа, голос расы, песня нации — так можно было бы описать Надежду Плевицкую, когда она стояла и пела о вечном страдании и горе. Ее дикция была безупречна, исполнение — без малейшего призвука безвкусицы и “пересола“. Все на грани несравненного мастерства».*

Интересно, что в конце 1980-х годов, тогда еще в Советском Союзе, появилась новая версия смерти «курского соловья». Ввел ее в оборот Гелий Рябов, тот самый, который написал в свое время сценарий для фильма «Рожденная революцией». Он утверждал, что Плевицкую казнили немцы. Привязали ее к двум танкам и разорвали. Версию подхватили. Особенно усердствовал известный домысливатель истории Белого движения Черкасов-Георгиевский. На все просьбы предоставить документы он отвечал гробовым молчанием, которое зачастую превращалось в потоки неприкрытого хамства. Действительно, куда проще обвинить всех в богоборчестве и масонстве!

В телефонном разговоре с одним из потомков русских эмигрантов первой волны я попросил его прокомментировать эту версию. Он был лапидарен: «Чепуха, дорогой Армен!» И в тот же день выслал отрывки статей из парижских газет, благодаря которым можно утверждать — Рябов и Черкасов-Георгиевский в погоне за сенсацией ввели всех в заблуждение.

Генерал Абрамов, ставший председателем Русского общевойскового союза, мечтал сложить с себя эти хлопотные полномочия. Он сразу же предложил эту должность бывшему руководителю Особого Сопровождения при ВСЮР генералу Драгомирову, который жил в Белграде. Но тот не согласился. Именно его отказ и вынудил Федор Федорович издать свой знаменитый указ № 1, о переносе центра из Парижа в Софию. Однако он совсем забыл о договоренностях между СССР и Болгарией, о недопущении работы на ее территории белоэмигрантских организаций. Все многочисленные заявления Абрамова, что это чисто номинальный перевод, действия не возымели. Пришлось искать обходные пути.

15 ноября 1937 года он обратился с письмом к проживавшему в Париже заслуженному профессору Николаевской академии Генерального штаба генерал-лейтенанту Гулевичу: *«Позволяю себе обратиться к вам с покорнейшей просьбой, принять на себя возглавлена РОВСа. Могу заверить, что принятие вами этой должности будет встречено всеми начальниками отделов РОВСа с полным удовлетворением и готовностью быть вам ревностными помощниками во всех ваших начинаниях. Разрешите надеяться на благоприятный ответ. В этом случае вступление ваше в должность желательно было бы произвести до 1 декабря сего года».*

Генерал знал сложное положение Русского общевойскового союза и отказаться от такого предложения не мог. Он тут же послал Абрамову телеграмму, в которой выразил согласие. Однако Федор Федорович внезапно передумал. Сделав вид, что никакого согласия он не получал, Абрамов снова обратился к Драгомирову. В этот раз он оказался покладистее, но заметил, что для перевода центра в Югославию нужно согласие правительства. Кабинет министров три месяца изучал этот вопрос и в результате ответил отказом. И тут же последовала новая неприятность. Гулевич, негодуя, что Абрамов ведет двойную игру, ответил ему через газеты: *«Не входя в рассмотрение причин, вызывающих столь вредное для дела промедление, я признаю своевременным заявить, что считаю себя освобожденным от принятых обязательств по отношению ко мне, как вас лично, так и начальников отделов РОВСа».*

Нового председателя Русского общевойскового союза нашли в Бельгии. Выбор этот удивил многих.

Генерал-лейтенант Алексей Петрович Архангельский сразу после

революции оказался в рядах Красной Армии. И только оказавшись на Южном фронте поличному приказу Троцкого, перебежал к белым. Деникин весьма прохладно встретил неопита добровольчества. Он назначил офицерский суд чести, который оправдал Архангельского. Но никакой видной роли в Белом движении он не играл. Больше того, большинство чинов РОВС вообще не знало, кто это такой. Известно было лишь, что он дружит с Кусонским, который, послухам, и подсказал Абрамову кандидатуру нового председателя Русского общевоинского союза. 20 марта 1938 года Абрамов отдал приказ о назначении Архангельского с переносом центра в Бельгию: *«Выяснившиеся за последние пять месяцев общественно-политические условия не позволяют мне продолжать исполнение обязанностей Начальника Русского Обще-Воинского Союза на месте моего постоянного жительства. Ввиду чего приказываю в исполнение должности Начальника Русского Обще-Воинского Союза вступить Генерального Штаба генерал-лейтенанту А.П. Архангельскому.*

Призываю всех чинов Русского Обще-Воинского Союза оказать своему новому Начальнику всемерную поддержку на его трудном и ответственном посту во имя великой идеи, которой мы все служим, — во имя спасения нашей Родины.

Приношу искреннюю благодарность всем, кто в трудные дни после гибели генерала Миллера оказал Русскому Обще-Воинскому Союзу и его возглавлению свое доверие и моральную поддержку».

Случилось это очень вовремя. Крупнейшая организация русского зарубежья опять оказалась втянутой в грандиозный шпионский скандал. Выяснилось, что агентом НКВД был сын Федора Федоровича.

* * *

Во время эвакуации белых армий из Крыма Абрамов оставил на попечение родственников маленького Колю. Он рос при советской власти и, разумеется, впитал в себя всю идеологию: ненависть к буржуям, фашистам и белогвардейцам. В 1931 году он неожиданно появился в Берлине. Фон Лампе тут же сообщил об этом Абрамову. Тот выслал болгарскую визу и немного денег на дорогу.

Разумеется, генералу не нравились откровенные просоветские речи своего наследника. Он поручил его перевоспитание капитану Фоссу. Тот начал привлекать Николая к акциям «Внутренней линии». Было решено внедрить его в НТС, куда он по возрасту вполне подходил.

Уроки Клавдия Александровича не прошли даром. Абрамов-младший начал с того, что предложил создать в рамках Народно-трудового союза тайную организацию. Но его настойчивые предложения не нашли поддержки среди «нацмальчиков». Невзирая на родство с известным лидером Белого движения, он был исключен из НТС. В Русском общевойсковом союзе были возмущены таким решением. Отношения между двумя организациями, которые и так нельзя было назвать безоблачными, испортились до предела.

Летом 1934 года СССР и Болгария договорились об установлении дипломатических отношений. 23 ноября советский полпред Раскольников вручил царю Борису верительные грамоты. Уже через несколько дней представитель страны Советов заявил категорический протест правительству, обвинив некоторых видных членов НТС в подготовке его убийства. Болгарские власти приняли меры. А уже скоро в орбиту следствия попал и Николай Абрамов. Были выявлены его связи с резидентом НКВД на Балканах, а в дальнейшем и с чекистами в Софии.

В октябре 1938 года его арестовали. Абрамову-младшему были предъявлены обвинения в связях с советской разведкой. Разумеется, он пытался все отрицать, но без особого успеха. Ему было дано 7 дней на размышления. Отец предлагал ему застрелиться и тем самым смыть пятно позора с фамилии. Однако Николай категорически отказался. Единственное, что смог сделать генерал, — попытаться не допустить излишней огласки. Получив визу во Францию, Абрамов-младший уехал. Больше его никто и никогда не видел в русском зарубежье.

Скандал пытались замять. Решили даже не докладывать новому председателю Русского общевойскового союза генералу Архангельскому. Только спустя три месяца, в конфиденциальном письме Абрамов доложил, что возникли трудности, но «Внутренняя линия» всегда на страже. Чувствуя неладное, она изолировала Николая от работы РОВС, поэтому никаких особых тайн он не разведал.

Но НТС и Туркул снова выступили единым фронтом, будоража эмиграцию очередным этапом русской войны, в этот раз на Балканах. Первый удар нанесли по РОВС его бывшие чины. Полковник Пятницкий в передовице журнала «Сигнал» отмечал: *«Нам решительно непонятно, как генерал Абрамов сам может оставаться в занимаемой должности. Требовать его отставки — не наше дело. Это — дело РОВС. Но мы высказываем лишь удивление, что генерал Абрамов сам допускает возможным ожидать таких требований».*

Скандал вынудил генерала Архангельского приступить к

расследованию дела Николая Абрамова. Разумеется, тут же всплыла на поверхность и «Внутренняя линия». В течение 10 дней председатель Русского общевойскового союза лично руководил ходом работы проверочной комиссии. Как и следовало ожидать, она не нашла никаких ошибок в деятельности контрразведки. В письме начальник отделов РОВС Архангельский отмечал: *«Двухгодичное наблюдение за ним не дало ничего подозрительного. Сам он проявлял антибольшевистское настроение и, как знакомый с советской действительностью, был привлечен к работе против большевиков. Однако с начала 1937 года стали обнаруживаться подозрения в предательстве, и за Николаем Абрамовым со стороны нашего аппарата была установлена слежка. Естественно, что в это время он был устранен от настоящей работы. Подозрения нагромождались, но установить подлинность их, поймать с поличным не удалось. Была привлечена и болгарская полиция. Хотя все оставалось в области подозрений и косвенных улик, тем не менее, летом прошлого года обо всем было доложено генералу Абрамову, который спросил сына. Последний ответил категорическим отказом — «не виноват», но тем не менее генерал Абрамов велел сыну уехать из Болгарии. Интерес дела, необходимость выяснить его до конца не позволяли предавать его огласке, на чем настаивала полиция.*

Генерал Абрамов, собрав старших начальников, находящихся в Софии, 7 февраля *«отбросив личное и руководствуясь пользой дела»* рассказал все, что он знает по этому тяжелому для него делу. К особо секретным делам Русского Обще-Воинского Союза Николай А. никогда не имел доступа, и отец с ним этими делами не делился, а со времени женитьбы и жил с ним на разных квартирах. Отношения отца с сыном были холодные, что наблюдалось всеми.

Привлечение Николая А. к разведывательной работе сопровождалось колебаниями отца, который уступил сыну, боясь упрека в том, что *«оберегает сына от опасной работы, на которую идут другие...»*. Несомненно, что Николай А. узнал технику работы в известной ограниченной области».

Архангельский попытался поставить точку в затянувшейся череде скандалов с контрразведкой. Он отдал приказ, согласно которому «Внутренняя линия» считалась распушенной и деятельность ее чинов прекращалась во всех отделах РОВС. Но, как и в случае с аналогичными попытками Миллера, ничего из этого не вышло. «Внутренняя линия» продолжила свою работу, больше уже не привлекая к себе ненужного внимания.

22 июня 1941 года Германия напала на СССР. Был нанесен удар небывалой дерзости, стремительности и силы. Спустя всего шесть дней немецкие танковые дивизии прошли Минск. Блицкриг застал врасплох белорусское управление НКВД, которое не успело вывезти или уничтожить архив.

Изучая захваченные документы, немцы заинтересовались личным делом агента советской разведки в Париже, некоего Третьякова. Гестапо достаточно быстро нашло во французской столице человека с такой фамилией. Его подвергли многочисленным допросам, но он упорно отрицал свою связь с Лубянкой. Сотрудники гестапо вынуждены были признать свою ошибку: арестованный ими офицер русской императорской гвардии, человек безупречной репутации, никакого отношения к НКВД не имел. Значит, был и другой Третьяков. Его нашли летом 1942 года.

Бывший министр правительства Керенского, участник Ясского совещания Сергей Николаевич Третьяков. Блестяще образованный, владевший иностранными языками, отличный оратор, он всегда требовал уважения к себе. А ведь эмигрантская жизнь была нелегкой. Семья Третьяковых, у которого были две дочери и сын, нуждалась в деньгах. Французские банки посчитали его кредитоспособным и дали ему займы несколько сот тысяч франков. И свою кредитоспособность он оправдал, сумев продать Рябушинским национализированную большевиками Костромскую мануфактуру.

Сделка была покрыта туманом. Полученные сто тысяч долларов, сумма по тем временам немалая, позволили Третьякову расплатиться с банками и на несколько лет обеспечить семье безбедное существование.

Но шли годы, средства исчерпались и настала острая нужда. Пришлось покинуть просторную и удобную квартиру и поселиться в дешевом отеле. Жена торговала парфюмерией, одна из дочерей мастерила дамские шляпки. Сам Третьяков поступил на службу в журнал «Иллюстрированная Россия». Разъезжая по Парижу в метро, он собирал подписку и заказы на объявления.

В то время он опустил, сильно пил. Однажды он покушался на самоубийство, приняв большую дозу веронала. И умер бы, если бы в критическую минуту не пришла его дочь, вызвавшая скорую помощь.

В своих разъездах Третьяков нередко бывал у Кириллова, бывшего деятеля Союза городов в Сибири. Тут он случайно встретился со старым

знакомым, инженером О कोरोковым, во время Гражданской войны возглавлявшим министерство торговли. Он не скрывал своих связей с большевиками. По всей видимости, эта встреча и стала роковой для Третьякова.

В 1934 году он снял сразу три квартиры в доме № 29 на рю дю Колизе. Две из них были на третьем этаже, одна из них как раз над помещением управления РОВСа. В третьей квартире на четвертом этаже поселился он сам с семьей. Генерал Миллер в этот момент как раз искал более дешевое помещение. Третьяков и предложил председателю Русского общевойинского союза квартиру на третьем этаже. Цена оказалась подходящей, и в декабре 1934 года управление переехало туда.

После похищения генерала Миллера и переноса центра РОВС в Брюссель в этой квартире находилось управление I отдела во главе с генералом Витковским. 12 июня 1942 года он был вызван на допрос в гестапо. Немцев интересовало, что может рассказать Витковский о Третьякове. Тот ответил, что знает его как деятеля Торгово-Промышленного Союза и хозяина квартиры, которую снимает РОВС.

Спустя пять дней начальник канцелярии отдела полковник Мацылев сообщил по телефону Витковскому, что в управление приехали немецкие офицеры и хотят его срочно видеть. Генерал поспешил в Русский общевойинский союз. Пригласив в свой кабинет сотрудников тайной полиции, он услышал шокирующее его известие: утром был проведен обыск у Третьякова, который сознался в том, что он агент НКВД. Немцы попросили разрешения осмотреть кабинет Витковского. Тот, разумеется, не возражал. Вскоре был обнаружен микрофон, спрятанный под плинтусом около камина, напротив письменного стола. От микрофона тянулся провод к приемному устройству в квартире Третьякова. При дальнейшем осмотре выявились следы более ранней проводки и установки микрофонов в бывшем кабинете генерала Миллера.

На следствии выяснились удивительные подробности. Рабочие коммунисты из французского министерства почт, телеграфов и телефонов провели прямой провод из управления Русского общевойинского союза в здание советского полпредства. Сидя в своем кабинете, резидент НКВД в Париже годами подслушивал разговоры лидеров военной эмиграции.

Разумеется, в ходе допросов затронули и похищение Миллера. Третьяков сказал, что кроме него на Москву работал и генерал Кусонский. Педантичные немцы внесли эти показания в протокол, но большого значения им не придали. Бывший начальник канцелярии РОВС был к тому времени уже мертв...

Осенью 1962 года русская эмиграция снова заговорила про контрразведку Русского общевойскового союза. Борис Прянишников опубликовал десять статей под заголовком «Гибель генерала Миллера». Досталось всем: и мертвым, и живым. Неутомимый борец за правду договорился до того, что назвал «Внутреннюю линию» третьим этапом операции «Трест»: *«Он был основан большевиками в то время, когда их секретные службы были слабы, когда нужно было в первую очередь обезопасить советский строй внутри самой страны. С 1922 года до 1927 года прошло пять лет — срок, вполне достаточный не только для обеспечения внутренней безопасности. Этот срок был более чем достаточен для проникновения в эмигрантские организации и для создания в них разветвленной сети информаторов и даже целых открытых и тайных провокационных организаций».*

Прянишников в очередной раз призвал «линейцев» покаяться и помочь ему в разоблачениях. Ответом ему была тишина. Молчал и председатель Русского общевойскового союза генерал фон Лампе. Лишь его помощник ответил двумя ироничными статьями, суть которых сводилась к тому, что *«если доказанный советский агент работал на генерала Шатилова, то логика говорит просто и ясно — Павел Николаевич был приемлем для НКВД».*

Начался очередной виток бесконечных взаимных обвинений. Каждая их сторон ссылалась на вердикт суда по делу Плевицкой. Неутомимый Прянишников привлек в свои свидетели Ивана Солоневича и Ксению Деникину. Более чем странный выбор! Что могла рассказать об этом деле жена Антона Ивановича? Да, она лично знала многих лидеров русской военной эмиграции. Ну и что из этого? Сам Деникин в Русский общевойсковой союз никогда не входил, информацию о его деятельности он получал только в бытность председателем генерала Кутепова. Соответственно судить о работе «Внутренней линии» генерал, равно как и его жена, мог судить только по многочисленным газетным публикациям, в которых вымысла было на десять порядков больше, чем правды.

Да и Солоневич не Бог вещь какой свидетель в этом деле. Он ведь сначала с пылом доказывал, что Скоблин не может быть агентом НКВД. Потом передумал и начал с не меньшим жаром уверять всех, что именно Николай Владимирович работал на Лубянку: *«Я совсем не стыжусь моей первой защиты Скоблина. Слишком взвинчены нервы у зарубежья и*

слишком щедро кидает оно обвинения в провокации. Приказ генерала Архангельского о роспуске внутренней линии — только канцелярская отписка. Внутренняя линия продолжает жить и действовать. Она должна быть вырвана с корнем. Вопрос только в том — как это сделать?»

У Ивана Лукьяновича были основания так писать. Взрыв в редакции газеты, который лишь чудом не унес его жизнь, он приписал «Внутренней линии». Поэтому тональность его выступления понятна. Но еще древние говорили: «Гнев — есть кратковременное безумие». Даже его брат Борис негодовал, что один из самых блистательных журналистов русского зарубежья травит РОВС: *«Иван Лукьянович нужен эмиграции. Он крупный мыслитель, публицист и особенно полемист, и именно в этом качестве он нам нужен. Какая-то часть деятельности И.Л. уже идет параллельно с работой наших худших врагов. Никто, разумеется, не скажет, что это делается сознательно, но в политике не это важно — важен объективный результат».*

Закончилось все очень быстро. Прянишников в очередной раз потребовал от председателя Русского общевойскового союза генерала фон Лампе дать оценку «Внутренней линии». Алексей Александрович опять процитировал распоряжения Архангельского о роспуске контрразведки. Однако Прянишников удовлетворен не был. Он с настойчивостью требовал признать, что все это провокация, которая сыграла на руку НКВД. Ответить ему фон Лампе не успел. 28 мая 1967 года он умер в Париже. Больше о «Внутренней линии» никто, кроме Прянишникова, не вспоминал...

* * *

Между тем охота на ведьм продолжается. Два американских историка Марк Ароне и Джон Лофтус, работавшие в архивах Ватикана и западных спецслужб в конце 1990-х годов, пришли к выводу: генерал Туркул работал на Главное Разведывательное управление Генерального Штаба РККА. Причем, чуть ли не с Галлиполи. Легендарный герой Белого движения, убежденный монархист, заклятый враг коммунизма, он якобы снабжал дезинформацией секретные службы Франции, Германии, Италии, Японии и США. С ним лично встречались и консультировались Бе-нито Муссолини, министр иностранных дел Третьего рейха Иоахим фон Риббентроп, шеф немецкой военной разведки адмирал Канарис, один из основателей ЦРУ Аллан Даллес и десятки других политиков, несших ответственность за

внешнеполитические решения своих правительств. Все они доверяли Туркулу, даже не догадываясь, что сообщаемые им сведения исходят из ГРУ.

Все это не ново. Впервые генерала заподозрили в связях с советской разведкой задолго до «Русской войны в Париже». Достаточно вспомнить Льва Троцкого. В статье с весьма символическим названием «Сталин, Скоблин и К°» он, словно заправский прокурор, выносил вердикт:

«31 октября 1931 года немецкая газета “Rote Fahne” неожиданно опубликовала сообщение о том, что белогвардейский генерал Туркул, оперировавший в то время на Балканах, подготавливает террористическое покушение на Троцкого, Горького и Литвинова. По содержанию этого сообщения, по его тону, наконец, по его анонимности было совершенно очевидно, что информация исходит из самых глубин ГПУ. Советская печать не заикнулась об этом предупреждении ни единым словом, что еще более подчеркивало высокоофициальный источник информации немецкой газеты Коминтерна. Троцкий находился в то время уже в изгнании, в Константинополе; Блюмкин за связь с Троцким был уже расстрелян. Естественно возникал вопрос: какую цель преследует ГПУ, делая это печатное предупреждение? Что имена Горького и Литвинова, состоявших под охраной ГПУ и не нуждавшихся в печатном предупреждении, были прибавлены только для маскировки, являлось очевидным для всякого мыслящего человека уже и тогда.

Французские и немецкие большевики-ленинцы обратились к посольствам СССР во Франции и Германии с письменными заявлениями примерно такого рода: «Раз вы сообщаете, что подготавливается покушение на Троцкого, значит, вы знаете, кто, где и как его подготавливает. Мы требуем от вас единого фронта по отношению к белогвардейским террористам. Мы предлагаем вам выработать совместно меры обороны». Ответа не последовало. Наши французские и немецкие товарищи и не ждали никакого ответа. Им нужно было только подтверждение того, что, делая свое предупреждение, ГПУ хотело лишь заранее обеспечить свое алиби, а вовсе не помешать террористическому акту. Французские и немецкие товарищи приняли тогда свои собственные меры: охрана на Принкипо было значительно усилена.

Недавно, в процессе Плевицкой, весь этот эпизод всплыл снова на поверхность. Комиссар судебной полиции, согласно газетным отчетам, показал на суде следующее: «Туркул был когда-то храбрым генералом. В документах имеются указания, что он подготавливал одно время покушение на Троцкого. Генерал Туркул был недоволен не только Львом Троцким. Он

был недоволен и генералом Миллером».

Почему покушение Туркула не состоялось? Вероятнее всего, белогвардейцы не хотели попасть под маузеры большевиков-ленинцев. На процессе Плевицкой приподнят еще один уголок завесы над предысторией московских процессов. Ближайшие годы, может быть даже месяцы, принесут раскрытие всех остальных тайн. Каин Джугашвили предстанет перед мировым общественным мнением и перед историей таким, каким его создали природа и термидорианская реакция. Его имя станет нарицательным для крайних пределов человеческой низости».

Но это было только начало. Слишком многие поступки и заявления Антона Васильевича Туркула в годы Второй мировой войны внушали опасения. Прежде всего — нежелание подчиняться генералу Власову, которого главный дроздoveц постоянно называл «большевиком». Англичане и американцы тогда провели тщательное расследование. Выдвигалось три версии:

1. Антон Васильевич работал на Москву;
2. Туркул не был советским агентом и специально тянул время, чтобы спасти русских эмигрантов от участия в очередной авантюре;
3. советская разведка использовала генерала «втемную», передавая ему информацию через источники, в надежности которых главный дроздoveц не сомневался.

Допрашивали Туркула несколько месяцев. Опросили десятки свидетелей, изучили сотни документов. В результате пришли к выводу: Антон Васильевич никогда не работал на Лубянку.

Все происходящее произвело на генерала гнетущее впечатление. Именно тогда он и решил эмигрировать из Европы в Южную Америку. Даже написал письмо сыну генерала Кельнера, чтобы он помог ему получить визу в Венесуэлу. Когда же все было готово к отъезду, Антон Васильевич неожиданно передумал. Сдается мне, что это произошло после оглашения результатов следствия союзников.

Безусловно, Антон Васильевич Туркул был очень сложным человеком. Да, он однажды ошарашил всех: СССР — лишь одна из временных форм вечной России, после неизбежного крушения которой возродится монархия. Подобные мысли тогда часто посещали русских эмигрантов. Другой вопрос, что не каждый из них решился бы это произнести вслух. Туркул сказал. Но из этого вовсе не следует, что он работал на советскую разведку. Виной всему характер Антона Васильевича, который рубил правду-матку, от чего часто сам же и страдал. Уверен, что генерал и сам жалел, что когда-то оскорблял Евгения Карловича Миллера.

Безусловно, можно подозревать Туркула в работе на советскую разведку. Ведь подозревают же в этом самого Деникина! Только вот ведь штука какая: подозревать можно кого угодно. И обвинять можно. Но когда просишь доказательства — начинается подтасовка и домыслы...

* * *

По-разному сложились судьбы главных героев этой истории. Ничего не известно о капитане Закржевеком. Капитан Орехов, так же, как и капитан Ларионов, дожил до глубокой старости. Перед смертью завещал свой архив передать России, когда падет власть большевиков.

Капитан Фосс после нападения Германии на СССР возглавил группу из двадцати молодых чинов «Внутренней линии», жаждавших бороться с большевизмом. Оказавшись на столь хорошо знакомом ему по Гражданской войне на Юге России, он был арестован гестапо по доносу членов НТС Мамукова и Голубова. (Хотя Борис Прянишников уверял всех, что как раз наоборот: это Фосс пытался выдать немцам двух видных «нацмальчиков».) Его доставили в Берлин, и лишь блестящая аттестация болгарского генштаба позволила одному из основателей тайного ордена Русского общевойскового союза выйти на свободу.

Не избежал ареста и генерал Шатилов. Под следствием ближайший соратник барона Врангеля находился десять месяцев. Доказать его причастность к «Внутренней линии» немцы так и не смогли. Ни на одном из документов подписи Шатилова не было. Сам же он утверждал, что к основанной генералом Кутеповым «Внутренней линии» имел отношение только как начальник 1-го Отдела Русского общевойскового союза. По всем остальным вопросам он советовал немцам обращаться к другим лидерам РОВС, которые были вне досягаемости в тот момент. После многократных настойчивых обращений русских эмигрантов Шатилов был не только отпущен на свободу, но и с него полностью сняли все подозрения.

Долгие годы он держался в тени. И только спустя фактически 20 лет после «Русской войны в Париже» вернул себе былой авторитет. Приказом председателя Русского общевойскового союза генерала фон Лампе он стал почетным чином Союза. Скончался ближайший соратник барона Врангеля 5 мая 1962 года от рака крови.

Первые годы Второй мировой войны генерал Абрамов проживал в Софии. Он своевременно выбрался из Болгарии, спасаясь от стремительно наступавших армий маршала Толбухина. В ноябре 1944 года Абрамов был

введен в состав Комитета освобождения народов России, возглавленный генералом Власовым. В 1948 году переехал в Соединенные Штаты и поселился в доме пенсионеров Казачьего комитета в городке Фривуд Эйкрс. Вечером 8 марта 1963 года на улице Лэйквуда погиб под колесами автомобиля.

Возглавлявший Русский общевоинский союз генерал Архангельский всеми силами стремился объединить бывших чинов белых армий, которые в результате Второй мировой войны оказались раскиданы по всему миру. Именно при нем была налажена рассылка «только единомышленникам» статей виднейшего русского философа Ильина, публиковавшиеся под общим заголовком «Наши задачи». Деятельность генерала Архангельского привлекала к нему пристальное внимание советских спецслужб, о чем открыто предупреждали газеты русского зарубежья.

29 июня 1955 года генерал Архангельский, ввиду своей болезни, приказом № 5 предписал вступить во временное исполнение должности председателя РОВС генералу фон Лампе. В письме редактору журнала «Часовой» капитану Орехову он отмечал: *«Мне совсем нелегко было принять это решение. Оно было принято только вследствие сознания долга передать свою должность другому лицу — мой возраст и нездоровье не дают мне возможности нести свои обязанности так, как это следовало».*

31 марта 1957 года Архангельский сложил с себя и полномочия председателя крупнейшей эмигрантской организации. Скончался Алексей Петрович 2 ноября 1959 года в Брюсселе, до конца жизни оставаясь единственным почетным членом Русского общевоинского союза.

Антон Васильевич Туркул в 1950 году вернулся к активной политической деятельности. В августе организовал съезд ветеранов РОА под Шляйхсхеймом, где был избран председателем Комитета объединённых власовцев, который возглавлял до смерти. Генерал пытался представить власовское движение как логическое продолжение белой борьбы. Умер Антон Васильевич в ночь с 19 на 20 августа 1957 года. Его прах покоится на дроздовском участке русского мемориального кладбища Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем. Лучшей эпитафией ему были его же собственные слова: *«Шестьсот пятьдесят дроздовских боев за три года гражданской войны, были осуществлением в подвиге и в крови святой для нас правды».*

Борис Витальевич Прянишников прожил долгую жизнь. Порвал с Народно-трудовым союзом, написал две книги воспоминаний и сотни статей, в которых активно разоблачал «Внутреннюю линию». Но вот что

удивительно: некролог ему был помещен в монархической газете «Наша страна», в № 2709–2710 от 27 июля 2002 года. Это та самая газета, основанная Иваном Солоневичем, которая все эти годы боролась не только против «ли-нейцев», но и против Народно-трудового союза: *«На сотом году жизни в городе Сильвер Спринг, штат Мэриленд, скончался один из первых белых воинов Борис Витальевич Прянишников. Из потомственных дворян Области Войска Донского, будучи кадетом новочеркасского Донского Императора Александра Третьего кадетского корпуса участвовал в подавлении большевицкого восстания в Ростове-на-Дону в ноябре 1917 года.*

Летом 1918 года, тайно покинув отчий дом, добрался до станции Мечетинской и там поступил в Партизанский полк Добровольческой Армии, впоследствии переименованный в Алексеевский. Прodelал с полком Второй Кубанский поход и был награжден георгиевской медалью 4-й степени. В боях под Каховкой в августе 1920 года был ранен, но остался в строю, за что был награжден Георгиевским крестом 4-й степени.

После сидения на острове Лемносе, попал в городок Ямбол в Южной Болгарии. Тут в 1922 году произведен в первый офицерский чин. В 1925 году переехал во Францию, где ряд лет спустя вступил в Национально-Трудовой Союз Нового Поколения. Вышел из НТС после Второй мировой войны, когда власть в этой организации захватил состоявший на службе американцев левый оппортунист Е. Романов-Островский»

И заметьте: ни слова о том, чем занимался Борис Витальевич в этом самом НТС! А ведь со смертью последнего участника «Русской войны в Париже» она окончательно стала достоянием истории. Той истории, которую не принято вспоминать и которой невозможно гордиться...

* * *

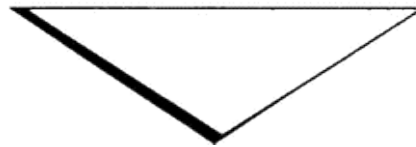
За скобками «Русской войны в Париже» долгие годы оставалась одна из главных причин — борьба за фонды Бахметьева. Похищение председателя Русского общевойскаского союза агентами советской разведки окончательно привело к подрыву доверия в единство военной эмиграции. Был снят с повестки дня вопрос о финансировании борьбы за Единую, Великую и Неделимую Россию. РОВС получил и существенное сокращение содержания аппарата.

Исходя из старого принципа английского правосудия — «Кому это надо?» — заказчик просчитывается достаточно легко: Советская Россия.

Но была та самая главная мелочь, на которую почти никто из историков не обратил внимания: рабоче-крестьянское государство вело уже борьбу не с Русским общевойсковым союзом. Врагом номер один для коммунистов стала «Внутренняя линия». На Лубянке очень серьезно отнеслись к тайному белому ордену, видя в них реальных конкурентов в борьбе за власть в России.

Это был знаковый момент. «Внутренняя линия» признавалась де-факто реальным игроком уже на уровне межгосударственной конфронтации и, как следствие, на международной арене! Не спешите скептически улыбаться на словах «межгосударственная конфронтация». Разве орден тамплиеров не был фактически государством, именно потому уничтоженным папской курией посредством французских королей? А «Внутренняя линия» была политико-военным орденом, который стремился получить серьезное финансирование из финансовых фондов Бахметьева.

Подрыв доверия Бахметьева к Русскому общевойсковому союзу — это и была одна из главных целей похищения Евгения Карловича Миллера. В результате власть в крупнейшей военной организации перешла к фигурам второго плана. А «Внутренняя линия» стала искать новый источник финансирования. И нашла его в Германии...

ЧАСТЬ III. СУДЬБА ГЕНЕРАЛА МИЛЛЕРА

И только ты, бездомный воин,
Причастник русского стыда,
Был мертвой родины достоин
В те недостойные года.
Вот почему, с такой любовью,
С благоговением таким
Клоню я голову сыновью
Перед бессмертием твоим.

Иван Савин

Для похищения Миллера была сформирована оперативная группа, которую возглавил заместитель начальника иностранного отдела Сергей Шпигельглас. В нее вошли Георгий Косенко, Вениамин Гражуль и Михаил Григорьев. Шпигельглас был опытным разведчиком, неоднократно выполнявшим за рубежом ответственные задания ГПУ. Он был мастер обставлять все так, чтобы комар носа не подточил. Тем более это была уже вторая попытка.

Первоначально похищение генерала Миллера планировалось на декабрь 1936 года. Именно тогда во Францию и приехали два сотрудника советской разведки, которым предстояло стать теми германскими офицерами. Но в последний момент последовал приказ из Москвы: «Отложить проведение операции». В сентябре 1937 года никаких препятствий для начала «Русской войны в Париже» уже не существовало.

На следующий день после похищения председателя Русского общевойскового союза, полицейский комиссар из Гавра сообщил своему начальству, что советский пароход «Мария Ульянова» в эту ночь снялся с якоря и вышел в море при весьма загадочных обстоятельствах. Как только на корабль погрузили какой-то большой деревянный ящик, привезенный из Парижа, так сразу же начали отдавать швартовы.

В среду, 22 сентября, как показал чиновник порта Оливье Колан, он был на пароходе «Мария Ульянова» и беседовал с капитаном по

административным делам. Неожиданно во время беседы в каюту вошел кто-то из команды и взволнованно начал говорить капитану по-русски. Капитан немедленно извинился перед Коланом, заявив, что он вынужден прекратить разговор, так как из Москвы пришла «весьма важная» радиограмма, и он немедленно снимается с якоря и идет в Ленинград.

Когда Колан спускался по трапу с «Марии Ульяновой», он увидел, что на набережную к мосту, где грузили товар на пароход, подъехал серый грузовик с дипломатическим номером. Через 25 минут этот грузовик исчез.

Другие служащие порта в свою очередь видели «дипломатический грузовик». Более того, в нем заметили вице-консула СССР Козлова, представителя Совторга и еще двух неизвестных. Они быстро сгрузили какой-то деревянный ящик, затем неизвестные поднялись на пароход, а грузовик уехал с пристани. Деревянный ящик был длиной 6–7 футов и шириной 3 фута, обитый железом.

Грузовик был зарегистрирован 13 августа 1937 года, то есть почти за месяц до похищения генерала Миллера, на имя советского посла в Париже Владимира Потемкина.

В тот же вечер премьер-министр Франции Даладье вызвал к себе Потемкина, рассказал ему о полицейском расследовании по делу похищения генерала Миллера, о том, какие серьезные подозрения падают на советское посольство, и, чтобы как-то успокоить французское общественное мнение, предложил послу отдать приказ о возвращении «Марии Ульяновой». В противном случае угрожал выслать эсминец на перехват. В ответ он услышал, что французская сторона будет нести всю ответственность за задержание иностранного судна в международных водах, и предупредил, что Миллера на судне все равно не найдут. Французы отступились, вероятно, осознав, что живьем свою добычу чекисты не отдадут.

* * *

Председатель Русского общевойскового союза генерал Миллер 29 сентября 1937 года после первого допроса во внутренней тюрьме на Лубянке передал следователю торопливо написанное карандашом письмо жене. Видимо, еще не до конца понимая всю тяжесть своего положения, Евгений Карлович просил переправить записку в Париж. Конечно, никуда письмо отправлено не было, его аккуратно подшили к делу белогвардейского лидера. Это послание 70-летнего генерала сохранилось в

архивах и было впервые опубликовано спустя полвека после его гибели: *«Дорогая Тата! Крепко тебя целую, не могу тебе написать, где я, но после довольно продолжительного путешествия, закончившегося сегодня утром, хочу написать тебе, что я жив и здоров и физически чувствую себя хорошо. Обращаются со мной очень хорошо, кормят отлично, проездом видел знакомые места. Как и что со мной случилось, что я так неожиданно для самого себя уехал, даже не предупредив тебя о более или менее возможном продолжительном отсутствии, Бог даст когда-нибудь расскажу, пока же прошу тебя поскольку возможно взять себя в руки, успокоиться, и будем жить надеждой, что наша разлука когда-нибудь кончится.*

Я надеюсь, что смогу указать адрес, по которому можешь дать сведения о здоровье своем, детей, внуков. Крепко тебя, мою дорогую, целую и молю Бога, чтобы вся эта эпопея закончилась благополучно».

Сидел Миллер в одиночной камере № 110 и в первые дни никак не мог сориентироваться. Мысленно он все еще был в Париже, беспокоился об оставленных делах, писал инструкции своему заместителю по Русскому общевойсковому союзу генералу Кусонскому: *«Дорогой Павел Алексеевич! Писать Вам о том, что и как произошло тогда во вторник, как и где я нахожусь сейчас, я, конечно, не могу, ибо такого содержания письмо, несомненно, не было бы Вам послано. Совершенно я не знаю, что и как произошло в Париже после того, как я “выбыл из строя“. Хочу же написать Вам только по вопросам частного и личного характера, касающимся других лиц, совершенно непричастных ни к какой политике...»*

Евгений Карлович, словно не верил, что оказался на знаменитой Лубянке, что допрашивают его чекисты. Об этом красноречиво говорят его показания:

«Если условия жизни и работы населения улучшатся, ожидать в России перелома путем народного взрыва нельзя, и тогда непредрешающая эмиграция, согласная идти по воле народа, должна быть осведомлена об этом русскими людьми (не г. г. Эррио и другими иностранцами, которым никто не верит), к которым она может иметь полное доверие.

Таковыми лицами сейчас находящимися в СССР являются ген. Кутепов и я, мнения которых для чинов РОВСа и для других офицерских и общественных организаций несомненно авторитетны — в разных кругах одно или другое имя.

Если бы нам дана была возможность лично убедиться объездом обоим вместе хотя части страны в том, что население не враждебно к власти, что положение его улучшается, что оно довольно установившимся

порядком в области экономической и общегосударственно-административной; и что оно не стремится в массе к перемене власти и общегосударственного порядка, одним словом, что существующее положение отвечает “воле народа”, то наш долг был бы об этом сообщить эмиграции, дабы открыть новую эру возвращения русских людей в Россию, население которой получило, наконец, такое правительство и такое государственное устройство, которое его удовлетворяет и соответствует улучшению его благосостояния.

Но нужны, по крайней мере, два голоса — Кутепова и мой, чтобы эмиграция хотя бы непредубежденно поверила или, по крайней мере, прислушалась и задумалась бы о дальнейшем.

А там уже будет зависеть от Советского правительства — дать желающим возможность вернуться, послать своих “ходоков” и вообще поставить возвращающихся в такие условия жизни, чтобы они не противоречили бы нашим заявлениям. Тогда вопрос о русской эмиграции ликвидируется сам собой в течение нескольких лет, а вопрос о необходимости борьбы и взаимоуничтожения русских людей отпадет для большинства эмиграции тотчас же в самое ближайшее время.

Будучи лично знаком с председателем Международного офиса по беженцам при Лиге Наций доктором Хансоном, я мог бы обратиться и к его содействию для облегчения разрешения этого вопроса, стоящего непосредственно в его компетенции».

27 декабря 1937 года посмотреть на похищенного лидера белой эмиграции пришел сам Николай Ежов. То, что это всемогущий народный комиссар внутренних дел СССР, генерал узнал только в самом конце их свидания. Евгений Карлович снова повторил просьбы сообщить о своей судьбе жене, вернуть часы и предоставить бумагу для написания воспоминаний. При этом весьма скупно генерал рассказывал о том, чего добивались от него следователи:

«Никакой непосредственной связи с организацией повстанческих движений я не имел и вообще за эти 7 лет бытности председателем РОВС слышал всего о двух крупных повстанческих движениях — в Восточной Сибири и на Северном Кавказе, когда — точно не помню.

Больше всего о своей работе в СССР как чисто террористического характера по мелким коммунистам (что невозможно было проверить), так и вредительского, особенно на железных дорогах, и даже повстанческого характера громко провозглашало на собраниях и печатало в своей газете Братство Русской Правды. Что оно делало на самом деле — я не знаю. Многих из нас, и военных, и гражданских эмигрантов,

удивляло, как могло Братство так открыто похвалиться своими антибольшевистскими подвигами в газете, издаваемой в Берлине, в период самого действенного существования Раппальского договора, и потому к работе и заявлениям Братства очень многие относились скептически. В частности, чинам РОВС было воспрещено вступать членами в Братство. В 1933 году Братство закончило свое существование.

Ведется ли какая-нибудь повстанческая работа в Национально-Трудовом Союзе Нового Поколения, я не знаю, так как со времени переноса центра Союза из Парижа в Белград, которое совпало с началом более “активной” деятельности Союза, отношения между НТСНП и РОВС сильно испортились, и кончилось тем, что в начале 1936 г. мне пришлось воспретить членам РОВС входить и в этот Союз, как бы ничем идеологически от РОВСа и не отличающийся.

Новый Белградский центр — председатель Байдалаков — стал работать под сильным влиянием Георгиевского, статьи которого, печатающиеся в союзной газете «За Россию», достаточно ярко указывают на любовь к красивой фразе. Скрываются ли за этими словами какие-либо достоинства — я решительно не знаю. Причиной порчи взаимоотношений было стремление говорунгов из НТСНП хаять РОВС за то, что мы “ничего не делаем”, а потому — “идите в наш Союз”, где работа кипит, т.е. переманивали чинов РОВСа к себе.

Я предвижу опять упреки, что я ничего сенсационного не сказал о деятельности РОВСа: да, потому ничего такого не было. Я враг всяких бессмысленных авантур, и за время моего пребывания в эмиграции и у других не видел еще ни одной, из которой вышел толк. Я поставил задачей по мере моих сил и невозможностей выполнить завет генерала Врангеля. Его последние слова были: “Берегите армию! Боже, спаси Россию!”

Кому суждено спасти Россию и вывести ее опять на ее исторический путь Великой Державы при условии благоденствия ее многочисленных народов и в первую очередь Русского народа — Вами ли, нами ли или нам всем вместе общими усилиями — это один Господь Бог знает. Но беречь армию был мой первый долг, сохранить нашу великую организацию, несмотря на разбросанность по всему свету; сохранить наши воинские взаимоотношения, несмотря на то, что прапорщик занимает место инженера, а старший капитан или полковнику него же работает простым рабочим; сохранить дисциплину, несмотря на то, что основное правило дисциплинарного устава — “не оставлять проступка подчиненного без взыскания” — отошло и единственным наказанием в руках начальника осталось право исключения из воинской организации, из

РОВСа, который является Русской армией, всякий начальник должен стараться сохранить в возможно полном составе, а не распылить; уберечь наших воинских чинов от морального падения, несмотря на бесконечно тяжелые условия материальной жизни, взаимной поддержкой в трудные минуты; дать отцам и матерям возможность воспитать детей русскими, несмотря на слишком частую необходимость посылать их в возвращающие их французские школы — беречь армию и сохранить ее и ее сыновей для России — вот моя задача, которой я посвящал все свои силы».

Для чекистов такие данные не представляли никакой ценности. По воспоминаниям доктора Ландовского, участника доставки генерала из Франции в СССР, в ответ на советы дать ложные показания и тем купить себе спасение Миллер тогда ответил: *«Я врать не буду. Так как большевики мне ненавистны, я, как царский генерал, не позволю себе играть на руку этой банде убийц».* В конце марта 1938 года Евгений Карлович обратился к Ежову с повторной просьбой разрешить ему бывать в церкви. Для него, воспитанного в православии, отлучение от церкви было нестерпимее тюремного заточения. Генерал даже готов был перевязать лицо повязкой, чтобы во время службы его никто не узнал, но ответа на свою просьбу так и не дождался. Спустя месяц он написал письмо митрополиту Московскому:

«Москва. 16 апреля 1938 года.

Его Высокопреосвященству Владыке Сергию, Митрополиту Московскому.

Ваше Высокопреосвященство! С разрешения Народного Комиссара Внутренних Дел обращаюсь к Вам с нижеследующей просьбой.

Будучи длительно изолирован от внешнего мира, я особенно болезненно ощущаю невозможность посещения церкви. Условия, при которых я покинул свой дом, не позволили мне взять с собой даже Евангелие, чтение которого, особенно в настоящие дни, было бы для меня большим утешением. Поэтому примите милостиво мою покорнейшую просьбу и подарите мне Евангелие на русском языке.

Был бы глубоко благодарен, если бы Вы нашли возможность подарить мне также “Историю церкви“, хотя бы один из учебников, которым пользуются воспитанники семинарий или духовной академии.

Все мое время я посвящаю чтению книг, получаемых из местной библиотеки, но был бы счастлив, если бы мог часть времени из немногих оставшихся мне лет (мне 71-й год) посвятить возобновлению и расширению моих познаний Библии и Житий Святых. Эти две книги я

решаюсь просить у Вас, высокочтимый Владыко, во временное пользование на 2–3 месяца, а по прочтении обязуюсь их Вам возвратить.

Препоручаю себя святым молитвам Вашим, прошу Вас, глубокочтимый Владыко, верить чувствам искренней благодарности моей.

Вашего Преосвященства покорный слуга раб Божий Евгений».

На всех допросах Миллер твердо держался такой позиции: ни он сам, ни возглавляемый им Русский общевоинский союз не имели никакого отношения к антисоветским восстаниям внутри страны. Пожалуй, Евгений Карлович был одним из немногих, кто в сталинских тюрьмах не предал ни одного из своих соратников и ничего конкретного так и не сказал. Сравните сами русского генерала с Тухачевским, Дыбенко, Думенко и всеми остальными, которые готовы были дать любые показания, лишь бы сохранить свою жизнь. Вместо признаний в антисоветской деятельности, Миллер предпочитал писать письма наркому внутренних дел Николаю Ежову. Последнее датировано 27 июля 1938 года.

«Народному комиссару Внутренних Дел Союза ССР и Генеральному Комиссару Государственной безопасности Ежову.

На этих днях минуло 10 месяцев с того злополучного дня, когда, предательски завлеченный в чужую квартиру, я был схвачен злоумышленниками в предместье Парижа, где я проживал как политический эмигрант по французскому документу, под покровительством французских законов и попечением Нансеновского Офиса при Лиге Наций, членом коей состоит СССР.

Я ни одного дня не был гражданином СССР и никогда моя нога не ступала на территорию СССР. Будучи тотчас связан — рот, глаза, руки и ноги — и захлороформирован, я в бессознательном состоянии был отвезен на советский пароход, где очнулся лишь 44 часа спустя — на полпути между Францией и Ленинградом.

Таким образом для моей семьи я исчез внезапно и бесследно 22 сентября прошлого года. Моя семья состоит из жены 67 лет и трех детей 38–41 года. Хотя в первые дни по прибытии в Москву я еще очень плохо соображал под влиянием исключительно сильной дозы хлороформа, мне все же ясно представлялось, какой удар, какое потрясение, какое беспокойство должно было вызвать мое исчезновение у моей жены и детей. Что я был похищен агентами Советской власти, в этом, конечно, никаких сомнений у моей жены быть не могло: пример Кутепова был

слишком памятен, да и все эти 7¹/₂ лет со дня вступления моего в должность председателя РОВ Союза сколько раз возникали эти опасения и разговоры, причем положение пленников Советской власти всегда рисовалось в самых ужасных красках, что ныне должно было вызвать у жены моей худшие опасения за мою дальнейшую судьбу.

Первое движение мое поэтому по прибытию в тюрьму было — дать знать моей жене, что я жив и здоров и пока что физически благополучен. Краткое письмо моей жене с этим известием я передал в начале октября допрашивавшему меня следователю. Не получив его обещания послать письмо по назначению, я в начале ноября передал начальнику тюрьмы при особом заявлении маленькую записку аналогичного содержания без подписи и без указания, где именно я нахожусь, прося добавить к моей записке какой-нибудь промежуточный адрес, по которому моя жена могла бы мне ответить о состоянии здоровья своего, детей и внуков.

Не получив никакого отклика на это заявление от 4-го ноября (как и на другие заявления от того же числа касательно похищенных у меня денег, принадлежащих другим лицам), я в личной беседе с Вами просил Вас настойчиво связать меня с моей женой, дабы ее успокоить относительно условий моего существования и самому получить сведения о ней и детях.

28 декабря в дополнение к личному разговору, а затем в конце марта и в апреле и моим заявлениям к Вам, я к Вам обращался вновь с этой просьбой, но никакого ответа не получил.

Прошло 10 месяцев, и я ничего не знаю о моей семье и семья моя, видимо, ничего не знает обо мне.

Я вполне понимаю, что усердие не по разуму Ваших агентов, решившихся похитить меня с нарушением всех международных законов и поставивших Вас перед «совершившимся фактом», поставило Вас и все Советское правительство в затруднительное положение и в необходимость впредь, до нахождения приличного выхода из создавшейся обстановки, скрывать мое нахождение в СССР, но все же я не могу не обратиться к Вашему чувству человечности — за что Вы заставляете так жестоко страдать совершенно невинных людей — моя жена и дети никогда никакого участия в политике не принимали. Особенно же меня беспокоит состояние здоровья моей жены, всю жизнь страдавшей большой нервностью, выражавшейся в болезненных приступах при всяком волнении и беспокойстве. Моя жена по матери своей — родная внучка жены А. С. Пушкина, урожденной Гончаровой, бывшей вторым браком за Ланским, и унаследовала, как и ее мать, и сестры, большую нервность,

свойственную семье Гончаровых... Меня берет ужас от неизвестности как отразилось на ней мое исчезновение. 41 год мы прожили вместе!

Никогда, ни в какие эпохи самой жестокой реакции ни Радищев, ни Герцен, ни Ленин, с историей которых я ознакомился по их сочинениям, изданным Институтом Ленина и Академией, не бывали лишены сношений со своими родными. Неужели же Советская власть, обещавшая установить режим свободы и неприкосновенности личности с воспрещением сажать кого-либо в тюрьму без суда, захочет сделать из меня средневекового Шильонского узника или второе издание «Железной маски» времен Людовика XIV — и все это только ради сохранения моего инкогнито?

Убедительно прошу Вас посмотреть на мою просьбу в данном случае с точки зрения человечности и прекратить те нравственные мучения мои, кои с каждым днем становятся невыносимее. 10 месяцев я живу под гнетом мысли, что я, может быть, стал невольным убийцей своей жены и все это вследствие своей неосторожной доверчивости к гнусному предателю, а когда-то герою гражданской войны в Добровольческой армии...

Надеюсь, что Вы найдете время ответить и на другие вопросы и просьбы, содержащиеся в моих заявлениях и письмах. Надеюсь также, что Вы отнесетесь благожелательно ко всему вышеизложенному, я — Ваш пленник — буду ждать с понятным нетерпением Вашего решения и приближающегося годового срока моего заключения».

И это письмо осталось без ответа.

Судьбу белого генерала Миллера окончательно и бесповоротно решил новый нарком внутренних дел Лаврентий Берия. Это было сделано в экстренном порядке, за несколько часов. Повезли расстреливать генерала Миллера 11 мая 1939 года. По правилу, применявшемуся к особо секретным смертникам, генерала доставили в московский крематорий. Бывший корнет Лейб-Гвардии Гусарского полка Его Императорского Величества Евгений Миллер стоял прямо, смотря на расстрельную команду из-под седых бровей. Незадолго до казни, на одном из допросов, он сказал: «Я не покончу жизнь самоубийством, прежде всего потому, что мне это запрещает моя религия. Смерть будет моей последней службой Родине и Царю. Я докажу всему миру и моим солдатам, что есть честь и доблесть в русской груди. Подло я не умру».

Дело, заведенное на него в НКВД, было после расстрела уничтожено, но несколько документов уцелели: письма Миллера и его последние допросы случайно попали в другую папку. Это и сохранило их для истории.

Интересно, что в документах дела белогвардейского генерала Миллера Евгений Карлович фигурирует как «Иванов». На бланке народного комиссариата внутренних дел предписывалось начальнику внутренней тюрьмы «выдать арестованного Иванова Петра Васильевича, содержащегося под номером 110, коменданту НКВД товарищу Блохину, чтобы немедленно привести в исполнение приговор Военной Коллегии Верховного Суда СССР, над осужденным к расстрелу по закону от 1 декабря 1934 года».

Расстреляли председателя Русского общевойскового союза 11 мая 1939 года в московском крематории. Бывший лидер Белого движения на Севере России с достоинством встал к стенке, сверля своих палачей взглядом из-под совсем седых бровей. Через несколько часов, в дело генерала был вложен последний документ: *«Приговор в отношении сего Иванова, осужденного Военной Коллегией Верховного суда СССР приведен в исполнение в 23 часа 5 минут и в 23 часа 30 минут сожжжен в крематории в присутствии коменданта НКВД Блохина и начальника внутренней тюрьмы ГУГБ НКВД Миронова».*

Почему Евгения Карловича расстреляли именно в этот день, а не двумя месяцами раньше или полгода спустя? Ответ становится очевиден, если вспомнить, что происходило в Советском Союзе. 4 мая наркома по иностранным делам Литвинова, который был известен как сторонник сближения СССР с Англией и Францией и создания антигитлеровского альянса, сменил на этом посту Молотов. Это означало, что путь к пакту открыт. И если до этого еще можно было бы рассуждать, что и Миллер для чего-нибудь пригодится, то после назначения нового главы внешнеполитического ведомства такая возможность даже теоретически переставала существовать. Это и решило судьбу председателя Русского общевойскового союза.

Документы датированы 11 мая 1939 года. Они написаны одной и той же рукой, одними и теми же чернилами. Только бланки отличаются. Можно с большой долей вероятности утверждать, что ближе к вечеру (по утрам советские учреждения не работали) народный комиссар внутренних дел Лаврентий Берия, получив срочные указания от Сталина или Молотова (никто другой не мог решить судьбу Миллера), вызвал Ульриха, и тут же дежурным секретарем были написаны две бумаги. Одну подписал Ульрих теми же секретарскими зелеными чернилами. Берия красным карандашом поставил подпись на другой. Дальше был вызван комендант...

Долгие годы о судьбе Евгения Карловича ничего не было известно. Только после распада Советского Союза и открытия архивов стали

появляться подробности гибели председателя Русского общевойскового союза. 11 сентября 1996 года Архиерейский Собор Русской православной церкви за границей издал циркулярный указ о совершении панихиды по генералу Миллеру во всех храмах в тот же день или в ближайшее воскресенье:

«Циркулярно. Архиерейский Синод Русской Православной Церкви за границей. 27 апр. / 10 мая 1996. Номер 50

Всем епархиальным преосвященным и настоятелям церквей, непосредственно председателю синода подчиненным.

Указ

Слушали обращение председателя Русского Обще-Воинского Союза, поручика В.В. Гранитова, относительно генералов А. П. Кутепова и Е.К. Миллера, похищенных большевицкими агентами в Париже. По документам некоторых рассекреченных архивов КГБ, установлены данные об их смерти. Преосвященный Архиепископ Серафим, Брюссельский и Западно-Европейский недавно обратил внимание на то, что церковное отпевание генералов не было совершено.

Председатель РОВСа просит благословения для совершения отпевания нашей Церковью генералов Кутепова и Миллера.

Постановили:

Совершить отпевание мученически скончавшихся генералов

Александра П. Кутепова и Евгения К. Миллера в Синодальном соборе в Нью-Йорке, во время предстоящего Архиерейского Собора, вечером, в день Усекновения главы Св. Иоанна Предтечи, 29 авг. / 11 сент. 1996 г.

*Председатель Архиерейского Синода Митрополит
Виталий*

*Заместитель Секретаря Архиерейского Синода
Епископ Илларион»*

Этот указ был опубликован в Санкт-Петербургском церковно-общественном журнале прихожан РПЦЗ «Возвращение». В комментариях к нему отмечалось:

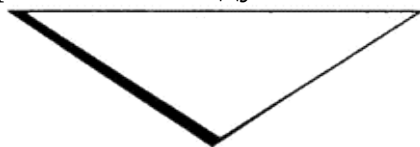
«Души их во благих водворятся. И память их в род и род», — такими, воспеваемыми по традиции, псаломскими торжественными стихами завершает Святая Церковь величественное чинопоследование панихиды. Это напрямую относится к стойким борцам за освобождение России, доблестным белым вождям, замученным большевиками: генералу от

инфантерии Александру Павловичу Кутепо-ву и Генерального Штаба генерал-лейтенанту Евгению Карловичу Миллеру, возглавлявшим Русский Обще-Воинский Союз в годы наивысшей его активности и опасности для коммунистического режима в России (1928–1930–1937гг.). Надеждою на “весенний поход“, то есть продолжение вооруженной борьбы с “советами “ освящен период первого из них на этом посту.

Сменивший его генерал Миллер одобрил участие белых русских воинов в военных действиях во всех уголках земли, где только шла вооруженная борьба с коммунистами. В частности, поддержка каудильо Франко в гражданской войне в Испании была объявлена им продолжением священной Белой борьбы. В это время и тайная война ОГПУ против РОВСа достигла своего апогея, жертвами которой явились нагло похищенные советскими агентами генералы».

** * **

Участники похищения председателя Русского общевоинского союза Шпигельглас, Косенко и Григорьев в 1938 году были арестованы, в 1940 году расстреляны, а в 1956 году реабилитированы. Гражуль продолжал работать в разведке. Умер он в 1956 году.

ЧАСТЬ IV.
«А БЫЛА ЛИ ИЗМЕНА СКОБЛИНА?»

*Опустели штабы и квартиры,
Замолчал о правде голос смелых.
Выйдут внуки красных командиров
И допишут мемуары белых.
И не сверхъестественно, пожалуй,
Если светоч в черной тьме зажженный
Самым честным русским генералом,
Вспыхнет, светом правды озаренный.*

Анатолий Величковский

ГЛАВА 1.

Материалы дела Скоблина из архива ФСБ РФ

Казалось бы, странный вопрос. После всего, что сказано в предыдущих частях, как можно сомневаться? Не спешите. Помните, я много раз просил вас запоминать те или иные подробности? Вот и настало время о них поговорить.

Справедливости ради стоит сказать, что до недавнего времени я, как и все, был убежден — последний командир легендарного Корниловского ударного полка был самым успешным агентом НКВД, организовавшим похищение председателя Русского общевоинского союза генерала Миллера. На многочисленные нестыковки в том деле привычно не обращал внимания, пока один из участников моего же собственного блога в Интернете с символичным названием «Белое Дело» не задал простого вопроса: «А почему вы верите, что согласие работать на советскую разведку написано собственноручно Скоблиным?» Это было подобно некоей вспышке — момент истины.

Версия о великом агенте Лубянки Николае Владимировиче Скоблине покоится на двух мощных китах: на его личном деле из архива ФСБ РФ и десятках разных свидетельств из серии «Одна гражданка болтала...», озвученных на суде в Париже.

Начнем с самого главного. Я покажу вам эти пресловутые донесения генерал-майора Николая Владимировича Скоблина на Лубянку. Стоило огромного труда собрать и упорядочить многочисленные рапорты и отчеты, разбросанные по десяткам монографий и сотням статей. Целиком дело никогда не публиковалось. Что и не удивительно. Если по отдельности и в сокращенном виде они могут служить доказательством «предательства» корниловца, то собранные воедино — ничего, кроме ироничной усмешки, вызвать не могут.

Впервые о Скоблине заговорили на Лубянке сразу после похищения генерала Кутепова, увенчавшего конец второй фазы операции «Трест». Советские контрразведчики решили начать этап борьбы с русской военной эмиграцией. Был придуман хитроумный план: завербовать кого-нибудь из начальников РОВС. Но кого? И кто сможет это сделать? По всем управлениям ОГПУ СССР была разслана ориентировка, суть которой сводилась к тому, что нужен надежный человек, в прошлом белогвардеец, который знаком с лидерами Русского общевоинского союза лично и смог

бы уговорить их работать на советскую разведку.

Вскоре пришел ответ, подписанный начальниками контрразведывательного и иностранного отделов ОГПУ Украины: *«Вы обратились к нам с просьбой подыскать сотрудника, который мог бы выполнять работу в Югославии. Мы решили рекомендовать вам для этой цели нашего секретного сотрудника “Сильвестрова”. Последний является проверенным человеком, весьма толковым, решительным и настойчивым. О вашем решении просим срочно нас известить, так как, если вы не найдете возможным использовать “Сильвестрова” по Югославии, мы отправим его на другую работу».*

Кто же такой этот самый «Селивестров»? Бывший штабс-капитан Корниловского ударного полка Петр Георгиевич Ковальский. В Белом движении он был с первого дня. В бою под Таганрогом был тяжело ранен, и после выздоровления, решил, что хватит с него пролитой крови. Он решил вернуться к родителям и поступить в университет. Но его мобилизовали в армию гетмана Скоропадского, служить которому он не собирался. Ковальский тут же предложил свои услуги Петлюре, который отчаянно нуждался в офицерах. Его немедленно произвели в полковники, а через неделю он стал генерал-квартирмейстером. Но счастье было недолгим. Скоро ему в руки попала телеграмма с требованием немедленно задержать дезертира Ковальского. Арестовывать сам себя он не захотел, предпочтя сбежать в Одессу, где рассказал о своем легендарном боевом прошлом в рядах Корниловского ударного полка. Учтя, что его отец был железнодорожником, его назначили комендантом станции «Новороссийск».

После этого был Бредовский поход, закончившийся в Польше, где армию интернировали. Большинство офицеров мечтало о продолжении борьбы за Россию, о новом Кубанском походе. А вот Ковальский все для себя решил. Он решил остаться в Польше. Три года он жил, буквально побираясь. Ночами он мечтал только об одном — наесться вдоволь. И однажды не выдержал. Пришел с повинной в консульство СССР. Нельзя сказать, что там ему были сильно рады. Все же он был корниловцем, а чекисты понимали — это самые лютые враги советской власти. Но вернуться на Родину ему разрешили. Его тут же призвали в Красную Армию, потом перевели в ГПУ. Поселился он в Харькове, официально работал бухгалтером...

Его немедленно затребовали в Москву и заставили написать, кого из лидеров Белого движения он знает лично:

«1. Генерал Кутепов. Мы познакомились в общезитии Красного Креста в Новочеркасске в 1917 году, где собиралось первое ядро

Добровольческой армии. Встречались часто. Во время обороны Ростова Кутепов был в опале у Корнилова (Корнилов не любил бывших гвардейцев) и был младшим офицером в офицерской роте, от командования был отстранен за оставление Таганрога. Встречались, повторяю, часто, но были довольно далеки.

2. Генерал Скоблин. Мы познакомились в 1917 году при формировании Отдельного ударного отряда 8-й армии. Скоблин был штабс-капитаном. Мы были большими друзьями. Почти год служили в одном полку — Отдельный ударный отряд, Корниловский ударный полк, Славянский ударный полк. После ранения один раз гостил у него в Дебальцево, другой и последний раз кутили в Харькове в «Астраханке» в 1919 году.

3. Генерал Скало. Бывший «императорский стрелок», познакомились с ним в Кременчуге, когда он был назначен начальником обороны района. Были большими друзьями, часто пьянствовали, вместе отступали в Польшу, где сидели в Щелковском лагере. Жили в одном бараке, часто пьянствовали и там. Последний раз виделись в 1920 году.

4. Генерал Шатилов. Познакомились на Царицынском фронте, часто встречался с ним в штабе Врангеля, близко знаком не был».

Из этого списка больше всего интересовал, безусловно, Шатилов. Но сомнительно, чтобы он вспомнил какого-то Ковальского. На втором месте шел Скоблин. Что о нем знали в Москве? В иностранном отделе ОГПУ на него была составлена такая справка-характеристика: «Скоблин Николай Владимирович. 1893 года рождения, из дворян Черниговской губернии. Убежденный белогвардеец, одним из первых прибыл на Дон по приказу Корнилова. Генерал-майор, командир Корниловского Ударного Полка. Галлиполиец. Личностные качества: храбрость, хладнокровие, выдержка, умение расположить к себе окружающих, общительность. Вместе с тем циничен, склонен к интриганству и карьеризму. Существует на доходы от концертной деятельности жены. Может быть взят в разработку в качестве агента».

Вообще, достоверной информации о лидерах Русского общевоинского союза у иностранного отдела ГПУ не было, несмотря на успешно проведенную операцию «Трест». Долгие годы они были вынуждены ориентироваться на показания Слешева, который лично знал всех лидеров Белого движения на Юге России. Но легче от этого не было, ведь генерал-предатель всячески превозносил себя, давая вчерашним соратникам уничижительные характеристики. Вот лишь несколько из них: «Кутепов — строевой офицер, не бравший с момента производства книги в руки, так что мог недурно командовать ротой, но не больше. Это типичный

представитель “строевого офицера “в скверном смысле этого слова, великолепно замечавший, если где-нибудь не застегнута пуговица или перевернулся ремень, умевший равнять и муштровать часть и производить сомкнутое учение, но решительно ничего не понимавший в области командования войсками, их стратегического и тактического использования и сохранения войск в бою. Все это дополнялось крайним честолюбием, эгоизмом, бессмысленной жестокостью и способностью к интригам.

Начальник Дроздовской дивизии — генерал Витковский, был сколок с Кутепова и так же мало, как и он, смыслил в военном деле; я их обоих называл хорошими фельдфебелями. Командир конного корпуса Барбович — человек очень симпатичный, но мало знающий. Лично храбрый и хорошо бы командовал эскадронам и даже полком, но дальше никуда не годился...»

В результате долгих размышлений было принято решение попытаться завербовать Скоблина, для чего Ковальский был тут же отправлен в Европу. И сразу же начинают появляться неприятные вопросы. Почему на Лубянке поверили, что Ковальский действительно был на короткой ноге со Скоблиным, а не вписал его фамилию, чтобы добавить себе значимости?

Почему в иностранном отделе ОГПУ решили, что генерал будет счастлив увидеть вновь своего бывшего однополчанина? Неужели не знали, что добровольцы с презрением относились к тем, кто уклонялся от службы? Почему были уверены, что Скоблин вообще начнет о чем-то говорить с Ковальским, а не пристрелит его на месте или не сдаст в полицию? Почему не боялись, что агента в Париже встретит кто-нибудь из бывших сослуживцев и разоблачит?

* * *

Вместо Парижа, где жил Скоблин, Ковальского отправили в Вену. Резидент ГПУ, встретив гостя из Москвы, не скрывал удивления: как он собирается вербовать Скоблина в Австрии? А почему бы ему не попробовать сделать это, к примеру, в Конго? Ковальский молчал. Он и сам не понимал, что происходит. Тут же была послана гневная шифровка на Лубянку: «Прибыл “Сильвестров“. Сообщение о его прибытии от вас получил на пять дней позже. Из разговора с ним выясняется, что никаких определенных связей у него нет, а старых знакомых он растерял. С нашим аппаратом выяснить их местопребывание невозможно. Вообще по белым он специально не работал. Работал в Варшаве по военной линии, ездил в

Румынию по легенде, которую держали в руках не мы, а румыны. В прошлом он белый, но этого мало.

Я удивлен, что заранее не было все приготовлено, не проверены адреса, не написаны письма и т.д. Он сейчас здесь будет сидеть без дела и ждать, пока вы пришлете рекомендательные письма, наведете справки и за это время может провалиться со своим персидским паспортом.

Так как генерал Скоблин, по газетным данным, находится во Франции и почти все знакомые “Сильвестрова” находятся там же, то, очевидно, придется его туда послать для вербовки. Следует обсудить, не целесообразнее ли передать его другому заграничному аппарату, который работает на Францию. Случай с “Сильвестровы” говорит, что такого рода посылки необходимо тщательнейшим образом готовить, заранее точно проверять адреса, по которым источник может начать работу, разработать легенду, по которой он идет, посылать людей не со связями вообще, а с совершенно определенными связями. Словом, посылать, зная наперед, с чего начнется работа и где ее можно начать. Без такой подготовки всякая посылка людей закончится плачевно, и будет только стоить много денег».

Вас ничего в этом не удивляет? Блестяще проведенные этапы операции «Трест» внушили всему миру, что советская разведка — очень серьезная организация. А тут все с точностью наоборот. Ковальского никто нормально не проверял и к операции не готовил. Его «легенда» не могла сойти даже для Вены, куда он прибыл с персидским паспортом, не говоря уже про Париж. Или на Лубянке считали, что в Русском общевойсковом союзе собраны исключительно романтические гимназистки? Каким образом человек, оказавшийся после Бредовского похода в Польше, получил паспорт азиатской страны? Почему советская разведка ориентировалась не на донесения своих резидентов в Париже, а на газеты?

На что рассчитывали в ОГПУ, отправляя Ковальского вместо Франции в Австрию? На то, что он будет готовить «легенду»? Но в Москве этим заниматься безопаснее, да и инструкторы помогут. Или на то, чтобы Ковальский как следует отдохнул перед трудной работой? Он так и сделал. Почти четыре месяца бывший штабс-капитан трепал нервы сотрудникам разведки своим демонстративным бездельем. Проклиная на чем свет стоит Москву, приславшую такого агента, они спали и видели, как бы избавиться от него.

Вместо того чтобы готовиться к вербовке Скоблина, Ковальский писал письма своей жене. Вот одно из них. Уже по нему можно судить, как ответственно он подходил к своей работе: «Жив, здоров, поправился на три

с половиной килограмма, все свободное время болтаюсь в горах (живу в отрогах Альп). Какая это прелесть — сочетание дикой природы с культурой! Что Европа, конечно, далеко впереди нас, это всем известно, но, видя эти достижения культуры и техники, хочется скорее сесть на “Наш паровоз” (время покажет, “кто кого”) и обогнать гнилую Европу.

Дорогой Раек! Да наша последняя проститутка гораздо полнее (по своему внутреннему содержанию), честнее и порядочнее любой из здешних женщин. Ты себе представить не можешь, как мне хочется поболтать с нашими бабами из райсовета в платочках и посмеяться с ними над чопорными, беспринципными, продажными европейками.

Следи за тем, чтобы тебе аккуратно выдавали содержание. Ваш Петя».

Но это еще не все. В каждом письме он указывал, чтобы жена и дочка учили быстрее немецкий. Не иначе, надеялся, что они скоро вместе с ним будут любоваться альпийскими красотами. А то одному — и скучно, и грустно, и некому руку подать.

Ничего более нелепого представить себе нельзя. Агент, которому предстоит опасное задание, не отработывает свою легенду, не ищет подходы к Скоблину, не продумывает, как именно будет происходить вербовка, не готовит возможные сценарии развития беседы, а изучает духовный мир венских проституток. Тут два варианта: или такого просто не могло быть, и эта чепуха написана задним числом для простаков уже в 1990-х годах, или в ОГПУ были исключительно умственно неполноценные люди. Поверить в это я не могу.

А вот и еще одно письмо: «Понимаю, что всех заинтересовало мое внезапное исчезновение и долгое невозвращение. Следи за тем, чтобы тебе аккуратно выдавали содержание. События здесь развиваются, и я могу задержаться на более продолжительный срок, чем мы предполагали, и ты, пожалуйста, не нервничай и больше растирайся холодной водой.

Ты меня успокаиваешь и просишь не тосковать и не нервничать. Дорогая моя, не тосковать по своей стране и вам я не могу. Не нервничать по своей натуре не могу. Терять же бодрость духа в нашей работе я не имею права — ведь не для забавы и развлечения я сюда приехал!»

Читаешь и не знаешь: плакать или смеяться. Секретный агент советской разведки отправляется за границу. Проводить опаснейшую операцию: вербовку лютого врага рабоче-крестьянской власти, командира самой стойкой белогвардейской части. И при этом он открытым текстом сообщает жене подробности!

Что должен был сделать его куратор, узнав об этом? Правильно,

немедленно отреагировать. Пригрозить зарвавшемуся Ковальскому всеми возможными карами, если он не одумается. Вы думаете, так и произошло? Глубоко заблуждаетесь!

Никто бывшему штабс-капитану ничего не сказал. И он продолжил в том же духе: *«О заграничной дешевизне — все это ложь. То, что дешево, — дрянь, а если хочешь достать приличную вещь, надо заплатить приличные деньги. Разница только та, что у нас и при наличии денег нельзя ничего купить. Здесь же при наличии денег можно достать все, а также можно и всех купить, думаю, вплоть до верхушек. У меня есть веские данные, позволяющие так говорить».*

Если кто-то не понял, то это называется явная антисоветчина. За такие разговоры агента должны были немедленно отозвать назад (тем более что он ничего еще для блага социалистического отечества не сделал) и отдать под самый гуманный суд. Который, по реалиям 1930-х годов, от души бы наградил товарища Ковальского путевкой в один из лагерей. Для «перевоспитания», как сказали бы тогда.

Однако этого не произошло. На невинные шалости агента Москва почему-то смотрела сквозь пальцы...

* * *

В Париже Ковальский оказался в сентябре. Быстро выяснив адрес Плевицкой, он немедленно отправился домой к Скоблину. И буквально тут же, за чашкой чая, без всякой подготовки, прямо в присутствии Плевицкой, начал его вербовать. А Скоблин, казалось, последние 10 лет только этого и ждал и не скрывал своего восторга от этой идеи. И просил за это сущие пустяки: 250 долларов в месяц и 5 тысяч франков единовременной выплаты. Больше того, тут же предложил завербовать еще и командира дроздовской дивизии генерала Туркула до кучи. Дескать, он тоже с радостью согласится. И платить ему надо будет меньше, чем мне...

Вы верите, что **такое было возможно?**

Тут же было составлено письмо в Москву:

«ЦИК СССР. От Николая Владимировича Скоблина. Заявление.

12 лет нахождения в активной борьбе против советской власти показали мне печальную ошибочность моих убеждений. Осознав эту крупную ошибку и раскаиваясь в своих проступках против трудящихся СССР, прошу о персональной амнистии и даровании мне прав гражданства СССР.

Одновременно с сим даю обещание не выступать как активно, так и пассивно против советской власти и ее органов. Всецело способствовать строительству Советского Союза и обо всех действиях, направленных к подрыву мощи Советского Союза, которые мне будут известны, сообщать соответствующим правительственным органам. 10 сентября 1930 года».

Обратите внимание на странное обстоятельство. В тексте указывается — «12 лет активной борьбы». Неужели Николай Владимирович запомнил, когда он начал сражаться с большевиками? Сильно сомневаюсь. А вот, что подлинные авторы этой «цедулы» этого не знали — убежден. Поэтому и повели отчет с 1918 года, руководствуясь заявлениями Ленина о начале Гражданской войны.

Но и это еще не все. Что это за определение «проступки против трудящихся СССР»? Во-первых, Скоблин с оружием в руках боролся с советской властью, что рассматривалось в несколько иной статье Уголовного кодекса РСФСР. Во-вторых, против трудящихся первого в мире государства рабочих и крестьян Николай Владимирович не мог бороться по определению, ибо создано это самое государство было в тот момент, когда Русская армия находилась уже в Болгарии, Сербии, Турции и Тунисе. В-третьих, разведка, на которую якобы согласился работать Скоблин, правительственным органом не являлась тогда, равно как не является и теперь.

Заявление Скоблина сопровождал отчет Ковальского: *«Генерал пошел на все и даже написал на имя ЦИК просьбу о персональной амнистии. По моему мнению, он будет хорошо работать. Жена генерала согласилась работать на нас.*

Подписка Скоблина написана симпатическими чернилами «пургеном» и проявляется аммоняком (летучая щелочь). Беда в том, что когда аммоняк улетучивается, то снова письмо теряется. Пусть у нас его проявят какой-либо другой щелочью после первого чтения. Визитная карточка служит паролем. Генерал будет разговаривать с любым посланным от нас человеком, который предъявит такую визитную карточку».

Москва немедленно ответила: *«Вербовку генерала считаем ценным достижением в нашей работе. В дальнейшем будем называть его “Фермер“, жену — “Фермерша“. На выдачу денег в сумме 200 американских долларов согласны. Однако деньги ему надо выдавать не вперед, за следующий месяц, а за истекший, так сказать, по результатам работы. Пять тысяч франков выделены.*

Однако, прежде чем мы свяжем “Фермера” с кем-либо из наших людей, нужно получить от него полный обзор его связей и возможностей в работе. Пусть даст детальные указания о людях, коих он считает возможным вербовать и составит о них подробную ориентировку. Возьмите у него обзор о положении в РОВС в настоящее время и поставьте перед ним задачу проникновения в верхушку РОВС и принятия активного участия в его работе. Наиболее ценным было бы, конечно, его проникновение в разведывательный отдел организации.

В докладе “Сильвестрова” упоминается о том, что она (Плевицкая. — А. Г.) также дала согласие. Однако мы считаем, что она может дать нам гораздо больше, чем одно “согласие”. Она может работать самостоятельно. Запросите, каковы ее связи и знакомства, где она вращается, кого и что может освещать. Результаты сообщите. В зависимости от них будет решен вопрос о способах ее дальнейшего использования».

Обратите внимание на странность. Скоблину тут же сокращают жалованье. И это ценнейшему агенту, пусть он пока ничего не сделал! А если он огорчится и откажется? Чем его шантажировать? Письмом, которое само исчезает?

Налицо откровеннейший дилетантизм. Даже школьница, начитавшаяся детективных романов про шпионов, знает, что о них надобно заботиться. И обижать их в первый же день работы не следует. Или кто-нибудь считает, что авторы легендарного «Треста» впали в маразм и решили действовать в этот раз от противного? Дескать, в эмиграции полные дураки собрались, которых семь лет водили за нос, а они этому радовались. А сейчас мы глупости будет делать, а они и это проглотят. Потому что дураки!

Что значит «полный обзор связей»? В Москве хоть понимали, кто такой Скоблин? Да корниловского генерала в эмиграции каждая собака знала! Николаю Владимировичу легче было бы отправить на Лубянку «Очерки Русской смуты» и тома, изданные фон Лампе в серии «Белое Дело» с дарственной надписью: все фамилии, которые вы найдете на этих страницах, — мои связи. Изучайте, товарищи. То же самое относится и к Плевицкой. Ей что — надо было составить поименный список тех, кто обожал «Занесло тебя снегом, Россия»?

Прекрасный момент — «проникновение в верхушку РОВС»? Авторы этой «липы» могли бы и полюбопытствовать, что есть такое Корниловский ударный полк. Его командир — сам по себе уже составная часть руководства Русского общевоинского союза. Человек, пользующийся уважением и доверием всей эмиграции.

Вы верите, что такой документ мог быть составлен в то время?

* * *

Дальше — больше! Скоблин, демонстративно наплевав на все неписанные законы конспирации, простейшим шифром составлял письма Ковальскому, который пересылал их в Москву. Вот одно из них: *«Главную роль во всем РОВС играет генерал Шатилов, который, пользуясь своим влиянием на генерала Миллера, держит все и всех в своих руках. Практически РОВС — это он. Миллер лишь представляет. Среди эмигрантских организаций Шатилов не пользуется симпатией. Опирается на нас — корниловцев...»*

В этой книге я рассказывал, что французская полиция изъяла дома у Скоблина массу документов. Почти все они были зашифрованы. Больше того, сложнейшим шифром. Настолько мудреным, что некоторые документы так и не смогли расшифровать. Может быть, кто-нибудь возьмется объяснить, почему это Скоблин, который использовал сложный шифр в переписке с соратниками по «Внутренней линии», свои рапорты в Москву отправлял чуть ли, не открытым текстом?

Версия, что он был вне подозрений и потому так себя вел, — не проходит. «Внутренняя линия» в те годы тоже была вне подозрений, однако все свои письма там шифровали. Неужели в Москве были настолько уверены, что ничего Скоблину не грозит и позволяли ему так беспечно себя вести? Сильно сомневаюсь в этом, зная, как в ГПУ во время операции «Трест» относились к легкомыслию своих агентов. За это критиковали и наказывали. Отсюда вывод: если был все-таки сложный шифр, а нам рассказывают, что простой, то возникает вопрос — а почему нужно скрывать такую незначительную подробность? Маленькая ложь всегда рождает большое недоверие. А если шифр все же был простой — то это халатное отношение к своим обязанностям, если не сказать — вредительство! И значит, товарищ Сталин был совершенно прав, когда пустил под нож весь цвет Иностранного отдела ОГПУ в 1937 году.

Но и это еще не все: а в чем ценность такого донесения агента? Что в нем содержится такого, что Москва не знала? Или на Лубянке не читали газету «Правда», которая частенько перепечатывала новости из жизни эмиграции? Читали, и очень внимательно. И получив такое сообщение, должны были бы «вломить» Скоблину по первое число! Ты один из лидеров крупнейшей белогвардейской организации! Ты нам точные давай

сведения, кто и когда готовится к засылке в СССР, кого будут убивать или что планируют взорвать, какие другие козни затеваются... А кто и на кого имеет влияние, мы и в ваших парижских газетенках прочтем, благо они только об этом и пишут.

Однако этого почему-то не произошло. Только через шесть месяцев получения подобных донесений Москва возмутилась! Но, что характерно, начала обвинять не Скоблина, а себя. В экстренной шифровке Ковальскому указывалось: *«Возможно, все дело в том, что он не получил от нас точного наставления относительно его работы?»*

То есть, завербовав командира Корниловского ударного полка, одного из лидеров РОВС ему даже не удосужились объяснить, что от него требуется!!! Ты, Николай Владимирович, нам пиши хоть что-нибудь, почаще пиши, не забывай нас, сиротинушек, каждой весточке от тебя мы счастливы...

Вы верите, что такое было возможно?

Вместо того чтобы наконец-то донести до сведения своего ценного агента, что же от него ждут на Лубянке, Скоблина попросили подписать два ценнейших документа, которые были немедленно подшиты к делу:

1. *«Постановление Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик о персональной амнистии и восстановлении в правах гражданства мне объявлено. Настоящим обязуюсь до особого распоряжения хранить в секрете».*

2. *«Настоящим обязуюсь перед Рабоче-крестьянской Красной Армией Союза Советских Социалистических Республик выполнять все распоряжения связанных со мной представителей разведки Красной Армии безотносительно территории. За невыполнение данного мною настоящего обязательства отвечаю по военным законам СССР».*

Вас ничего не удивляет? Кому мог бы сказать в Париже Скоблин, что ему необычайно повезло и он заслужил персональную амнистию от власти рабочих и крестьян? Что ему ответили бы на это соратники по Русскому общевойсковому союзу? Молодец, Николай Владимирович, не останавливайся на достигнутом?

Скоблин, о чем убедиться можно на протяжении всей этой книги, не был наивной курсисткой и прекрасно должен был понимать: те распоряжения, которые ему предстояло выполнять согласно этому документу, никакого отношения к разведке Красной Армии не имеют по определению. Или оттого, что Шатилов расценивается всей эмиграцией как лидер РОВС, повысится боевая мощь Мендюкинской кавалерийской дивизии? Или советско-иранская граница станет теперь охраняться

двойным нарядом?

Что это за военные законы СССР такие? Таковых не было вовсе. И быть не могло. Военного закона не существует. Есть законы военного времени и вводятся они, когда страна ведет войну. В 1931 году Советский Союз ни с кем не воевал. Больше того, на тот момент в ближайшей перспективе и не собирался. Вот в июне 1941 года, когда Гитлер напал, первое в мире государство рабочих и крестьян и перешло на эти самые законы военного времени. А за десять лет до этого такая светлая мысль никого не посещала. Больше того, если бы посетила, его бы назвали гнусным паникером, троцкистом и врагом партии, со всеми вытекающими из этого последствиями. Так объясните мне, как могут действовать такие законы в мирной стране? И почему о существовании оных не сохранилось никаких документов, свидетельств, воспоминаний?

В 1930 году был принят «Закон об обязательной военной службе», в котором содержались два важнейших постулата: оборона СССР с оружием в руках осуществляется только трудящимися, а «нетрудовые элементы» отправлялись на окопные, строительные и другие работы. Это по нему, что ли, Скоблин должен был отвечать за невыполнение приказов ГПУ? То есть единственное применение, которое могли бы найти генерал-майору, участнику двух войн, — это равномерные взмахи лопатой, под гул танковых армид подлых фашистов?

Простите, но поверить в подлинность двух этих документов я отказываюсь. Поверить — значит признать Скоблина и все руководство советской разведки умственно неполноценными.

* * *

Еще один прекрасный документ из архива ФСБ РФ. Читаешь и думаешь: товарищи дорогие, составившие эту «липу»! Вы бы хотя бы вразили складно. И прежде чем эту чепуху городить, суть вопроса бы изучили. Посудите сами:

«Завербованный полтора года назад “Фермер” и его жена стали основными источниками информации. Человек материально независимый, отошедший одно время от основного ядра РОВС, он, будучи завербован, не вошёл и не может войти в аппарат руководства РОВС, но занимает как командир одного из полков заметное положение среди генералитета. Пользуясь уважением и достаточным авторитетом, стал активно влиять как на общую политику, так и на проведение боевой работы.»

Основные результаты работы «Фермера» сводятся к тому, что он: ликвидировал боевые дружины, создаваемые Шатиловым и генералом Фоком; свел на нет зарождавшуюся у Туркула и Шатилова мысль об организации особого террористического ядра; сообщил об организации, готовившей убийство наркоминдела товарища Литвинова во время визита в Швейцарию...»

Как хотите, но я отказываюсь понимать содержание этого «документа». Как говорит один известный историк, это всенарастающий пласт чепухи. Объясните, пожалуйста:

1. Что значит отошел от «основного ядра РОВС»? Повторяю еще раз: с 1928 года, как только Кутепов восстановил Скоблина на посту начальника Корниловского ударного полка, Николай Владимирович расценивался всеми как один из лидеров Русского общевоинского союза. Больше того, генерал расценивался многими как следующий председатель РОВС. Об этом много и охотно писали эмигрантские газеты.

2. Что значит «не вошел и не может войти в руководство РОВС»? На тот момент он считался одним из самых доверенных людей Миллера. По его заданию ездил по всей Европе, выступая перед чинами РОВС, о чем подробно рассказывается в этой книге.

3. На какую боевую работу мог влиять Скоблин, если Миллер лично ее всю свел к нулю? Если под этим громким определением понимать призывы — то да, Скоблин на нее влиял. Больше того, направлял. Но от призыва до действия — бездна. Или автор этого письма — профессор Городецкий из Израиля, который ошарашил весь мир фразой, что в русском языке слово «наступление» означает «оборона»?

4. Что это за боевые дружины Шатилова — Фока? Что за «террористическое ядро» Туркула и Шатилова? Что за история с убийством Литвинова? Русский общевоинский союз, если кто не понял из названия — организация военная. Входили в нее люди, прошедшие от одной до трех войн. Соответственно в РОВС всегда руководствовались армейскими принципами. Что это значит? Разберем на примере «террористического ядра Шатилова — Туркула».

Председатель Русского общевоинского союза генерал Миллер должен был отдать приказ о создании такого ядра, с возложением контроля на генерала Шатилова. Документ этот должен был быть доведен до сведения всех начальников отделов РОВС и храниться в архиве. Генерал Шатилов должен был связаться с руководителем III отдела РОВС генералом Абрамовым, с тем чтобы ему на подмогу определили генерала Туркула. Документ должен храниться в архиве. Генералы Шатилов и Туркул должны

были представить председателю Русского общевойскового союза генералу Миллеру рапорт, в котором должны были указать, как именно будет функционировать их «террористическое ядро», сколько человек в него будет входить, когда оно будет готово к активным действиям. И этот документ также должен храниться в архиве РОВС. Думаю, достаточно. А теперь объясните, почему об этих самых приказах и рапортах ничего не было известно в самом Русском общевойсковом союзе? Почему на этот счет нет никаких документов и воспоминаний чинов РОВС?

Или это из серии памятного донесения одного из агентов советской разведки в Москву от 21 мая 1923 года: *«Виновники убийства Воровского генералы Туркул и Кутепов. Капитан Конради — дроздовец, был в Галлиполи, у Туркула он был командиром конвоя. Перед убийством за 2 дня Туркул от Конради получил письмо. Об этом Конради с Туркулом давно переписывались и готовились убить Чичерина, на что Конради потребовал от Туркула 1000 швейцарских франков. В это дело был посвящен Кутепов, каковые деньги и были отпущены Туркулом для Конради».*

Откуда у генерала такая крупная сумма денег? Почему Туркул, хвастовство которого был притчей во языцех в русской эмиграции, никогда и никому об этом не говорил? Почему в материалах суда над Конради и Полуниным фамилия Туркула не фигурирует как заказчика убийства? Почему генерал Кутепов, возглавлявший боевую организацию, никогда не приводил меткий выстрел Мориса Конради в качестве примера, как надо карать лидеров большевиков? Почему капитан Ларионов, рупор активной борьбы с большевиками, составив своеобразный «синодик», не включил в него дроздовского штабс-капитана?

5. Интересно получается. Источники информации есть. А информации в деле нет. Может быть, ее нет потому, что Скоблин в это время был при смерти? Несколько месяцев он лечился от малокровия. Врачи впрыскивали ему какую-то новую патентованную сыворотку, но после восемнадцатого укола он внезапно почувствовал себя очень плохо. Его состояние ухудшалось с каждым днем. Его срочно повезли в операционную, и врачи потом сказали Миллеру и Плевицкой: опоздай они хотя бы еще на час — и на Галлиполийском участке Сент-Женевьев-де-Буа стало бы одной могилой больше.

Или информация все-таки есть? Тогда почему ее не публикуют? Уж не потому ли, что там очередные слухи и сплетни, ничего общего с Русским общевойсковым союзом не имеющие?

Еще один прекрасный документ, повествующий о подробностях «бунта маршалов»: «22 февраля с.г. без предупреждения к генералу Миллеру явилась группа командиров отдельных воинских объединений РОВС во Франции: генерал Витковский — командир 1-го корпуса, генерал Скоблин — командир Корниловского полка, генерал Туркул — командир Дроздовского полка, генерал Пешня — командир Марковского полка, Орехов — командир жел. дор. роты, редактор журнала «Часовой» и др. Всю эту группу возглавлял генерал Витковский.

Командиры частей вручили генералу Миллеру меморандум, суть которого сводится к следующему: у главного командования авторитета нет, и борьба не ведется. РОВС не имеет никакой политической линии и поэтому уже давно потерял среди эмигрантов всякий престиж. Особый комитет по розыску генерала Кутепова истратил массу денег, но ничем не помог французам найти следы преступления. В меморандуме предлагается провести реорганизацию РОВС. В противном случае лица, подписавшие этот документ, выйдут из организации».

Очередной куплет из песни «Слышу звон, не знаю где он». Понятно, что публика, для которой и фальсифицировался этот документ, о Русском общевойсковом союзе никогда ничего не слышала и фальшивку не распознает. Но ведь есть и те, кто знает о РОВС не только по передовицам газеты «Правда». Что же они нас так уж не уважают?

1. Генерал Витковский не принимал в этом никакого участия. Больше того, он был категорическим противником всяческих смут и расколов, что можно легко проследить на страницах этой книги. Ноте, кто составлял этот «рапорт», таких подробностей не знали. Они где-то услышали фамилию Витковский и вписали в «документ», даже не удосужившись узнать, кто это такой. Или вы всерьез верите, что Скоблин не знал, кто участвует в заговоре, который он лично организовывал?

2. Русский общевойсковой союз не мог иметь в то время политическую линию только потому, что не имел ее никогда. Знаменитый приказ Врангеля «Армия вне политики» как раз и был направлен на запрещение подобного явления. Чтобы не было кривотолков и домыслов, я специально привожу его в конце книги.

3. Потерять среди эмигрантов всякий престиж РОВС в 1930-е годы не мог просто по определению. Всем сомневающимся в этом настоятельно советую изучить газеты русского Парижа. Цитировать их не буду из

принципа.

4. Особый комитет по розыску генерала Кутепова включал в себя не только чинов Русского Обще-Воинского Союза, но, как говорит Геннадий Зюганов, самые широкие слои населения. Соответственно, деньги потраченные были деньгами общими, а не только, и даже не столько РОВС. Советую также не забывать, что на эти самые средства был издан сборник «Памяти генерала Кутепова» под редакцией Критского и оказана материальная помощь семье Александра Павловича.

5. В меморандуме предлагалось не реорганизовывать Русский общевоинский союз, структура которого всех устраивала, а активизировать боевую работу против СССР. Согласитесь, это явно не одно и то же.

Вот и ответьте сами себе на простой вопрос: мог участник «бунта маршалов» не знать эти подробности?

* * *

И, наконец, главное украшение этого дела. «Собственноручное» письмо Скоблина своим кураторам, когда после похищения генерала Миллера он якобы отдыхал от трудов праведных на даче под Москвой:

«Дорогой товарищ Стах! Пользуясь случаем, посылаю Вам письмо и прошу принять, хотя и запоздалое, но самое сердечное поздравление с юбилейным праздником 20-летия нашего Советского Союза.

Сердце мое сейчас наполнено особенной гордостью, ибо в настоящий момент я весь, в целом, принадлежу Советскому Союзу, и нет у меня той раздвоенности, которая была до 22 сентября искусственно создана. Сейчас я имею полную свободу говорить всем о моем Великом Вожде Товарище Сталине и о моей Родине — Советском Союзе.

Недавно мне здесь пришлось пересматривать старые журналы и познакомиться с № 1 журнала Большевик этого года. С большим интересом прочитал его весь, а статья Большевики на Северном полюсе произвела на меня большое впечатление. В конце этой статьи приводятся слова Героя Советского Союза Водопьянова, когда ему перед полетом на полюс задали вопрос: Как ты полетишь на полюс, и как ты там будешь садиться? А вдруг сломаешь — пешком-то далеко идти? Если поломаю, — сказал Водопьянов, — пешком не пойду, потому что у меня за спиной сила, мощь: Товарищ Сталин не бросит человека!

Эта спокойно сказанная фраза, но с непреклонной верой, действовала и на меня. Сейчас я тверд, силен и спокоен и тоже верю,

что Товарищ Сталин не бросит человека. Одно только меня опечалило, это 7 ноября, когда вся наша многомиллионная страна праздновала этот день, а я не мог дать почувствовать Васеньке о великом празднике.

Не успел оглянуться, как снова прошло 2 недели со дня Вашего отъезда. Ничего нового в моей личной жизни не произошло. От безделья и скуки изучаю испанский язык, но полная неосведомленность о моем Васеньке не дает мне целиком отдаться этому делу. Как Вы полагаете, не следует ли Георгию Николаевичу теперь повидаться со мной и проработать некоторые меры, касающиеся непосредственно Васеньки? Я бы мог дать ряд советов чисто психологического характера, которые имели бы огромное моральное значение, учитывая почти 2-месячное пребывание в заключении и необходимость ободрить, а главное, успокоить. Крепко жму Вашу руку».

Великолепный документ. Вся гнусная натура Скоблина на ладони. Но, прежде чем кричать «Подлец и негодяй!», — обратите внимания налетали:

1. В 1937 году торжественно отмечалось 20-летие Октябрьской революции, а не 20-летие СССР, который был создан 30 декабря 1922 года. Никому в голову не могло прийти спутать две эти даты. Если бы в тот момент кто-нибудь посмел бы это сделать, то в кратчайшие сроки оказался бы в уютном и гостеприимном местечке — одном из объектов ГУЛАГ с вердиктом: злостный троцкист. Подобное совмещение дат могло произойти только много лет спустя, когда эти события нивелировались у потомков в одно!

2. На письме стоит дата 11 ноября. Плевицкую арестовали 25 сентября. То есть прошло ровно полтора месяца, а не почти два. Скоблин не мог не знать точной даты ареста, ведь об этом писали советские газеты. В частности «Известия», посвятившие этому «подвал» второй полосы в номере от 30 сентября.

Арестована его жена, самый дорогой человек для Скоблина. Каждая минута, проведенная Плевицкой за решеткой, должна была добавлять седых волос генералу. В этой ситуации он должен был четко следить за днями, а не округлять, как при плановом хозяйстве. Да и армейское прошлое диктовало привычки. Или кто-нибудь может доказать, что Николай Владимирович докладывал Кутепову, употребляя исключительно слова «приблизительно», «примерно», «вроде того» и «около»?

3. Что значит «полная неосведомленность о “Васеньке”»? Скоблин знает, что она была арестована. В газетах постоянно появлялись подробности следствия. Советская пресса даже ехидничала: «Пока следствие бьется с Плевицкой и перстнем, пожалованным ей батюшкой-

царем, французы в каждом бородатом человеке видят Миллера. Новый вид спорта — охота на бородачей».

4. А уже в следующем абзаце своего письма Скоблин предлагает «проработать некоторые меры». Позвольте, но как можно прорабатывать то, чего ты не знаешь?

5. Если генерал читал газеты, то должен был знать, что говорил его великий вождь товарищ Сталин 7 ноября 1937 года: *«И мы будем уничтожать каждого врага, хотя бы был он и старым большевиком, мы будем уничтожать весь род, его семью каждого, кто своими действиями и мыслями покушается на единство социалистического государства, беспощадно будем уничтожать»*. Как человек неглупый, он должен был понимать, что это значит. Все же про «красный террор» знал не понаслышке. Полковник-корниловец Левитов в своих воспоминаниях писал: *«Истоки этого озверения имеют свое начало с пресловутой “февральской бескровной революции”, прославившей себя зверствами матросов Балтийского флота, а потом и Черноморского, перешедших потом и на весь фронт Великой войны. С момента прихода к власти Ленина эта каинова мясорубка приняла грандиозные размеры, особенно со стороны опять-таки матросов, наемных палачей латышских и эстонских дивизий, знаменитого по своей жестокости организатора ленинской Чека — польского дворянина Дзержинского и персональных виртуозов по жестокости — китайцев, снимавших перчатки с кистей рук после опускания их в кипяток, венгров, под водительством известного палача Белы Куна, Саенко — украинского чекиста и других, имя же им легион»*.

Товарищ Сталин не зря называл себя лучшим учеником Ленина. Поэтому, когда я слышу, что великий кормчий, организовав террор 1930-х годов, извратил учение создателя первого в мире государства рабочих и крестьян, не могу сдержать ироничной улыбки. Товарищи дорогие! Ну почему вы так упорно не хотите читать того самого Ленина? Вот лишь несколько коротких выдержек, взятых из Полного собрания сочинений вождя:

«РЕВОЛЮЦИОННАЯ ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА -ВЛАСТЬ, ЗАВОЕВАННАЯ И ПОДДЕРЖИВАЕМАЯ НАСИЛИЕМ ПРОЛЕТАРИАТА НАД БУРЖУАЗИЕЙ, ВЛАСТЬ, НЕ СВЯЗАННАЯ НИКАКИМИ ЗАКОНАМИ» (т. 37, стр. 245).

«В НИЖНЕМ ЯВНО ГОТОВИТСЯ БЕЛОГВАРДЕЙСКОЕ ВОССТАНИЕ. НАДО НАПРЯЧЬ ВСЕ СИЛЫ, СОСТАВИТЬ ТРОЙКУ ДИКТАТОРОВ, НАВЕСТИ ТОТЧАС МАССОВЫЙ ТЕРРОР, РАССТРЕЛЯТЬ И ВЫВЕСТИ СОТНИ ПРОСТИТУТОК, СПАИВАЮЩИХ

СОЛДАТ, БЫВШИХ ОФИЦЕРОВ и т.п. НИ МИНУТЫ ПРОМЕДЛЕНИЯ. НАДО ДЕЙСТВОВАТЬ ВОВСЮ: МАССОВЫЕ ОБЫСКИ, РАССТРЕЛЫ ЗА ХРАНЕНИЕ ОРУЖИЯ. МАССОВЫЙ ВЫВОЗ МЕНЬШЕВИКОВ И НЕНАДЕЖНЫХ» (т. 50, стр. 142).

«РАССТРЕЛИВАТЬ ЗАГОВОРЩИКОВ И КОЛЕБЛЮЩИХСЯ, НИКОГО НЕ СПРАШИВАЯ И НЕ ДОПУСКАЯ ИДИОТСКОЙ ВОЛОКИТЫ» (т. 50, стр. 165).

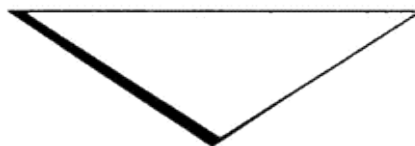
«ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ СИЛЫ РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН РАСТУТ И КРЕПНУТ В БОРЬБЕ ЗА СВЕРЖЕНИЕ БУРЖУАЗИИ И ЕЕ ПОСОБНИКОВ, ИНТЕЛЛИГЕНТИКОВ, ЛАКЕЕВ-КАПИТАЛА, МНЯЩИХ СЕБЯ МОЗГОМ НАЦИИ. НАДЕЛЕ ЭТО НЕ МОЗГ, А Г...НО» (т. 51 стр. 47).

«ДОБАВИТЬ: РАССТРЕЛ ЗА НЕРАЗРЕШЕННОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ-ЗА ГРАНИЦЫ. НАДО РАСШИРИТЬ ПРИМЕНЕНИЕ РАССТРЕЛА КО ВСЕМ ВИДАМ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕНЬШЕВИКОВ, СОЦИАЛ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ и т.п.» (т. 45, стр. 189).

6. Как мог человек, находившийся в Советском Союзе всего лишь полтора месяца, заговорить языком Макара Нагульного? Откуда он успел набраться всех этих оборотов? Или он в эмиграции упражнялся каждый вечер? Этот момент я исключаю, иначе бы об этом кто-нибудь сообщил на суде. Представляете, какая сенсация была бы: белогвардейский генерал позволяет себе большевистские словечки. Но этого не случилось.

Значит, нам пытаются доказать, что Скоблин так проникся достижениями Страны Советов, что в кратчайшие сроки освоил все постулаты фикции, внесенной большевиками в русский язык. Это было невозможно в принципе. Сбежавший в свое время к красным, генерал Слащев не смог к этому привыкнуть за восемь лет, чем постоянно изводил своих коллег по академии. Больно речь у него была не пролетарская. Или вы считаете, что Скоблин был гением филологии?

7. И, пожалуй, **главное**. В этой книге я привожу немало писем Скоблина. Сравните их сами с этим «документом». Вам не кажется, что это писали разные люди?

ГЛАВА 2.

Неизвестные подробности следствия по делу похищения генерала Миллера и суда над Плевицкой

Давайте еще раз вспомним ставшее уже легендарным заявление о готовности работать на советскую разведку. Большинство из тех, кто считает этот документ подлинным, никогда его в глаза не видело. А ведь, чтобы однозначно утверждать, нужно сравнить эту «цедулю» с другими документами, авторство которых бесспорно принадлежит Скоблину. **Этого до сих пор сделано не было!** Больше того, даже мысли такой ни у кого не появилось. А напрасно, если задуматься и вспомнить: **а когда наши силовые органы объявили генерала Скоблина своим агентом?** Ведь это произошло только лишь в начале 1990-х годов, когда срочно понадобились новые герои. К сравнению — Кима Филби таковым признали чуть ли не сразу же после его провала.

Собственно, потребность в новых героях вовсе не удивительна. Ведь в свое время самый гуманный суд в мире охарактеризовал всех ближайших ленинских соратников как «зловонную кучу человеческих отбросов». Но в этом случае Ленин, равно как и Сталин, является вершиной этой самой кучи, состоящей исключительно из врагов партии и народа, проходимцев, негодяев, карьеристов и волонтаристов. Миллионы людей за 74 года большевистской диктатуры были свято убеждены, что служат своей Родине. Они ошиблись, поскольку были исполнителями исключительно преступных приказов многочисленных вредителей. Как таковыми-то теперь гордиться? Сложно, согласен. В этой ситуации и такой тайный агент подойдет.

Пустьячок, верно?

Но таких пустьячков в этом деле слишком много. Вот лишь некоторые из них.

Почему во всех исследованиях по этой теме, умышленно искажают должность Скоблина в РОВС? А ведь наоборот, должны были всенародно прославлять славных чекистов, которые завербовали самого начальника контрразведки.

Почему Скоблин, якобы скрывавшийся после своего разоблачения в Москве, не давал вообще никаких показаний о контрразведке Русского

общевойскаго союза, которая не могла не интересоваться чекистов? А только лишь «занимался изучением испанскаго языка»?

Почему до сих пор доподлинно неизвестно, что именно случилось со Скоблиным?

Суд над Плевицкой лишь ещё больше запутал дело. Он проходил с таким бешеным количеством нарушений, что, читая протоколы допросов свидетелей, трудно скрыть изумление. Обвинитель занимался открытым психическим давлением на подсудимую. В протоколе этого не должно было быть, по протестам защиты, ведь это явное нарушение процессуальных норм. Или кто-нибудь возьмётся доказать, что адвокат Филоненко был неграмотный? Пусть заодно и объяснит, почему после оглашения приговора в зале долго не стихали удивленные возгласы?

Может быть, кто-нибудь сможет привести статью Уголовно-процессуального кодекса Франции, согласно которой показания тех, кто доказывал невиновность Скоблина, в расчёт можно было не принимать? Тогда почему из материалов суда странным образом исчезли свидетельства Савина и Трошина?

Начало было положено Антоном Ивановичем Деникиным. Одна фраза «Я всегда, вернее, с 1927 года, подозревал его в большевизанстве» — расставила все точки над «і», хотя никаких веских доказательств не было представлено. С этого момента стал Скоблин агентом Кремля. И весь процесс моментально принял нужный всем оборот — «рука французскаго правосудия умеет карать беспощадно». Меня лично в этом не устраивает следующий нюанс. Пройдет несколько лет, и генерал обвинит в работе на советскую разведку своего секретаря полковника Колтышева. Но сделает это в крайне странной форме: в письме дочери мимоходом заметит: «Ты, любезная моя, Мария Антоновна, не сильно доверяй этому дроздовцу. Есть у меня большое подозрение, что он “стукачок”. Сама Деникина-Грей об этом молчала почти 60 лет и незадолго до смерти вдруг вспомнила. Когда же ее спросили, где письмо, скорбно заметила: “Колтышев и украл”».

Я это к чему рассказываю-то? Чтобы всем было понятно: Антон Иванович, после операции «Трест» и похищение Кутепова, во всех был готов видеть агентов большевиков. А уж после «русской войны в Париже» эта вера настолько окрепла, что он даже своего ближайшего соратника начал подозревать. Того самого человека, которого немцы бросили в концлагерь, зная, что нет у Деникина более вернаго друга. Того самого человека, который повторил слова Антона Ивановича на допросе, хотя, и я в этом убежден, так не думал:

« — Расскажите о вашей дружбе с полковником Пятницким.

— *Никогда мы не были дружны. Я слышал его фамилию на Юге России, встречал его в Париже в Галлиполийском собрании, может быть, раз или два как-то и разговаривал, но вот уже несколько лет не только не разговариваю, но и не здороваюсь.*

— *Почему? Разве Вы с ним политические противники?*

— *Я политикой не занимаюсь, в политических организациях никогда не состоял, а он, если хотите, политический деятель. Но его “политику” — писания в листке “Сигнал” — я осуждаю как недостойную звания русского офицера.*

— *А Вы не слышали, что он работал на англичан?*

— *Нет. Я слышал, что он работал на вас, на немцев, что, будучи редактором “Сигнала”, получал жалованье от генерала Туркула.*

— *Ну, хорошо, а Туркула от кого получал деньги, на кого работал?*

— *Не хочу повторять всякую болтовню.*

— *А я настаиваю. Скажите, что слышали.*

— *Слышал, что он работал и получал деньги от вас, от немцев.*

— *Лот большевиков он не мог получать деньги? Или от Скоблина?*

— *От большевиков? Не думаю, он доблестно дрался против них. А от Скоблина? Да, слышал.*

— *Но ведь это одно и то же!..*

— *Не совсем. Даже если и получал деньги от Скоблина, он тогда не мог знать, что тот большевистский агент, провокатор.*

— *Ах вы, русские эмигранты, сколько провокаторов среди вас, а вы все не знаете, не думаете. Насчет Скоблина тоже не думали?*

— ***Нет, от Скоблина мы могли ожидать всего, и старые добровольцы давно уже сторонились его, не допускали в свою среду и даже не здоровались с ним»*** (выделено мной. — А. Г.).

Обратите внимания на важнейший нюанс. Колтышев солгал, но немцы не стали разбираться в нюансах. Во-первых, полковник был приглашен на 20-летие Корниловского ударного полка. Он прекрасно знал, как эти самые старые добровольцы «сторонились и не здоровались со Скоблиным».

А во-вторых, эти показания датированы июнем 1941 года, когда фамилия «Скоблин» была четким синонимом «предательства и службы большевикам». Отбоя от таких «свидетельств» тогда не было. Дескать, неспроста Скоблин в ресторане любил икорку с водочкой потреблять. Приучал свой организм к приятным излишествам, которые его ждали в Москве.

Для чего понадобилось Колтышеву говорить заведомую неправду? Склонен думать, что он искренне в это верил. Как верный деникинец, он

всецело и во всем разделял взгляды Антона Ивановича. Раз генерал подозревал Скоблина в работе на большевиков — значит, это так и есть. С другой стороны, походник-дроздовец не очень-то походил на китайского болванчика, который только и умеет, что поддакивать.

Но это не столь важно на самом деле. Колтышев солгал. И это есть факт, как говорил один известный киногерой. И факт немаловажный!

* * *

Давайте еще вспомним, кто же такой Николай Владимирович Скоблин. Боевой генерал, последний командир Корниловского ударного полка и Корниловской ударной дивизии, кавалер ордена Николая Чудотворца, в 1930-х годах — один из лидеров контрразведки Русского общевойскового союза. Больше того, он расценивался многими военными эмигрантами как будущий председатель этой крупнейшей организации русского зарубежья. Если бы он возглавил РОВС, то ее методы моментально бы изменились. За основу была бы взята методика работы контрразведки, которую называли «Внутренняя линия»: сеть реально действующих агентов по всей территории СССР. Массовость РОВС, а в тот момент в организации было больше 30 000 чинов русской императорской армии, помноженная на новый характер борьбы, могла дать весьма неприятные для коммунистов результаты. Этого надо было избежать любой ценой.

Дискредитация генерала была выгодна слишком многим. И НТС, большинство отделений которого были созданы во Франции только благодаря «Внутренней линии» и от диктата которой «нацмалышки» мечтали избавиться. И завистникам в эмиграции, которых раздражала популярность главного корниловца. И Германии, ведь Николая Владимировича многие считали убежденным сторонником Великобритании. И, разумеется, СССР, ведь РОВС объединял самых непримиримых врагов большевизма. Словом, все только и искали случая разделаться со Скоблиным.

Он представился осенью 1937 года. Советской разведке удалось, возможно, одна из самых блестящих операций — похищение в Париже председателя Русского общевойскового союза генерала Евгения Карловича Миллера. Все было разыграно как по нотам, каждый актер назубок знал свою роль, зачастую не подозревая, что режиссеры этой пьесы сидят в Москве.

22 сентября Миллер предупредил начальника канцелярии РОВС

Кусонского, что у него важная встреча. И если он с нее не вернется — вскрыть письмо, которое лежит на столе в его кабинете. Генерал Кусонский же проявил эталонную беспечность — забыл про просьбу своего начальника и вспомнил о ней только спустя 12 часов. В спешке вскрыв письмо, он прочитал, что у председателя РОВС была встреча со Скоблиным. За ним немедленно послали дежурного офицера. Николай Владимирович приехал в управление воинского союза совершенно спокойным. По воспоминаниям Кусонского, он побледнел в момент, когда ему сказали о том, что Миллер оставил записку. Это считается главным доказательством вины. То есть версия, что он сам был шокирован от преступления, даже не рассматривалась.

Затем Скоблин, воспользовавшись очередным проявлением беспечности со стороны Кусонского, сбежал и якобы прятался в квартире агента НКВД. Однако это не имеет ничего общего с реальностью. В действительности же Николай Владимирович зачем-то через весь город поехал домой к полковнику Воробьеву. Весьма странное поведение для человека, если он на самом деле является изменником. Но и этого ему показалось мало, и Скоблин решил навестить еще и полковника Кривошеева, чина «Внутренней линии». Жена последнего показала в суде, что Скоблин был взволнован, несколько раз повторив, что ему срочно нужна помощь верных корниловцев (эти показания таинственным образом из дела исчезли!). Выпив стакан воды, Николай Владимирович уехал. Больше его никто не видел.

Мне безумно нравится довод, приведенный одним из тех, кто не сомневается в виновности Скоблина. Я даже позволю себе привести его полностью: *«Обвиняемый скрылся от расследования! Его побег от выяснения и даже до всякого выяснения и от расследования, и от вопросов соратников и полиции, и от любимой супруги является бегством от всякой презумпции. Его не похищало НКВД, он убежал собственными ногами. В любом случае (даже если он вдруг окажется “невиновен“ в похищении) он подлец и негодяй».*

Согласитесь, прекрасно сказано! «Подлец и негодяй в любом случае!» То есть, виновен или не виновен — не имеет никакого значения — негодяй, и всё тут! И не надо даже разбираться в деталях. «Ты виноват лишь тем, что хочется мне кушать».

А между тем в деталях надо разбираться! Давайте для начала определимся в главном: стояла или не стояла на письме Миллера дата? Это ведь важнейший нюанс. Половина авторов, писавших по этой теме, отмечает, что дата была. А вторая — игнорирует этот момент в принципе.

Дескать, и так понятно. А мне вот непонятно. И я могу задать еще один вопрос: если дата стояла, то чьей рукой она была проставлена? Ведь были и до этого встречи, устроенные Миллеру Скоблиным. И именно с немецкими военными. Так что письмо могло вполне быть написано месяца за три до этого.

* * *

В этой книге я много раз писал о потрясающей наивности Евгения Карловича. Однако он не был умственно неполноценным. По крайней мере, так никто не считал. Тогда объясните мне, почему в тот роковой день Миллер все делал, словно лишился рассудка? Если он подозревал, что готовится ловушка, почему он не вызвал охрану? Ладно, положим, он не доверял галлиполийцам, среди которых было много чинов «Внутренней линии». Но он мог бы обратиться к генералам Витковскому или Эрдели с просьбой сопровождать его. Однако и этого не было сделано.

Если Миллер написал письмо, предчувствуя неладное, почему он отдал его опять-таки не Витковскому или Эрдели, а Кусонскому? Не говоря уже о том, что логичнее было бы его отдать начальнику контрразведки, который именно этим и должен заниматься.

Да что мы все о Евгении Карловиче-то? Все же Скоблин у нас главный герой. Важнейшим доказательством того, что он подлец и негодяй, являлась его собственная записная книжка. Если кто запомнил, то там содержались инструкции по расшифровке посланий. Следствие сразу сделало вывод, который потом многократно повторяло в суде: это явно шифр НКВД. А теперь вопрос: а из чего, простите, это следовало-то? Что, Закржевский не шифровал своих писем? Или Шатилов? Да у начальника штаба Врангеля кодовых псевдонимов было больше, чем паспортов у воров в законе. И все-таки вердикт: агент Москвы!

Важным свидетельством является запись в блокноте. Простите, но на ней не проставлена точная дата. Больше того, не проводилась графологическая экспертиза, что она сделана именно рукой Скоблина. Плевицкой ее не показывали, только зачитали вслух.

Казалось бы, суду не составит никакого труда доказать виновность Скоблина. Но не тут-то было. С самого первого допроса свидетелей начались странности. Начало было положено, когда следствие нашло некоего офицера Добровольческой армии, чья фамилия почему-то не сообщалась. Этот безымянный таинственный «офицер» якобы видел, как

Скоблин уговаривал Миллера войти в дом, принадлежавший консульству СССР. Виновность корниловца этим разоблачающим его свидетельством полностью доказана.

Но только если не обращать внимания налетали. Во-первых, анонимный свидетель — это всегдастораживает. А во-вторых, по его собственному признанию, «офицер» этот находился примерно в 40 метрах от Скоблина. И вот с такого расстояния, к тому же еще и со спины — он умудрился узнать Скоблина. При этом он признался, что тогда солнце мешало ему хорошенько все разглядеть, но теперь он уверен!

Правдивость этого свидетельства доказывается сторонниками версии о предателе Скоблине уникальной фразой: «Он боялся мести НКВД, поэтому сохранил инкогнито». То есть капитан Ларионов, взорвавший партклуб в Ленинграде и вольготно гулявший не только по Парижу, но и по всей Европе, не боялся мести. А человек, который толком ничего не видел, законспирировался так глубоко, что даже следственные комиссии РОВС и «Внутренней линии» не смогли понять, кто он такой?!

А есть ведь и еще немаловажный момент: полиция произвела обыск в том доме. Сделано это было по личному приказу президента Франции Лебрена, к которому с такой просьбой обратилась жена похищенного генерала Миллера. Никаких следов похищения председателя Русского общевойскового союза не обнаружили.

Весьма характерны для этого дела показания Эпштейна, в магазине которого в тот день Плевицкая покупала платья и якобы создавала мужу алиби. Он сам признался, что Скоблина не видел, но из этого был сделан вывод, что генерал в тот момент похищал председателя РОВС. Однако есть весьма интересный нюанс. Эпштейн пытался разглядеть главного корниловца в окно. Сам на улицу не выходил. Но Плевицкая сразу утверждала, что машина была за углом дома и видеть ее владелец «Каролины» не мог физически. Больше того, полковник Трошин подтвердил, что он сидел в машине Скоблина в тот момент, договариваясь о том, в котором часу они поедут благодарить Миллера и Деникина за участие в полковом празднике корниловцев.

Давайте вспомним историю с показаниями Савина. Вы всерьез верите, что он мог не узнать почерк Миллера? Да, безусловно, семья настаивала, что это написал сам Евгений Карлович. Но тут есть важнейший нюанс: а вы бы на их месте что говорили? С учетом того, как психологически давили на Плевицкую, вполне можно предположить, что вдове Миллера сказали: вы признайте это подлинным, а уж мы вытащим из певички показания. Тем, кто сомневается, что такое возможно, настоятельно рекомендую еще раз

прочитать фрагменты допросов свидетелей.

* * *

Важным свидетельством против Скоблина принято считать и разговор в суде Плевицкой и вдовы Миллера. Дескать, жена генерала собиралась ехать искать его в Россию, где у него были два брата. Однако это происходило уже после того, как судьи решили, что Скоблин был агентом Москвы, и всячески пытались выдавить из свидетелей хоть какую-нибудь информацию о связях Николая Владимировича с Родиной. Плевицкая, оставшаяся одна против всех, уже не могла выдерживать давления и готова была бы поверить в любую версию исчезновения мужа.

У сторонников версии работы бывшего командира Корниловского ударного полка на СССР существует еще два весомых доказательства: выступление генерала Шатилова в суде и жизнь Скоблина не по средствам. Но и с этим не все так просто. Ближайший помощник Врангеля не мог сказать что-то другого. Травля идеолога «Внутренней линии» на тот момент достигла апогея. Члены НТС обвиняли и его в похищении Миллера. Бывший начальник I отдела РОВС должен был сохранить свое детище любой ценой. Это ему удалось. В деле не фигурировали фамилии Фосса, Закржевского, Ларионова... Что касается жизни Скоблина не по средствам, то тут есть два интересных момента. Впервые об этом заговорили еще в начале 1930-х годов, после выступления полковника Федосеенко. Тогда офицерский суд чести полностью оправдал Николая Владимировича. Не стоит также забывать, что генерал владел бензоколонкой, в которой заправлялось большинство таксистов из галлиполийцев. Открывал он ее на паях с Туркулом, однако главный дроздовец предпочел не говорить об этом в суде. У него и выхода другого не было. Слишком многие слышали, как он поносил «бездарную старческую головку» в обществе галлиполийцев. Генерал, сделавший едва ли не больше всех для развала РОВС, подговоривший всех членов полкового объединения во Франции выйти из союза, поддержавший НТС в травле «Внутренней линии», стал монументом веры на костях.

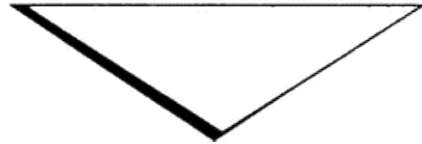
Есть еще, конечно, свидетельство Левитова, что корниловцы уже с начала 1930-х годов подозревали Скоблина в измене. Но стоит напомнить, что, во-первых, полковник сказал это после похищения, а во-вторых, у него был на то личный мотив: в 1931 году он отказался присоединиться к «Внутренней линии», за что и был исключен Скоблиным из Корниловского

объединения. И самое главное: версию про «уже давно...» никто не подтвердил.

Осталось ответить только на последний вопрос” что же стало с Николаем Владимировичем? Он прекрасно понимал, что оправдаться ему не дадут. Слишком велик был у всех соблазн покончить раз и навсегда с «Внутренней линией», которая не подчинялась даже председателю РОВС. У Скоблина был только один шанс: поднять по тревоге всех «линейцев» из числа корниловцев и попытаться сделать хоть что-то. Только этим и можно объяснить неожиданные прогулки по ночному Парижу.

Склонен считать, что его убили сотрудники НКВД недалеко от дома Кривошеева и тайно похоронили, как и в случае с генералом Кутеповым.

Таинственно исчезнувший Скоблин должен был стать главным действующим лицом в «Русской войне в Париже», оставив истинных виновников трагедии за кулисами. Все дальнейшее превзошло самые смелые надежды Москвы. РОВС погрузился в череду скандалов и к активной работе вернулся только 22 июня 1941 года.

ГЛАВА 3.

Свидетельства главного террориста СССР Павла Судоплатова. Скоблин и заговор Тухачевского. Кто на самом деле работал на НКВД?

В 1990-х годах неожиданно для всех появились новые подробности дела Скоблина. Самый известный террорист СССР Павел Судоплатов в своих воспоминаниях писал: *«Сообщения, появившиеся ранее на Западе, в которых Эйтингону приписывалась важная роль в проведении операции похищения в 1937 году в Париже генерала Миллера, руководителя РОВСа, не соответствуют действительности. Похищен он был при участии эмигрировавшего в Париж генерала Скоблина, действовавшего под непосредственным руководством Шпигельгласа. Скоблину удалось заманить Миллера на явочную квартиру НКВД, где якобы должна была состояться его встреча с офицерами германской разведки. Там он и был задержан.*

Его похищение наделало в то время много шума. То, что генерала удалось обезвредить, привело к развалу всей организации бывших царских офицеров, сорвав планы их сотрудничества с немцами в войне против нас.

Скоблин бежал из Парижа в Испанию на самолете, заказанном для него Орловым (когда Орлов в 1938 году бежал, он сохранил золотое кольцо Скоблина в качестве доказательства своей причастности к этому делу). Сам Скоблин погиб во время воздушного налета на Барселону в период гражданской войны в Испании...

Если восстановить последовательность событий, то можно увидеть, что о Скоблине как об агенте гестапо впервые написала газета «Правда» в 1937 году. Статья была согласована с руководством разведки и опубликована, чтобы отвлечь внимание от обвинений в причастности советской разведки к похищению генерала Миллера...»

Все бы ничего, но лично меня смущает в этой истории несколько немаловажных обстоятельств.

Во-первых, никаких документов не приводится. Все опять на уровне «Одна гражданка болтала». При всем уважении к боевому прошлому Судоплатова особого доверия этот фрагмент мемуаров не вызывает. Товарищ Сталин каленым железом выжигал не умеющих держать язык за зубами из органов. Помните легендарный плакат «Болтун находка для

шпиона»? А тут с точностью до наоборот. Откуда мог узнать Судоплатов такие подробности? Кто ему их сообщил? Эйтингон, который в этой операции вообще не участвовал? Или Шпигельглас, которому не терпелось сменить уютный кабинет на расстрельный подвал?

Во-вторых, вывод про полный развал Русского общевойскового союза смешон. Организация, основанная Петром Николаевичем Врангелем, существует до сих пор. В момент, когда Судоплатов вписывал этот фрагмент в свои мемуары, ее возглавлял поручик Гранитов. Положим, главный террорист НКВД этого не знал. А фамилии Абрамов, Архангельский, фон Лампе, Харжевский он тоже никогда не слышал? Между тем это те генералы белых армий, которые возглавляли РОВС после похищения Миллера. Допустим, что невероятным образом Судоплатов узнал подробности дела Скоблина. А почему в этом случае он ничего не знал про дело сына генерала Абрамова, которое нашумело не меньше?

В-третьих, вывод про срыв планов сотрудничества с немцами во время Второй мировой войны вызывает лишь ироническую усмешку. Допустим, что Судоплатов никогда ничего не слышал про Русский корпус или добровольческий полк СС «Варяг». В принципе Штейфон и Семенов люди были маленькие, не ровня главному террористу. Но про армию генерала Власова он обязан был знать. В этой самой армии не последними людьми были генерал Туркул, формировавший в Австрии III пехотную дивизию из ветеранов «цветных» полков, и генерал фон Лампе. В СССР их деятельность называлась «сотрудничеством с немцами». Или об этом товарищ Судоплатов тоже никогда не знал?

В-четвертых, золотое кольцо Скоблина ничего не доказывает. Его могли снять с уже убитого генерала в Париже, в ту роковую ночь. А Орлову, как человеку неглупому, нужно было продавать себя подороже. Вот он и вписал в историю корниловского генерала дополнительные подробности, последовав удачному примеру бывшего секретаря Сталина Бажанова.

В-пятых, статья в газете «Правда» никакого отношения к Скоблину не имела. Я ее приводил в этой книге, и любой желающий сможет сам убедиться, что там речь идет о генерале «Т», под которым легко угадывается Туркул. Да и о его работе на тайную политическую полицию Третьего рейха почему-то тоже не говорится. Или так называется нынче обсуждение отправки добровольцев в армию каудильо Франко?

В-шестых, согласно документам дела Скоблина, его доставили в Москву. А Судоплатов почему-то уверяет, что Николай Владимирович погиб в Испании. Тут одно из двух: или главный террорист рассказал

очередную «сказку венского леса» или дело фальшивое. Третьего не дано.

Есть еще одна малость: а кто опознавал кольцо Николая Владимировича? Его что, в тюрьму к Плевицкой доставили? Где в этом случае протокол? Или, может быть, Шатилов, Кусонский, Григуль или Трошин подтвердили, что это действительно кольцо Николая Владимировича? Коли так, пусть кто-нибудь приведет доказательства этого. Пока их нет. Поэтому и веры Судоплатову в этой части воспоминаний нет.

* * *

Скоблина принято еще и обвинять в подготовке «заговора» Тухачевского, в результате чего весь цвет Красной Армии был расстрелян Сталиным. Дескать, выполняя ответственное поручение своих кураторов, он, постоянно приезжая в Берлин, на каждом шагу кричал, что в руководстве РККА зреет заговор. В результате долгих переговоров лично с одним из будущих руководителей Главного Управления Имперской Безопасности Рейнхардом Гейдрихом он сумел убедить его в этом. В дело посвятили Гитлера, который решил, что это благо для Германии.

В апреле 1937 года в здании гестапо на Принц-Альбрехтштрассе была устроена подпольная лаборатория, где подделывались документы по делу Тухачевского. Появились даже расписки советских генералов в получении крупных сумм за сведения, доставленные немецкой разведке. На всех документах стояли резолюции виднейших немецких военных, якобы читавших их. От имени главы разведки адмирала Канариса Тухачевскому объявлялась благодарность.

Когда все было готово, через третьих лиц, документы передали президенту Чехословакии Бенешу. Он сообщил об этом Сталину. Тот вызвал к себе наркома внутренних дел и поручил купить заветную папку за три миллиона рублей. Сделка была совершена в кратчайшие сроки...

Я не знаю, при чем тут Скоблин. С таким же успехом его можно было бы обвинить в гибели «Титаника» или в татаро-монгольском иге. В момент, когда немцы готовили документы по делу Тухачевского, в Берлине частым гостем был Туркул. Именно он водил дружбу с Гейдрихом и Гиммлером.

Скоблин физически не мог распространять такую информацию. В русском зарубежье о заговоре красных генералов никто не знал. Если бы знали, то наверняка пытались бы установить контакт. Как Скоблин объяснял бы источник получения таких фантастических данных, если бы до руководства Русского общевойскового союза дошла информация о

заявлениях главного корниловца?

Но даже не это главное. Заговор Тухачевского действительно был. Он не мог не быть в силу того, что все участники были выдвинутыми Троцкого и открыто грозили Сталину. Их расхождения касались только в методах борьбы за мировую революцию. Лев Давыдович был сторонником перманентных ударов по буржуазии, а Иосиф Виссарионович считал, что сначала надо накопить силы, чтобы потом ударить, как следует.

Принципиальное расхождение было и во взглядах на репрессии — репрессии против собственной страны. Троцкий был убежден, что для победы коммунизма во всем мире необходимо, чтобы 80% населения СССР находилось в трудовых лагерях за колючей проволокой. Потому как далеко не все в Стране Советов мечтали о новом мировом порядке. Сталин считал такое зверство неоправданным. Давайте вспомним: даже на самом пике репрессий, в 1938 году, число заключенных не превышало 18% от общего населения страны.

Сравните: 80% у Троцкого и 18% у Сталина. Это соотношение цифр красноречивее любых слов. Притом, что Иосиф Виссарионович считается злодеем невиданного масштаба. А как же тогда относиться к Троцкому?

Тухачевский анализировать, думать и ждать не умел и не хотел. Никакой жалости к народу не испытывал. Все его мысли были посвящены революционной борьбе. «Великий стратег» не оставил потомкам учебников по тактике или теории. Зато его двухтомник наполнен идеологическими наставлениями солдатам и офицерам РККА. Вот, к примеру: *«Подготовка должна быть регламентирована определенными тезисами, охватывающими понятия: о неминуемости революционных взрывов в буржуазных государствах, о сочетании социалистических наступлений с этими взрывами, об атрофировании национальных чувств и о развитии классового самосознания»*. Не знаю, кому как, а мне очень нравится последний тезис.

Один из главных сподвижников Троцкого усиленно агитировал за скорейшее начало мировой революции. Предлагал бросить все и немедленно построить в СССР 100 000 танков! И это в течение одного только года — 1928-го!

1 сентября 1939 года Адольф Гитлер напал на Польшу, развязав Вторую мировую войну. В тот момент у него было 2977 танка. Он готовился к мировому господству, поэтому и бросил в бой такую невиданную в мире армию. Но к чему в этом случае готовился Тухачевский? И может быть, не случайны слова Сталина, что он самый настоящий «красный милитарист»?

Тухачевский, Якир, Примаков, Дубинский и все остальные действительно мечтали скинуть Сталина и на его место поставить Троцкого. И Иосиф Виссарионович об этом знал. И документы германской разведки понадобились ему только для того, чтобы спор о том, как именно советизировать Европу, не вышел бы за пределы 1/6 части суши. За это стоило отдать три миллиона рублей. Теперь весь мир с упоением говорит о том, как глупый Сталин уничтожил умного Тухачевского. И никто не говорит о том, что было бы в случае успеха заговора красных генералов.

Скоблина к этому делу привязали задним числом. Надо же было каким-то образом объяснять «культ личности и его последствия». Кандидатуры лучше, чем корниловский генерал, найти было трудно.

Читать бесконечное нагромождение чепухи уже нет сил. Вот, к примеру, до чего договорился известный писатель Владимир Карпов: *«Бесславно погиб русский генерал, который из патриотических побуждений хотел быть полезным Родине, но Ежов сделал его причастным к одному из подлейших преступлений, которое погубило многих советских военачальников».*

Просить его доказательства этой теории я не стану. Заранее знаю все, что он скажет.

* * *

Давайте уже признаемся честно хотя бы сами себе: **документов о работе Николая Владимировича Скоблина на Советский Союз как не было, так и нет. Все, что до сих пор появляется в Интернете или в отдельных исследованиях, — фальшивки, которые я рассматривал в этой книге.** Поэтому и говорить о «величайшем агенте Лубянки» пока явно преждевременно. Вернее даже не так: **говорить о Скоблине как об агенте НКВД не стоит.**

Но можно и нужно говорить о другом человеке, чьи действия в те дни вызывают серьезные подозрения.

Это — начальник канцелярии РОВС генерал Кусонский.

Я не верю, что можно случайно забыть про просьбу председателя Русского общевойскового союза. Тем более что такое поведение было не характерно для генерала. Не верил в это и французский суд.

Я не верю, что, получив извещение об исчезновении Миллера, он так и не вспомнил про письмо. Ведь мог попросить дежурного адъютанта пройти в кабинет и прочитать, о чем же предупредил Евгений Карлович.

Я не верю, что дата вскрытия письма проставлена случайно. Вполне может быть, что именно по ней и судят, что записку Миллер писал в этот день. А ведь если Кусонский работал на Москву, он вполне мог взять старое письмо председателя РОВС, используя его как главное обвинение против Скоблина.

Я не верю, что он случайно позвал в кабинет адмирала Кедрова, давая возможность Скоблину бежать. Он видел, что человек пребывает в состоянии сильнейшего шока, и понимал, что Николай Владимирович способен наделать множество глупостей. Что, собственно, и произошло. Не верил в это и французский суд.

Я не верю, что Кусонский совершенно случайно отговаривал всех идти в полицию. Если бы не бездарно потраченные часы, пароход можно было бы задержать. Об этом, кстати, открыто говорили в суде.

Я не верю, что Кусонский совершенно случайно улыбался в суде, когда ему бросили упрек в преступной халатности. Может быть, это потому, что он хорошо понимал, что настоящие судьи сидят в Москве, а не в Париже?

Именно Кусонский был тем самым человеком, кто не понес ровным счетом никакого наказания за проявленное равнодушие к судьбе Миллера. Да, он перестал быть начальником канцелярии РОВС. Но на его уровне жизни это не отразилось. Может тут и стоит искать внезапно пропавшие деньги Русского общевойскового союза, которые так и не нашли? Не мог же Миллер истратить все в то роковое утро!

А ведь именно Кусонский **распоряжался финансами.** Но странным образом, когда выяснилось, что РОВС без пяти минут банкрот, к нему никаких претензий не было. И быть не могло. Ведь он сразу же возложил всю ответственность на Миллера, который, находясь в тот момент на Лубянке, ответить на обвинение не мог.

Именно Кусонский был в тот момент (пусть и недолго, но и этого хватило) фактически и.о. председателя РОВС. Он находился в Париже и, без его ведома Абрамов ничего не делал.

Именно Кусонский был тем самым человеком, который начал настойчиво советовать Абрамову начать смену начальников отделов РОВС. Мотивировал он это тем, что Евгений Карлович и сам собирался, да вот беда — не успел. Однако о таких планах Миллера почему-то не слышал адмирал Кедров. А уж он то, как первый заместитель председателя Русского общевойскового союза должен был быть в курсе. Именно этот момент и считается основным в обвинениях против Скоблина. Дескать, он мечтал произвести кадровую революцию. Однако никаких документов,

подтверждающих это, никто не представил. Склонен думать, что их нет. А вот на Кусонского таковые имеются.

Именно Кусонский стравил Кедрова с Абрамовым, доведя адмирала до предынфарктного состояния. Тогда впервые за долгую службу он был обвинен в трусости. Кедров высказал Кусонскому в лицо все, что он думает об этом. И сделал это при свидетелях.

Именно Кусонский был тем самым человеком, который якобы случайно затянул получение генералом Абрамовым французской визы, а потом писал ему: *«Сейчас из Франции могут начать высылать русских, но ты не волнуйся: отношение правительства к РОВСу скорее доброжелательное»*.

Понимаю, что все это пока лишь косвенные доказательства. Не волнуйтесь, есть и кое-что посущественнее. Я очень долго мучился, пытаюсь понять, кто же все так запутал, что концов не найдешь. Десятки раз перечитывал стенограммы показаний в суде, пытаюсь найти ту самую скрытую на первый взгляд мелочь, от которой можно оттолкнуться в поисках истины. И все-таки я ее нашел. Правда, не в материалах судебного процесса над Плевицкой. В переписке Архангельского с фон Лампе. Она сохранилась и была не так давно опубликована. В ней и содержалась та самая песчинка, ломающая слону хребет. На нее никто не обратил внимания лишь потому, что не сопоставил детали с «русской войной в Париже».

Принято считать, что иностранный отдел ГПУ обзавелся своим агентом в 1930 году. Якобы Скоблин очень нуждался в деньгах и хорошей должности на Родине и его купили. На самом деле финансовая успешность главного корниловца была очевидна любому в эмиграции. Да и должность начальника объединения чинов самого легендарного полка была весьма значима.

А вот у Кусонского была в тот момент серьезная надобность в средствах. Умирал его младший сын. Надежды на помощь от РОВС не было никакой. Тогда-то почерневший от горя генерал и сказал: **«Я готов служить даже Советам, чтобы спасти ребенка»**. Сказано это было, что называется, прилюдно. Убежден, что сотрудники советского консульства узнали об этом в тот же день. Ребенка спасти не удалось, но Кусонского, судя по всем дальнейшим его поступкам, «взяли в разработку».

Именно Кусонский, в бытность пребывания частей 1-го корпуса в Болгарии, и посоветовал купить Скоблину ферму. Вот оттуда и пошло это прозвище **Николая Владимировича в ГПУ — «Фермер»**. Николай Владимирович не мог не прислушаться к дружеской рекомендации генерал-

квартирмейстера Русской армии, человека, который всю жизнь только такими вопросами и ведал. Тогда, правда, ни Скоблин, ни Кусонский не подозревали, как много будет значить для них обоих тот разговор в дальнейшем.

Вот если поменять местами двух генералов, сразу станут понятны многочисленные рапорты, подшитые к там называемому «делу Скоблина». Разумеется, там не могло быть каких-то подробностей о «Внутренней линии». Кусонский об этом просто ничего не знал. Да, его считали человеком Шатилова. Однако из этого вовсе не следует, что он был посвящен во все тайны. Кусонский ничего существенного о контрразведке РОВС доложить не мог, поэтому и ограничивался передачей в Москву незначительных сплетен, о которых судачил в тот момент русский Париж.

Сравните сами стиль изложения мыслей Скоблина, прошедшего всю войну в окопах, и стиль Кусонского, благо его письма я цитировал в этой книге. А потом задайте простой вопрос: **на чей стиль больше похожи рапорты из дела «Фермера»?**

Могу также напомнить показания арестованного немцами Третьякова. **Он сразу сказал, что на Москву кроме него работал и Кусонский.** Однако его словам почему-то сегодня никто не верит. Даже не так: верят избирательно. Когда речь заходит о Кусонском — не верят. Как это Кусонский, если Скоблин? А вот когда он рассказывает о том, как подслушивал и записывал все разговоры Миллера и Витковского, — охотно и с удовольствием верят.

Интереснейший момент: в 1941 году немцами арестовывается Кусонский. Что он показывал на допросах — неизвестно, потому что дело пропало. То есть исчезло. Испарилось. **Нет его.** А на нет и суда нет. Но был концлагерь, где Кусонский почему-то моментально сник. Конечно, его унижало отношение немцев. Но боевой генерал должен был иметь честь. Он мог бы плюнуть в лицо охраннику: «Смотри, сволочь, как умеет умирать русский офицер».

Да, безусловно, были издевательства и побои охранников. Да, безусловно, была тяжелая для него физическая работа. Но вопросы остаются все те же: за что арестовали Кусонского? Версию, которую приводят обычно — за симпатии к СССР, — можно рассматривать только как обвинительный вердикт по делу Миллера со смягченной формулировкой.

Вместе с Кусонским арестовали еще 32 офицера Русского общевойскового союза. В камере с ним были Борис Солоневич и поручик Колоколов. Они, как могли, поддерживали генерала. Но даже им он не

сказал, в чем его обвиняют. Даже накануне рокового дня 26 августа 1941 года Кусонский хранил гробовое молчание. Лишь слезы текли по его сильно похудевшему лицу.

Что же он скрывал?

А скрывать ведь было что! Генерал фон Лампе забросал различные ведомства Германии просьбами освободить Кусонского. Дескать, он старый, никуда не сбежит и в любой момент предстанет пред судом.

Ему ответили отказом!

Что же такого совершил генерал, что заставляло немцев держать его в концлагере? Что же такого сделал Кусонский, что немцы заставили его ковырять киркой камни? Ведь ни до, ни после этого пленные генералы в немецких концлагерях не работали!

Почему охранники издевались только над одним Кусонским? Этому должно быть какое-то объяснение. К высшим армейским чинам отношение у немцев было уважительное, о чем сохранилось немало воспоминаний советских генералов, бывших во время Второй мировой войны в плену. Да что там далеко за примерами ходить: в концлагере сидел и Шатилов. И вышел оттуда благополучно. Так за что же ежедневно избивали генерала Русской императорской армии, яркого антикоммуниста Кусонского? Могу только высказать предположение: **ему мстили за предательство** Миллера. В Германии были прекрасно наслышаны о том, что такое «красный террор» и иллюзий по поводу судьбы председателя Русского общевойскового союза не строили.

Узнав о смерти Кусонского, председатель РОВС Архангельский писал фон Лампе: **«Немцев мы в этом не виним». Кого же тогда винил генерал в гибели своего соратника?**

Именно работа Кусонского на Москву объясняет все в этой истории. Агенту нужно алиби. Он его обеспечил, подставив под удар Скоблина. Да, его подозревали и задавали неприятные вопросы. Но он был на свободе и, сложив полномочия начальника канцелярии Русского общевойскового союза, вернул всем уважение к себе. Ошибся, с кем не бывает. Но осознал и совершил мужественный поступок — не счел возможным после этого занимать руководящие посты в РОВС. И если бы не провал Третьякова, никто бы и никогда не узнал правду.

Почему же немцы не стали афишировать результаты следствия? А им не было до этого ровным счетом никакого дела. Какая разница, кто из «унтерменшей» был агентом НКВД? Главное, что его уничтожили. Это первое. Гестапо вообще мало интересовало детали «русской войны в Париже». Но были серьезные основания предполагать, что Третьяков

продолжает разведывательную деятельность. И не столько против русской эмиграции, которая в тот момент Москву не особо интересовала, сколько против Третьего рейха. Наверняка Третьякова пытались перевербовать. Когда же это не вышло — расстреляли. Газетам об этом сообщать было без надобности. Это второе.

Предвижу вопрос: а почему и Кусонский и Скоблин одновременно не могли работать на Москву? Скажем, один на НКВД, а другой на ГРУ. То есть в порядке социалистического соревнования, кто больше секретов выведает, два агента независимо друг от друга трудились. Потом одному из них надоела конкурирующая фирма, и он решил от нее избавиться. Товарищ Сталин поощрил его инициативу, и одним ценным информатором у Москвы стало меньше. Так выходит?

Это не может быть хитроумной комбинацией НКВД в силу хотя бы одной причины. Если на секунду допустить, что оба работали на СССР, то провал Скоблина автоматически поставил крест на мечте получить своего агента в должности председателя Русского общевойскового союза. Зачем было выводить из игры того, кто мог бы возглавить организацию? Совершенно очевидно, что при живых Шатилове и Абрамове шансы у Кусонского занять место лидера были между нулем и ничем.

Осталось ответить только на последний вопрос: для чего понадобилась подмена героев этой истории. Могу высказать лишь свое предположение. После сверхуспешных для советской разведки этапов операции «Трест» нужно было держать марку. Последний командир легендарного Корниловского ударного полка, начальник «Внутренней линии» звучит гораздо весомее, нежели начальник канцелярии РОВС. Обыкновенный секретарь в общем-то. Хотя и с генеральскими погонами. В момент, когда кому-то пришла в голову эта идея, почти все участники тех событий были давно мертвы. Помните, как у Стивенсона: «мертвые не кусаются».

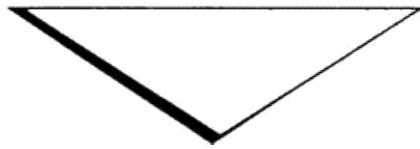
Но была и более существенная причина. У Скоблина и Плевицкой близких родственников в эмиграции не было. А у Кусонского оставались жена и сын. Больше того, сын, по некоторым данным, участвовал в движении Сопротивления. Завербовать его никакого труда не составляло, тем более что для русского зарубежья фамилия Кусонский была не пустым звуком. И кто знает, сколько лет он потом мог работать на Москву...

* * *

Бывший штабс-капитан Петр Ковальский был расстрелян в 1937 году.

После возвращения из Европы он работал старшим бухгалтером конторы «Главхлеб» в Ворошиловграде. Там его и арестовало управление государственной безопасности НКВД по Донецкой области.

В обвинительном заключении отмечалось; *«Из дела-формуляра видно, что Ковальский при использовании по линии ИНО имеет ряд фактов, подозрительных в проведении им разведывательной работы в пользу Польши»*. Этого оказалось вполне достаточно для смертного приговора. Следователь и не подумал узнать, кто такой Ковальский, в Главном управлении госбезопасности НКВД в Москве, которое потом два года тщетно разыскивало его по всей стране. Зачем-то он вдруг срочно понадобился....

ЧАСТЬ V. «ВНУТРЕННЯЯ ЛИНИЯ» В БОЛГАРИИ

Уходят души белым роем
Летят в лазурь, в страну без слез
Поклон немеркнущим героям!
Да примет в руки их Христос!
Мы, пережившие, узнаем
Когда-то все их имена
И над горящим нынче краем
Взойдут пшеницей семена.

Юрий Миролюбив

Долгие годы, собирая буквально по крупичкам информацию о контрразведке РОВС, я был убежден: воспоминаний об этом никто из ее чинов не оставил. Страшная клятва «линейцев» заставила их унести с собой на тот свет все, что они знали об организации. Однако к моему огромному удивлению, такие воспоминания существовали. Их автор — бывший капитан Русской Освободительной армии генерала Власова Павел Николаевич Бутков, до сих пор живущий в США. Его свидетельство о двух операциях «Внутренней линии» настолько уникальны и значимы, что я позволю себе привести их почти полностью.

«Я окупился в более серьезную работу, борясь против сталинского террора в России и за границей. Одним из способных в этой сложной ответственной и рискованной работе оказался капитан Дроздовского артиллерийского дивизиона РОВСа Клавдий Александрович Фосс. В то время в Советской России свирепствовала ежовщина и по повелению “гениального” Сталина уничтожала весь цвет Красной Армии, начиная с маршалов Тухачевского, Блюхера, и весь высший командный состав Красной Армии. Сталину всюду мерещилась измена. В Болгарию переправлялись из всех пограничных с Россией стран те, кто смог уйти от этого. Болгарский генеральный штаб, с которым работал рука об руку наш белый штаб, помогал всем этим перебежчикам. Все западные государства, и особенно англичане, французы и, конечно, немцы, очень всем

интересовались и помогали белым в этой невиданной работе.

Капитан Фосс тогда особое внимание обратил на меня и всячески старался привлечь к этой работе, но сначала давал небольшие поручения. Было обращено внимание на советское полпредство и тогдашнего полпреда в Софии Раскольников (настоящая его фамилия была Ильин, он плавал по Волге в чине мичмана перед самой революцией, был участником Кронштадтского восстания). Раскольников, как дипломатический представитель, должен был появляться на всех официальных приемах. И когда праздновались болгарскими праздники, такие как освобождение Болгарии, то наряду с русскими ветеранами и генералами приглашали и его. Вот тут-то и произошла для него неприятная история, когда во время такого приема в честь освободительницы России запели “Боже, Царя храни“, так как болгары другого гимна тогда и не знали. Сейчас же пошла депеша в Москву Ежову, что Раскольников поет “Боже, Царя храни“ и братается с царскими и белыми генералами. Его сразу же вызвали в Москву, и тут Фосс через нашего капитана Браунера, который ведал отделом болгарской политической полиции, предложил ему и его жене Музе, у которой только что родился ребенок, помощь.

Раскольников знал, чем это могло кончиться, если бы он прибыл перед ясные очи Ежова, и поэтому принял помощь полиции, которая отпустила его на все четыре стороны, и он поехал во Францию, где в Париже просил своих друзей, советских дипломатов, о продлении заграничной визы. Но ему ответили, что за незаконное пребывание советского дипломата за границей полагается смертная казнь. После этого Раскольников и поселился в Ницце, на юге Франции, вместе со своей Музой (младенец у них умер). За ним началась слежка. Там же он написал знаменитое открытое письмо Сталину, которое напечатала уже его жена и об этом написала в своих воспоминаниях: “Подсовывая агентам Ежова фальшивые документы, компрометирующие честных работников миссии, внутренняя линия РОВСа в лице капитана Фосса добилась разгрома нашего полномочного представительства в Болгарии, от шофера Казакова до военного атташе полковника Сухорукова“.

В это время я и получил задание от капитана Фосса каждый день после обеда следовать за полковником Сухоруковым, когда он выходил из полпредства на улице Московской и шел на бульвар Царя-освободителя, где за памятником Александру II стояло высокое новое здание. Там и жил полковник Сухоруков со своей женой. Я, идя позади, говорил, чтобы он не терял времени и принимал нашу помощь, так как и его Сталин с Ежовым не пощадят, и всегда старался передать ему записку с объяснением, куда

ему вместе с женой идти со своими личными вещами. Эту записку он никак не хотел сначала принимать, но я ее просто подкладывал под дверь его квартиры. И полковник Сухорукое принял наше предложение и исчез из полпредства.

Жена Раскольниковы пишет о внутренней линии РОВСа, которую организовал капитан Фосс. Эта внутренняя линия должна была охранять все наши эмигрантские, и в первую очередь военные организации РОВСа, от проникновения советской агентуры, которая тогда уже повсюду стала проникать в различные белые организации. Вот в эту-то секретную организацию и набирались подходящие люди, и в первую очередь верная молодежь, которая выполняла беспрекословно все распоряжения начальства.

На эту внутреннюю линию обрушились и большевики, стараясь всячески спровоцировать ее и особенно капитана Фосса, которого представляли как “большевистского агента“, чтобы запугать эмигрантов. Этим потом воспользовались некоторые противники лично капитана Фосса и РОВСа, а также появившиеся новые политические организации, претендующие на водительство эмиграции.

Пусть что угодно пишут и выдумывают всякое вранье о капитане Фоссе, но я его знал не только как моего начальника. Я неоднократно бывал в семье почтенного протоиерея отца Владимирского, на дочери которого был женат Клавдий Александрович. Старшая дочь, Полина Николаевна, была на редкость добрым и отзывчивым и очень интеллигентным человеком. Клавдий Александрович жил вместе со всей семьей на улице Царя Аспаруха недалеко от “докторского“ садика, против которого находился штаб РОВСа и где часто Клавдий Александрович с Полиной Николаевной прогуливались вместе со своим любимым псом сеттером. Клавдий Александрович очень любил охотиться, и этот сеттер всегда был с ним. Он был также любителем лыжного спорта.

Непрерывно совершенствуясь в военных науках по пособиям Красной Армии, он являлся примером для всех офицеров. Капитан Фосс нам всем полностью доверял и говорил, что наша работа зависит лишь от нас самих и ответственность за нее ложится на совесть каждого. Он не требовал и категорически не приказывал, а говорил с каждым по-дружески, давая советы или говоря “на ваше усмотрение“. Этот человек ничего для себя или для своей славы не делал. Перед сном стоял на коленях перед иконкой и молился Богу. И всегда нам всем говорил, чтобы мы всюду старались помогать местному населению и уцелевшему духовенству в организации наших церквей и чтобы мы сами не забывали наших

праздников и посещали наши храмы, где это возможно. Немцы ему предлагали немецкое подданство и сразу же чин полковника с назначением на очень важный пост, на что Клавдий Александрович отвечал едва заметной улыбкой. Капитан Фосс был принят как русский офицер в болгарский генеральный штаб, и болгары прислушивались к его мнению и предоставляли ему большие возможности. До войны он ездил в самые крупные генеральные штабы в Европе (я его часто сопровождал) и приносил огромную пользу болгарскому генеральному штабу; III отдел РОВСа был поставлен на невероятную высоту в отношении своей боевой работы против ужасного террора Сталина.

В Софии в годы моего студенчества я не только успешно занимался в университете, но меня усиленно готовили для активной борьбы с большевиками. Под начальством капитана Фосса я научился всей секретности и осторожности в нашей борьбе против коварного и безжалостного врага — коммунистов. Я должен был всегда быть очень внимательным и наблюдательным не только к нашему врагу, но и к моим соратникам в этой борьбе. Так, в те годы вдруг появился у нас сын генерала Абрамова, который жил в Советской России, и генерал Абрамов о нем ничего не знал. Сын служил в советском флоте и где-то в большом европейском порту ушел и вскоре появился у нас в Софии. Конечно, отец был очень рад. Этот Николай Абрамов, довольно ладный, высокий, интеллигентный молодой человек скоро стал нашим инструктором по стрельбе — стрелял он действительно отлично, гася папиросу на довольно большом расстоянии. Он быстро вошел в секретные дела III отдела РОВСа, которые были исключительно интересными для большевиков.

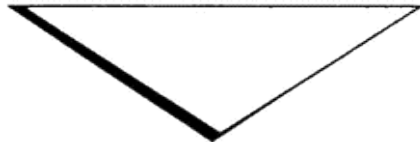
Тогда удалось поставить целую сеть резидентов по всей западной границе СССР, до самой Финляндии. Я изредка бывал у Николая Абрамова в его небольшом магазинчике на улице Лезэ, где он торговал коллекциями марок и был уже женат на очень милой русской девушке (ее мать была известным в Софии зубным врачом) и был принят в большое русское и болгарское общество. Однажды у него в магазине я увидел человека, которого никогда нигде не видел.

Я рассказал об этом капитану Фоссу, который очень заинтересовался, и вскоре мы узнали, что Николай Абрамов был арестован болгарской политической полицией и ему предъявлено обвинение в шпионаже в пользу СССР. Это было очень неожиданно для нас, а как бедный генерал Абрамов все пережил. Николай Абрамов был пойман с поличным при передаче информации через этого неизвестного, который прибыл из Греции для связи и передачи информации советским агентам.

Мы были потрясены: ведь Николай Абрамов многое знал. Особенно этот арест отразился на резидентуре РОВСа, которая была установлена по всей границе СССР до Финляндии. В Софию тогда прибыла группа офицеров РОВСа, которые немедленно были сняты со своих постов. О Николае Абрамове, после того как он отказался от предложения отца застрелиться и был выслан болгарами за пределы страны, мы больше ничего не слышали.

Я уже упоминал, как его оценила жена первого советского полпреда в Софии Муза Раскольникова, написав в 1991 году, в год смерти капитана Фосса в Мюнхене в возрасте 93 лет, свои воспоминания, и это был самый лучший венок на его могилу, и не только на его могилу, но и на могилы всех «цветных» полков. Я у него неоднократно бывал, приезжая из США в Мюнхен, и проводил с ним долгие часы в обсуждении наших позиций в отношении большевиков и СССР. В последний раз он мне говорил, что хочет быть похороненным на кладбище в Сен-Женевьев-де-Буа под Парижем, где лежат под большим православным крестом в ряд все «цветные» полки, ядро Белой Армии, — марковцы, корниловцы, алексеевцы. Вечная же память и вечная слава российским героям, рыцарям духа без страха и упрека!»

Надо сказать, что Павел Николаевич Бутков написал воспоминания и о работе капитана Фосса в СССР во время Второй мировой войны. Но это уже совсем другая история, которая только ждет своего исследователя...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Я отдаю себе отчет, что абсолютное большинство читателей этой книги с гневом начнут обвинять меня в ревизионизме. Да кто такой этот Гаспарян, что позволяет себе усомниться в предательстве Скоблина? Сама дочь генерала Деникина в этом была уверена! О работе генерала на советскую разведку много и с удовольствием писали газеты. А газеты всегда правы...

Дорогие читатели! Вот именно поэтому я и считаю, что генерал не был агентом НКВД. На страницах книги я приводил несколько заявлений Марии Антоновны и каждое из них свидетельствует — об этом деле она не имела никакого представления, как это ни прискорбно утверждать. Именно поэтому и стала активно рекламировать «липу», к восторгу ее составителей. О лучшем они и мечтать не могли. Именно потому, что об этом писали газеты, я и утверждаю, что Николай Владимирович Скоблин никогда не сотрудничал с советской разведкой. Еще древние говорили, что большинство всегда заблуждается.

Работая над этой книгой, получил письмо от внука генерала-дроздовца Кельнера: «Возможно, вы правы. Я не изучал этот вопрос и как большинство людей считаю, что он действительно является советским агентом. Если Скоблин невиновен, то это трагедия. Мой дед относился к нему с уважением...» Это свидетельство дорогого стоит.

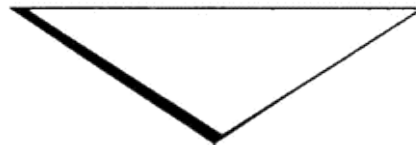
Племянница Николая Владимировича Скоблина, которая до сих пор жива, и дай ей Бог здоровья, постоянно утверждает, что ее дядя был невиновен. Правда, ей не удалось и, возможно, никогда не удастся реабилитировать генерала. Есть ведь и потомки генерала Миллера. Вместе они пытаются восстановить подробности «Русской войны в Париже». Ведь даже в 1930-е годы об этом писали достаточно пространно. Французская полиция не спешит публиковать документы из дела Надежды Плевицкой. Согласитесь, это о многом говорит...

Я прекрасно понимаю, что теперь меня станут активно критиковать все наши многочисленные историки, получившие кандидатские и докторские степени за исследования роли многочисленных генсеков родной партии в деле строительства социализма. И дело тут уже будет не в том, сотрудничал Скоблин с советской разведкой или нет. Больше того, об этом вообще не станут говорить. Им будет трудно играть со мной на одном поле. Поэтому тут же начнется бурное обсуждение личной жизни автора,

отсутствие у него диплома профессионального историка и странных, если не сказать преступных, связей в русском зарубежье, которое очень помогло в работе над этой книгой.

Все потому, что я покусился на святое. Я задал вопросы, на которые необходимо ответить. Поскольку большинство сделает вид, что их не заметило, повторяю еще раз: не секрет, что только 13 апреля 1990 года было сожжено **7 тонн из архивов ЦК КПСС и Министерства обороны**. А теперь выясняется, что некоторые оставшиеся документы — липа. Фальшивка. «Лимпопо».

Убежден, что подделано было не только дело Скоблина. А коли так, исследователи должны тщательно изучить все многочисленные опубликованные документы. Великий русский историк Ключевский однажды сказал: «Кто не знает своего прошлого, никогда не будет иметь будущего». Неужели мы обречены и дальше быть Иванами, не помнящими родства?

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Краткие биографии:

Абрамов Федор Федорович (23.12.1870–08.03.1963). Генерал-лейтенант. Окончил Полтавский Петровский кадетский корпус, 3-е Военное Александровское пехотное и Николаевское инженерное училища и Николаевскую академию Генерального штаба (1898). Участник Русско-японской войны, служил в штабе Маньчжурской армии и начальником штаба 4-й Донской казачьей дивизии. В Первой мировой войне — генерал-квартирмейстер 12-й армии. С 1 сентября 1915 года — командир 15-й кавалерийской дивизии и 4-й Донской казачьей дивизии. Назначен начальником штаба Войска Донского в феврале 1917 года, но отказавшись от должности, отбыл на фронт командиром 2-й Туркестанской казачьей дивизии.

В Белом движении командующий Северной группой Донской армии, командир 1-й конной дивизии Донской армии, командир Донской гвардейской казачьей бригады, командир 1-й Донской казачьей дивизии. Инспектор кавалерии Войска Донского. После эвакуации из Новороссийска в Крым — командир Донского корпуса. Командующий 2-й армией в Русской армии Врангеля. В эвакуации в Болгарии. Активный деятель Русского общевоинского союза, начальник 3-го отдела в Софии.

Сразу после Второй мировой войны во Франции, а в 1948-м переехал в США. Жил в Доме пенсионеров Казачьего комитета. Погиб под колесами автомобиля вечером 8 марта 1963 года.

Азеф Евно Фишелевич (Евгений Филиппович) (1869–1918) — один из лидеров партии эсеров и руководителей ее Боевой организации (БО), секретный сотрудник департамента полиции.

В 1899 году примкнул к Северному союзу социалистов-революционеров. С 1901 года один из организаторов партии эсеров. В 1903 году фактически возглавил Боевую организацию партии; руководил подготовкой нескольких террористических актов (убийство В.К. Плеве в 1904 году, великого князя Сергея Александровича в 1905 году).

В 1905 году выдал полиции почти весь состав Боевой организации. В 1908 году разоблачен Бурцевым. ЦК партии эсеров приговорён к смерти, но скрылся.

В 1915 году был арестован германской полицией как «террорист и русский шпион», заключен в Моабитскую тюрьму, где и пробыл до конца 1917 года, последние месяцы — в тюремной больнице. В марте 1918 года освобожден в связи с заключением Брест-Литовского мира. Подал заявление и поступил на службу в Министерство иностранных дел Германии, но скоропостижно скончался 24 апреля 1918 года от болезни почек. Похоронен в Берлине.

Алексеев Михаил Васильевич (1857–1918). Генерал от инфантерии. В 1917 году — начальник штаба Ставки, фактический руководитель всех военных действий. После консультаций с командующими фронтами убедил Николая II отречься от престола. В марте — мае 1917 г. — Верховный главнокомандующий. После революции начал создавать Добровольческую армию, весной 1918 года стал ее верховным руководителем. Умер в Екатеринодаре во время второго Кубанского похода.

Алексеевцы. Свою историю они ведут от Партизанского пешего казачьего полка, который был сформирован 10–14 февраля 1918 г. в станице Ольгинская, где после оставления Ростова генерал Корнилов реорганизовал свою немногочисленную армию перед походом на Кубань. Под командованием генерала Богаевского были собраны три пешие сотни, состоящие из донских партизанских отрядов и добровольцев ростовских студентов и гимназистов. Впоследствии «молодой» состав стал традиционным для партизан алексеевцев: последнему командиру полка (1919–1920 гг.) П.Г. Бузуну не было и 30 лет, а под его началом воевал 14-летний доброволец Борис Павлов. Недаром полковыми цветами алексеевцев стали синий и белый — символы молодости и чистоты.

25 сентября 1918 г. скончался создатель и вдохновитель Добровольческой армии генерал от инфантерии Михаил Васильевич Алексеев. В память о своем вожде Партизанский пехотный полк получил почетное шефство и стал именоваться Партизанским генерала Алексева пехотным полком. Как отдельная войсковая часть существовал до 1922 года, после чего трансформировался в объединение чинов Алексеевского полка, которое входило кад-рированной частью в Русский общевоинский союз.

Архангельский Алексей Петрович (5.3.1872–2.11.1959). Генерал-лейтенант. Окончил Александровское училище и Николаевскую академию Генштаба. Выпущен в лейб-гвардии Волынский полк. В Первую мировую войну был и.д. дежурного генерала Главного штаба. После Февральской революции 5.4.1917 утвержден в должности, а еще через 12 дней назначен дежурным генералом при Верховном главнокомандующем. 9.5.1917

поставлен во главе Главного штаба. После прихода к власти большевиков Архангельский продолжал исполнять свои обязанности до 8.12.1917, когда был принят на службу в РККА и назначен начальником управления по командному составу Главного штаба. Поддерживал связь с подпольным Национальным центром, много сделал для отправки офицеров из подконтрольных большевикам районов в Добровольческую армию. После бегства своего помощника под угрозой разоблачения в сентябре 1918 скрылся и к февралю 1919 г. смог добраться до занятого белыми армиями Екатеринодара.

По собственной просьбе был предан военно-полевому суду (за службу у большевиков) и оправдан. С 14.5.1919 член Комиссии по рассмотрению представлений к наградам и о производстве офицеров и классных чинов, с 3.6.1919 одновременно помощник начальника Общего отдела Военного управления ВСЮР. 20.4.1920 назначен дежурным генералом штаба.

В эмиграции в Бельгии. Председатель Общества офицеров Генштаба, Объединения Лейб-Гвардии Волынского полка, Объединения офицеров гвардейской пехоты и лейб-гвардии Волынского полка в Бельгии, Гвардейского общества. 20.3.1938 вступил в должность председателя РОВС. Умер в Брюсселе.

Браунер Алексей Александрович (? —?) Капитан. В Белом движении с 1918 года. Активный деятель РОВС, один из создателей «Внутренней линии». С 1934 по 1944 г. был штатным сотрудником болгарской Дирекции полиции и начальником противокоммунистической и противотеррористической службы.

Бурцев Владимир Львович (1862–1942) — журналист, редактор и издатель; общественный деятель. Член народовольческих кружков. В 1885 г. арестован и сослан в Иркутскую губ., бежал, выехал за границу. В 1889 г. в Женеве начал издавать газету «Свободная Россия», выслан из Швейцарии, затем из Франции за связь с русскими эмигрантами. В 1897 г. в Лондоне начал издавать «Народоволец», в котором призывал к убийству царя. Английским судом приговорен к каторге. В 1905 г. вернулся в Россию. В Петербурге был одним из редакторов журнала «Былое». С 1906 г. занимался разоблачением провокаторов в русском революционном движении, в частности, обосновал предательство Азефа. В 1907 г. эмигрировал. В 1914 г. вернулся в Россию, но на границе был арестован и сослан в Туруханский край. После октябрьской революции эмигрировал.

Вел личное расследование похищений генералов Кутепова и Миллера, опубликовал книгу «Большевистские гангстеры в Париже». Писал и антифашистские статьи, за что подвергался преследованию гестапо. Жил в

нищете и умер в лечебнице для бедных от заражения крови. Похоронен на Сент-Женевьев-де-Буа.

Бутков Павел Николаевич — сын полкового священника Дроздовской дивизии. Участник операций «Внутренние линии» в Болгарии. Капитан Русской освободительной армии генерала Власова. После окончания Второй мировой войны проживает в США.

Витковский Владимир Константинович (21.04.1885–19.01.1978). Генерал-лейтенант. Окончил 1-й кадетский корпус и Павловское военное училище. Службу начал в Лейб-Гвардии Кексгольмском полку. Участник Первой мировой войны: командир роты и 1-го батальона Лейб-Гвардии Кексгольмского полка, командир 199-го Кронштадтского пехотного полка.

В Белом движении: командир батальона в отряде полковника Дроздовского в походе от Ясс в Новочеркасск, командир 2-го офицерского генерала Дроздовского полка, командир бригады и начальник 3-й пехотной и Дроздовской дивизии. В Русской армии генерала Врангеля командир 2-го армейского корпуса, командующий 2-й армией. В эмиграции в Турции, Болгарии, Франции, США. Активный деятель Русского общевойскового союза.

Власов Андрей Андреевич (1901–1946). Генерал-лейтенант. Председатель Комитета освобождения народов России, главнокомандующий Вооруженными Силами КОНР. Создатель и главнокомандующий Русской освободительной армии. На закрытых заседаниях Военной коллегии, без адвокатов и свидетелей, дал обширные показания о своей деятельности, но виновным себя в измене Родине не признал. Это не позволило провести над ними открытый судебный процесс. Военной коллегией Верховного суда СССР во главе с генералом юстиции В.В. Ульрихом приговорен к смертной казни через повешение. Казнен в ночь на 1 августа 1946 г.

Врангель Пётр Николаевич (15.8.1878–25.4.1928). Генерал-лейтенант. Окончил Горный институт, Николаевскую академию Генерального штаба и курс Офицерской кавалерийской школы. Участник Русско-японской войны. Участник Первой мировой войны, командир 2-й бригады Уссурийской конной дивизии, командир 7-й кавалерийской дивизии, командир Сводного конного корпуса.

В Белом движении с августа 1918 г. Командир бригады 1-й конной дивизии, командир 1-й конной дивизии, командир 1-го конного корпуса. В декабре назначен командующим Кавказской армией, Добровольческой армией. После разногласий с Деникиным — в эмиграции. 23 марта 1920 г. назначен главнокомандующим Вооруженными силами Юга России,

которые переформировал в Русскую армию.

В эмиграции в Турции, Югославии, Бельгии. 1 сентября 1924 года создал Русский Обще-Воинский Союз. Умер 25 апреля 1928 в Брюсселе, похоронен в русской церкви в Белграде.

Галлиполи. После эвакуации из Крыма, Русская Армия генерала Врангеля оказалась в Турции, вблизи городка Галлиполи. Ей отвели покрытое жидкой грязью поле. Поражение и эвакуация вызвали у чинов армии сильную апатию, равнодушие к удобствам и личному благоустройству. Понимая, что лучшее лекарство от этой душевной болезни труд, генерал Кутепов ввел строжайшую дисциплину и всех заставил работать. Приказал каждому в палатке поставить себе койку и оборудовать свое жилье.

16 июля 1920 г. в Галлиполи чины армии открыли памятник, на котором было написано на четырех языках (русском, французском, турецком и греческом): «Упокой, Господи, души усопших. 1-й Корпус Русской армии своим братьям-воинам, в борьбе за честь родины нашедшим вечный покой на чужбине в 1920–1921 годах и в 1854–1855 гг. и памяти своих предков — запорожцев, умерших в турецком плену». Каждый из русских принес для холма под памятник один камень.

Головин Николай Николаевич (1875–1944). Генерал-лейтенант. Первую мировую войну встретил командиром 2-го Лейб-Гвардии Гродненского гусарского полка; участвовал в боях в Галиции, ранен, но остался в строю; генерал-квартирмейстер штаба 9-й армии, начальник штаба 7-й армии, начальник штаба группы армий в Румынии. Руководил разработкой и непосредственно участвовал в осуществлении более 130 операций. С 1920 г. — в эмиграции, в Париже. Автор многих военно-теоретических трудов. В 1927 г. создал и возглавил Высшие военно-научные курсы РОВС в Париже. Во время Второй мировой войны сотрудничал с немцами, поддерживал Русское освободительное движение. Приговорен к смерти французскими коммунистами, но скоропостижно умер.

Гордеенко Карп Павлович (1891–1969). Полковник. В Добровольческой армии в Корниловском ударном полку: командир офицерской роты, командир батальона в 1-м Корниловском полку, командир того же полка. Награжден орденом Святого Николая Чудотворца. В Галлиполи — помощник командира полка. В эмиграции в Болгарии и Франции.

Григуль Петр Яковлевич (1892–1971). Штабс-капитан. В Белом движении с июля 1919 г., в офицерской роте 2-го Корниловского полка,

затем адъютант того же полка. В Галлиполи был в 8-й роте Корниловского полка. В эмиграции во Франции. Окончил Высшие военно-научные курсы в Париже. С 1934 г. член правления Общества галлиполийцев. Доброволец армии генерала Франко.

Деникин Антон Иванович (04.12.1872–08.08.1947). Генерал-лейтенант. Окончил Ловичское реальное училище, Киевское пехотное юнкерское училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Русско-японской войны. Участник Первой мировой войны: генерал-квартирмейстер 8-й армии генерала Брусилова, командир 4-й стрелковой («Железной») бригады, развернутой позднее в дивизию. 09.09.1916 назначен командиром 8-го армейского корпуса на Румынском фронте. Начальник штаба Верховного главнокомандующего, главнокомандующий Западным фронтом, командующий войсками Юго-Западного фронта. За поддержку мятежа Корнилова заключен в тюрьму города Быхова. Бежал на Дон, где стоял у истоков Добровольческой армии, которую и возглавил после гибели Корнилова.

С 26.12.1918 главнокомандующий Вооруженными силами Юга России. С 01.06.1919 — заместитель Верховного правителя России, признан 30.05.1919 над собой власть адмирала Колчака. 22.03.1920 передал командование ВСЮР Врангелю и 04.04.1920 убыл из Крыма в эмиграцию на английском эсминце в Великобританию. С 1926 г. жил во Франции. После Второй мировой войны переехал в США. Последним желанием Антона Ивановича было, чтобы гроб с его останками со временем, когда обстановка в России изменится, перевезли на Родину.

Драгомиров Абрам Михайлович (21.04.1868–09.12.1955). Генерал от кавалерии. Окончил Пажеский корпус и Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Первой мировой войны: командир Сводной кавалерийской дивизии; командир Сводного кавалерийского корпуса, командир 9-го армейского корпуса, командующий 5-й армией, командующий Северным фронтом.

В Белом движении помощник главнокомандующего Добровольческой армией, председатель Особого совещания при Главкоме, губернатор Харькова и командующий войсками в районе Харькова, командующий войсками Киевского направления. В эмиграции в Югославии и Франции. Умер в Ганьи, под Парижем.

Дроздовский Михаил Гордеевич (07.10.1881–01.01.1919). Генерал-майор. Окончил Киевский Владимирский кадетский корпус, Павловское военное училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Русско-японской войны. Участник Первой мировой войны:

офицер в штабе Юго-Западного фронта и штабе 27-го армейского корпуса, начальник штаба 64-й пехотной дивизии, начальник штаба 15-й пехотной дивизии, командир 60-го пехотного Замосцкого полка.

В Белом движении с конца декабря 1917 г., когда на Румынском фронте в Яссах начал формировать Первую (отдельную) бригаду русских добровольцев. Этот отряд численностью около 1000 бойцов (в основном офицеры) выступил из Ясс на Дон. Пройдя примерно 1700 км, подошел к Ростову и после упорного боя с красными частями освободил город от власти большевиков и выступил на объединение с Добровольческой армией. Командир 3-й пехотной дивизии. Умер от гангрены в Ростове.

Дроздовцы — ими называли офицеров и солдат различных воинских частей, получивших почетное именное шефство генерал-майора М.Г. Дроздовского. После гибели командира 2-й Офицерский стрелковый полк, с самого начала являвшийся ядром отряда и 3-й дивизии, приказом Главкома Вооруженными силами на Юге России был переименован во 2-й Офицерский стрелковый генерала Дроздовского полк.

В стрелковую генерала Дроздовского дивизию входили: 1–3-й Стрелковые генерала Дроздовского полки, Дроздовская артбригада, Отдельная инженерная генерала Дроздовского рота и Запасный батальон дивизии (переименованный в 4-й Стрелковый генерала Дроздовского полк). В ноябре 1920 г. в Галлиполи вся дроздовская пехота была сведена в Сводный Стрелковый генерала Дроздовского полк, переименованный затем во 2-й Офицерский стрелковый генерала Дроздовского полк. В августе 1921 г. все дроздовцы были перевезены в Болгарию, а в 1922 г. прекратили существование как отдельные воинские части, превратившись в Дроздовское полковое объединение, входившее в Русский общевоинский союз.

Закржевский Н.Д. (?-?). Капитан. В Белом движении с 1918 г. Во ВСЮР в Корниловском артиллерийском дивизионе. В эмиграции в Турции, Болгарии, Франции. Один из создателей «Внутренней линии». Организатор джаз-оркестра, который часто аккомпанировал Плевицкой.

Зинкевич Михаил Михайлович (1883–1944). Генерал-майор. Окончил Владимирский Киевский кадетский корпус, Константиновское военное училище и Николаевскую военную академию. Участник Русско-японской и Первой мировой войн.

В Добровольческой армии с 1918 г. Участвовал во 2-м Кубанском походе в составе 2-й дивизии генерала Боровского, будучи помощником командира Партизанского пехотного полка. В 1920 г. помощник начальника Алексеевской пехотной дивизии. После 1922 г. — командир Алексеевского

пехотного полка. Во время Второй мировой войны — командир батальона в 5-м полку Русского корпуса. 24 декабря 1944 г. скончался от ран, полученных в бою с титовскими партизанами в районе города Бусовича.

Ильин Иван Александрович (1882–1954) — русский философ и правовед. В 1906 г. окончил юридический факультет Московского университета и был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. В 1910–1912 гг. стажировался в университетах Гейдельберга, Фрейбурга, Берлина, Парижа, где слушал лекции крупнейших европейских философов. С 1912 г. преподавал в Московском университете. В 1918 г. защитил диссертацию «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека». В 1921 г. был избран председателем Московского психологического общества. В 1922-м вместе с большой группой деятелей культуры Ильин был выслан из России. Участвовал в организации Русского научного института в Берлине, издавал журнал «Русский колокол». После прихода к власти в Германии нацистов потерял работу, а в 1938 г. эмигрировал в Швейцарию, где жил в пригороде Цюриха.

Кауфман-Туркестанский Алексей Михайлович (1861–1934). Генерал от кавалерии. Окончил Пажеский корпус. Служил в Кавалергардском полку, командовал Лейб-Гвардии Гродненским полком, Оренбургской казачьей дивизией. Награжден орденом Святого Георгия 4-й степени. Участник Белого движения на Юге России, находился в распоряжении главнокомандующего. В эмиграции с 1921 г. Член главного комитета Союза инвалидов, председатель Союза пажей.

Кедров Михаил Александрович (13.9.1878–29.10.-1945). Вице-адмирал. Окончил Морской корпус и Михайловской Артиллерийскую академию. Участник Русско-японской войны. В 1914 г. флаг-капитан бригады линейных кораблей, затем командирован в Великобританию как представитель русского флота. 21.6.1914 г. назначен председателем Комиссии для выработки правил и инструкций по тактической и организационной части судовой артиллерии, одновременно командир линейного корабля «Гангут». 28.6.1916 назначен начальником минной дивизии Балтийского моря и командующим морскими силами Рижского залива. За успешные действия в районе Либавы награжден Георгиевским оружием. После Февральской революции отозван в Петроград, назначен помощником морского министра и начальником Морского Генштаба.

Вовремя Гражданской войны в 1918 г. по поручению Колчака руководил организацией транспортов для снабжения белых армий. В 1920 г. вызван Врангелем в Крым, где был назначен начальником Военно-морского

управления и командующим Черноморским флотом. Руководил эвакуацией белых армий. В 1921 г. командовал флотом в Бизерте. В эмиграции активно участвовал в деятельности РОВС, председатель Военно-морского союза. В 1930 г. назначен вторым помощником председателя РОВС и избран вторым вице-председателем Союза Георгиевских кавалеров.

Кирилл Владимирович (1876–1938). Великий князь. В 1922 г. принял звание Блюстителя Престола. Спустя два года, убедившись в том, что надежд на спасение Алексея Николаевича или Михаила Александровича не было никаких, он принял титул Императора, став *de jure* Императором Кириллом I. С этим шагом Кирилла Владимировича не были согласны большинство эмигрантов, и с того времени начинается полемика о престолонаследии

Ковальский Петр Георгиевич (7–1937). Штабс-капитан. В Белом движении с 1917 г. в Корниловском ударном полку. Считается человеком, завербовавшим Скоблина. Расстрелян в 1937 г.

Колтышев Петр Владимирович (1894–1988). Полковник, причисленный к Генеральному штабу. Окончил Псковский кадетский корпус и Павловское военное училище. Участник Первой мировой войны. Выступил на фронт в составе 2-го стрелкового Финляндского полка. Тяжело ранен в Восточной Пруссии. В 1916 г. — и. д. старшего адъютанта в штабе 40-го армейского корпуса. В 1917 г. окончил курсы (1-й очереди) при Николаевской военной академии и был причислен к Генеральному штабу.

В январе 1918 г. записался рядовым в 1-ю Добровольческую бригаду полковника Дроздовского. В составе 3-й роты офицерского стрелкового полка этой бригады выступил 1 марта в поход из Румынии на Дон, исполнял должность оперативного адъютанта. В Добровольческой армии и в ВСЮР — начальник штаба 3-й дивизии генерала Дроздовского. В сентябре 1918 г. назначен старшим помощником начальника оперативного отдела в Управлении генерал-квартирмейстера штаба Добровольческой армии и вскоре стал бессменным докладчиком по оперативной части при главнокомандующем ВСЮР генерале Деникине, оставаясь на этой должности до марта 1920 г. Полковник. С отъездом генерала Деникина за границу вернулся встрой Дроздовской дивизии — начал рядовым в свой 1-й офицерский генерала Дроздовского полк, а затем был назначен помощником командира этого полка. Был дважды тяжело ранен.

В эмиграции в Болгарии и Франции. Безвозмездно помогал генералу Деникину собирать материалы для «Очерков русской смуты». В июне 1941 года арестован гестапо. Похоронен на участке Дроздовской дивизии на

русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем.

Колчак Александр Васильевич (04.11.1874–07.02.1920). Адмирал. Окончил Морской корпус. Участник Русско-японской войны. Участник Первой мировой войны: помощник командующего флотом Балтийского моря адмирала Эссена по оперативному планированию морских операций, командующий минной дивизией и морскими силами в Рижском заливе. За успешные действия в районе Рижского залива получил награды и дважды повышался в звании. Командующий Черноморским флотом.

В Белом движении: военный министр в правительстве Уфимской директории. При поддержке начальника гарнизона полковника Волкова и его войск был произведен в Верховные правители России и главнокомандующим новой Русской армии. После краха белой борьбы на востоке передал власть генералу Деникину. Выдан чехами советским властям на станции Иннокентиевская, близ Иркутска. Расстрелян большевистским Иркутским Военревкомом на льду реки.

Корнилов Лавр Георгиевич (18.08.1870–31.04.1918). Генерал от инфантерии. Окончил Михайловское артиллерийское училище, с золотой медалью Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Русско-японской войны. Участник Первой мировой войны: командир 48-й пехотной дивизии 8-й армии. При общем отступлении получивший ранение генерал Корнилов был захвачен в плен австрийцами. Переодевшись в форму австрийского солдата, бежал из плена. Командир 25-го стрелкового корпуса, командующий Петроградским военным округом. Командующий 8-й армией, своим приказом ввел формирование первого добровольческого «1-го Ударного отряда 8-й армии» под командованием капитана Неженцева. Командующий Юго-Западным фронтом, Верховный главнокомандующий. Выступил против Временного правительства («мятеж Корнилова»). Снят 27.08.1917 Керенским с поста Верховного главнокомандующего, арестован и помещен в тюрьму в городе Быхове 01.09.1917 вместе с поддержавшими его генералами Деникиным, Лукомским, Марковым, Эрдели и другими. Бежал 19.11.1917 на Дон. Вместе с генералами Алексеевым и Деникиным начал организацию и создание Добровольческой армии, которую и возглавил. Убит при штурме Екатеринодара.

Корниловцы — одно из наиболее надежных соединений Добровольческой армии. Обычно действовала на направлении главного удара и потеряла за годы Гражданской войны свыше 14000 офицеров и солдат.

Корниловская ударная дивизия. Сформирована 14 октября 1919 г. на базе 1-го, 2-го и 3-го Корниловских полков, отдельной инженерной роты и

Корниловской артиллерийской бригады. Входила в состав 1-го армейского корпуса. Включала в себя также Корниловский и Горско-мусульманский конные дивизионы. Батальонами и ротами в дивизии командовали, как правило, младшие офицеры, например, в составе сформированных летом 1919 г. 2-го и 3-го Корниловских полков не было ни одного штаб-офицера. Младшие офицеры рот в основном были прапорщиками. Как отдельная воинская часть существовала до 1922 г., после чего трансформировалась в Объединение чинов Корниловского полка, входившее кадрированной частью в Русский общевоинский союз.

Кривошеев Александр Порфирьевич. Капитан. В Добровольческой армии с 1918 г., участник Ледяного похода в Корниловском ударном полку. Автор полкового гимна. В Галлиполи — в 1-й роте Корниловского полка. В эмиграции представитель монархических газет в Париже, после Второй мировой войны представитель «Часового» и «Нашей Страны» во Франции. Капитан. Умер в 1975 г.

Кусонский Павел Алексеевич (1880–22.08.1941). Генерал-лейтенант. Окончил Полтавский Петровский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Первой мировой войны: офицер в штабе 8-й армии, офицер в управлении генерал-квартирмейстера Ставки Верховного главнокомандующего, с апреля по октябрь 1917 г. — и.о. генерал-квартирмейстера ставки у генерала Духонина. 11 ноября послан в Быхов для предупреждения генералов Корнилова, Деникина и других узников, арестованных за поддержку мятежа Корнилова, о приближении большевиков, что ускорило их побег на Дон.

В Белом движении: в Добровольческой армии с конца 1917 г. Офицер в штабе главнокомандующего генерала Деникина, с июня 1918 г. — генерал-квартирмейстер штаба Добровольческой армии. В 1919 г. генерал-квартирмейстер Кавказской Добровольческой армии генерала Врангеля, начальник штаба 5-го кавалерийского корпуса, начальник штаба 3-го армейского корпуса. В 1920 г. — начальник штаба 2-й армии.

В эмиграции в Болгарии и Турции. С 1924 г. активный деятель Русского общевоинского союза, в 30-х годах — начальник канцелярии РОВС. 22 июня 1941 г. арестован гестапо и помещен в концлагерь Брейндонк. Его считали замешанным в похищении генерала Миллера, хотя официальным поводом для ареста послужило возможное противодействие Германии в войне с СССР. Умер в концлагере. Перезахоронен 30.11.1941 на кладбище Юкль в Брюсселе.

Кутепов Александр Павлович (16.09.1882–06.05.1930). Генерал от

инфантерии. Один из самых заслуженных генералов Белого Движения. Окончил Архангельскую классическую гимназию и Петербургское пехотное юнкерское училище (1904). Участник Русско-японской войны, офицер в рядах 85-го Выборгского пехотного полка. С 1907 г. — офицер Лейб-Гвардии Преображенского полка. Участник Первой мировой войны: капитан, командир роты и батальона, полка. Трижды ранен.

В Белом движении: командир роты, батальона, Корниловского полка. Командир 1-й бригады в 1-й пехотной дивизии. Черноморский генерал-губернатор. Командир 1-го армейского корпуса.

В эмиграции в Турции, Болгарии, Сербии и Франции. После смерти генерала Врангеля возглавил Русский общевоинский союз. Похищен агентами советской разведки в Париже 26.01.1930 г.

Ларионов Виктор Александрович (1897 — после 1984). Капитан. В Добровольческой армии: с нояб.1917 г. в Юнкерской батарее, с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского похода в 1-й офицерской батарее. Служил в Марковской Артиллерийской бригаде. В эмиграции член боевой организации Кутепова, в июне 1927 г. участник диверсии в Ленинграде. С 1927 г. жил во Франции, участвовал в работе монархических организаций. После Второй мировой войны жил в Германии.

Лампе фон Алексей Александрович (1885–1967) — генерал-майор. Окончил 1-й кадетский корпус, Николаевское инженерное училище и Николаевскую военную академию (1913). Участник Русско-японской и Первой мировой войн. В 1916 г. — подполковник и штаб-офицер для поручений при штабе 18-го армейского корпуса. В 1917 г. — и. д. генерал-квартирмейстера штаба 8-й армии.

В Белом движении с лета 1918 г. Возглавлял подпольный центр в Харькове, который занимался переброской офицеров в Добровольческую армию. Начальник оперативного отдела в Управлении генерал-квартирмейстера Кавказской Добровольческой армии. В 1920 г. выполнял различные поручения генерала Врангеля в Константинополе и за границей.

В начале эмиграции занимал должность военного представителя Русской армии за рубежом: в Дании, в Венгрии и с 1923 г. в Германии. После ликвидации этих должностей возглавлял 2-й отдел РОВС в Берлине. Арестовывался гестапо. После Второй мировой войны переехал во Францию и стал заместителем председателя РОВС, а впоследствии — возглавил его. Скончался 28 мая 1967 г. в Париже. Похоронен на русском кладбище в Сент-Жене-вьев-де-Буа.

Левитов Михаил Николаевич (1893–1982). Полковник. Окончил Виленское военное училище и вышел в декабре 1914 г. в 178-й пехотный

Введенский полк, уже находившийся на фронте. Участвовал во всех боевых действиях до конца 1917 г. Командир роты, батальона. Был трижды ранен. В 1917 г. — поручик.

В Белом движении с февраля 1918 года. Рядовой 1-й офицерской роты Корниловского ударного полка. Участвовал во всех боях 1-го Кубанского похода. 28 марта ранен под Екатеринодаром. В июне 1918 г. вернулся в полк и участвовал во 2-м Кубанском походе. Снова ранен в бою под селом Медвежье в сентябре 1918 г. в районе Ставрополя. После выздоровления был отправлен из полка в Крым фельдфебелем в конвой для охраны вдовствующей Императрицы Марии Федоровны. В июне 1919 г., в связи с формированием 2-го Корниловского ударного полка, назначен командиром 1-го батальона в новом полку. 3 августа 1919 г. в бою за город Обоянь был ранен. 6 ноября назначен на должность помощника командира 2-го Корниловского полка по строевой части. 13 марта 1920 г. получил приказ о производстве его сразу в штабс-капитаны, капитаны и подполковники. 15 июня назначен командиром 2-го Корниловского ударного полка. 7 октября 1920 г. приказом главнокомандующего был награжден орденом Св. Николая Чудотворца. Тяжело ранен 28 октября 1920 г. в бою на Перекопском валу. После эвакуации из Крыма в Галлиполи при реформировании Корниловской дивизии в Корниловский ударный полк был назначен командиром 2-го батальона.

В эмиграции в Болгарии и Франции. В 1929 г. назначен начальником Корниловской группы в Париже. В начале 1960-х гг. возглавил Объединение чинов Корниловского ударного полка; оставался на этом посту до конца жизни. Скончался 15 декабря 1982 г. в Париже. Похоронен на Галлиполийском участке русского кладбища в Сент-Женевьев-де-Буа.

Манштейн Владимир Владимирович (1894–1928). Генерал-майор. В Первой мировой войне служил в 7-м пехотном Киевском полку. 4 марта 1918 г. в чине капитана вступил добровольцем в отряд Дроздовского на должность рядового. 6 апреля назначен командиром 4-й роты во 2-м Офицерском стрелковом полку. В конце 2-го Кубанского похода командовал батальоном. 15 мая 1919 г. за боевые отличия произведен в полковники. В 1920 г., после тяжелого ранения, командовал 3-м Офицерским генерала Дроздовского стрелковым полком в Дроздовской дивизии. В эмиграции в Турции и Болгарии. Проживал в Софии, где, будучи одноруким инвалидом, очень нуждался. В 1928 г. кончил жизнь самоубийством.

Марков-второй Николай Евгеньевич (1866–1945). Политик, один из идеологов «Союза русского народа». Член Государственной думы. В Гражданской войне был обер-офицером для поручений при Военно-

гражданском управлении Северо-Западной армии. В эмиграции в Германии. Участник Рейхенгальского монархического съезда 1921 г. Председатель Высшего Монархического Совета.

Марков Сергей Леонидович (07.07.1878–12.06.1918). Генерал-лейтенант. Окончил 1-й Московский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Русско-японской войны. Участник Первой мировой войны: начальник штаба 4-й («Железной») стрелковой дивизии генерала Деникина, командир 13-го стрелкового полка, заместитель начальника оперативного отдела штаба Ставки Главного командования, начальник штаба Западного и Юго-Западного фронтов. Арестован и заключен в тюрьму города Быхова за участие в Корниловском мятеже. Вместе с Корниловым, Деникиным и другими генералами бежал из заключения на Дон.

В Белом движении с декабря 1917 г. Один из главных организаторов Добровольческой армии. Командир 1-го Офицерского полка, командир 1-й пехотной дивизии. Убит в бою у станицы Шаблиевской во 2-м Кубанском походе.

Марковцы — одна из старейших и самых стойких частей Добровольческой армии. Офицерский полк был сформирован во время Ледяного похода. После гибели его командира, С.Л. Маркова, приказом Деникина стал называться Офицерский генерала Маркова полк. Его чины говорили о себе, что они те, кто умирает за Россию красиво.

Марковская дивизия сформирована на базе 1-, 2- и 3-го Марковских полков, запасного батальона, Марковской инженерной роты и Марковской артиллерийской бригады. Входила в состав 1-го армейского корпуса. Потери марковцев в годы Гражданской войны исчисляются 6 тысячами убитых. Марковские части носили белые фуражки с черным околышем и черные с белой выпушкой погоны, форма — черного цвета с белым кантом. Такие мрачные цвета символизировали траур по гибнущей России.

Как отдельная воинская часть существовала до 1922 г., после чего трансформировалась в Объединение чинов Марковского полка, входившее кадрированной частью в Русский общевойсковой союз.

Махров Петр Семенович (01.09.1876–29.02.1964). Генерал-лейтенант. Окончил Виленское пехотное юнкерское училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Русско-японской войны. Участник Первой мировой войны: начальник штаба 34-й пехотной дивизии, генерал-квартирмейстер штаба 8-й армии, командир 13-го Сибирского полка, генерал-квартирмейстер 12-й армии, начальник штаба Юго-Западного фронта.

В Белом движении начальник военных сообщений в Крымско-Азовской армии, генерал-квартирмейстер и начальник штаба Вооруженных сил Юга России. Представитель Врангеля в Польше и командующий 3-й формирующейся армии в составе Русской армии генерала Врангеля на базе русских интернированных войск в Польше. В эмиграции в Париже. После нападения Германии на СССР генерал Махров обратился к послу СССР во Франции Богомолу с просьбой об отправке его в Россию и зачислении в Красную армию, хотя бы рядовым. Французские власти Петена, узнав о содержании письма, арестовали его и заключили в тюрьму города Ниццы. Позже Махров был отправлен в лагерь Вернэ. В декабре был отпущен на свободу, однако лишен статуса русского беженца и только к концу 1940-х гг. добился восстановления отобранных прав. Умер в Каннах.

Мацылев Сергей Александрович (1893–1954). Полковник. Окончил Александровское училище и вышел в 1913 г. в 1-й саперный батальон. Одним из первых во время великой войны был награжден орденом Св. Георгия. В 1917 г. — капитан и командир батальона.

В Добровольческой армии с 1918 г. Служил в Партизанском (позднее названном Алексеевским) полку. После Галлиполи и недолгого пребывания в Болгарии переехал во Францию и поселился в Париже. В 1929 г., с возникновением журнала «Часовой» был постоянным сотрудником редакции и одно время заведующим парижской конторы журнала. С 1934 г. — помощник начальника военной канцелярии РОВСа. С 1938 г. — и.о. начальника военной канцелярии. После Второй мировой войны председатель комитета «Помощи престарелым воинам» и председателем Объединения Алексеевского пехотного полка. Скончался 8 ноября 1954 г. в Париже. Похоронен на русском кладбище в Сент-Жене-вьев-де-Буа.

Миллер Евгений-Людвиг Карлович (25.9.1867–11.5.1939). Генерал-лейтенант. Окончил Николаевское кавалерийское училище и Николаевскую академию Генштаба. С 1898 военный агент в Брюсселе и Гааге, с 1901-го — в Риме. В 1912 г. — начальник штаба Московского ВО. С началом мобилизации на базе командования округа создано управление 5-й армии, начальником штаба которой он и был назначен. В апреле 1917 года арестован солдатами за то, что приказал чинам корпуса снять красные банты. С июня состоял в распоряжении начальника Генштаба, являясь представителем Ставки Верховного главнокомандующего при Итальянской главной квартире. После Октябрьской революции заочно приговорен к смертной казни.

13.1.1919 прибыл в Архангельск и стал генерал-губернатором Северной области, а в мае назначен адмиралом А.В. Колчаком

главнокомандующим войсками Северной области. В эмиграции принимал активное участие в деятельности РОВС. С апр. 1922 г. начальник штаба ген. Врангеля, с июня 1923 г. в распоряжении великого князя Николая Николаевича заведовал его денежными средствами). С 27.1.1930 председатель Русского общевойскового союза. 22.9.1937 похищен из Парижа советской разведкой. Расстрелян в Москве.

Миллер (урожденная Шилова) Наталья Николаевна (1870–1945). Жена генерала Миллера. Дочь генерал-адъютанта Шилова, фрейлина императрицы. В эмиграции с 1917 г. Умерла 10 мая 1945 г. Похоронена на Сент-Женевьев-де-Буа.

Народно-трудовой союз. Датой основания можно считать 1 июня 1930 г., когда в Белграде прошел 1-й съезд союзов русской национальной молодежи. Звездный час НТС настал во время Второй мировой войны. Известный лозунг председателя союза Байдалакова «Ни со Сталиным, ни с иноземными завоевателями, а со всем русским народом» стал символом Русского освободительного движения. Члены НТС стояли у истоков создания Русской освободительной армии генерала Власова. В 1991 г. НТС переехал в Россию. Существует до сих пор.

Николай Николаевич (1856–1929). Великий князь. В годы Первой мировой Войны — Верховный главнокомандующий Русской армией. Эмигрировал из России в 1919 г. Как старший по возрасту член дома Романовых, он рассматривался многими в качестве законного претендента на российский престол, хотя сам он никаких монархических претензий никогда не высказывал.

Общество галлиполийцев. Основано 22 ноября 1921 г. Объединяло чинов 1-го армейского корпуса и членов их семей, бывших в этом турецком лагере в 1920–1921 гг. Первым почетным председателем был генерал Кутепов. В общество входили: Союз Галлиполийцев во Франции, отделы в Венгрии, Бельгии, Болгарии, Югославии и Чехословакии и отделения в Люксембурге и США. В Белграде существовал «Издательский отдел Общества галлиполийцев». В Праге до Второй мировой войны ежемесячно издавался журнал «Информация юго-восточного отдела Общества галлиполийцев», отделом в США в 1950–1960-х гг. — журнал «Переключка».

Каждый галлиполиец имел право ношения специального знака, в уставе которого было написано: «Каждый галлиполиец еще при жизни имеет право ходатайствовать о передаче своего нагрудного знака одному из его детей по личному выбору, независимо от возраста и пола. Передача нагрудного знака должна происходить в торжественной обстановке, с

вручением соответствующего документа. Общество существует в США до сих пор. Возглавляет его атаман ВВД за рубежом Я.Л. Михеев.

Орехов Василий Васильевич — (1896–1990). Капитан. В Белом движении с 1917 г. Командир мортирной команды, бронепоезда, командир железнодорожной роты. В эмиграции в Болгарии, Франции, Бельгии. Работал слесарем на заводе «Рено». Чин РОВС с 1924 г. С 1929 г. бессменный главный редактор журнала «Часовой». Умер и похоронен в Брюсселе.

Пашкевич Яков Антонович. Полковник. В Добровольческой армии в Корниловском ударном полку. Участник 1-го Кубанского похода, начальник пулеметной команды полка. В начале 1919 г. начальник учебной команды Корниловского полка, с мая командир 2-го Корниловского полка. Награжден орденом Николая Чудотворца. Убит 15 июля 1920 г. в с. Большой Токмак в Северной Таврии.

Пешня Михаил Алексеевич (1885–1938). Генерал-майор. Окончил Виленское пехотное училище и в 1907 г. выпущен в 73-й пехотный Крымский полк. В 1910 г. окончил Главную гимнастическо-фехтовальную школу. В 1914 г. — поручик 257-го пехотного Евпаторийского полка. Командир роты и батальона в августе 1915 г. Награжден Георгиевским оружием. В августе 1916 г. произведен в капитаны, а 2 января 1917 г. — в подполковники. В июле 1917 г. за боевые отличия произведен в полковники и назначен командиром полка.

В Добровольческую армию прибыл летом 1918 г. В сентябре зачислен в Корниловский ударный полк. С октября командир 3-го батальона, а с декабря помощник командира полка, временно командовавший полком. С 29 сентября 1919 г. командующий Корниловским ударным полком, а с развертыванием полка в дивизию — командир 1-го Корниловского ударного полка. С 13 мая 1920 г. помощник начальника Корниловской ударной дивизии, 19 мая утвержден в этой должности. В ноябре награжден орденом Св. Николая Чудотворца и назначен начальником Марковской дивизии, но принял ее, уже свернутую в полк, лишь в Галлиполи.

В эмиграции сначала в Болгарии. В 1926 г. переехал во Францию, где вначале работал по контракту шахтером на севере, после чего устроился в Париже на завод по производству каучука. Одновременно успешно закончил Высшие военно-научные курсы генерала Головина; продолжал состоять командиром Марковского полка и возглавлял Объединения марковцев во Франции. Последние годы работал шофером такси в Париже. Скончался 4 декабря 1938 г. после тяжелой операции. Похоронен на кладбище Серван, неподалеку от Парижа.

Плевицкая (урожденная — Винникова) Надежда Васильевна (1884–1940). Певица. Закончила три класса церковно-приходской школы. В 14 лет отдана в монастырь в качестве прислужницы, ей предстояло пострижение в монахини. Но, будучи послана по делам в Курск, сбежала. Начала петь в хоре Лилкина, выступала в летних садах и кафешантанах, исполняла народные песни. Присутствовавший на одном из концертов Собинов пригласил ее участвовать в нем в благотворительном концерте. Ее оценили, и она стала выступать в самых престижных столичных концертных залах, гастролировала по стране, в Царском Селе, в Мариинском театре, пела в присутствии императорской фамилии. В годы Гражданской войны оказывалась то по одну, то по другую линию фронта. Вышла замуж за генерала Скоблина. Жила на Галлиполи, а потом вместе с новым мужем во Франции. После похищения генерала Миллера была арестована в сентябре 1937 г. В декабре 1938 г. суд присяжных департамента Сена приговорил ее к 20 годам каторжных работ. 21 сентября 1940 г. она умерла в каторжной тюрьме в городе Ренн.

Прянишников Борис Витальевич (1903–2002). Из потомственных дворян Области Войска Донского, казак станицы Новочеркасской. Летом 1918 г., поступил добровольцем в Партизанский пеший казачий полк, впоследствии переименованный в Алексеевский. Участник второго Кубанского похода, награжден Георгиевской медалью 4-й степени. В боях под Каховкой в начале августа 1920 г. был легко ранен, но остался в строю, за что по статуту был награжден Георгиевским крестом 4-й степени. В эмиграции в Турции, Болгарии, Франции, США. 12 июля 1922 года в числе 170 других юнкеров был произведен в первый офицерский чин. Один из первых членов Народно-трудового союза. Главный разоблачитель деятельности «Внутренней линии».

Пятницкий Николай Владимирович (1890–1963). Полковник. В Добровольческой армии — начальник штаба 34-й дивизии, штаб-офицер для поручений в Кавказской армии. В эмиграции проживал в Париже. Был администратором и одним из помощников генерала Головина на Высших военно-научных курсах, помощник генерала Туркула по созданию Российского национального союза участников войны. В конце Второй мировой войны участвовал в формировании РОА генерала Власова. Вернулся во Францию после Второй мировой войны, жил в Париже. Кончил жизнь самоубийством. Похоронен на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

Русский корпус — Летом 1941 г. по Югославии прокатилась волна убийств сербскими коммунистическими партизанами русских эмигрантов и

их семей. Генерал-майор Скородумов выступил с инициативой организации русской части для защиты эмигрантского населения. 12 сентября 1941 г. он отдал приказ о формировании Отдельного русского корпуса. Скородумов пытался добиться максимальной автономности корпуса от немецкого командования, что вызвало конфликт, и вскоре он был арестован гестапо. Формирование корпуса продолжилось под командованием генерала Штейфона.

В основном использовался для охраны югославской территории от коммунистических партизан Тито. В 1944 г. немцы приказали прикрывать их отход из Греции. В это время участвовал в боях не только с партизанами, но и с регулярными частями красной армии и ее румынскими и болгарскими союзниками. В феврале 1945 года Русский корпус был включен в состав Русской Освободительной армии генерала Власова.

Русский национальный Союз участников войны. Основан в 1936 году, после выхода из РОВС группы офицеров во главе с генералом Туркулом. Цель организации состояла в строительстве новой России, в которой все слои населения служат Божьей правде, нации, государству, обществу, своей семье. После смерти Туркула организация прекратила существование.

Русский общевоинский союз. Основан 1 сентября 1924 г. генералом Врангелем из чинов Русской армии и объединял на тот момент около 30 тысяч человек. РОВС делился на отделы, которые составляли организации, объединяющие кадры войсковых частей 1-го армейского корпуса. Кавалерийской, Донской и Кубанской дивизий... В 1993 г. Союз начал действовать на территории РФ. Возглавляет его сегодня капитан И.Б. Иванов.

Русская освободительная армия. В современной России больше известна под названием «власовская». Воинское подразделение, сформированное из советских военнопленных. В деятельности РОА участвовали и бывшие чины белых армий. 28 января 1945 г. Гитлер утвердил генерала Власова главнокомандующим РОА. В период с февраля по середину апреля 1945 г. отдельные части принимали участие в боях. В мае 1-я дивизия РОА пришла на помощь пражскому восстанию, освободив город от немцев.

Савинков Борис Викторович (1879–1925). Знаменитый эсеровский террорист, автор многочисленных воспоминаний. Окончил гимназию в Варшаве, учился в Санкт-Петербургском университете. Входил во Временное правительство, спровоцировал Корниловский мятеж. В эмиграции с 1920 г. Во время первого этапа операции «Трест» заманен на

территорию СССР, арестован сотрудниками ГПУ, осужден. Убит в тюрьме.

Скоблин Николай Владимирович (1894 —?). Генерал-майор. Из дворян Черниговской губернии. Офицер военного времени, выпускник Чугуевского военного училища. Прапорщик 126-го пехотного Виленского полка, в первый год войны уже кавалер Георгия IV степени и Георгиевского оружия. В 1917 году штабс-капитан Скоблин добровольно пришел в ударный отряд 8-й армии — впоследствии Корниловский ударный полк, где принял 2-й батальон. В Добровольческой армии — с первых ее дней. В октябре 1918 г. под Ставрополем принял постоянное командование Корниловским полком. Хорошо руководил полком в Донбассе, по собственной инициативе на базе запасного батальона развернул второй полк, затем начал формирование 3-го полка. Уже к середине сентября имелось налицо три полка корниловцев, но соединились они лишь в начале октября 1919 г.

Отличный командир, глубоко чувствовавший обстановку, Скоблин почти всегда принимал правильное решение. Под Орлом он предлагал командованию 5-го корпуса передать взятый корниловцами губернский город для обороны алексеевцам, а всю силу корниловцев — три полка — бросить на Ударную группу красных. Но командование на это не пошло, а посылка одного 2-го полка дела не решила, лишь привела к значительным потерям, а затем и к провалу наступления. Скоблин командовал дивизией до конца октября 1920 года, был ранен в Северной Таврии. В Галлиполийском лагере — командир Корниловского полка.

В эмиграции в Болгарии, Франции. В Русском общевоинском союзе возглавлял объединение чинов Корниловского ударного полка и «Внутреннюю линию». После похищения генерала Миллера исчез.

Слащев Яков Александрович (29.12.1885–10.01.1929). Генерал-лейтенант. Окончил Санкт-Петербургское реальное училище, Павловское военное училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Первой мировой войны: командир роты и батальона Лейб-Гвардии Финляндского полка, командир Лейб-Гвардии Московского полка. За время войны получил 5 ранений.

В Белом движении: формировал части Добровольческой армии по заданию генерала Алексеева в районе Минеральных Вод. Командир 1-й Кубанской пластунской пехотной бригады и начальник штаба 2-й Кубанской казачьей дивизии, командир 5-й пехотной дивизии, командир 3-го армейского корпуса, командир 2-го армейского корпуса. Как герой обороны Крыма, приказом генерала Врангеля получил право именоваться Слащев-Крымский. Впоследствии отстранен бароном от командования

корпусом и переведен в резерв. В эмиграции в Турции. Вернулся в Россию. Преподаватель курсов «Выстрел». Убит в своей квартире.

Солоневич Иван Лукьянович (1891–1953). Писатель, публицист. Окончил юридический факультет Петроградского университета. Во время Гражданской войны участвовал в Белом движении. В эмиграции издавал газету «Голос России» (София). Переехав в Германию в 1938 г., стал редактором газеты «Наша Россия», которая была закрыта властями в 1941 г. В 1930-е годы увлекался фашизмом, в котором увидел «правую» альтернативу западной демократии. На его разочарование в фашистской идеологии в решающей степени повлияло нападение Германии на Россию. После войны жил в Аргентине, издавал на русском языке монархическую газету «Наша страна».

Союз первопоходников — организация, объединявшая участников Ледяного похода в Париже. Входила в Русский общевоинский союз.

Союз национальных террористов. Боевая организация генерала Кутепова. В нее входили Захарченко-Шульц, Радкевич, Ларионов... Самые громкие акции — взрыв приемной ГПУ в Москве и взрыв партклуба в Ленинграде. После похищения Кутепова прекратила существование.

Третьяков Сергей Николаевич (1882–1944.) Предприниматель и политический деятель. Окончил физико-математический факультет Московского университета. Директор ряда крупных предприятий. Член ЦК партии прогрессистов с 1912 г. С марта 1917 г. — товарищ председателя Всероссийского союза торговли и промышленности и лидер Московского Торгпрома. В сентябре 1917 г. вошел в состав Временного правительства в качестве председателя Экономического совета. После захвата власти большевиками арестован вместе с другими членами Временного правительства и заключен в Петропавловскую крепость.

После освобождения в феврале 1918 г. эмигрировал в Финляндию и затем переехал на Юг России. Заместитель Милюкова в созданном осенью в Киеве Союзе государственного объединения России. В ноябре был участником Ясского совещания представителей антибольшевистских сил России и Антанты. Осенью 1919 г. через США перебрался на Дальний Восток и в ноябре вошел в Омское правительство в качестве министра торговли и правительства и заместителя председателя Совета министров. В январе 1920 г. эмигрировал и стал одним из организаторов созданного в Париже Торгово-промышленного и Финансового союза и заместителем его председателя. В 1929 г. был завербован советской разведкой. С помощью установленной специальной аппаратуры прослушивал и передавал в Москву всю информацию о деятельности РОВС. Разоблачен немцами в

августе 1942 года. Казнен в концлагере Ораниенбурга.

Трошин Григорий Захарович. Полковник. В Белом движении с 1918 г. Участник Ледяного похода в Корниловском ударном полку. В июне 1919 г. командир роты во 2-м Корниловском полку, в октябре 1920 г. командир батальона в том же полку до эвакуации Крыма. Награжден орденом Святого Николая Чудотворца. В Галлиполи в 5-й роте Корниловского полка. В эмиграции во Франции, в 1936 г. возглавил группу корниловцев во Франции. Полковник. Умер в 1971 г. в Нью-Йорке.

Туркул Антон Васильевич (1892–20.08.1957). Генерал-майор. Окончил реальное училище, ускоренный курс юнкерского училища (1914) и произведен в прапорщики. Участник Первой мировой войны: офицер в 75-м Севастопольском пехотном полку. Командир ударного батальона 19-й пехотной дивизии. Трижды ранен.

В Белом движении: в отряде полковника Дроздовского, участник похода Яссы — Ростов. Командир роты и батальона, 4 раза ранен. Командир 1-го офицерского Дроздовского полка, с сентября 1919 г. — командир 3-й Дроздовской стрелковой дивизии в Русской армии генерала Врангеля. Кавалер ордена Николая Чудотворца.

В эмиграции в Болгарии, Франции и Германии. Активный деятель Русского общевойскового союза. Возглавлял объединение чинов Дроздовского полка. В 1936 году вышел из РОВС и создал Русский национальный союз участников войны. Автор воспоминаний «Дроздовцы в огне», в соавторстве с И.С. Лукашем.

В 1945 году принимал участие в формировании частей «Русской освободительной армии» Власова в Австрии; командир Добровольческой бригады. После войны — председатель Комитета русских невозвращенцев. Умер в Мюнхене 20.08.1957. Похоронен 14.09.1957 на дроздовском участке кладбища Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем.

Фок Анатолий Владимирович (1879–1937) — генерал-майор. Окончил Константиновское артиллерийское училище. В 1913 г. — капитан; оставлен инструктором в Офицерской фехтовальной школе. В Первой мировой войне в составе артиллерийской бригады Гренадерской дивизии 2-го Кавказского армейского корпуса. В 1916 г. — Георгиевский кавалер и командир батареи.

В Добровольческую армию прибыл летом 1918 г. и был назначен рядовым в батарею. Вскоре стал командиром батареи. В начале октября был ранен, находясь на должности начальника артиллерии 1-й конной дивизии генерала Врангеля. В начале 1919 г. — генерал-майор и в мае того же года — начальник артиллерии армейской группы генерала Врангеля. В

1919 г. — инспектор артиллерии 1-го конного корпуса. В Галл и пол иском лагере — помощник генерала Кутепова, руководил Сергиевским артиллерийским училищем, а также спортивными занятиями и соревнованиями во всех частях 1-го армейского корпуса.

В эмиграции в Болгарии и Франции. Работал простым рабочим на заводе и одновременно окончил Зарубежные Высшие военно-научные курсы генерала Головина. В РОВС числился (в порядке сохранения кадров) командиром артиллерийской бригады 1-го армейского корпуса.

В 1936 г., преодолев многочисленные трудности, вступил добровольцем в армию генерала Франко, расценивая это как продолжение борьбы за «белую идею». Погиб вместе с другим русским офицером, капитаном Лопухиным, после упорной двухнедельной обороны пытаясь выйти из окружения.

Фосс Клавдий Александрович (1888–1991). Капитан. В Белом движении с 1918 г. Участник похода Яссы — Дон. Во ВСЮР в составе Дроздовской артиллерийской бригады. Один из организаторов «Внутренней линии». Во время Второй мировой войны был на территории СССР. По доносу НТС арестован и доставлен в Берлин. После положительной аттестации со стороны начальника разведслужбы Генштаба Болгарии и соответствующего ответа на запрос гестапо был освобожден. После войны проживал в Германии.

Харжевский Владимир Георгиевич (1892–1981). Генерал-майор. В 1914 г. — студент Горного института в Петербурге. Призван в армию как прапорщик запаса. Георгиевский кавалер. В 1917 г. — капитан на Румынском фронте. Вступил добровольцем в отряд полковника Дроздовского и совершил в его рядах поход из Ясс до Новочеркаска. Командир 2-го Дроздовского полка. В эмиграции в Болгарии, Чехословакии, Марокко. США. 19 мая 1967 г. назначен председателем Русского общевойскового союза, став последним из генералов Белого движения, возглавлявших РОВС. Похоронен в Ново-Дивеево. Завещал свой Галлиполийский крест П.Н. Буткову.

Шатилов Павел Николаевич (1881–1962). Генерал от кавалерии. Окончил Пажеский корпус и Николаевскую академию Генерального штаба (1908). Выпущен хорунжим в Лейб-гвардии Казачий Его Величества полк. С началом Русско-японской войны переведен по собственному желанию в 4-й Сибирский казачий полк. Ранен и награжден орденами Св. Станислава 4-й, 3-й и 2-й степени с мечами и Св. Анны 4-й, 3-й и 2-й степени. По Генеральному штабу служил в Кавказском военном округе. С ноября 1910 г. — в разведывательном отделе. 6 декабря 1915 г. — полковник. С 16 декабря

1916 г. — командир Черноморского казачьего полка во 2-й Кавказской казачьей дивизии. Георгиевский кавалер. Последняя должность в Кавказской армии в конце 1917 г. — генерал — квартирмейстер штаба армии. Генерал-майор.

В Добровольческой армии с конца 1918 г. Начальник 1-й конной дивизии в конном корпусе генерала Врангеля, а затем командир 4-го конного корпуса. Произведен генералом Деникиным в генерал-лейтенанты за успешные бои под Великокняжеской в мае 1919 г. С июня — начальник штаба Кавказской армии у командующего генерала Врангеля. С декабря 1919 г. — начальник штаба Добровольческой армии в период командования ею генералом Врангелем. В начале 1920 г. отчислен в распоряжение главнокомандующего. Приказом генерала Деникина от 8 февраля 1920 г. уволен от службы, покинул Россию и выехал в Константинополь. Секретным приказом главнокомандующего от 18 марта 1920 г. генерал Шатилов был вызван в Севастополь на заседание Военного совета, собранного для избрания преемника главнокомандующего ВСЮР генерала Деникина. После избрания генерала Врангеля главнокомандующим, 22 марта 1920 г. назначен помощником главнокомандующего. С 21 июня 1920 г. — начальник штаба Русской армии. За успешную эвакуацию из Крыма произведен в генералы от кавалерии. С 1922 г. по 1924 г. — в распоряжении главнокомандующего. С 1924 г. по 1934 г. — начальник 1-го отдела РОВС во Франции. После похищения генерала Миллера отошел от активной деятельности. Оставил обширные воспоминания, которые хранятся в Колумбийском университете (США), без права публикации до начала следующего века (пока так и не изданы). Скончался под Парижем 5 мая 1962 г. Похоронен на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа.

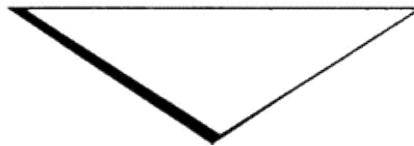
Шинкаренко Николай Всеволодович (1890–1968) — генерал-майор. Окончил Михайловское артиллерийское училище. В 1920 г. — командир отдельной конной бригады. После эвакуации из Крыма жил в Королевстве СХС, в Германии, а с конца 1920-х гг. во Франции. Занимался литературным трудом. Воевал добровольцем в войсках генерала Франко в Испании. После окончания гражданской войны в Испании постоянно проживал в Сан-Себастьяне.

Штейфон Борис Александрович (1881–30.04.1945). Генерал-майор вермахта. Окончил Чугуевское военное училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Русско-японской войны. Участник Первой мировой войны: в Кавказской армии, участник похода на Эрзрум; награжден Георгиевским оружием за разведоперации под Эрзрумом.

В Белом движении: начальник штаба 3-й пехотной дивизии; командир Белозерского полка; начальник штаба Полтавского отряда, с которым совершил легендарный Бредовский поход. Начальник Галлиполийского лагеря. В эмиграции: Болгария, Югославия, Франция, Германия. Работал в РОВС. Занимался публицистикой и литературой. Во Второй мировой войне командир Русского корпуса на Балканах. Застрелился 30.04.1945.

Эрдели Иван Георгиевич (15.10.1870–07.07.1939). Генерал от кавалерии. Окончил Николаевский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Первой мировой войны: начальник штаба 9-й армии, командир 14-й кавалерийской дивизии, командир 2-й гвардейской кавалерийской дивизии, командующий 11-й армией.

Участник мятежа Корнилова, арестован, заключен в Быховскую тюрьму. Бежал на Дон, где присоединился к Добровольческой армии. Командир конного полка в 1-м Кубанском Ледяном походе, представитель Добровольческой армии при Кубанском краевом правительстве. Командир Отдельной конной бригады, командир 1-й кавалерийской дивизии, командующий войсками Терско-Дагестанского края и Войсками Северного Кавказа. В эмиграции во Франции. Председатель комиссии по расследованию «Дела (предательства) Скоблина» в 1938 г. Умер в Париже в 1939 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

(документы)

Приказ № 1 генерала Врангеля. Сремски Корловцы. 1 сентября 1924 года

Продолжая заботы по объединению зарубежного офицерства Русской Армии, в прошлом году я предоставил возможность всем офицерским союзам войти в ее состав.

В настоящее время большинство существующих в странах Западной Европы офицерских союзов вошли в состав Русской Армии; исключение составили немногие же союзы, которые не сочли возможным отказаться от партийно-политической работы. Некоторое число офицеров не вошли ни в один из союзов, одни, проживая в государствах, где местная политическая обстановка исключает возможность этого, другие же по причине личного характера (нахождение семей в Советской России, обременение работой и т.д.).

Верю, что, когда Родине потребуются наши силы, все честные воины встанут в наши ряды.

В то же время, стремясь обеспечить моим соратникам лучший заработок, я предоставил возможность начальникам Галлиполий-ских и Лемносских групп на Балканах переселять в другие страны в полном составе, из других выделять отдельные группы. Связь переехавших с Балкан с начальниками и родными частями осталась неизменной.

Считая своим долгом в новых формах бытия Армии связать возможно теснее всех тех, кто числит себя в наших рядах, приказываю:

Образовать Русский Обще-Воинский Союз согласно прилагаемого при сем Временного приложения.

Включить в РОВС все офицерские общества и союзы, вошедшие в состав Русской Армии, все воинские части и войсковые группы, рассредоточенные в разных странах на работах, а также отдельные офицерские группы и отдельных воинов, не могущих по местным условиям войти в какие-либо офицерские общества или союзы, пожелавших числиться в составе Русской Армии.

Сохранить за офицерскими обществами и союзами, включенными в состав РОВС, их названия, самостоятельность во внутренней жизни и порядок внутреннего управления, установленные ныне действующими уставами.

Установить в войсковых группах порядок внутренней жизни и внутреннего управления в зависимости от местных условий и от состава этих групп — в группах исключительно офицерских — применительно к порядку, принятому в офицерских обществах и союзах, а в группах, в состав коих входят как офицеры, так и солдаты и казаки, — применительно к установленному в войсковых частях.

Председателям отделов Русского Обще-Воинского Союза выработать по этому предмету инструкцию.

Общее управление делами Русского Обще-Воинского Союза сосредоточить в моем Штабе.

Теперь же образовать нижеследующие отделения Русского Обще-Воинского Союза:

а) Первый — из офицерских обществ и союзов, воинских частей и войсковых групп, расположенных в Англии, Франции, Бельгии, Италии, Чехословакии, Дании и Финляндии.

б) Второй — из офицерских обществ и союзов, войсковых групп, расположенных в Германии и Королевстве Венгерском.

в) Третий — из офицерских обществ и союзов, воинских частей и войсковых групп, расположенных на территории Польши, Данцига, Литвы, Эстонии и Латвии.

г) Четвертый — из офицерских обществ и союзов, воинских частей и войсковых групп, расположенных в Королевстве СХС и в Греции,

д) Пятый — из офицерских обществ и союзов, воинских частей и войсковых групп, находящихся на территории Болгарии и Турции.

Предоставить председателям отделов Русского Обще-Воинского Союза образовывать при себе Совет из представителей Правлений офицерских обществ и союзов и представителей воинских частей, войсковых и отдельных офицерских групп, находящихся в пределах Отдела, применительно к положению о Совете Офицерских объединенных обществ в Королевстве СХС. Положение о таких Советах по разработке в соответствии с местными условиями и настоящим приказом предоставить мне не позднее 1-го ноября с. г.

Положение о Русском Обще-Воинском Союзе. Утверждено генералом

Врангелем 1 сентября 1924 года

Русский Обще-Воинский Союз образуется с целью объединить русских воинов, рассредоточенных в разных странах, укрепить духовную связь между ними и сохранить их как носителей лучших традиций и заветов старой Императорской Армии.

Задача РОВС заключается в поддержании среди членов его воинского рыцарского духа и воинской этики и в общем руководстве и согласовании деятельности в этом направлении обществ и союзов, вошедших в его состав воинских частей и отдельных групп, а также в содействии по оказанию материальной и моральной помощи своим членам.

РОВС состоит из воинских частей и групп, рассредоточенных в разных странах на работах, воинских обществ и союзов, вошедших в состав Русской Армии и отдельных воинов, не имеющих по тем или иным причинам возможности войти в состав тех или иных союзов, но пожелавших числиться в составе Русской Армии.

Русский Обще-Воинский Союз разделяется в территориальном отношении на Отделы. Во главе стоит Главнокомандующий Русской Армией. Во главе Отделов Русского Обще-Воинского Союза стоят их Председатели. Председатели Отделов назначаются Главнокомандующим Русской Армией и подчиняются ему непосредственно. Общее руководство Русским Обще-Воинским Союзом Главнокомандующий Русской Армией осуществляет через свой Штаб и Председателей Отделов.

В видах облегчения руководства и управления деятельностью воинских обществ и союзов, воинских частей и групп, входящих в состав Отдела РОВС и согласовывающих работы в пределах задач Председатели Отделов могут учреждать при себе Советы Отдела из представителей воинских обществ, союзов и групп.

Подробности организации Советов Отделов и круг их деятельности, в зависимости от местных условий, определяются инструкцией, составленной Председателями Отделов РОВС и утверждаемой Главнокомандующим Русской Армией.

Воинские общества и союзы, вошедшие в состав РОВС, сохраняют свои названия, самостоятельность внутренней жизни и порядок внутреннего Управления, установленные соответствующими уставами и положениями.

Воинские Союзы и Общества, имеющие свои отделы в разных странах и возглавляемые Центральными Правлениями, входят в состав

соответствующих Отделов РОВС, а Центральные правления их находятся в той стране, где живет Главнокомандующий или в стране по его назначению и получают все указания через Штаб Главнокомандующего или местного Председателя Отдела РОВС.

Воинские общества и союзы, еще не вошедшие в состав РОВС. и желающие вступить в него, заявляют об этом соответствующему по месту нахождения Председателю Отдела. Последние убедившись в том, что данным обществом или союзом выполняются соответствующие для него требования, включают его в состав РОВС.

Отдельные воины, не имеющие возможности по местным условиям вступить в состав какого-либо воинского общества или союза, о своем желании поступить в состав РОВС сообщают соответствующему по месту их жительства Председателю Отдела. Последний, по рассмотрении документов и по сбору соответствующих сведений, принимает меры по включению их в какое-либо воинское общество или союз, или числят их на особом учете.

Секретное предписание генерала Врангеля. 11 сентября 1924 года

Генералу от инфантерии Эку Генерал-лейтенанту Миллеру Генерал-лейтенанту Хольмсену Генерал-лейтенанту Абрамову Генерал-лейтенанту Махрову Генерал-лейтенанту Барбовичу Генерал-майору Зборовскому Генерал-майору фон-Лампе Полковнику Базаревичу Полковнику Флорову

Приказом моим от 1 сентября с. г. за № 35 образован «Русский Обще-Воинский Союз».

При существующей политической борьбе против Армии несомненно некоторые политические группы сделают все возможное, чтобы извратить значение этого приказа и отыскать какой-то тайный смысл в нем, дабы бороться против его осуществления.

Ввиду этого считаю нужным указать следующее:

Образование «Русского Обще-Воинского Союза» венчает упорную четырехлетнюю работу по объединению русского зарубежного офицерства с Русской Армией и, сохраняя ныне существующую организацию как офицерских союзов и обществ, так и войсковых частей Армии, приводит ее в стройную систему.

Вместе с сим — и это главное — образование «Русского Обще-Воинского Союза» подготавливает возможность на случай необходимости под давлением общей политической обстановки принять Русской Армии

новую форму бытия в виде воинских союзов, подчинениях Председателям Отделов «Русского Обще-Воинского Союза».

Это последнее соображение — дать возможность Армии продолжить свое существование при всякой политической обстановке в виде воинского союза — не могло быть приведено в приказе ввиду его секретности.

Никаких других целей образование «Русского Обще-Воинского Союза» не преследует, что Вам и надлежит иметь в виду в случае борьбы за проведение его в жизнь.

Отрывок из доклада об армии генерал-лейтенанта Е.К. Миллера на конференции Национального Союза в Париже 13 сентября 1924 года

Первым положением, вытекающим из взгляда на офицеров, состоящих в эмиграции, большинство которых влилось в те или другие офицерские союзы, явилась недопустимость для офицеров, считающих себя в составе Армии, состоять в политических партиях и принимать участие в их работе в качестве лиц, ответственных перед партийными руководителями; только то, что в политическом отношении объединяет почти все русское зарубежное офицерство — антибольшевизм и готовность следовать за Великим Князем Николаем Николаевичем, — должно составлять политическое кредо офицерства; все же, что может внести раздоры и споры в офицерскую среду, а именно принадлежность к той или иной политической группировке, на которые разбился не только антибольшевистский фронт, но, к сожалению, и монархический фронт эмиграции, все это должно быть изъято из офицерской среды и стать недоступным для офицерской массы.

Эта точка зрения Главнокомандующего, однако, не во всех военных, так или иначе приобщившихся к политической работе, встретила сочувственное внимание, и особенно остро она оспаривалась, как вам известно, политическими организациями с обоих флангов. Высший Монархический Совет, с одной стороны, и недавно созданное Республиканское Демократическое Объединение — с другой. Для Армии конечный результат этой контрверзы существенного значения, как выяснилось на этот год, иметь не будет; несколько сот офицеров предпочтут остаться в членах политических партий, и Главное Командование не будет считать их в составе Армии.

Но вред и опасность такого разного понимания основных положений — что может и чего не должен делать офицер, хотя бы и превращенный

временами в честного служащего или рабочего, если он все же хочет в свое время снова сделать свое офицерское дело, вред от этого заключается в том, что такое разное понимание внесло споры и смущение в широкие круги офицерства.

Однако авторитет Главнокомандующего и здесь сыграл свою роль, и в громадной массе офицеров, даже и не состоящих в рядах войсковых частей, доверяя Главнокомандующему, предпочитают идти по пути, им указанному.

Наглядным показателем, что в нынешних условиях бытия Армии она, Русская Армия с ее Главнокомандующим, является привлекающим центром для офицерства, лишь в силу неумолимых требований жизни покинувшего ряды Армии, с нетерпением ожидаемого дня, когда оно снова будет призвано нести офицерскую службу, являются факты, участившиеся в последнее время, когда офицеры, заброшенные судьбой в далекие заморские страны, где нет русских политических партийных организаций, инстинктивно сближаются между собой и оттуда пишут Главнокомандующему и просят считать их самих или их союз в составе Армии, просят давать им осведомление, не забывать их в нужную минуту. Недавно я получил подобное обращение от офицеров из Сан-Пауло в Бразилии.

Богатая вооружением, на своей собственной территории наша армия в 1917 году, после разрушения военной организации и военной дисциплины перестала быть армией, обратилась в толпу — зверя. Всем, кто поможет Главнокомандующему в неестественных, бесконечно трудных условиях сохранить в Русской Армии военную организацию и военную дисциплину, Главнокомандующий скажет горячее спасибо, а мы все, кто делили с ним работу и ответственность за Русскую Армию, отвесим низкий поклон.

Изменяется политическая обстановка, изменились условия жизни Армии, изменяются формы, в которые выливается временно организация нашей Русской, хотя и не вооруженной, но военной силы, но сама Армия остается той же и в силу закона притяжения масс, она ширится и развивается вовлечением в свою орбиту бывшего ранее разбросанного, а ныне постепенно организовываемого зарубежного русского офицерства. В исполнении этой задачи Главнокомандующий видит не свое право, не привилегию своего высокого звания, а свой долг и тяжелый крест.

Армия стоит на трех китах:

абсолютная непримиримость с советской властью;

безграничная жертвенность всех чинов ее ради спасения Родины;

горячая вера в высокое призвание Армии, верность национальному знамени, полное доверие к своему Главнокомандующему и радостное

нетерпение следовать по указанному им пути за Великим Князем Николаем Николаевичем.

***Циркуляр председателя РОВС А.П. Кутепова начальникам отделов
РОВС. Февраль 1929 года***

В ближайшее время можно ожидать, что ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО Великий Князь Кирилл Владимирович обратится к русским людям с новым призывом — следовать за Ним. Кругами, близкими к Великому Князю, ведется деятельная работа с целью подготовить для указанного обращения благоприятную почву. Работа эта, к сожалению, ведется и среди наших военных организаций.

Имею также сведения, что Высший Монархический Совет предполагает признать Великого Князя — ИМПЕРАТОРОМ.

Предположение это, как говорят, вызвало уже известное разложение в Монархической Партии и внесло среди членов ее даже раскол, причем отделилось будто бы все молодое, т.е. все наиболее активное.

Возможно, следовательно, что вперед обращения Великого Князя будет выпущено соответствующее обращение Высшего Монархического Совета.

Уверен, что Вы приложите все силы к тому, чтобы Русское Зарубежное Воинство осталось верно заветам в БОЗЕ почившего Верховного Главы, который неоднократно заявлял, что «мы не должны здесь, на чужбине, предрешать за русский народ коренных вопросов его государственного устройства».

Исходя из изложенного, прошу:

В случае появления указанных выше обращений незамедлительно донести мне о том впечатлении, которое они произведут на чинов Русского Обще-Воинского Союза.

Всех чинов Союза, признавших Великого Князя Кирилла Владимировича — ИМПЕРАТОРОМ, немедленно исключать из РОВС властью соответствующих начальников.

В случае признания Высшим Монархическим Советом Великого Князя Кирилла Владимировича — ИМПЕРАТОРОМ предложить всем чинам Союза, кои по данным им особым разрешениям остаются в Союзе, принимали участие и в работе Монархической Партии, немедленно уйти из последней. При отказе — исключать их из Союза на общем основании, как перешедших в «политическую организацию».

Отрывок из воспоминаний капитана Ларионова

«Боевая вылазка в СССР» о взрыве ленинградского Центрального партклуба в июне 1927 года

Было восемь часов и три четверти. Белый вечер, сырой и теплый, висел над «Ленинградом». Звонки трамваев, шарканье человеческих гусениц по панелям, стук собственного сердца — частый и тревожный — вот все, что воспринимало сознание. И еще одно воспринимало ясно и четко, что у подъезда Партклуба стоит милиционер, что ворота в проходной двор в соседнем доме заперты на солидный висячий замок, и остается единственный путь бегства — на Кирпичный переулок.

Прошли перед «мильтоном». Он скосил на нас глаза и отвернулся. Выглянули на него из-за угла Кирпичного. О счастье! «Мильтон» неторопливым шагом побрел к Гороховой. Путь, значит — свободен!

Тяжелая почти до потолка дубовая дверь. Как сейчас помню медную граненую ручку. Кругом роскошь дворца. Нет ни страха, ни отчаяния, ни замирания сердца. Впечатление такое, точно я на обыкновенной, спокойной, неторопливой работе.

Дверь распахнута. Я одну-две секунды стою на пороге и осматриваю зал. Десятка три голов на звук отворяемой двери повернулись в мою сторону. Бородка тов. Ширвиндта а-ля Троцкий склонилась над бумагами. Столик президиума посреди комнаты. Вдоль стен — ряды лиц, слившихся в одно чудовище со многими глазами. На стене «Ильич» и прочие «великие», шкафы с книгами.

Я говорю моим друзьям одно слово: «можно» — и сжимаю тонкостенный баллон в руке.

Распахиваю двери для отступления. Сергей размахивается и отскакивает за угол. Я отскакиваю вслед за ним. Бомба пропищала и замолчала.

Еще секунда тишины, и вдруг страшный нечеловеческий крик: «А а а а Бомба...»

Я, как автомат, кинул баллон и побежал вниз по лестнице. На площадке мне ударило по ушам, по спине, по затылку звоном тысячи разбитых одним ударом стекол: это Дима метнул свою гранату.

Сбегаю по лестнице.

По всему дому несутся дикие крики, шуршание бегущих ног и писк, такой писк — как если бы тысячи крыс и мышей попали под гигантский пресс.

Я ерошу волосы на голове — для выскакивания на улицу в качестве пострадавшего коммуниста, кепка смята и положена в карман, пальто, плащ бросаю в клубе. Секунда... вторая... третья...

Звон разбитого стекла... и струйки зеленого дымка поднимаются выше и выше — это смерть.

Письмо А.А. фон Лампе Е.К. Миллеру. 26 октября 1933 года

Основываясь на постоянных и определенных указаниях Ваших и Ваших предшественников по возглавлению РОВСоюза, а также и Вашем полном одобрении тому, что после переворота 30 января с.г. в Германии я и мои друзья предложили наше содействие в борьбе против коммунистов германской власти, я в последнее время вошел в частные переговоры с представителем соответствующего учреждения Германской Национал-Социалистической партии по вопросу о совместных действиях против большевиков.

В данный момент они выразили настоятельное желание получить от нас по возможности разработанный план тех действий, которые мы предполагали бы желательным осуществить совместно с германскими национал-социалистами в направлении к уничтожению большевистской власти в России, как в направлении усиления при помощи немцев внутренней работы в России по всем направлениям, пока при сохранении полной тайны наших взаимоотношений с немцами, а потом и возможной интервенционной деятельности в широком масштабе уже даст Бог не в такой тайне. Думаю, что последнее будет возможно, так как взаимоотношения между Германским правительством и властью большевиков в СССР едва ли долго смогут продолжаться в том виде, в каком они находятся сейчас. Я лично не сомневаюсь, что инициатива грядущего разрыва будет принадлежать большевикам, которые своей агитации и происков в толще немецких коммунистов оставить просто не могут.

С переходом переговоров в следующую, так сказать в официальную, стадию все лица, принимающие в них участие, как нами о том было оговорено, получают гарантии в том, что с ними не может повториться недоразумение, подобное тому, которое привело к моему аресту. Это совершенно необходимо, так как хотя мы, конечно, и примем все меры, дабы сведения о переговорах не просочились в эмигрантскую массу — все же вполне гарантировать от слухов мы не сможем. А каждый слух приведет

к появлению против каждого из лиц, причастных к переговорам, такого количества доносов и клеветы со стороны большевиков, что вся масса доносов против меня покажется игрушкой.

Резюмируя все — я хочу подчеркнуть, что пока дальше частных переговоров дело не шло и я не находил и не нахожу возможным до полной ликвидации моего «дела» переводить их на официальный путь. Мне пока неясно, в какой степени руководящие круги партии заинтересованы в этом вопросе, но, повторяю, я считаю совместную работу между нами и национал-социалистами настолько естественной, что охотно пошел на переговоры, но конечно же не считал возможным в вопросе о возможном плане действий говорить только от себя, так как в этом случае моя ориентировка и мое личное мнение может разойтись с Вашими мыслями и решениями. Получить эти последние в той или иной форме направленными непосредственно ко мне я и хочу.

Е.К. Миллер «Почему мы непримиримы», 1930-е годы

За других отвечать не могу, но я знаю, почему я непримирим по отношению к большевикам, захватившим власть над русским народом и над Российским государством, и почему мы — русские эмигранты — должны быть непримиримы.

Я не могу примириться с существующим положением в России потому, что в доме моих родителей с детских лет я был воспитан как верующий христианин, в правилах уважения к человеческой личности, безразлично, был ли человек в социальном отношении выше или ниже; чувство справедливости во взаимоотношениях с людьми, явное понимание различия между Добром и Злом, искренностью и обманом, правдой и ложью, человеколюбием и звериной жестокостью, — вот те основы, которые внушались мне с детства.

Кадетский корпус, Кавалерийское училище и полк, в котором я имел честь и счастье служить, заострили во мне чувство любви к Родине, чувство долга перед Россией и преданности ее Государю как носителю верховной державной власти, воплощающему в себе высший идеал служения России на благо русского народа.

Детство мое протекало под непосредственными отзвуками великих реформ Царя-Освободителя: освобождение 40 миллионов крестьян от крепостной зависимости одним росчерком пера русского Самодержца, когда в то же самое время в просвещенных и демократических

Североамериканских Соединенных Штатах освобождение негров от рабства потребовало четырехлетней кровопролитной гражданской войны; суд скорый, правый, милостивый и независимый, подобного которому, как мы теперь увидели воочию, не знают культурнейшие страны Европы и Америки; Земская реформа, обновившая всесторонне жизнь в провинции на необъятных пространствах Российского государства и давшая такое самоуправление, которого тоже не знают цивилизованные критики русских порядков; и, наконец, жертвенный порыв, объединивший в одном стремлении сердце Государя, политику правительства и настроение народных масс для освобождения единоверных братьев славян — сербов, болгар, черногорцев — от векового жестокого турецкого ига, — вот те крупнейшие события из государственной жизни России, которые, воспринятые в детском возрасте, оставили во мне след на всю жизнь.

Юношей и молодым человеком я видел Россию в царствование императора Александра III, Царя-Миротворца, перед властным словом которого смолкали все интриги и враждебные выступления других правительств. Мир, нужный России и русскому народу для устроения своей жизни, для развития промышленности, путей сообщения, народного образования, для укрепления государственных финансов, для улучшения быта деревни, ни разу не нарушался в Его царствование.

Зрелым человеком я радовался исключительным успехам России во всех областях государственной и народной жизни в Царствование Императора Николая II, жестоко оклеветанного Русскими же людьми Царя-Мученика.

Устройство крестьянского земледелия, широко открывшее пути к быстрому росту благосостояния 120-миллионной крестьянской массы; колонизация Сибири и Средней Азии в никогда и нигде не виданных размерах; «американский» рост промышленности; внутренней и внешней торговли; переход ко всеобщему обязательному обучению с учреждением ежегодно по 10 тыс. новых народных школ и учреждение многочисленных и самых разнообразных школ для среднего, профессионального и высшего образования, достоинство которого мы особенно оценили, и не мы одни, в тяжкие годы изгнания; усиление военной мощи России и укрепление ее финансового положения; расцвет русских искусств и литературы, победивших весь мир, и, наконец, завершение реформ своего державного Деда привлечением представителей населения к законодательной деятельности — вот краткий перечень главнейших достижений за 20 лет царствования Николая II, вызвавших в 1912 году два грозных предостережения со стороны германских наблюдателей роста России:

«Если Россия будет невозбранно продолжать так развиваться дальше, то через 10 лет, благодаря своим неисчислимым и самым разнообразным естественным богатствам она станет экономически независимой от всего мира и потому будет в состоянии диктовать мировые цены»; другими словами — «завоюет себе мировую экономическую гегемонию».

И другое, обращенное к германскому правительству:

«ежели война с Россией входит в виды Германии, то ее нельзя откладывать дольше, чем на два года».

Война разразилась в 1914 году, и после тяжких испытаний русская армия к весне 1917 года стояла во всеоружии, готовая одним мощным ударом завершить войну блестящей победой над истомленным врагом. Но вскормленные завистниками и традиционными врагами России революционеры и купленные Германией большевики не дали осуществиться блестящему апофеозу и сокрушили все, все повергли в прах, все, что веками создавалось усилиями лучших русских людей под руководством Российских императоров, все ныне уничтожено. Не «одного из малых сих», а весь русский рабочий и деревенский люд большевики соблазнили громкими обманными словами «рабоче-крестьянская власть», во славу которой зверски убили Царя-Мученика и всю Его Семью; «Вся земля — крестьянам» и т.д., играя на самых низменных инстинктах человеческой природы; мало того, они делают все, чтобы вынуть душу из русского народа и, разорив его материально дотла, до голодной смерти и людоедства, довели его в моральном отношении до полного одичания, когда человек человеку стал волком.

В России нельзя встретить улыбающегося лица, в России говорят только шепотом, в России вы не услышите смеха, — вот что говорят нам не подкупленные большевиками иностранцы-свидетели.

Православная вера, родина, семья — вот те три устоя, на которых русский народ строил свою жизнь, свое государство. И им советская власть, олицетворенная коммунистами, объявила беспощадную войну. В моей душе сейчас живут три чувства — безграничная ненависть к большевикам, правящим Россией, надежда, что мне придется участвовать в свержении их власти и вера в грядущее возрождение России.

Я не могу примириться с большевиками ни как с людьми, коммунистами, ни как с государственной властью в России, потому что нет ни одного вопроса морального, политического или экономического характера, как во взаимоотношениях людей между собой, так и в отношениях правительственной власти к населению и обратно, по которым взгляды, проводимые советской властью в жизнь, не стояли бы в полном

противоречии с тем, чем жила Россия в течение веков и что привело ее к величию, славе и благосостоянию.

Вот почему я непримирим к советской власти. По этой же причине я считаю, что всякий русский эмигрант должен быть непримирим к ней. Если же он ищет компромисса с ней, приспособляется к ней, то он не может называть себя русским эмигрантом: это звание в самом себе таит молчаливый обет бороться с советской властью. В противном случае эмигрант обращается в беженца, убежавшего из России лишь для спасения своей жизни.

В двух словах отвечу и на второй вопрос: «Что нужно Русской эмиграции для победы над коммунизмом?» Мировой коммунизм питается и руководится из Москвы, поэтому победа над коммунизмом возможна только как последствие победы над красной Москвой, над коммунистическим штабом в Москве.

Для всякой победы нужно устремление к одной цели максимум усилий. Для победы над советской властью русской эмиграции, такой, как я ее выше определил, необходимо сознание, что ни один эмигрант не имеет права что бы то ни было делать или говорить, что могло бы послужить на пользу большевикам или во вред другому эмигранту, т. е. тому, кто так или иначе борется с большевиками, и ни один эмигрант не имеет права не сделать того, что в его возможностях и что может так или иначе нанести ущерб коммунизму.

С этой мыслью нужно утром вставать и вечером ложиться спать, с этой точки зрения нужно расценивать каждый свой шаг, каждое свое слово, принося в жертву главному и единственно важному все личное, второстепенное, партийное.

Никогда не делать того, что может порадовать общего врага. Все усилия против коммунизма, коммунистов и против коммунистической власти в Москве. Дисциплина и самоограничения ведут к победе.

Приказ председателя РОВС А.П. Архангельского. Апрель 1938 года

Организацию и посещение занятий по изучению политических и социальных вопросов нельзя смешивать с политической деятельностью и работой в составе политических организаций и партий.

Долгий опыт убедил нас в мудрости нашего Главнокомандующего Генерала Врангеля, воспретившего приказом 1923 года №82, вхождение чинов Русского Обще-Воинского Союза в состав политических партий и

обществ.

Этот приказ, по примеру своего предшественника Генерала Абрамова, подтверждаю к твердому и неуклонному исполнению, руководствуясь своевременно изданными дополнениями и разъяснениями.

Каждый член РОВС может и должен выбрать между организацией воинской — Русским Обще-Воинским Союзом и организациями политическими, в зависимости от того, где он считает для себя более соответственным и более полезным для дела работы на Россию приложить свои силы.

Уход таких лиц из Русского Обще-Воинского Союза для работы в организациях политических (кроме, разумеется, пробольшевистских) не может считаться изменой нашему делу, а исключение коих из организаций Русского Обще-Воинского Союза вследствие состояния их в политических организациях и партиях — наказанием их за желание работать на политическом поприще.

Эти лица могут всегда возвратиться в ряды Русского Обще-Воинского Союза по представлению своих соответствующих начальников и представителей обществ и организаций, если, конечно, за время состояния вне Русского Обще-Воинского Союза, они ничем себя не запятнали в смысле нарушения офицерской этики.

И.А. Ильин «Что такое Русский Обще-Воинский Союз»

(статья из цикла «Наши задачи», написанная к 25-летию РОВС)

Двадцать пять лет тому назад, — 1 сентября 1924 года, — последний Главнокомандующий Русской Армией, Петр Николаевич Врангель, преобразовал кадры ее в некое новое и небывалое еще в русской истории, воинское братство, наименованное им «Русским Обще-Воинским Союзом». С тех пор прошло четверть века. Это было трудное время, бурное, соблазнительное и для многих мучительное: эпоха политических и военных крушений.

Сокрушалось все, что изменяло чести, верности и духовной свободе. Русский Обще-Воинский Союз, положивший в основу своего бытия именно эти начала, пережил эту эпоху и понес свое русское национальное знамя вперед. Да сохранит его ГОСПОДЬ и впредь, по последней предсмертной молитве его Главнокомандующего: «БОЖЕ, Спаси Армию!»

Пишущему эти строки пришлось недавно услышать вопрос о том, что такое Русский Обще-Воинский Союз, и не есть ли он политическая партия?

— Ответ, данный им по его личному разумению, он ныне предлагает на всеобщее обсуждение. Русский Обще-Воинский Союз никогда не был политической партией и, если он когда-нибудь превратится в таковую, то он изменит своему основному существу.

Политическая партия делит свой народ на своих и чужих и ищет успеха именно своим; примеров тому было у нас достаточно перед глазами. Она отправляется не от Целого и думает не о Целом, а представляет интересы только одной части народа (все равно — класса, сословия, профессионального союза или церкви). Этот партийный интерес она стремится выдать за всенародный и тем навязать его всему народу; и для этого она добивается власти. Для приобретения власти она ведет агитацию, раздает обещания, восхваляет себя, старается захватить так называемые общественные высоты (редакции, банки, влиятельные должности и т.д.), вносит пристрастный дух партийности во всю культуру, извращает все критерии жизни, интригует, пачкает других и обычно неумолимо лжет везде в свою пользу.

Всем этим РОВС никогда не занимался и таких целей себе никогда не ставил. Он искал не власти, а служения; отстаивал не партийное дело, а национально-государственное; объединял, а не разделял; жертвовал, а не приобретал. Он носил в себе дух национальной, патриотической армии, а не частного сообщества граждан, организовавшихся для легального, а по теперешнему времени, может быть и полуполигального или даже и вовсе нелегального захвата власти. Этому духу РОВС доселе и оставался верен.

Ныне он не есть армия, ибо силою вещей законная русская власть исчезла и у этой бывшей славной армии нет ни верховной власти, ни территории, ни оружия, ни настоящей воинско-армейской организации. Но он есть кадр русской армии, орденом спаянный национально-патриотическим единомыслием, единочувствием и единоволением. И к этому воинскому кадру и духу примыкает в таком же порядке единочувствия, единомыслия и единоволения кадр непартийных политических деятелей, не служивших в армии, но верных России, духу Целого и белой борьбе за родину. И примыкать к этим двум кадрам, думается мне, надлежит всякому, кто помышляет о спасении России, а не о партийном делении ее народа и не о партийном захвате власти. Этот дух надо сохранить и передать русскому народу во что бы то ни стало.

«Но не означает ли это», был задан вопрос, «что члены РОВС обречены на государственное безмыслие и на отсутствие всякой политической программы?»

Ответ был: «Наоборот, государственное безмыслие начинается именно

там, где люди предоставляют своим главарям думать за них, а сами повторяют чужие выдумки. Этого никогда не было среди членов РОВС. С самого основания Добровольческой Армии люди шли в нее по собственной инициативе, сами думали, сами решали, свободно подчинялись и не считались со своим чином, шли нередко рядовыми бойцами и за совесть боролись. С тех пор в Союзе культивировалась всегда организационная субординация и духовно-политическая индивидуализация. Какое же тут безмыслие?

Что же касается программы, то за эти долгие годы мы видели много программ. Все они были беспочвенны, ибо составлялись заочно, в отдалении от России, на глазок, без подлинного знания о тех процессах, которые совершаются в России; все они устаревали через несколько месяцев после своего изобретения; все они имели доктринерский характер и ограничивались заимствованиями у Западной Европы. Это удовлетворяло только близоруких и наивных людей, думающих по бумажке и боящихся куда-то опоздать.

Нам надо думать самостоятельно и готовить в душе новую Россию.

Идеологические положения Народно-Трудового Союза

Понимая Россию не только как определенное территориальное государственное целое, но и как совокупность национально-самобытных идей, культурных и бытовых ценностей; служение России — как осуществление, охранение и развитие этих идей и ценностей; государство — как сложный живой организм, в котором гармонически связаны интересы частные с интересами общими, — мы считаем, что государственное устройство России должно быть построено на началах русского национализма, твердой законности, частной собственности и свободы личного творчества, освященных религиозно-моральным миропониманием и общегосударственными интересами.

Возрождение Великой России должно протекать в твердом согласовании с преемственностью исторического развития России, с ясным учетом как достоинств и заслуг, так и ошибок и недостатков прошлого, равно как и фактов настоящего, однако, без преклонения перед последними.

Исходя из этого, мы считаем необходимым:

Установление твердой центральной власти, стоящей над партиями и классами, черпающей свою силу в идее служения России и проникнутой

сознанием своей ответственности перед Россией.

Установление личных свобод, равенства всех перед законом и отсутствие классовых и сословных привилегий, как основных условий личного и общественного прогресса и создания духовных и материальных ценностей.

Проведение во внешней политике здорового национального эгоизма; в отношении Славянства продолжение традиционной политики России, направленной к возможно более тесному культурно-политическому единению славян.

Признание за народностями, входящими в Россию, права на национально-культурную самостоятельность.

Разрешение земельного вопроса путем создания крепкого мелкого землевладельца-собственника, как основного общественно-хозяйственного фактора, с соблюдением общегосударственных интересов.

Установление свободы экономических отношений, могущей быть ограниченной лишь в интересах государства; в частности в области взаимоотношений труда и капитала — ведение государством активной политики, направленной к регламентации этих отношений и охране экономически слабых слоев населения.

июнь 1930 года.

Народно-Трудовой Союз.

Общедоступные боевые задачи.

Апрель 1933 года

Борьба с большевиками, ведомая центром, в силу наших условий, должна вестись в формах конспирации, тщательно укрываемой от врагов, закрытой и для друзей, непосредственно в ней участия не принимающих.

Закрытая работа — удел немногих. Остальные, однако, не должны пребывать только в ожидании и успокоительном сознании, что все обстоит благополучно, что дело делается и без них. Потому-то эмиграция и живет так беспечно, рассчитывая на то, что где-то рыцари чести ведут за нее борьбу.

Борьба же только тогда может быть успешной, когда мы на нее устремили все наши силы.

Конспирация, организуемая центром — лишь для немногих. Но есть много других способов вредить врагу, есть целый ряд определенных действий, которые может принять борец-одиночка на свой страх и риск. Возможна полезная и плодотворная работа и небольшими, ни с чем не связанными группами.

Исполнительное Бюро предлагает каждому члену Союза и призывает каждого сочувствующего нам, а тем более целым группам, напрячь все силы в этом направлении.

Ищите сами способов одиночной и групповой борьбы. В местах, где члены Союза встречаются с советскими гражданами, каждый член Союза может и должен вести пропаганду наших идей и агитацию. Пусть на каждом шагу нас ждет провокация. Она не страшна, особенно для бойца-одиночки.

Пусть из десятков случаев хотя бы один будет удачным и даст возможность иметь в тылу врага своего единомышленника, соратника, распространителя идей Союза и даже его литературы. Каждый минимальный успех есть шаг вперед и помощь главному действию.

Не ждите в расслабляющем успокоении, что все делается без Вас. Время не терпит. И без того его упущено слишком много. Мы должны напрячь все свои силы.

Присоединим к организованным усилиям и партизанскую борьбу бойцов-одиночек. Ищите способы воздействия на врага с тыла, в лоб, изыскивайте способы переброски туда наших идей и нашей литературы.

В БОРЬБЕ С БОЛЬШЕВИКАМИ — ЦЕЛЬ ОПРАВДЫВАЕТ СРЕДСТВА!

Народно-Трудовой Союз. Обращение к новому поколению России

Предатели большевики, залившие Россию кровью, обманывают вас, обещая победу коммунизма во всем мире. Они нагло лгут. Гитлер уничтожил коммунистов в Германии. Скоро их уничтожат повсюду, где они есть.

Перевороты всегда подготавливались и делались молодежью. Она всегда идет впереди. Молодые русские должны взять судьбу страны в свои руки.

Нельзя создавать больших организаций — они всегда проваливаются. Несколько верных людей могут делать чудеса. Семь студентов когда-то присудили смерть царю Александру II, и они убили его. Десять лет назад

Гитлер с шестью еще товарищами начал свою работу, а сейчас завоевал всю Германию. Ленин с двадцатью человеками приехал в 1917 году в plombированном вагоне и через полгода захватил всю Россию.

Бесполезно убивать за тысячу верст от Москвы мелкого партийца или жечь стога сена в колхозе. БИТЬ НАДО ПО ЦЕНТРУ, ПО КРАСНОЙ ГОЛОВКЕ.

Русская молодежь в эмиграции тоже понимает свой долг перед Россией и борется, как только может.

Подымайтесь и начинайте и вы. Мы с вами. Лишь общими усилиями мы сбросим красных бандитов, вернем свободу, спасем страну и народ.

ПОМНИТЕ, ЧТО МОЛОДЕЖЬ ОТВЕЧАЕТ СЕЙЧАС ЗА РОССИЮ, ЧТО ГИБНУТ ТРУСЫ, А ХРАБРЫЕ ПОБЕЖДАЮТ.

июль 1933 года.

Из протоколов допросов лидера НТС М.А. Георгиевского

НТС возник в 1927 году (примерно), точное время возникновения этого Союза мне не известно. Вначале он назывался Союзом Национальной Молодежи или, как их в шутку называли среди эмиграции, «нац. мальчики» и входил в состав РОВСа. С момента его возникновения он возглавлялся Байдалаковым Виктором Михайловичем, бывшим корнетом Изюмского кавалерийского полка, окончившим в Белграде университет по сельскохозяйственному факультету. Получив диплом инженера-химика, он работал на сельскохозяйственной опытной станции около Белграда. В 1929 году в гостях у бывшего петербургского прокурора и сенатора Трегубова, с которым я был знаком, я встретился с Байдалаковым, инженером Зинкевичем и другими. В беседе они рассказали, что при РОВСе имеется СНМ и они являются его руководителями и изучают у сенатора Трегубова сыскное дело. Считая РОВС организацией реакционной и методы борьбы РОВСа при Советской власти непригодными, я считал, что восстановить старую Россию невозможно, а потому поставил вопрос о создании новой организации, которая бы вела против Советской власти иную, идеологическую борьбу, за создание другого государства на иной социальной основе. Я считал, что в России должна быть восстановлена не монархия, не старые социальные отношения, а новое государство, основанное на социальной справедливости.

Встречаясь с Байдалаковым и другими руководителями СНМ и ведя с

ними беседы на эту тему, я захватил их своими идеями борьбы с марксизмом, идеями идеологической борьбы с Советской властью и созданием в России нового государства. Они стали подводить мою идею под отделение СНМ от РОВСа. Для этого в 1930 году в Белграде было созвано собрание членов СНМ с участием руководителей отделов РОВСа. На собрании по моей инициативе обсуждался вопрос об ограничении возрастного состава членов Союза — не старше 34-х лет.

Программа была принята Советом Союза в 1935 году в Белграде. Целью НТС была борьба против Советской власти. В программе предлагались задачи — создание нового государства в России путем национальной революции, которое должно было разрешить социальные проблемы без коммунизма. Принципом социальной реформы провозглашалась «социальная справедливость». Рабочий вопрос предполагалось разрешить путем установления норм рабочего времени и производительности труда, страхования и т.д. Земельный вопрос должен был быть разрешен путем введения частной собственности на землю в ограниченных размерах, наделением землей только трудящихся, оставления созданных Советской властью машинно-тракторных станций. Крупный капитал должен был ограничиваться, находясь под контролем. Пути сообщения, недра земли, предприятия оборонной промышленности и другие имеющие государственное значение должны находиться в собственности государства. Определенной формы политического строя государства выработано не было, мыслилось, что политическую форму управления выработает народ на основе официальных изменений, которые были предусмотрены программой НТС.

В 1936 году, я как идеолог НТС, выдвинул в противовес теории марксизма идею солидаризма, которая целиком относится к вопросу взаимоотношения людей в капиталистическом обществе. В национальном вопросе мы стояли на точке зрения сохранения автономии народов России и отрицания роли права на самоопределение вплоть до отделения.

Считалось, что членом НТС мог быть только человек, проникший мировоззрением Союза. Поэтому прежде чем вступить в НТС, каждый обязан был пройти курс специального обучения и изучить следующие предметы:

1. Ошибки и пороки эмиграции.
2. Старая Россия (основное положение предмета — старая Россия вызвала революцию).

Добровольчество. Курс рассматривал белое движение как безыдейное, имевшее целью только подавить революцию.

4. Земельный вопрос в России.
5. Рабочий вопрос.
6. История социальных движений.
7. Учение о государстве.
8. Солидаризм.
9. Устройство Советского государства.
10. Советское законодательство.
11. Курс умения говорить (теория и практика журналистики).
12. Партийные подразделения эмиграции.
13. Краткий курс истории ВКП(б).

1 ноября 1944 года.

Русский Национальный Союз Участников Войны

Мы сейчас присутствуем при огромном сдвиге в настроениях многих (к сожалению, не всех) национальных организаций, прежде слишком замкнуто работавших в своей среде, работавших весьма напряженно и жертвенно, урывая много времени от заслуженного, после тяжелого физического труда, отдыха.

Ныне все яснее и отчетливее обозначается стремление к координации действий между родственными по духу организациями, к постепенному созданию Российского Национального Единого Фронта, с общими лозунгами, задачами и идеологией.

Наша газета «Сигнал» немало способствовала созданию таких настроений и неустанно твердила о необходимости такого сближения и взаимной солидарности. В первом же номере нашей газеты, от 20 февраля 1937 г., в передовой статье мы читаем: «Учитывая нарождение Нового международного антикоммунистического фронта от Тихого океана, через Италию до Балтийского моря, к которому, мы верим, примкнут и другие страны, мы открыто заявляем о нашей готовности идти со всеми честными людьми всего мира, ставшими на правильный путь решительной борьбы с мировым коммунизмом».

Поэтому — наш лозунг: «Всех, кто против коммунизма и поработителей нашего Отечества, но не против России, мы зовем на путь национально-освободительной борьбы и помощи ей».

А во 2-м номере от 6 марта 1937 г. мы уже видим непосредственное обращение к национальным организациям: «ОБЪЕДИНЯЙТЕСЬ В

ЕДИНЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ФРОНТ!»

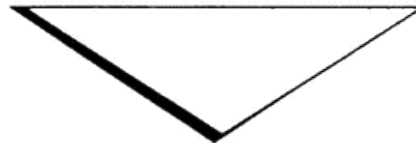
Но этого мало. Главная масса национально мыслящих русских людей в эмиграции совершенно инертна и дальше «сочувствия» не идет. Поэтому мы и обращаемся к ней и зовем: все честные русские люди, особенно же офицеры и солдаты, пополняйте ряды создающегося Единого Российского Национального Фронта, входите членами в национальные организации, которые ближе вам по духу, усиливайте их удельный вес.

Только смерть может избавить офицера от долга перед Родиной. Время не терпит. Сроки близятся.

Национальная эмиграция должна сплотиться, должна быть организована, должна заставить считаться с собой. Идите все, и стар, и млад. Освобожденной России будут нужны все интеллектуальные силы национальной эмиграции, независимо от возраста. Смешно, наивно и даже преступно поэтому какое-то деление на «отцов и детей».

Вспомните 1914 год! Неужели же теперь, когда дело идет только о подготовке к освобождению нашей многострадальной Матери-России от кровавого ярма, больше 20 лет терзающего русский народ и уничтожившего свыше 50 миллионов людей, мы не можем рассчитывать на еще больший подъем?

Полковник Зеленецкий. 15 июня 1938 года.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Агапов А. Дневники Йозефа Геббельса. М., 2004.
- Арутюнов А. Ленин без ретуши. М.: Вече, 2002.
- Белая лира. Смоленск, 2006.
- Белое дело. Генерал Корнилов. М.: Голос, 1993.
- Белое дело. Ледяной поход. М.: Голос, 1992.
- Белое дело. Добровольцы и партизаны. М.: Голос, 1996.
- Белое дело. Поход на Москву. МЛ: Голос, 1996.
- Белая Россия. Нью-Йорк, 1937.
- Бутков П.Н. За Россию. СПб., 2001.
- Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М.: Центрполиграф, 2002.
- Генерал Кутепов. Минск, 2004.
- Генерал Алексеев. Аргентинский отдел РОВС, 1957.
- Гитлер А. Майн кампф. М., 1992.
- Голдин В. Солдаты на чужбине. Архангельск, 2006.
- Гончаренко О.Г. Белоэмигранты между звездой и свастикой. М.: Вече, 2005.
- Деникин А.И. Путь русского офицера. М.: Айрис-пресс, 2006.
- Деникина-Грей М. Генерал Деникин. М.: АСТ, 2005.
- Доронченко А. Эмиграция первой волны о национальных проблемах и судьбе России. СПб., 2001.
- Дроздовский и дроздовцы. М.: Посев, 2006.
- Ильин И.А. Наши задачи. М.: Алгоритм, 2007.
- Ильин И.А. Кризис безбожия. М., 2005.
- Ильин И.А. О сопротивлении злу силою. М.: Айрис-пресс, 2005.
- Карпов Н.Д. Крым — Галлиполи — Балканы. М.: Русский путь, 2002.
- Лехович Д. Деникин. Жизнь русского офицера. М., 2006.
- Марков и марковцы. М.: Посев, 2001.
- Маркс против России. Анализ неизвестных статей. Мюнхен, 1961.
- Между Россией и Сталиным. М., 2004.
- Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту. М.: Айрис-пресс, 2007.
- Млечин Л. Алиби для великой певицы. М.: Гея, 1997.
- Моссе Д. Нацизм и культура. М.: Центрполиграф, 2003.
- НТС: мысль и дело. М.: Посев, 2000.
- Никитин Б.В. Роковые годы. М.: Айрис-пресс, 2007.

- Оборона Крыма. М.: АСТ, 2003.
- Окороков А. Фашизм и русская эмиграция: 1920–1945 гг. М., 2002.
- Окороков А. Русские добровольцы. М., 2004.
- Прянишников Б.В. Незримая паутина. Час пик, 1993.
- Рар Л., Оболенский В. Ранние годы НТС: 1924–1948. М.: Посев, 2003.
- Родзаевский К. Завещание русского фашиста. М., 2001.
- Розенберг А. Мемуары. Харьков, 2005.
- Россия забытая и неизвестная: Кубанский поход. М.: Центр-полиграф, 2002.
- Россия забытая и неизвестная: Поход на Москву. М.: Центр-полиграф, 2004.
- Россия забытая и неизвестная: Русская армия в изгнании. М.: Центрполиграф, 2004.
- Россия забытая и неизвестная: Русская армия на чужбине. М.: Центрполиграф, 2003.
- Россия забытая и неизвестная: От Орла до Новороссийска. М.: Центрполиграф, 2004.
- Россия забытая и неизвестная: Эмиграция в борьбе с большевизмом. М.: Центрполиграф, 2005.
- Рудиченко А., Дуров В. Награды и знаки белых армий и правительств. М., 2005.
- Русская военная эмиграция. М., 2001.
- Соколов К. Правление генерала Деникина. М., 2007.
- Степанов С. Черная сотня. М., 2005.
- Туркул А.В. Дроздовцы в огне. Нью-Йорк: Посев, 1990.
- Цурганов Ю. Неудавшийся реванш. М.: Интрада, 2001.
- Журналы: «Часовой», «Корниловец», «Вестник галлиполийцев», «Кадетская переключка», «Военная быль», «Вестник РОВС», «Посев».
- Материалы сайта «Белое Дело» — <http://beloedelalivejournal.com/>.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

П.Н. Врангель

ЗА ЧТО МЫ БОРЕМСЯ?

За поруганную Визу и оскорбленную совесть ее...
За освобождение Русского Народа от нег коммунистов...
За то, что бы истинная свобода и право шагли на Русь...
(Слова ген. Врангеля)

Плакат Русской армии П.Н. Врангеля

Галлиполийский крест

A.И. Кременов

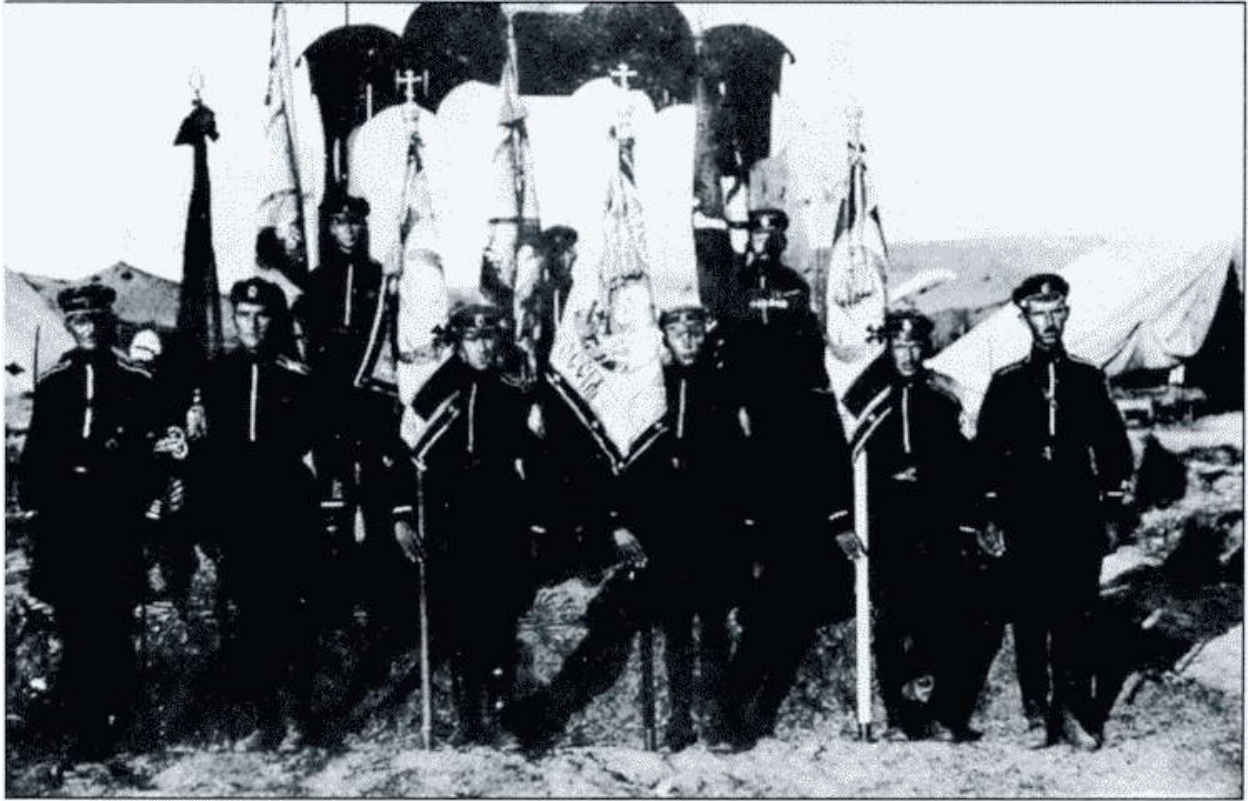
Н.В.Скоблин

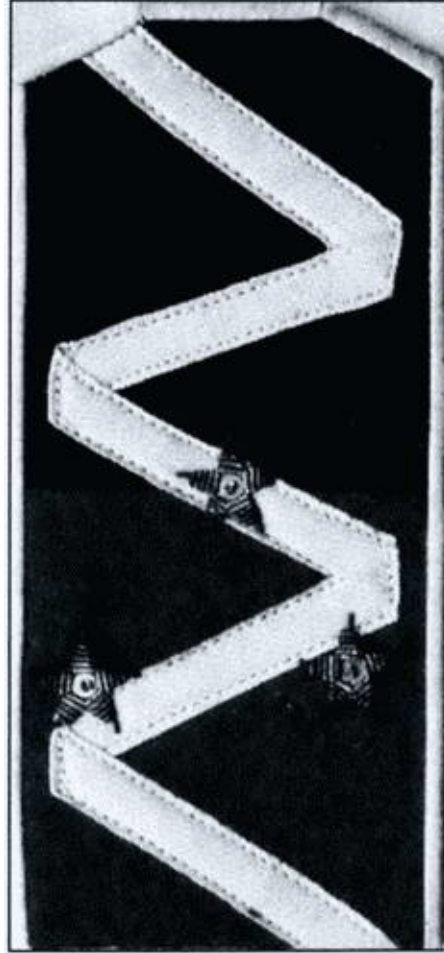
Корниловский ударный полк в Галлиполи

Корниловцы в Галлиполи

Знамена Корниловского ударного полка

Погон генерала Корниловского ударного полка

Нашивка Корниловского ударного полка

Поученіе воину **КОРНИЛОВЦУ** -передъ боемъ.

Каждый воинъ долженъ твердо усвоить слѣдующія руководящія основанія для боя.

1. Самъ погибай, а товарища выручай.
2. Иди впередъ, хотя бы переднихъ и били.
3. Не бойся гибели, какъ бы не приходилось трудно, навѣрно побьешь.
4. Если тебѣ трудно, то непріятелю не легче, а можетъ труднѣе твоего. Только свое трудное ты видишь, а непріятельскаго не видишь, но оно непремѣнно есть и потому, никогда не унывай, будь дерзокъ и настойчивъ.
5. При оборонѣ надо бить, а не только отбиваться. Лучшій способъ обороны—самому напасть.
6. Въ бою бьетъ тотъ, кто упорнѣе и смѣлѣе, а не кто сильнѣе и искуснѣе. Побѣда сразу не дается, врагъ тоже бываетъ стоекъ: иной разъ не удастся взять и съ двухъ, и съ трехъ разъ—тогда нужно лѣзть и въ четвертый и далѣе, пока не добьешься своего.
7. Болѣе или менѣе искусныя распоряженія облегчаютъ достиженіе цѣли съ меньшими потерями, но только облегчаютъ; достигаетъ же ея только тотъ, кто рѣшился скорѣе погибнуть, чѣмъ не добьется своего.
8. Какія бы неожиданныя препятствія не встрѣтились на пути къ цѣли,—надо думать о томъ, что бы ихъ преодолѣть, а не о томъ, что дѣло плохо.
9. У порядочной части нѣтъ ни тыла, ни фланговъ, а вездѣ фронтъ, откуда непріятель.
10. Какъ бы неожиданно не появился непріятель, не нужно забывать одного: что его можно бить штыкомъ, или огнемъ. Изъ двухъ выборъ не труденъ, а строй уже дѣло второстепенное. Если врагъ близко—всегда штыки; если подальше—сначала огонь, а потомъ штыки.
11. Нѣтъ того положенія, изъ котораго нельзя было бы выйти съ честью.
12. Въ бою нѣтъ смѣны. Разъ попалъ въ бой останешься въ немъ до конца: поддержка будетъ смѣна никогда.
13. Пока дерешься, выручай здоровыхъ; только побивъ врага, вспоминай о раненыхъ. Кто о нихъ хлопочетъ во время боя и оставляетъ ряды—трусъ, а не сердолобивый человѣкъ. Для подбора раненыхъ всегда есть особія команды.
14. Будучи начальникомъ, не залѣзай въ дѣло младшаго, когда видишь что его толково ведутъ, въ бою и своего дѣла довольно будетъ. Кто погонится за тѣмъ, что другіе дѣлжны дѣлать, упуститъ свое. Всякій чинъ долженъ имѣть свой кругъ самостоятельности и отвѣтственности. Не признавая первой, снимашь и вторую. Но начальникъ долженъ слѣдить, чтобы всякій дѣлалъ свое дѣло и спуску не давалъ.

Памятка чинов Корниловскаго ударнаго полка

НАКАЗЪ КОРНИЛОВЦАМЪ

о законахъ и обычаяхъ сухопутной войны.

1. Воюешь съ непріятельскими войсками, а не съ мирными жителями. Непріятели могутъ быть и жители непріятельской страны, но лишь въ томъ случаѣ, когда видишь ихъ съ оружіемъ въ рукахъ.
2. Безоружнаго врага, просящаго пощады, не бей.
3. Уважай чужую вѣру и святыни.
4. Мирныхъ жителей непріятельскаго края не обижай, ихъ имущества самъ не порти и не отнимай, да и товарищей удерживай отъ этого. Жестокость къ обывателямъ только увеличиваетъ число нашихъ недруговъ. Помни, что солдатъ Христовъ воинъ.
5. Когда кончилось сраженіе, раненаго жалѣй и старайся по мѣрѣ силъ помочь ему, не разбирая—свой ли онъ или непріятельскій. Раненый уже не врагъ твой.
6. Съ плѣнными обращайся челоѣколюбиво; не издѣвайся надъ его вѣрою; не притѣсняй его.
7. Обираніе плѣнныхъ, а еще хуже того раненыхъ и убитыхъ—величайшій стыдъ для честнаго солдата, польстившемуся на такое дѣйствіе грозятъ тяжчайшія наказанія, какъ за разбой.
8. Если приставленъ будешь къ плѣннымъ, охраняй ихъ отъ приставанія постороннихъ. При попыткѣ плѣннаго бѣжать задерживай его. зови на помощь, въ крайности дѣйствуй оружіемъ.
9. Палатки и яма, гдѣ находятся раненые и больные, обозначены всегда бѣлымъ флагомъ съ краснымъ крестомъ,—въ эти мѣста не стрѣлай и не ломись.
10. Не тлосгай людей, хотя бы и въ непріятельской формѣ, у которыхъ на рукавѣ бѣлая повязка съ краснымъ крестомъ,—они ухаживаютъ за больными и ранеными и лѣчатъ ихъ.
11. Увидишь непріятеля съ бѣлымъ флагомъ—не стрѣлай въ него, а направь къ начальству—это переговорщикъ—лицо неприкосновенное.

Наказ чинов Корниловскаго Ударнаго Полка

ЮБИЛЕЙНАЯ ПАМЯТКА

КОРНИЛОВЦЫ

1917 — 10 ИЮНЯ — 1967

ИЗДАНИЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ЧИНОВ
КОРНИЛОВСКОГО УДАРНОГО ПОЛКА
П А Р И Ж

Обложка книги «Корниловцы»

КОРНИЛОВЕЦЪ

ФЕВРАЛЬ 1922 Г.

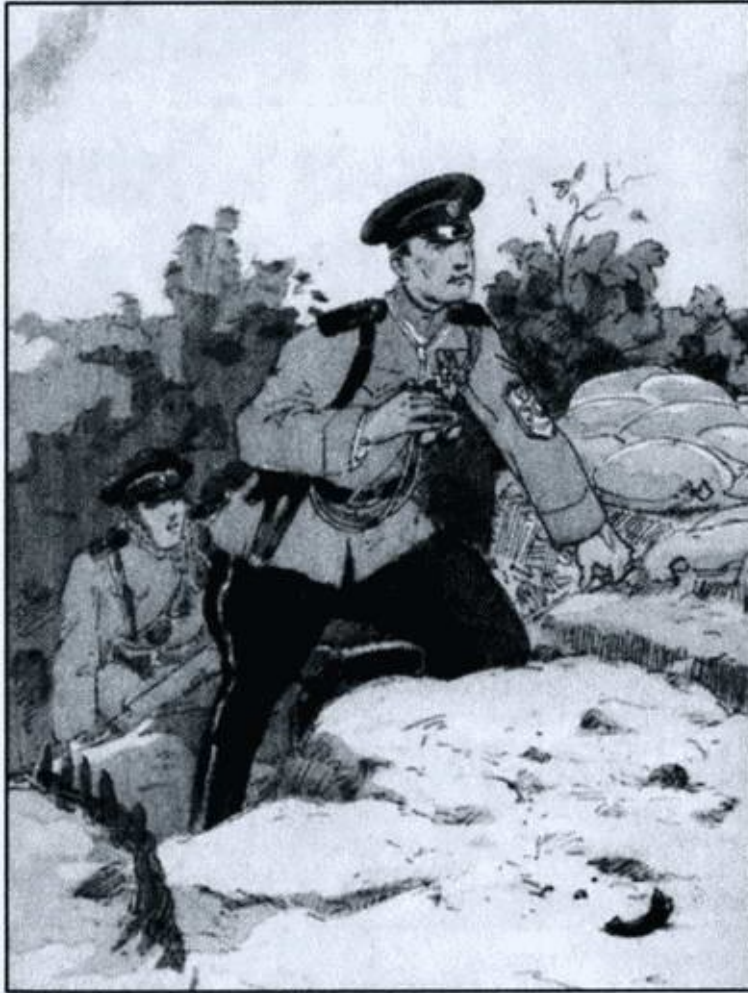
ЛАГЕРЬ ГОРНО-ПЛАМЧЕРЕВО.

№ 2.

Ген. М. В. АЛЕКСЕЕВЪ
1876 - 1936 .

Полковой журнал Корниловского ударного полка

Плакат «Молодцы корниловцы»

Корниловцы после Галлиполи

Полковник-корниловец М.Н. Левитов

А.И. Деникин и корниловцы-первопоходники

Корниловцы в Ледяном походе. Рисунок из журнала «Часовой»

Е.К. Миллер

Ф.Ф. Абрамов

В.К. Витковский

П.Н. Шатилов

К. А. Фосс (Первая публикация! Никто и никогда ранее не видел фотографий этого человека)

Капитан Ларионов

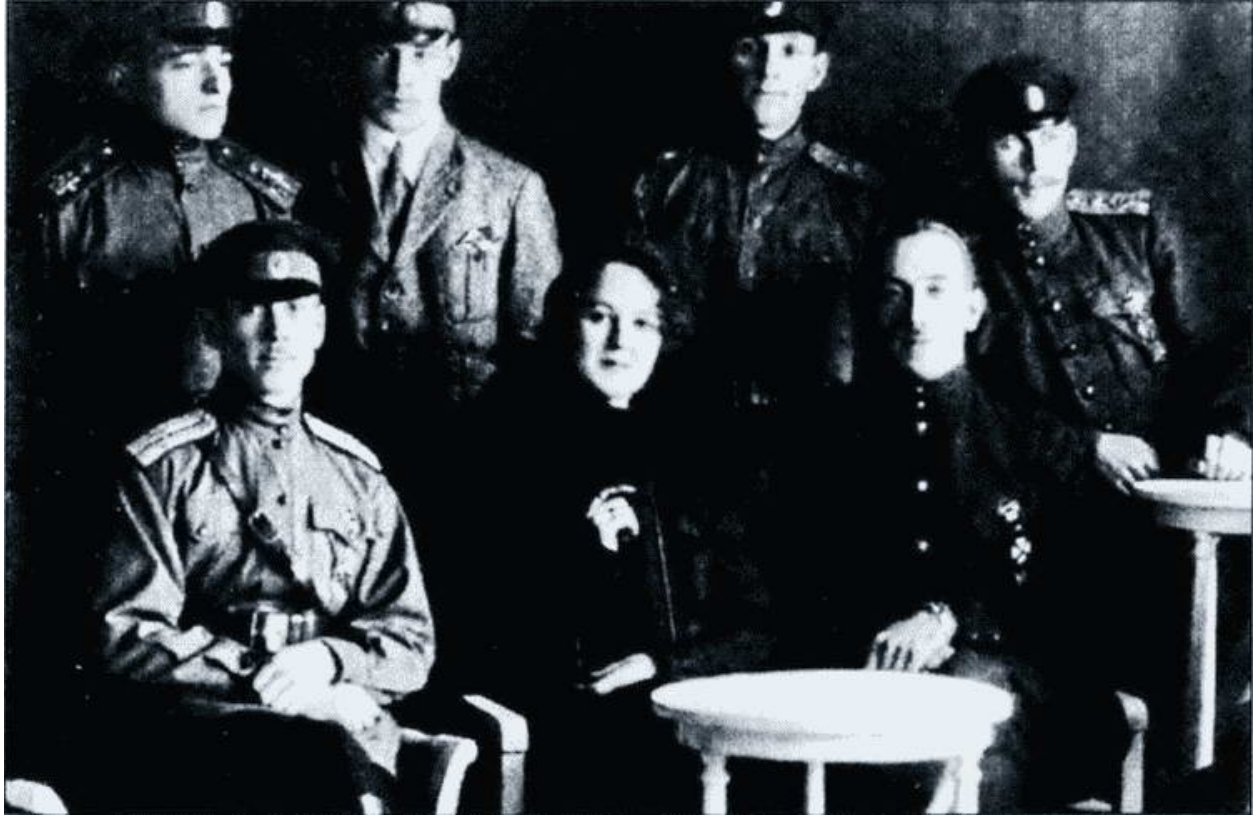
Н.В. Плевацкая

Икона Николая Чудотворца, которой венчали Скоблина и Плевицкую

Б.В. Савинков и Л.Г. Корнилов. 1917 г.

Чины Алексеевского полка во Франции

Календарь Марковского полка

А.В. Туркул

Обложка книги Туркула «Дроздовцы в огне». Мюнхен, 1949 г.

А.В. Туркул, 1939 г.

Чины Дроздовского полка после Галлиполи

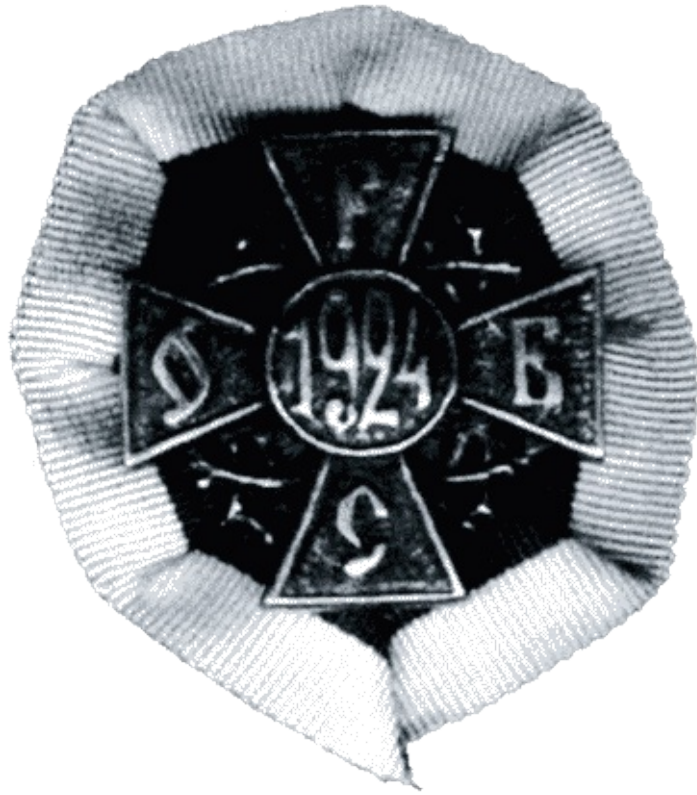
Чины Дроздовского полка после Галлиполи

Плакат РОБС. 1932 г.

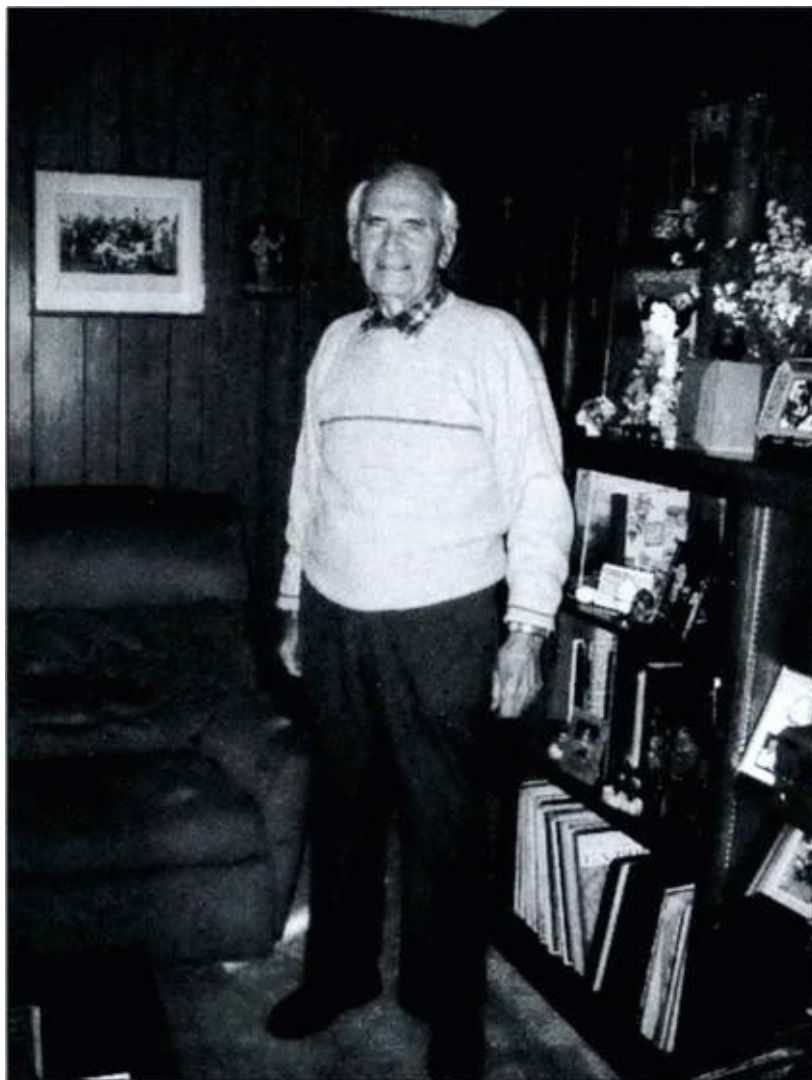
Плакат РОВС. 1939 г.

Фрачник чинов РОВС

В.И. Бурдаков

П.Н. Бутков

ОГПУ ПРОТИВ РОВС

В этой книге военный историк А.С. Гаспарян рассказывает о совершенно неизвестных широкому читателю страницах истории Белого движения и русского зарубежья. Основное внимание уделено становлению Русского общевоинского союза (РОВС), биографиям его лидеров и активных деятелей. Фактически впервые в отечественной историографии предпринята попытка разобраться, что же представляла собой контрразведка РОВС, таинственная «Внутренняя линия». Автор рассматривает взаимоотношения РОВС с другими военными и политическими организациями русской эмиграции, прослеживает этапы борьбы советских спецслужб против РОВС, включая похищение генералов А.П. Кутепова и Е.К. Миллера, повествует о драматической судьбе легендарной певицы Н.В. Плевицкой и, наконец, делает сенсационный вывод: прославленный белый генерал Н.В. Скоблин никогда не являлся — вопреки устоявшемуся мнению — агентом советской разведки.

XX военные
тайны
века

ISBN 978-5-9533-2727-5

9 785953 327275

